

ТУР ХЕНЕРДАЛ

АИОУ
АИОУ

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

АКУ-АКУ

Тайна острова Пасхи

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1959

Перевел с норвежского ЯКУБ В. Л.

Тур Хейердал, известный норвежский ученый и путешественник, автор «Путешествия на «Кон-Тики», в 1955—1956 годах предпринял путешествие на остров Пасхи — остров нераскрытых тайн, увлекательных загадок. Тур Хейердал пустился в это трудное предприятие для того, чтобы помочь в решении все той же проблемы: кто же были первые поселенцы этого отдаленного от всех материков острова, создатели грандиозных каменных изваяний, неведомой культуры далекого прошлого.

Новая книга Тура Хейердала «Аку-аку» — увлекательный рассказ ученого и писателя об этом захватывающем научном исследовании. Это теплый, гуманный рассказ о далеких обитателях маленького островка, о печальной истории его народа.

Глава I

КОГДА ДЕТЕКТИВЫ СОБИРАЮТСЯ НА КРАЙ СВЕТА

У меня не было аку-аку.

Да я и не знал, что это такое, и поэтому вряд ли смог бы им воспользоваться, даже если б он у меня и был. На острове Пасхи все уважающие себя люди имеют аку-аку, и там я тоже им обзавелся. А пока что я занимался организацией экспедиции на этот остров, и аку-аку у меня еще не было. Может быть, как раз по этой причине так трудно было тронуться в путь. Возвращение оказалось гораздо проще.

Остров Пасхи — самое уединенное место в мире. Ближайшую сушу жители его могут увидеть лишь на небосводе — это луна и планеты, а чтобы убедиться, что и ближе есть материк, им надо преодолеть большее расстояние, чем любому другому народу. Поэтому они ощущают такую близость к звездам и знают их названия лучше, чем названия городов и стран нашей планеты.

На этом далеком острове, к востоку от солнца и к западу от месяца, человек осуществил когда-то одну из своих самых удивительных затей. Никто не знает, кто были эти люди, никто не знает, зачем они совершили это деяние. Это было еще до того, как Колумб привел белого человека в Америку и открыл исследователям ворота великого и неведомого Тихого океана. Когда европейцы думали, что свет кончается в Гибралтаре,

великие мореходы другого континента знали мир гораздо лучше. Опережая свой век, они бороздили безбрежные и неизведанные пространства океана к западу от пустынных берегов Южной Америки. Далеко в океане нашли они землю, самый уединенный в мире островок. Здесь они высадились на берег, наточили свои каменные топоры и взялись за осуществление одного из самых замечательных инженерных проектов прошлого. Они не строили дворцов, они не строили ни плотин, ни причалов. Они воздвигали гигантские каменные фигуры людей, высотой с дом, тяжелые, как железнодорожный вагон. Множество таких фигур они перетаскивали через горы и долины, устанавливая их стоймя на массивных каменных террасах по всему острову.

Как могли они сделать это до наступления эры техники, никто не знает. Но, так или иначе, огромные фигуры, заслонявшие собой небо, стояли там, где их хотели поставить, а создавший их народ исчез. Люди хоронили мертвых у подножия ими же созданных гигантов. Но однажды смолкли удары топора о камень, они прекратились внезапно — остались лежать на месте орудия, брошены незаконченные фигуры. Загадочные ваятели исчезли во мраке ушедших веков.

Что же произошло на острове Пасхи?

В тысячный раз склонялся я над письменным столом, путешествуя взглядом по великому Тихому океану, этому предательскому клочку бумаги, на котором маленькие острова обозначены большими буквами и где с помощью линейки можно с одинаковой легкостью плыть как по морским течениям, так и против них.

Теперь мне этот океан был немного знаком. Здесь, в диких долинах Маркизских островов, чуть южнее экватора, я прожил год на туземный лад и научился смотреть на природу глазами полинезийцев. Здесь же впервые услышал я рассказы старого Теи Тетуа о человеке-боге Тики, а под пальмами Таити обучал меня великий вождь Териероо. Он стал мне названным отцом и научил уважать его расу, как свою. Там же причалили мы на плоту «Кон-Тики» к коралловому рифу архипелага Туамоту, познав, что даже соленый

океан имеет свою неумолимую покорную поступь и катит воды от берегов Южной Америки к этим далеким островам. Но какими бы далекими они ни были, острова эти лежат в пределах нормальной досягаемости древних бальзовых плотов индейцев-инков.

А вот Галапагосские острова, с кактусовыми лесами которых у меня связаны другие удивительные воспоминания. Нас чуть было не занесло сюда на плоту «Кон-Тики», и поэтому впоследствии я направился на эти острова с новой экспедицией, чтобы проникнуть в тайны этого затерянного архипелага. В сказочном мире, среди гигантских ящеров и крупнейших в мире черепах, мы нашли осколки самой лампы Аладдина, погребенные среди кактусовых деревьев в куче старого мусора. Стоило лишь потереть эти старые, грязные черепки, как на горизонте на востоке появлялись широкие паруса. То были могущественные предшественники инков, которые на своих плотах отправлялись с южноамериканского побережья в бурный океан. Они пускались через океан не один и не два, а много раз, высаживались на безводных утесах Галапагосских островов. Здесь они задерживались на время, оставляя после себя разбитые кувшины, подобных которым не создавал еще ни один другой культурный народ мира. На местах древних поселений мы находили осколки этих кувшинов. Они и служили лампой Аладдина, отражая подвиги своих владельцев-мореходов, проливая свет в глубь прошлых веков.

Никто из археологов еще не занимался исследованием Галапагосского архипелага, поэтому до нас никаких находок там и не было сделано. Мы были первыми, кто полагал, что индейцы углублялись так далеко в океан, и поэтому мы отправились туда в поисках их следов. Совместно с археологами Ридом и Шельсволлом мы откопали свыше двух тысяч таких осколков от ста тридцати различных кувшинов. Эксперты в Вашингтоне изучили эти обломки, как детективы изучают отпечатки пальцев, и пришли к выводу, что еще за тысячу лет до того, как Колумб сткрыл ворота в Америку, предшественники инков уже бороздили во-

ды Тихого океана, совершая многочисленные рейсы на далекие Галапагосские острова*.

Это были самые древние следы человека, найденные до сих пор на собственно океанических островах Тихого океана. Следы эти говорили, что еще до того, как были заселены острова Полинезии, а викинги высадились в Исландии, древние культурные народы Южной Америки начали обследовать Тихий океан и высаживаться на острова, расположенные от них столь же далеко, как Исландия от Норвегии. Здесь они ловили рыбу, выращивали свой южноамериканский хлопок и оставляли на месте стоянок многочисленные следы, пока снова не покидали эти негостеприимные острова, направляясь к неизвестной цели.

От Галапагосского архипелага морское течение, более быстрое и в сотни раз более широкое, чем река Амазонка, беспрепятственно несет свои воды дальше, чтобы несколько недель спустя опрокинуть их среди островов Южных морей. Посреди этого морского течения на карте стоит безымянная точка, а рядом с ней знак вопроса. Что это, земля?

На плоту «Кон-Тики» мы прошли прямо над этим местом и обнаружили там лишь буруны от быстрого течения. А значительно дальше к югу, в том месте, где меняют свое направление самые южные ветви этого течения, лежит другая маленькая точка, и у нее есть название — остров Пасхи. На этом острове я никогда не был и именно туда хотел теперь попасть. Мне давно хотелось понять, как люди прошлого могли добраться до этого пустынного клочка земли, однако сейчас меня интересовало другое: как добраться туда самому? Вряд ли разумно пытаться найти ответ на вопрос, как путешествовали люди каменного века, если не знаешь, как решить эту проблему для самого себя.

Когда плот «Кон-Тики» проносило течением намного севернее острова Пасхи, мы сидели ночью при луне на палубе, беседуя о его тайне. Я лелеял тогда

* Thor Heyerdal, Arne Skjolsvold «Archaeological Evidence of pre-Spanish visits to the Galapagos Islands». Издано в 1956 году в виде мемуаров Американского археологического общества, № 12. (Прим. автора.)

сокровенную мечту когда-нибудь возвратиться в эти края и ступить на землю уединенного острова. Теперь я пытался претворить свою мечту в действительность.

Остров Пасхи принадлежит Чили. Лишь раз в году заходит сюда военное судно, которое доставляет местным жителям товары и возвращается обратно. От острова Пасхи до Чили так же далеко, как от Испании до Канады, а никакой иной связи с внешним миром остров не имеет. Это военное судно мои транспортные проблемы решить не могло. Исследовать остров за одну неделю, пока оно там стоит, разумеется, невозможно. Но сидеть целый год на острове с научными работниками, людьми занятыми, которые уже через месяц могли бы обнаружить, что больше им там делать нечего, также не очень заманчивая перспектива. Можно было бы добраться туда при помощи течения и ветра на бальзовом плоту из Южной Америки, но в этом случае со мной, быть может, не поехал бы никто из археологов, а без них экспедиция на остров не имела бы никакого смысла. Следовательно, я должен был раздобыть собственное судно, специальный экспедиционный корабль.

Но на острове Пасхи нет ни гавани, ни надежной якорной стоянки, ни пристани. Там негде запастись топливом и пресной водой. Поэтому размеры судна должны позволить нам взять с собой воду и топливо для поездки туда, на обратный путь и для передвижения в период пребывания на острове, то есть судно должно быть весьма крупным. А что, если через две недели археологи обнаружат, что на острове исследовать больше нечего? В этом случае было бы обидно, добравшись на своем судне до самого острова Пасхи, не пойти на нем дальше, на другие неисследованные острова Южных морей, хотя, впрочем, в них не было недостатка и в восточной части Полинезии. Целый ряд заманчивых островов ожидает археологов как раз в той части Тихого океана, куда вливается морское течение от Галапагосских островов и Южной Америки.

Собираясь в дальние путешествия, я всегда обращался за советом к Томасу и Вильгельму. Однажды, когда наша поездка была еще сокровенной мечтой, мы

собрались в старой уютной конторе судовладельческой компании «Фред. Ульсен» в портовой части Осло. Когда я вошел, Томас понял, в чем дело, и поставил перед нами огромный глобус. Я повернул его голубой стороной к нам. Америка и Азия вместе с Европой исчезли на другой его половине, я же показал на остров Пасхи.

— Сюда,— сказал я.— Но как туда добраться?

Через два дня мы снова собрались вокруг глобуса, и Вильгельм выложил свои расчеты.

— Лучше всего тебе подошло бы судно с дизельным двигателем, длиной примерно сто пятьдесят футов, скоростью двенадцать миль и трюмом, рассчитанным на пятьдесят тонн воды и сто тридцать тонн нефти,— сказал он.

Я ни на секунду не усомнился, что такое судно было бы для меня самым подходящим. После того как Вильгельм помог мне в свое время рассчитать движение «Кон-Тики» с такой точностью, что оно закончилось бы строго в намеченный день, если бы нам удалось забросить на берег канат и зацепиться, когда плот пронесло мимо Ангатау, я стал верить в морские расчеты Вильгельма.

Через несколько дней Вильгельм позвонил мне и сообщил о предложении рыбоконсервной фабрики из Ставангера. Это предприятие имеет хороший траулер, который ведет сейчас лов рыбы в районе Гренландии. Я могу получить траулер на год, если арендую его с сентября. Я взглянул на календарь. Был конец апреля, до сентября не оставалось и полугода. Между тем предлагают лишь «голое судно» — без команды и снаряжения.

Что касается моего собственного опыта в области кораблевождения, то он ограничивался лишь плаванием на бревенчатом плоту. Остальные участники путешествия на «Кон-Тики» тоже не могли составить команду корабля: для этого нужны были документы и разрешения; на плоту инков все было гораздо проще.

— Наша фирма может тебе помочь уладить все морские проблемы,— сказал Томас.

И вот мы сидим за большим зеленым столом пере-

говоров — технический инспектор фирмы, начальник отдела укомплектования экипажей, начальник продовольственного снабжения, начальник отдела страхования судов и многие другие эксперты. И корабль получился на славу.

В нашем распоряжении оставалось четыре месяца, и мне уже чудилось, что я слышу голодные, нетерпеливые стоны большого судна, ожидающего нас в Ставангере; труба еще не выбрасывает искр, на мостике нет людей, трюм пуст, и лишь железные шпангоуты, точно ребра, мрачно топорщатся вокруг пустого брюха корабля.

Если собираешься с семьей на дачу, всегда находится много дел. А сколько будет забот, когда, помимо семьи, надо взять с собой пять археологов, врача, топографа, пятнадцать моряков, судно с запасными частями, специальное оборудование и запасы продовольствия для всех на целый год! В этом случае чувствуешь себя, словно дирижер, который ест макароны, стоя босиком на муравейнике, и одновременно пытается прогнать с оркестром Венгерскую рапсодию Листа.

На моем письменном столе царит полнейший хаос — бумаги, паспорта, разрешения и фотографии, пакеты и письма. Мебель утопает в морских картах, таблицах и образцах всевозможного снаряжения. Вскоре эта горячка распространилась и на остальную часть дома. Телефон и звонок у входа трезвонили, не переставая, а чтобы откликнуться на них, надо было карабкаться через ящики, свертки и узлы с полевым снаряжением.

Я сидел в полном отчаянии на крышке магнитофона, держа в одной руке бутерброд, а в другой трубку телефона, который стоял у меня на коленях, и пытался соединиться с городом.

Но сегодня это было почти безнадежно: я только что дал объявление о найме первого штурмана (капитана я уже нашел) для нашего плавания на острова Южных морей, и телефон не умолкал ни на минуту. Наконец удалось соединиться с одним из нужных мне оптовых торговцев в Осло.

— Я хотел бы закупить три тонны зубопротезного гипса,— сказал я.

— Что, у кого-то заболели зубы? — сухо отвечал он, но прежде, чем я успел объяснить, что гипс нужен мне не для изготовления зубного протеза, а чтобы снять слепок со статуи на острове Пасхи, нас разъединила междугородная из Ставангера.

— Алло,— услышал я новый голос,— говорит Ульсен, ваш машинист. Коленчатый вал износился, будем вытачивать его или купим новый?

— Коленчатый вал?..— произнес я.

«Дрррррррр!» — раздался звонок у входа.

— Спросите Реффа! — прокричал я в телефон.— Он занимается этими вопросами.

В дверь с шумом ввалилась Ивонна, вся увешанная пакетами.

— Я просмотрела список стюарда,— сказала она,— и сократила на два килограмма перец и корицу. Кроме того, доктор Семб сообщил, что мы сможем одолжить полевой лазарет.

— Прекрасно! — сказал я и вспомнил о торговце, который подумал, что гипс нужен мне для протеза.

— Будь добра, позвони туда,— сказал я, передавая трубку Ивонне.

В этот момент телефон зазвонил снова.

— Это, должно быть, ошибка,— обратилась она ко мне.— С фабрики Мюстада спрашивают, куда доставить восемьдесят четыре килограмма нестандартных рыболовных крючков. Мы ведь берем две тонны мороженой говядины?

— Это не для рыбной ловли,— объяснил я,— а для оплаты местным землекопам. Не думаешь же ты, что километр цветастой ткани на платья мы захватили себе на наряды?

Нет, этого она не думала. Но зато сообщила, что только что телеграфировал о своем отказе второй машинист: жена запротестовала против его участия в экспедиции, когда узнала, что мы отправляемся на острова Южных морей.

Я бросился к мусорной корзине, но, расстроенный, вернулся назад. Она была пуста.

— Что ты искал? — спросила Ивонна.

— Предложения от вторых машинистов! — простонал я.

— А-а...— Ивонна поняла.

В этот момент позвонили у дверей, и одновременно затрещал телефон. В сопровождении двух людей в квартиру ввалился будущий водолаз экспедиции с целой кучей ластов и дыхательных трубок. Они собрались продемонстрировать разницу между французским и американским легким водолазным снаряжением. За ними стоял маленький странный человечек и вертел в руках шляпу. Он хотел сообщить нечто важное, сугубо секретное, но у него был столь странный вид, что я не решился пустить его дальше передней.

— Видели вы статуи на острове Пасхи? — прошептал он и оглянулся по сторонам, чтобы проверить, не подслушивают ли нас.

— Нет, не видел. Но еду теперь туда посмотреть на них.

Он поднял длинный указательный палец и, хитро улыбаясь, прошептал:

— В них сидит человек.

— В них сидит человек? — спросил я, ничего не понимая.

— Да,— таинственно прошептал он.— Король.

— Как же он туда попал? — вежливо поинтересовался я, медленно и тактично оттесняя гостя назад к двери.

— Они засунули его туда, совсем как в пирамиду. Разбейте одну статую на куски, вы убедитесь сами.— Он приветливо кивнул и галантно приподнял шляпу.

Немного ошарашенный, я поблагодарил за совет и затворил за ним дверь.

Я начал привыкать к удивительным людям, когда дело касалось острова Пасхи. После того, как газеты сообщили о наших планах, не было конца всем странным предложениям, полученным мною по почте. Почти ежедневно люди с разных концов света общались нам, что остров Пасхи представляет собой остаток опустившегося континента, своего рода тихоокеанскую Атлантиду, и искать ключ к разгадке тайны

мы должны не на суше, а на дне океана вокруг острова.

Нашелся даже человек, который предложил мне вообще отказаться от экспедиции. Он писал, что ездить на остров Пасхи совершенно излишне, я могу, не выходя из своего кабинета, решить всю проблему с помощью вибраций — надо только послать ему фото статуи с острова Пасхи и древней статуи из Южной Америки, и он определит по вибрациям, созданы ли они одним и тем же народом. Он сообщил также, что сделал однажды из картона модель пирамиды Хеопса, положил внутрь сырое мясо, и через некоторое время модель начала вибрировать с такой силой, что всю его семью пришлось отправить в больницу.

Я понял, что если не покончу с этим сумасшедшим домом, то сам вскоре начну вибрировать. Я попытался догнать скрывшихся на лестнице водолазов, но Ивонна с сочувствием остановила меня и протянула телефонную трубку. Пока я разговаривал по телефону, она потихоньку пододвинула мне высокую стопку нераспечатанных писем — утреннюю почту. Я медлил класть трубку, опасаясь нового звонка.

— Это звонили из Министерства иностранных дел, — сказал я. — Английское министерство колоний просит ответить на ряд вопросов относительно Питкэрна, а Коста-Рика разрешила раскопки на острове Кокос, если я дам подписку, что не буду искать клад, который, как они думают, там зарыт. Попроси всех подождать наверху. Я побежал за такси: надо срочно съездить в министерство.

— Возьми почту в машину! — крикнула мне вдогонку Ивонна. — Может быть, найдешь запоздалое предложение от какого-нибудь второго машиниста.

И хотя надежды на это было мало, я все-таки уже на бегу схватил пачку писем. Обычно мне писали художники, журналисты и просто мастера на все руки и просили взять их с собой в экспедицию. Я получил даже письмо от одного немца, который писал, что хотя по профессии он пекарь, последние годы он работал на кладбище и поэтому является подходящим для раскопок человеком.

— Не забудь также встретиться с продавцами палаток! Они расставили свои палатки на поляне у Бергсланда! — крикнула Ивонна, уже поднимаясь по лестнице.

Я выбежал наружу, чуть не сбив с ног почтальона, который принес вечернюю почту. Вместо того чтобы взять у него письма, я сунул ему пачку писем, которую сам держал в руках, но в конце концов все же оказался в машине с обеими пачками.

— Маюрстювейен, — сказал я шоферу.

— Мы на ней и находимся, — ответил он спокойно.

— Тогда в Министерство иностранных дел.

Машина тронулась, и я начал вскрывать почту.

Заявления от машиниста среди писем, к сожалению, не оказалось. Самым близким по профессии был часовщик, который хотел ехать с нами коком, однако кок у меня уже был. Но вот письмо с кафедры археологии университета Осло от одного из двух археологов, которые должны были поехать с нами. У него обнаружили язву желудка, и врач запретил ему ехать.

Рухнул один из опорных столбов экспедиции. Ударная сила ее будет ослаблена, если мы отправимся без достаточного количества археологов. Найти в короткий срок другого сотрудника, который согласился бы связать себя поездкой на год, было делом нелегким. Но оставалось лишь одно — снова писать археологам в Норвегии и за границей.

Но вот наступил сентябрь. У причала «В» перед ратушей появился траулер с плавными обводами, ослепительно белый, как яхта, с бородатой головой бога солнца Кон-Тики, нарисованной кирпичной краской на трубе. Впереди, на высоком, укрепленном для плавания во льдах носу, виднелась необычная синяя эмблема, и только посвященные знали, что на ней изображены два священных птице-человека — полуптицы, полулюди. Срисовали их с одной из редко встречающихся на острове Пасхи дощечек с нерасшифрованными иероглифами. Труба извергала искры, и, сытый и довольный, тяжело груженный корабль погрузился в воду фиорда почти до синей полоски ватерлинии. На борту шла лихорадочная подготовка, а на

берегу было столько народу, что грузовики и тележки, доставившие в последнюю минуту какие-то тюки и пакеты, с трудом пробивались вперед.

Не забыли ли мы чего? Конечно, мы запаслись продовольствием, инструментом для раскопок и всем тем, что положено брать в такую экспедицию. Ну, а что, если случится что-нибудь непредвиденное? Что, если мы неожиданно обнаружим под водой скелет? Найдутся ли у нас необходимые химикалии, чтобы предохранить его от разрушения? Или нам надо будет добраться до неприступного рифа или уступа — найдется ли для этого снаряжение? Как мы будем решать вопросы связи и снабжения, если лагерь наш будет находиться на одном конце острова, а судну придется уйти из-за шторма на противоположную его сторону?

Что, если кок прожжет котел, если винт сломается о коралловый риф или матрос наступит на ядовитого морского ежа? Как быть с запасами продовольствия, если испортится холодильник? Есть ли у нас все необходимые специальные инструменты и запасные части? Надо проверить все в последний раз, быть готовым к любой неожиданности. Наш траулер уже пыхтел, готовый отправиться на остров Пасхи, самую уединенную точку земного шара, где нет ни мастерских, ни магазинов.

Капитан уже стоял на мостике, отдавая распоряжения. Члены команды лихорадочно носились по палубе, тянули концы и задривали люки, а богатырь-штурман, не обращая внимания на суету, ставил плотничьим карандашом крестики в длинном списке. Во всяком случае, предметы, перечисленные в его списке, были налицо. Даже рождественская елка капитана была втиснута в холодильник.

Раздался последний удар судового колокола, эхо приказаний разнеслось от капитана к штурману, и из трубы, над изображением вечно сияющей головы бога солнца, нетерпеливыми клубами повалил дым. С берега и обратно понеслись всевозможные пожелания и прощальные слова, а на борту двадцать полных радости и ожидания человек оторвались от своих дел, чтобы в последний раз в этом году взглянуть на своих

любимых. Среди множества запрудивших берег людей они едва могли различить своих близких, лица которых выражали все оттенки радости и печали. Но вот безжалостно убраны сходни, раздался плеск канатов и грохот лебедек, машинисты совершили в трюме чудо, судно тронулось и пошло своим ходом.

На причале загудела длинная живая стена провожающих, все махали и кивали, напоминая лес во время бури. Капитан дал несколько душераздирающих гудков сирены.

И вот достигнута кульминационная точка, всему сумбуру положен конец.

Я стоял среди этой суматохи на пристани и махал отъезжающим. Я остался не потому, что забыл подняться на борт. Мне предстояло сначала лететь в Соединенные Штаты, где три археолога изъявили согласие принять участие в экспедиции, а оттуда нанести визит вежливости в Чили. Лишь после этого я собирался присоединиться к экспедиции, когда наше судно будет проходить Панамский канал. Его королевское высочество кронпринц Улаф любезно согласился быть высоким покровителем экспедиции, а Министерство иностранных дел Норвегии получило для нас от правительства Чили разрешение произвести раскопки на острове Пасхи, если мы обязуемся не повредить памятники. Англия и Франция также разрешили вести раскопки на принадлежащих им островах. Таким образом, в восточной части Тихого океана нам была открыта «зеленая улица».

Судно развернулось и стало медленно удаляться от причала. Юнга на белой корме так и сиял, точно соревнуясь с вечерним солнцем. Он гордо выбирал конец грязного швартового каната, а все его товарищи по классу собрались на берегу и провожали дружным «ура» Тура-младшего, который на целый год избавлялся от школы.

Но вот наше малое суденышко обогнуло огромный океанский лайнер и скрылось из виду. Оно спешит, ведь надо обойти полсвета с детективами на борту, которые отправились по следам мореплавателей, опередивших их на много веков.

Глава II

ЧТО ОЖИДАЛО НАС НА «ПУПЕ ЗЕМЛИ»

Как тихо, все дышит покоем... Остановлена машина. Погашены огни. Звездное небо словно очистилось от всего, что его закрывало, и, сверкая яркими точками, мерно покачивается вокруг мачты.

Откинувшись поудобнее в шезлонге, я наслаждался ощущением этой полной гармонии. Казалось, постепенно исчезла связь с континентом, замолкли голоса многочисленных радиостанций, остались лишь настоящий момент и голая действительность. Свежий воздух, темная ночь и мерцающие над мачтой звезды. Ничто не мешает чувствовать дыхание природы: не отвлекают посторонние впечатления, суeta большого города с его ослепляющей рекламой, конкуренцией и шумными увеселениями, которые, состязаясь друг с другом, проникают во все щели, стремясь захватить чувствительную душу человека. Здесь полный покой, будто прекратилась поступь времени, оно остановилось и выжидает. Мы боялись даже кашлянуть, словно это могло разбудить задремавшие мирские тревоги и волнения. Откуда-то издали доносился слабый шум; то клочкотали волны, то ветер шумел, короткими порывами налетая на скалы.

На борту все были удивительно молчаливы: видно, у каждого тишина вызывала благоговейное чув-

ство. И только из люка камбуза до меня долетали обрывки приглушенного разговора под аккомпанемент мелодичных звуков ударявших о борт волн и спокойного, ритмичного «скрип-скрип-скрип», веселого хлюпанья маленького бота, который мирно и осторожно покачивался в ночной тишине.

Наступил конец хриплому, непрестанному биению поршней, исчезла бесконечная вереница волн, которые ударяли в нос судна и, прежде чем с шипением пронестись мимо, кидали нас вверх и вниз, вправо и влево. До наступления ночи мы зашли в укрытие пустынного берега. Там, в темноте, лежал остров Пасхи.

Мы подошли к берегу как раз вовремя, чтобы успеть еще засветло разглядеть гряды серовато-зеленых холмов и обрывистые прибрежные скалы, а вдали, на склоне потухшего вулкана, словно зернышки тмина на фоне багрового вечернего неба, чернели каменные изваяния. С помощью эхолота и обычного лота мы подошли как можно ближе к берегу, и капитан приказал бросить якорь.

На берегу ни души, нашему взору предстал лишь покинутый окаменевший мир неподвижных каменных изваяний. Одни смотрели на нас издалека с гор, другие столь же неподвижные каменные люди лежали, поверженные рядами у подножия длинной каменной террасы вплоть до глыб лавы на побережье. Казалось, на межпланетном корабле мы попали на вымершую планету, где когда-то жили иные существа, непохожие на обитателей земного шара. Неподвижно лежали длинные тени, ни признака движения, только огненно-красное солнце медленно опускалось в черный океан и тянуло за собой завесу мрака.

Строго говоря, бросать здесь якорь не разрешалось. Нам следовало пройти вокруг острова и сообщить о своем прибытии губернатору, который, как и все население острова, жил в небольшой деревушке на другой его стороне. Но приход судна является здесь огромным событием года, и наше прибытие уже в сумерки не доставило бы радости ни губернатору, ни нам, ни местному населению острова. Лучше переждать ночь тут, под защитой скал, хотя грунт здесь и малопригоден для

того, чтобы бросать якорь, а затем рано утром с поднятыми флагами подойти к деревне Хангароа.

Дверь нашей каюты осторожно приоткрылась, на палубу легла узкая полоска света, и показалась Ивонна. В каюте мирно, как само ночное небо, опала маленькая Анетта, обняв одной рукой куклу-негритенка, а другой мишку.

— Может быть, отметим сегодняшний день, хотя официально мы еще не прибыли? — шепнула Ивонна и кивнула с улыбкой в сторону земли.

Впервые после двух недель морской качки она могла думать о еде, находясь в вертикальном положении. Я сказал ей, что стюард уже получил распоряжение и через несколько минут капитан соберет всех на палубе. Ивонна остановилась у поручней, зачарованно глядя в темноту в сторону земли. Мы как бы чувствовали ее слабое дыхание, и к запаху чистого соленого морского бриза примешивалось чудесное благоухание сухой травы.

Начал собираться народ; ребята, свежевыбритые и приодетые так, что их трудно было узнать, занимали места на стульях и скамьях, установленных на верхней палубе в круг между двумя спасательными лодками. Вот доктор Уильям Мэллой, он же Билль. Широкий, коренастый, он шел, покачиваясь, и, швырнув в море окурок сигареты, уселся, задумчиво глядя на палубу. Вскоре появился доктор Карлайл Смит, он же Карл, длинный и худощавый человек. Он зажег сигарету, остановился, взявшись рукой за штаг, и устремил взор на звезды. Оба они профессора археологии в университетах: первый — в Вайоминге, второй — в Канзасе. Вот идет наш старый друг Эд, или Эдвин Фердон, сотрудник музея в Нью-Мексико, единственный из трех американских археологов, с которым я был знаком раньше. Полный и улыбающийся, он перегнулся через поручни рядом с Ивонной, с удовольствием вдыхая ароматы земли. С мостика скатился капитан, маленький и упругий, как мячик, с озорной искрой в глазах. Капитан Арне Хартмарк плывал в дальние страны уже двадцать лет, но такого острова ему никогда не доводилось видеть даже в бинокль. За

ним стоял гигант-штурман Санне, кроткий и добродушный человек. Он крепко ухватился руками за штаги — такая добрая ручная горилла! Вот блестят зубы второго штурмана Ларсена, самого веселого в мире человека, который нашел бы над чем пошутить даже на электрическом стуле. А сейчас он к тому же оказался между двумя неутомимыми комиками: всегда улыбающимся толстяком-машинистом Ульсеном и тощим, как щепка, вторым машинистом, который недавно отрастил себе козлиную бородку и напоминал не то мирянина-проповедника, не то фокусника. По лестнице поднялся наш врач, доктор Ессинг, отвесил общий поклон и сел. Позади него сверкали очки фотографа экспедиции Эрлинга Шервена, который, как всегда в особо торжественных случаях, курил небольшую сигару. Тур-младший забрался в шлюпку, и его долговязая мальчишеская фигура виднелась там между двумя рослыми матросами. Там же уселись рядом друг с другом кок и стюард; они только что поставили на стол самые лакомые блюда. Нет такой качки, которая помешала бы стюарду Гренмюру и коку Ханкену совершать на борту свое кулинарное волшебство. Вот появились боцман, моторист, юнга и подручный кока. Последними пришли Арне Шельсволл и Гонсало. Арне — археолог, директор нового краеведческого музея в Эльверуме*, принимал участие и в экспедиции на Галапагосский архипелаг. Гонсало Фигероа — студент-археолог университета в Сант-Яго, был официальным представителем Чили при экспедиции. Мы опасались, что можем с ним не поладить, потому что я пригласил его заочно, не познакомившись предварительно. Но в Панаме на судно поднялся по трапу веселый и жизнерадостный атлет с внешностью аристократа, наделенный даром легко приспосабливаться к самым разнообразным обстоятельствам.

Итак, собрались все двадцать три участника экспедиции. Это была в высшей степени разнородная группа людей самых различных специальностей, которые в те-

* Эльверум — город в Норвегии. (Прим. ред.)

чение проведенных на борту недель подружился и были объединены общим стремлением сойти на сушу того самого острова, который лежал перед нами в темноте. Теперь, когда все собрались на палубе, а машина остановлена, естественно было рассказать им, что увидели на острове Пасхи те, кто посетил его ранее, — каждый участник экспедиции должен иметь представление о том, что может ожидать здесь нас самих.

— Никто не знает настоящего названия этого острова, — начинаю я свой рассказ. — Сами островитяне называют его Рапануи, однако исследователи не верят, что это и есть первоначальное название острова. В своих древнейших легендах островитяне всегда называют остров Те Пито о те Хенуа, или Пуп Земли, но это скорее поэтический образ, чем настоящее название острова, — позднее местные жители называли его также Глазом, видящим Небо и Границу с Небом. Мы же, европейцы, живущие за тысячи морских миль от всех горизонтов острова, назвали его островом Пасхи: когда голландец Роггевен и его спутники подошли сюда в 1722 году, был вечер пасхального дня. Они были первыми европейцами, посетившими этот остров. Приблизившись к нему, они заметили, что какие-то люди развели на берегу костры, желая, видимо, обратить на себя внимание. Голландцы подошли на своих двух парусниках ближе и бросили при заходе солнца якорь. До наступления ночи они еще успели познакомиться с этим удивительным островом и его жителями. Вначале на борт к ним поднялись высокие, хорошо сложенные люди, бывшие, судя по всему, светлокожими полинезийцами, которых мы знаем по Таити, Гавайским и другим восточным островам Южных морей. Но похоже было на то, что население острова является смешанным, поскольку среди этих людей некоторые выделялись более темной кожей, тогда как другие были «совсем белыми», как европейцы. Небольшое число людей имело также «красноватый оттенок кожи, точно они обгорели на солнце». Многие носили бороду.

Сойдя на берег, голландцы увидели гигантские фигуры десятиметровой высоты, на макушке которых, подобно коронам, покоились большие цилиндры. Сам

Роггевен рассказывает, что жители острова зажигали перед этими гигантскими изображениями богов костры и садились вокруг на корточки, вплотную прижав к земле ступни и почтительно склонив головы. Сложив руки, они то поднимали их вверх, то опускали вниз. Беренс, находившийся на борту второго парусника, записал, что на заре следующего дня жители острова лежали на берегу ничком и молились восходящему солнцу, а вокруг горели сотни костров, зажженных, по мнению голландцев, в честь богов. Это — единственное имеющееся у нас описание обряда поклонения солнцу на острове Пасхи.

Одним из первых на борт голландского судна поднялся «совершенно белый человек», державшийся более важно, чем другие. По осанке этого человека можно было заключить, что он занимает в обществе высокое положение, и голландцы решили, что перед ними жрец. Его наголо обритая голова была украшена короной из перьев, а мочки ушей проколоты и искусственно вытянуты с помощью круглых белых «серег» величиной с кулак, так что мочки ушей свисали до самых плеч. Голландцы обнаружили, что многие островитяне имели такие же искусственно удлиненные уши. Если мочки мешали работать, островитяне вынимали «серьги» и закидывали длинную мочку за верхнюю часть уха. Многие жители были совершенно голы, а тело их покрывал очень искусный узор-татуировка, изображавший птиц и каких-то причудливых существ. Некоторые носили одежду из коры, выкрашенной в красный и желтый цвет. На голове одних раскачивались короны из перьев, другие имели своеобразные шляпы из камыша. Все жители были настроены дружелюбно, и голландцы не заметили у них никакого оружия. Как это ни странно, но почти не было видно женщин; мужчин же было очень много. Те немногие женщины, которых удалось увидеть, держали себя с незнакомыми гостями очень свободно, однако мужчины не обнаруживали ни малейшего признака ревности.

Жили островитяне в длинных низких хижинах из камыша, похожих на перевернутые вверх дном лодки. Никаких окон эти домики не имели, а отверстия, за-

менявшие двери, были столь малы, что в них с трудом можно было протиснуться. По-видимому, в каждом из этих домиков жило очень много людей. Всю обстановку составляли несколько циновок на полу и камни вместо подушек. Разводили жители только кур, а домашних животных не имели. Выращивали они бананы, сахарный тростник и прежде всего сладкий картофель, который голландцы в своих записях называют «хлебом насущным» островитян. Вряд ли островитяне часто выходили в море: самыми большими судами, которые увидели голландцы, были каноэ длиной в два с половиной метра, настолько узкие, что в них с трудом можно было всунуть сразу обе ноги. Лодки эти так протекали, что половину времени гребцы затрачивали на то, чтобы вычерпывать из них воду.

Островитяне все еще жили, как люди каменного века: не знали металла, а пищу готовили на раскаленных камнях, разводя в ямах костер. И голландцам, наверное, казалось, что на всей земле не найти такой отсталости, как здесь. Поэтому нетрудно представить себе, как они были поражены, обнаружив, что на острове, населенном этими бедными людьми, возвышались гигантские статуи, равных которым по размерам они не видели во всей Европе. Прежде всего им было непонятно, каким образом островитянам удалось поднять эти статуи, ведь голландцы не нашли у местных жителей ни солидных бревен, ни толстых канатов. Исследовав подвергшуюся выветриванию поверхность одного из этих колоссов, голландцы, к собственному удивлению, пришли к выводу, что фигуры сделаны не из камня, а просто слеплены из глины, которую ватом покрыли слоем камешков.

Голландцы вернулись на корабли, подняли паруса и покинули удивительный остров, пробыв на нем всего лишь один день. В вахтенном журнале они записали, что жители острова — народ веселый и миролюбивый, с изящными манерами, но крайне склонный к воровству. По недоразумению один островитянин был застрелен на борту и дюжина других — на берегу. Сами же европейцы отделались потерей одной скатерти и нескольких шляп, украденных у них прямо с головы.

На берегу около своих убитых и раненых остались островитяне, глядя вслед исчезающим на западе парусникам.

Прошло почти пятьдесят лет, прежде чем иностранцы вновь посетили остров. На этот раз сюда прибыли испанцы. У берегов острова Пасхи в 1770 году появились два парусника под водительством дона Фелипе Гонсалеса, и местные жители их также встретили дымовыми сигналами. Испанцы спустились на берег с двумя священниками и большой группой солдат и торжественно промаршировали к вершине трехглавой горы на восточном берегу. За ними по пятам, ликуя и приплясывая, шли охваченные любопытством островитяне. Испанцы с песней водрузили по кресту на всех трех вершинах горы, произвели салют и объявили остров испанской территорией. Чтобы придать делу законный характер, они составили письмо королю Испании Карлосу и предложили самым храбрым из столпившихся вокруг них островитян подписаться. Смельчаки, «обнаруживая все признаки радости и торжества», нарисовали каких-то птиц и странные фигурки, что испанцы и утвердили в качестве подписи. Так король Испании стал первым владельцем острова, и последнему дали новое название: остров Сан-Карлос.

Испанцы не поверили, что статуи сделаны из глины; взяв кирку, они с такой силой ударили по одному из монументов, что во все стороны посыпались искры, и тем самым убедились, что статуи сделаны из камня. Подъем этих гигантов казался испанцам чудом, и они даже выражали сомнение в том, что статуи сделаны на самом острове.

Все, что островитяне получили в подарок, а также украли, бесследно исчезло, а поскольку вся местность была открытой и лишенной растительности, испанцы заподозрили, что на острове имеются подземные тайники. Нигде к тому же не видно было детей; казалось, что все население состоит из множества взрослых мужчин и крайне немногочисленных, но в высшей степени легкомысленных женщин.

Первыми испанцы встретили на берегу рослых свет-

локожих людей. Они измерили высоту двух самых высоких мужчин, и рост их оказался соответственно сто девяносто девять и сто девяносто пять сантиметров. Многие носили бороду; по мнению испанцев, они походили на европейцев, а не на туземцев. В своих журналах испанцы записали, что некоторые из островитян не были черноволосыми: одни имели волосы каштанового цвета, другие — красноватого или же цвета корицы. Когда вдобавок удалось научить жителей отчетливо произносить по-испански «Аве Мария, да здравствует Карлос третий, король Испании», все испанцы пришли к выводу, что островитяне — народ смысленный и любознательный и приручить их будет нетрудно. Довольные своими новыми подданными, они покинули остров, чтобы никогда больше не возвращаться*.

Следующими на остров прибыли англичане под водительством самого капитана Кука.

Островитянам начали надоедать эти чужеземные гости. Когда Кук сошел на берег, он нашел здесь очень мало жителей, всего несколько сот человек, все они были ниже среднего роста, имели жалкий вид, казались угрюмыми и апатичными. Спутники Кука решили, что после пребывания здесь испанцев на остров обрушилось какое-то несчастье и жители его вымирают. Сам Кук, однако, заподозрил, что люди укрылись под землей. К своему удивлению, они встретили на острове очень мало женщин, хотя Кук посылал дозоры во всех направлениях. Во многих местах англичане обнаружили груды камней с узкими проходами между ними, которые, как предполагали, вели вниз, в подземные пещеры, но каждый раз, когда англичане пытались их обследовать, местные проводники мешали туда проникнуть. Разочарованные, подавленные и измученные цингой, покинули англичане остров Пасхи. Им удалось запастись лишь сладким картофелем — единственным важным продуктом, который они

* Английский перевод старых вахтенных журналов и оригиналов писем в связи с посещением острова Пасхи Роггевеном и Гонсалесом содержится в XIII томе The Hakluyt Society, Cambridge 1908 (*Прим автора*)

нашли на острове. Но даже и в этом их надули: ловкие островитяне наполнили корзины камнями и лишь сверху положили немного картофеля

Не прошло и двенадцати лет после посещения Кука, как в 1786 году с таким же кратковременным визитом явился сюда француз Лаперуз. На этот раз повсюду на острове было множество людей, в том числе светловолосых, и почти половину жителей, к удивлению европейцев, составляли женщины. Много было здесь и детей всех возрастов. Казалось, будто они родились из чрева земли и выросли на безлесном лунном ландшафте маленького таинственного острова. Впрочем, так оно и было. Люди выползли из подземных коридоров, и Лаперуз мог беспрепятственно осмотреть некоторые из узких каменных тоннелей, куда не пустили англичан. Французы убедились в правильности предположения Кука о том, что население устроило себе тайные убежища в темных подземных помещениях. Здесь местная аристократия скрывалась от капитана Кука, а дети и большинство женщин прятались тут еще тогда, когда остров открыли голландцы. Лаперуз пришел к выводу, что, поскольку Кук и его люди отнеслись к жителям доброжелательно, островитяне набрались теперь мужества и вышли из своих убежищ. Число жителей достигало примерно двух тысяч человек.

Хотя большая часть населения, когда Кук был на острове, находилась в укрытиях под землей и там же жители прятали все самое ценное из своих вещей, огромные каменные фигуры оставались упрямо стоять на своих постах. И Кук и Лаперуз считали эти фигуры памятниками прежних эпох, — уже тогда они были в их глазах очень древними монументами. Кук восхищался техническим мастерством неизвестных инженеров, которые когда-то без помощи механизмов подняли эти колоссы на верх ступенчатых сооружений из камня. Как бы эта работа ни была выполнена, Кук пришел к выводу, что она свидетельствует о редкой одаренности и энергии людей, живших когда-то на этом пустынном острове. Он не сомневался, что нынешние жители острова не имеют к этой работе никакого отно-

шения, ибо они даже не пытаются чинить все эти каменные фундаменты, которые давно уже начали разрушаться. Он заметил также, что многие статуи сброшены со своих пьедесталов и лежат там же, у подножия, лицом вниз; причем все говорит о том, что повалили их намеренно.

Кук исследовал два больших постамента, на которых стояли статуи, и, к своему большому изумлению, обнаружил, что они сложены из огромных глыб камня, настолько точно вырубленных и подогнанных, что они, как гигантские кубики, держатся без прокладки или цемента. Более совершенной каменотесной работы Кук никогда не видел даже в лучших сооружениях Англии. И все же, писал он, все эти старания и усилия не смогли помешать времени оставить свои разрушительные следы.

На борту судна Кука находился полинезиец, уроженец острова Таити, который немного понимал диалект тогдашнего населения острова Пасхи. С его помощью англичанам удалось выяснить, что статуи не считались обычным изображением богов, а были памятниками прежним арики, людям священного королевского рода. Части скелетов и кости свидетельствовали о том, что прежние пьедесталы широко используются нынешним населением острова как места для погребения умерших.

Было очевидно, что жители верят в загробную жизнь: они часто знаками и жестами стремились объяснить, что в то время как скелет безжизненно лежит в земле, хозяин его улетел на небеса.

В первый раз жители нашей части света попытались оказать влияние на местную культуру острова Пасхи, когда Лаперуз доставил на берег свиней, коз и овец и за те немногие часы, что находился на острове, посеял там множество семян. Но голодные жители съели всех животных, не дав им размножиться, и остров остался таким же, каким был прежде.

До начала прошлого столетия уединенный остров Пасхи никто больше не посещал. Но вот неожиданно появились новые представители нашей же расы, и островитяне высыпали на прибрежные скалы, не пы-

таясь больше забираться в свои тайники. На сей раз короткий визит нанес на остров капитан американской шхуны, который охотился за колонистами для создаваемой на острове Хуан Фернандес, близ побережья Чили, фактории тюленьего промысла. После отчаянной схватки ему удалось увести с собой двенадцать мужчин и десять женщин. Когда после трех дней пути он выпустил пленников на палубу, мужчины тотчас же кинулись за борт и поплыли в сторону исчезнувшего за горизонтом острова Пасхи. Бросив их на произвол судьбы, капитан повернул назад и совершил новое нападение на остров.

Несколько следующих кораблей не сумели высадить людей на крутой берег, ибо каждый раз местные жители встречали их непреодолимым градом камней. Одной русской экспедиции удалось все же с помощью пуль и пороха высадиться на берег, но спустя несколько часов и ей пришлось отступить и покинуть остров.

Шли годы. Изредка, с многолетними интервалами, проходившие мимо суда ненадолго останавливались у острова, и постепенно удалось еще раз завоевать доверие его жителей. Чужеземцев все реже и реже встречали камнями, и все больше женщин выходило с ними полюбезничать. Но вот пришла беда.

Однажды у берега бросила якорь флотилия из семи перуанских парусников. Многие островитяне поплыли к судам и поднялись на борт, где им доставили удовольствие, разрешив нарисовать какие-то каракули на листе бумаги. Этим они снова подписали контракт, завербовавшись на сей раз работать на острова около Перу, где производился сбор гуано. Когда веселые островитяне, ничего не подозревая, хотели вернуться на берег, их связали и бросили в трюм. Затем восемьдесят охотников за рабами, захватив с собой предметы одежды и яркие украшения, отправились на остров. Все эти вещи они разбросали на берегу. Соблазн был велик, собравшиеся на окружающих бухту скалах островитяне подошли ближе. Наконец, когда на берегу образовалась толпа в несколько сот человек, перуанцы ринулись в атаку. Они хватали островитян, стоявших на коленях и сребравших подарки, и связы-

вали им за спиной руки, тех же, кто пытался спастись в скалах или уплыть в море, обстреливали. Когда последняя из лодок, нагруженная дополна пленниками, собиралась уже отчалить от берега, один из капитанов обнаружил двух островитян, спрятавшихся в пещере. Эти двое отказались последовать на судно, и капитан их тут же прикончил.

В рождественский вечер 1862 года остров Пасхи был пуст и безлюден. Те, кто не лежал бездыханным на прибрежных скалах или связанным в трюме кораблей, забрались в свои подземные пещеры, завалив входы камнями. Гнетущая тишина воцарилась на острове, и только угрожающе шумели волны. Гигантские боги невозмутимо стояли на своих постаментах, а с кораблей доносился шум веселья и пьяного разгула — гости не снимались с якоря, они праздновали рождество.

Теперь, когда жители «Пупа земли» познакомились с пасхой и рождеством, им предстояло лучше узнать и дальние страны. Парусники покинули остров, увозя с собой тысячу рабов копать гуано на островах близ побережья Перу. Епископ Таити выступил с протестом, и власти постановили тотчас же вернуть рабов. Но прежде чем за ними пришел корабль, около девятисот человек погибло от болезней и непривычных условий, а из ста оставшихся в живых восемьдесят пять умерли в пути. Всего лишь пятнадцать человек возвратились живыми на остров Пасхи. Они привезли с собой оспу, которая, подобно чуме, быстро распространилась по острову, унося с собой почти все его население, даже тех, кто спрятался в самых глубоких и тесных пещерах. Нужда и болезни привели к тому, что число жителей острова сократилось до ста одиннадцати человек.

Тем временем на острове поселился первый иностранец, движимый самыми лучшими намерениями. Это был одинокий миссионер, который искренне желал облегчить тяжелую жизнь островитян, но последние его дочиста обокрали, стащив даже всю его личную одежду. С первым же судном он бежал с острова, но вскоре возвратился вместе с помощниками и открыл маленькую миссионерскую станцию. Через два года после то-

го, как все оставшиеся в живых островитяне позволили окрестить себя, на остров приехал один французский авантюрист и восстановил население острова против миссионеров. Жители выгнали миссионеров, но и француза прикончили. Уничтожив все следы миссионеров, они продолжали петь псалмы уже самостоятельно.

В конце прошлого столетия чужеземцы обнаружили, что остров Пасхи имеет великолепные пастбища для овец, и его захватило Чили. Теперь на острове есть губернатор, священник и врач, и никто больше не живет в пещерах или камышовых хижинах. Цивилизация сменила древнюю культуру острова Пасхи, точно так же как у эскимосов, индейцев и обитателей всех других островов Южных морей.

— Но мы приехали сюда не для того, чтобы изучать жизнь цивилизованных островитян,— продолжал я.— Мы приехали копать. Если сегодня и можно найти ответы на загадку острова Пасхи, то только в земле.

— А до нас разве никто не производил здесь раскопок? — спросил матрос.

— Все считают, что здесь нет почвы. Деревья на острове не растут. Если и в древние времена здесь не было лесов, то одна лишь засохшая трава не могла образовать достаточный слой земли. Поэтому никто и не верит, что тут можно что-то найти в земле.

На этом удивительном острове побывали лишь две археологические экспедиции, и никто больше не собирался сюда приезжать. Первой была частная английская экспедиция под руководством Кэтрин Рутледж. Она приехала на остров на собственной шхуне в 1914 году, измерила и нанесла на карту все обнаруженное на поверхности земли, прежде всего каменные террасы, древние дороги и свыше четырехсот гигантских каменных статуй, разбросанных по всему острову. Будучи здесь пионером, экспедиция настолько была занята работой, что не имела времени для проведения систематических раскопок и ограничилась лишь очисткой от земли нескольких статуй. К несчастью, все научные записи экспедиции Рутледж оказались затерянными. В книге о своем кругосветном путешествии Рутледж пишет, что весь остров представляет собой сплошное со-

четание мистики и нерешенных загадок. С каждым днем пребывания здесь ее все более и более поражала удивительная, неразгаданная тайна этого острова, над которым, по ее словам, витает тень неизвестных ваятелей прошлого. Они напоминают о себе повсюду и кажутся более активными и реальными людьми, чем ныне здравствующие жители; они неограниченно властвуют над островом, опираясь на своих вассалов — безмолвных каменных гигантов. Движимые неведомыми нам мотивами, они врубались своими топорами в скалы, преобразив лицо целого потухшего вулкана для того лишь, чтобы получить сырье и выполнить свой фантастический план — воздвигнуть вокруг всех бухт и на склонах гор гигантские скульптуры человека.

«Вокруг острова — необъятные просторы неба и океана, царит полный покой и тишина. Живущий тут всегда к чему-то прислушивается, хотя сам не знает, к чему, и невольно чувствует себя в преддверии чего-то еще более великого, лежащего за пределами нашего восприятия» *.

Таким представлялся Рутледж остров Пасхи. Она прямо заявила о его тайне, трезво изложила собранные ею факты, предоставив решение загадки последующим исследователям.

Двадцать лет спустя военное судно высадило на остров франко-бельгийскую экспедицию, за которой позднее зашел другой корабль. Один из археологов умер в пути. Пока француз Метро собирал у местных жителей устные предания для большой работы по этнографии острова, бельгиец Лавашери был по горло занят изучением тысяч удивительных изображений острова Пасхи, которые повсюду можно было обнаружить на лишенном растительности острове. Поэтому и на сей раз никаких раскопок здесь не производили.

Франко-бельгийская экспедиция ставила перед собой в основном иные проблемы, чем экспедиция Кэтрин

* Mrs. Scoresby Routledge: «The Mystery of Easter Island. The story of an Expedition». London 1919, pp. 133, 165, 391. (Прим. автора.)

Рутледж, и изучение статуй не являлось для нее главной задачей. Метро полагал, что тайна острова преувеличена, что сюда могли прибыть жители с других, расположенных дальше к западу островов, которым и пришла в голову мысль создавать фигуры. Поскольку на острове не было древесины, они занялись обработкой камня.

И до и после названных экспедиций на острове побывали многочисленные исследователи и путешественники. Пока корабли стояли здесь по нескольку дней, а чаще часов, люди эти слушали легенды, выманивали разные изделия из дерева у нищих жителей острова и отбирали образцы фауны и флоры у столь же нищей природы. Постепенно крохотный островок к востоку от солнца и западу от месяца был обобран для пополнения музеев мира и сувенирных полок. Почти все, что можно было увезти, было вывезено, остались лишь гигантские головы на склонах гор. С окаменевшей и надменной улыбкой встречают и провожают они лилипутов, которые приезжают, таращат на них глаза и уходят вновь, между тем как одно столетие сменяет другое. Завеса таинственности, словно дымка, окутала этот остров.

Таковы основные моменты истории острова Пасхи.

— А может быть, островитяне сохранили еще какие-нибудь предания? — негромко спросил капитан.

— Оптимист,— ответил я.—Завтра ты встретишь таких же цивилизованных людей, как ты и я. Первым начал собирать здесь легенды американец Пэймэстер Томсон в 1886 году. Тогда остров населяли еще его исконные жители, выросшие до того, как здесь поселились иностранцы. Они рассказывали, что предки их прибыли на больших судах с востока, из-за океана; они плыли шестьдесят дней, держа курс на заходящее солнце. Первоначально на острове обитали два народа — «длинноухие» и «короткоухие»,— но короткоухие истребили в войне длинноухих и остались на острове одни. Все древние легенды ты можешь прочитать сегодня в книгах,— сказал я.— Теперь в Полинезии осталось уже мало устных памятников.

— И в особенности на острове Пасхи,— заметил

Гонсало.— Теперь там поселилось много белых людей, построены даже школа и маленькая больница.

— Единственное, в чем мы можем рассчитывать на помощь местных жителей, так это на рабочую силу для раскопок,— добавил я.— И хорошо, если они будут продавать нам свежие овощи.

— Надеюсь, вахины не откажутся научить нас танцевать хулу,— пробормотал один из машинистов, вызвав смех и восторженные возгласы в одной из спасательных лодок.

Неожиданно нам послышался чей-то хриплый голос. Все удивленно оглянулись. Голос принадлежал кому-то чужому. Но кому же? Штурман осветил темную палубу. Никого. У всех был недоуменный вид. Машинист попробовал отпустить новую шуточку насчет хулы, но в этот момент мы вновь услышали тот же голос. Может быть, кто-то за бортом? Мы бросились к перилам и посмотрели вниз, ожидая увидеть черную воду. Но воды не было видно. Свет фонаря упал на множество обращенных к нам лиц, это были физиономии самых отвязанных пиратов, каких нам когда-либо доводилось видеть. Они стояли в битком набитой маленькой лодке и тарасили на нас глаза.

— И а-о-р а н а! — крикнул я наудачу.

— И а-о-р а н а! — ответили они хором.

«Значит, полинезийцы,— подумал я.— Но, боже, сколько различных типов!»

Мы сбросили веревочный трап, и гости один за другим стали подниматься на палубу. Большинство из них — здоровенные парни — было одето в невероятные лохмотья. Первым в свете фонаря появился островитянин с красной повязкой на голове и свертком в зубах; он перебросил через перила свои голые ноги и перелез на палубу. Одет он был в рваную безрукавку и остатки подвернутых до колен брюк. За ним показался детина с рябой физиономией, в старой зеленой армейской шинели, босиком. На плече он держал большую деревянную дубинку и связку украшенных резьбой палок. Неожиданно над бортом появилась деревянная фигура с торчащими ребрами, на которой была насажена оскалившаяся голова с большими

глазами и козлиной бородкой; поднимал ее по трапу парень в белой матроской бескозырке. Один за другим островитяне в рваной одежде прыгали на палубу, здоровались со всеми, до кого только могли дотянуться, и вынимали из рюкзаков и мешков, набитых до отказа, самые диковинные вещи. Из рук в руки стали переходить причудливые деревянные фигурки, и вскоре они привлекли к себе гораздо больше внимания, чем их владельцы.

Особенно часто фигурки изображали одного и того же сутулого человечка-призрака: горбатый орлиный нос, козлиная бородка, длинные, свисающие мочки ушей, а на лице, искаженном дьявольской улыбкой, большие вставные глаза. На теле выпирают позвоночник и ребра, тогда как живот совсем ввалился. Фигурка независимо от размеров всегда имела одинаковый вид. Был тут и ряд других затейливых поделок из дерева, особенно часто попадался человек с крыльями и головой птицы. Имелись изящные дубинки и весла, украшенные изображениями масок с выпученными глазами, а также сделанные в виде месяца нагрудные значки из дерева, покрытые загадочными иероглифами, которые никто из местных жителей не может уже прочитать. Все вырезано безупречно, с большим мастерством и так отполировано, что казалось сделанным из фарфора. Попадались и гораздо менее удачные копии гигантских каменных статуй. Один островитянин показал искусно связанный из перьев наряд, включавший чудесный головной убор, тоже из перьев.

Такого трудолюбия я никогда не встречал на других полинезийских островах, жители которых предпочитают работать лишь тогда, когда их заставляет нужда. По сути дела, мы встретили здесь настоящий цех искусных резчиков по дереву. Непосвященному могло показаться к тому же, что эти парни с затейливыми художественными изделиями обладают безграничной творческой фантазией. Но стоило присмотреться ближе, как вы быстро убеждались, что все время повторяются одни и те же диковинные предметы. Вне этих раз и навсегда определившихся форм никаких других вариаций не встречалось.

Незадолго до этого я изучал в Национальном музее Чили собранную доктором Мостни коллекцию современного народного искусства острова Пасхи, и когда островитяне стали показывать свои деревянные фигурки, они были страшно поражены тем, что каждую из этих фигурок я знал и по виду и по названию. В действительности все фигурки представляли собой превосходно выполненные копии тех изделий, которые первые европейцы нашли у жителей острова Пасхи и которые теперь можно встретить только в музеях. Оригиналы представляют сейчас колоссальную ценность, но поскольку их больше на острове нет, островитяне стараются сохранить рынок, предлагая хорошие копии.

Резчики по дереву со смущенными улыбками показывали на свои рваные брюки и босые ноги и предлагали меняться на одежду и обувь. Через несколько секунд на всей палубе развернулась оживленная торговля. Движимые и жаждой приобретения и добрыми чувствами, члены экипажа бросились в свои каюты и притащили все, что имели лишнего из обуви и одежды. Вот появилась в пижаме и маленькая Анетта. Она забралась в самую толпу и восхищенно тянула за ногу причудливого птице-человека, которого держал под мышкой один островитянин, похожий на самого отъявленного пирата. Увидев, что девочке понравилась фигурка, он тотчас подарил ее, и теперь уже Ивонна поспешила принести ему что-нибудь из вещей.

Кто-то дернул меня за рукав; это был фотограф.

— Послушай, один парень спрятал под рубашкой какой-то странный предмет, говорит, что это очень, очень древняя вещь, досталась ему от предков...

Я рассмеялся, но на всякий случай пошел с ним к художому, опрятно одетому человеку с гитлеровскими усами, похожему скорее всего на светлогожего араба.

— Буэнос диас, сеньор! — приветствовал он меня и с таинственным видом достал из-за пазухи маленький плоский камень со свежесвыгравированным на одной стороне изображением птице-человека. Не дав ему времени вновь вспомнить предков, я с восхищением воскликнул:

— Послушай, ты действительно сам это сделал?

Он немного оторопел, смущение боролось на его лице с улыбкой; потом покраснел, с гордостью взглянул на свое мастерски выполненное произведение, как бы подумав, что, в сущности, чертовски обидно отдавать честь авторства другому.

— Да,— произнес он, явно довольный сознанием своего собственного таланта.

Ему не пришлось пожалеть о своем признании: камень понравился фотографу, и тот его купил.

Незаметно к борту подошла еще лодка, и мне доложили, что по трапу поднимается белый человек. Это был молодой подтянутый офицер флота, который представился помощником губернатора. От имени последнего он поздравил нас с благополучным прибытием на остров. Мы пригласили его в салон на стакан вина и объяснили причину выбора места нашей временной стоянки. Он сообщил нам, что ввиду плохой погоды в настоящий момент все равно невозможно бросить якорь близ деревни, и посоветовал на следующее утро перейти под прикрытие другого мыса, поближе к селению, где нам помогут высадиться на скалистый берег. Он рассказал, что последний раз пароход приходил сюда ровно полгода назад, это было чилийское военное судно. Правда, в прошлом году остров посетил большой и роскошный корабль. Губернатора спросили, есть ли в гостинице лифт и ведет ли к пристани трамвай. Когда тот ответил, что на острове нет ни пристани, ни отеля, пассажирам не разрешили сойти на берег, зато кое-кто из островитян поднялся на борт. Они продали там сувениры и станцевали на палубе хулу, после чего туристы отправились дальше осматривать Тихий океан.

— Но мы-то уж высадимся на берег, даже если придется добираться вплавь! — рассмеялись мы, не подозревая, насколько эти слова были близки к истине.

Покидая судно, офицер предложил оставить одного из местных жителей в качестве лоцмана для предстоящего завтра утром перехода вокруг острова.

— Они крадут, как сороки,— добавил он,— лучше

всего, если с вами останется староста. Вы с ним уже познакомились?

С ним я знаком еще не был. Старосту торжественно представили мне его подданные. Им оказался человек с гитлеровскими усиками, предлагавший нам «камень предков». Сейчас у него за пазухой было полно вещей, которые он выменял у фотографа.

— Вождя здесь больше нет, а это староста острова Пасхи,— сообщил морской офицер и дружески похлопал старосту по плечу.— К тому же он лучший на острове резчик по дереву.

— Si *, сеньор,— сказал староста. Он заулыбался, сияя от гордости и краснея от смущения. Друзья его столпились вокруг; всем было лестно, что у них есть свой, ими же избранный староста. Многие из островитян казались удивительно смышлеными. Некоторые выделялись своим высоким ростом и властным поведением.

— Si, сеньор,— повторил хрупкий человек и так выпятил грудь, что рубашка распахнулась и стали видны старые брюки нашего фотографа.— Вот уже двадцать восемь лет, как я здесь староста. Каждый раз они меня переизбирают.

«Просто удивительно, как они выбирают такого болтуна»,— подумал я. Мне казалось тогда, что можно было бы найти и кого-нибудь получше.

Покидая судно, офицеру пришлось пустить в ход всю свою власть, чтобы заставить всех островитян отправиться на берег. С нами остался только староста. В тот момент я и не догадывался, что ему суждено стать главным действующим лицом самого удивительного приключения, которое мне когда-нибудь довелось пережить.

Рано утром следующего дня я проснулся от звона якорных цепей. Быстро натянув брюки, я вышел на палубу. Лучи солнца уже скользили по острову. Сейчас, когда исчезли ночные силуэты, а утреннее солнце вновь пробудило к жизни краски, желто-зеленый остров казался приветливым. Вдали, на склонах гор, стояли не-

* Si — да. (Исп.)

тленные статуи, но никто не зажигал перед ними костров, никто не поклонялся божественному восходу солнца, вообще не было видно ни души. Остров лежал безжизненный, как будто его жители приняли наш траулер за невольничье судно и спрятались под землей.

— Буэнос диас, сеньор.

Передо мной, приподняв шляпу над головой, стоял все тот же староста. Шляпа была из наших: вчера староста поднялся на борт с непокрытой головой.

— Буэнос диас, староста. Что-то не видно людей на берегу.

— Да,— произнес он.— Теперь это не наша земля. Мы живем в селении на другой стороне острова, здесь же только пастбища для овец военно-морских сил. Посмотрите туда.— Он указал на круглый пригорок, и я отчетливо увидел движение множества овец. Они напоминали серый ковер.

Судно наше уже шло вдоль берега, и бухта скрылась из виду. Мимо нас проплывали отвесные скалы. Ненасытные волны так сильно подточили эти вулканические образования, что вдоль берега появились высочайшие обрывы. Тут и там виднелись коричневатокрасные и желтосерые места, словно слои разрезанного пирожного. Высоко вверху, на гребне, мы различали зеленую траву и древние стены, которые, казалось, готовы были свалиться вниз. Километр за километром тянулись эти неприступные обрывы, пока, наконец, берег не стал отлогим и с видневшихся в отдалении одетых травой конусов и пригорков не потянулись к берегу каменистые равнины. Зелень нигде не доходила до бурлящих волн: здесь, точно баррикада, возвышалось хаотическое нагромождение черных глыб лавы. Словно крепостные стены тянулись вдоль берега острова. Лишь в одном месте открылся ландшафт острова, и широкий солнечный берег улыбнулся нам изумительно красиво и заманчиво.

— Анакена,— с благоговением кивнул староста.— Здесь, в Анакене, когда-то жили короли. К этому берегу пристал наш первый праотец Хоту Матуа.

— Кто живет здесь теперь?

— Никто. Здесь стоит только хижина пастухов.

Я подозвал капитана и показал на берег. Он согласился с тем, что это превосходное место для лагеря.

Бухта снова скрылась из виду, и опять нашему взору предстал прежний дикий берег с застывшей лавой, обрывами и торчащими кое-где отдельными скалами, пока, наконец, дальше к западу он не начал снижаться, переходя в ровный, идущий к морю склон. Здесь расположилась деревня Хангароа. Маленькие побеленные домики посреди аккуратных садилов, тут и там окруженные отдельными пальмами и редкими деревьями. На пригорках за деревней — отдельные купы эвкалиптов. Деревню окружала изгородь, остальная часть острова была теперь овцеводческой фермой военно-морских сил.

— Это моя родина, — горделиво сказал староста.

Место было действительно красивым. Староста мог с удовлетворением заметить, что все как зачарованные глядели на берег. Даже Анетта неподвижно сидела на руках Ивонны и, как загипнотизированная, смотрела на маленький кукольный поселок, раскинувшийся под огромным синим небом. В деревне вдруг все пришло в движение — кто бежал, кто скакал верхом, все устремились в том направлении, куда шло наше судно.

— До чего же красиво, — восторгался Тур-младший, — прямо как в театре!

Капитан распорядился поднять все флаги, и они, развеваясь, замелькали над судном всеми цветами радуги, обозначая символы условного кода, начиная от «холеры» и кончая «почтой». Мы приветствовали стоявших на берегу гудком и флагом, а в ответ там кто-то поднял на одиноком флагштоке чилийский флаг.

Рукавом рубашки староста смахнул набежавшую слезу.

— Сеньор, — произнес он, — это земля Хоту Матуа. Это моя земля. Здесь я был старостой двадцать восемь лет. Чем был бы без меня остров Пасхи? Ничем. Остров Пасхи — это я! Я остров Пасхи! — громко продолжал он, ударяя себя в грудь.

Мне показалось, что за маленькими усиками я ви-

жу Гитлера. Но нет, я ошибся, этот простачок несравнимо скромнее. Он вполне доволен тем, что имеет, не стремится даже вернуть назад земли, занятые под пастбища для овец по другую сторону опоясавшей деревню ограды.

— Сеньор,— в голосе его появилось больше риторики,— только мы с вами знамениты на этом острове. Все знают меня. А кто знает губернатора? Даже из Германии приезжали сюда взять для анализа кровь из моего уха, из Глазго и Австрии присылали заказы на резные изделия старосты острова Пасхи. Мир знает меня. Сеньор, дайте мне вашу руку в знак дружбы!

После того как я исполнил его просьбу, он вежливо попросил разрешения называть меня сеньором Контики.

Мы обогнули новый мыс с головокружительными обрывами, и деревня исчезла за дикими отвесными скалами и небольшими пустынными островками лавы, напминавшими старинные замки с остроконечными башнями. Волны с ревом били о скалы и откатывались назад, сильно качая наше судно из стороны в сторону. Старосту укачалю, он побрел к шезлонгу и, показывая на причудливую деревянную фигурку птице-человека, которую Анетта уложила в кровать для куклы, успел пробормотать, что как раз в этом месте острова развивали свою деятельность птице-человеки.

Обогнув беспокойный мыс, мы вошли в открытую бухту, по берегам которой скалы уже не вздымались к небу, хотя берег и был высоким и отвесным. Островитяне, верхом и пешком пройдя прямым путем через другой мыс, заполнили берег, и на зеленом склоне над обрывом скопилось множество людей и коней. Часть толпы, казалось, помчалась по узкой полоске над обрывом вниз, к торчавшим среди пенящихся волн черным глыбам лавы. Здесь спустили на воду лодку, и она, танцуя на волнах, направилась за нами. Капитан подвел судно как можно ближе к берегу и приказал бросить якорь.

Староста вновь был полон энергии.

— На нашем языке «здравствуйте все» будет «иа-о-рана куруа»,— шепнул он мне.— Крикни им

эти слова, когда мы подойдем к берегу, тогда ты им очень понравишься.

Переезд к берегу по пенящимся волнам грозил быть бурным, и в лодку село лишь несколько человек. Пенящийся гребень поднял нас вверх и пронес мимо огромной глыбы лавы; сидевший на веслах островитянин искусно развернул лодку, и прежде чем новый каскад воды обрушился на нас, он вывел лодку в более спокойное место. Здесь не было ни причала, ни мола, только плод буйной фантазии природы. Сразу за лавовым барьером, на узком гребне, который, точно естественная лестница, спускался вниз с плаги, замерли, ожидая нас, плотные ряды островитян.

— И а-о-р а н а к у р у а! — крикнул я во все горло, когда мы вступили в их царство.

— И а-о-р а н а к у р у а! — отозвалось гулом по горе, и все бросились помогать нам сойти на берег.

Перед нами было весьма смешанное общество — казалось, сюда пришло большинство из девятистот жителей острова. Это были полинезийцы, но далеко не чистокровные. Одеты они были в самые разнообразные одежды, завезенные сюда с континента. Едва я успел выпрыгнуть из танцующей лодки, как меня схватила за руку какая-то сгорбленная старуха с платком на голове.

— Секрет, сеньор,— шепнула она сиплым голосом, показывая корзинку со сладким картофелем. Осторожно отодвинув в сторону большую картофелину, она с таинственным видом приподняла уголок лежавшей снизу тряпки.

— Спасибо,— сказал я и пошел дальше, так ничего и не увидев: вряд ли со мной поделились бы большим секретом, когда вся гора была усыпана глазевшими на нас людьми. Многие из стоявших на уступах островитян держали в руках деревянные фигурки и мешки, но никто из них не пытался предлагать свои изделия. По мере того как мы карабкались мимо них вверх, они по очереди бормотали: «И а-о-р а н а, и а-о-р а н а!»

Гребень над нами был черным от облепивших его островитян. Среди них выделялась одинокая фигура в развевающемся белом одеянии. Я тотчас же догадал-

ся, что это отец Себастьян Энглерт, самый могущественный здесь человек, автор книги об острове Пасхи. Еще в Чили мне рассказывали о нем как о некоронованном короле острова. «Если он станет вашим другом, перед вами откроются все двери, но берегись тот, кого он невзлюбит», — сказал мне один человек.

И вот он стоит передо мной, прямой и широкоплечий, с пышной бородой, широко расставив ноги. На нем белая, до пят сутана, подпоясанная тесьмой, до блеска начищенные ботинки. Капюшон сдвинут на затылок, голова не покрыта. На фоне сказочно синего неба его белая фигура напоминает апостола.

Я взглянул в его румяное, улыбчивое, изрезанное морщинками лицо с пытливыми глазами и протянул ему руку.

— Добро пожаловать на мой остров, — были его первые слова, и я обратил внимание на форму «мой».

— Да, я всегда говорю «мой остров», — добавил он, и все лицо его расплылось в широкой улыбке, — потому что считаю его своим и не продал бы ни за какие миллионы.

Я это понимал, и мы заранее приготовились подчиниться его командованию.

Отец Себастьян рассмеялся.

— Вы любите туземцев? — внезапно спросил он и испытующе взглянул мне в лицо.

— Чем больше они туземцы, тем больше они мне нравятся.

Он засиял, словно солнце.

— Тогда мы будем добрыми друзьями.

Я представил Гонсало, капитана, врача и других членов экспедиции, приехавших с нами на берег, после чего все мы направились к «виллису», стоявшему среди лавовых глыб и пасущихся лошадей. Машина двинулась вприпрыжку без всякой дороги, зигзагами, пока вдали от берега мы не попали на колею, которая привела нас в деревню. Проехав вдоль внутренней стороны ограды, мы, наконец, оказались перед стоящим особняком бунгало губернатора.

Навстречу вышел маленький энергичный человек в военной форме цвета хаки и сердечно приветствовал

нас. Все формальности были быстро и просто выполнены в его рабочем кабинете.

Итак, перед нами сидели два главных лица на острове Пасхи: старый мудрец отец Себастьян и молодой капитан Арнальдо Курти, военный губернатор острова. Первый пробыл здесь двадцать лет и останется до конца своих дней; второй приехал с последним военным судном, чтобы по поручению правительства Чили управлять островом в течение двух лет. Один воплощает опыт, другой — власть. Кто же из двух держит в руках бразды правления? Вскоре мы убедились, что оба они составляют нераздельное целое и повседневно сотрудничают, разрешая самые удивительные неурядицы, какие только могут возникнуть в столь необычайной общине на самом уединенном острове мира.

После того как капитан предъявил список экипажа, а врач сообщил о санитарном состоянии нашей экспедиции, все формальности были выполнены.

— Желаю успеха в раскопках,— сказал губернатор и потряс мне руку.— Мы ограничиваем вас только в двух вещах: не давайте местным жителям ни оружия, ни спиртных напитков.

— Отлично!

— И еще одна вещь,— произнес он, почесывая затылок.— Среди местных жителей вы человек известный. Ну и задали же вы нам тут хлопот!

Священник рассмеялся, поглаживая бороду.

— Да, теперь пусть уж ваше судно берет на себя сторожевую службу.

Мы ничего не понимали, пока нам не сбъяснили, в чем дело. Когда здесь стало известно, что плот «Кон-Тики» проплыл мимо острова Пасхи и благополучно пристал к одному из островов Южных морей, местные жители заволновались. Если их предки могли пускаться в такие странствия, то чем же они сами хуже их? Правда, на почти пустынном острове не было бревен, но несколько парней все же сбили из досок небольшую открытую лодку и отправились рыбачить далеко в океан. Течение подхватило их, унося от острова Пасхи. Пять недель спустя их лодка легла на тот же курс, по кото-

рому шел плот «Кон-Тики»; голодные и измученные, пристали они к одному из атоллов архипелага Туамоту, а оттуда добрались до Таити.

Это разожгло аппетиты. Несколько других островитян тоже смастерили себе открытую лодку, собираясь выйти на ней в море якобы для ловли рыбы. Губернатор, обнаружив лодку, наполненную горшками с водой, догадался, в чем дело. Выпускать их на таком суденышке в океан было опасно, и он приказал вытащить лодку на берег. Когда эти люди все же попытались удрасть в море, ему пришлось поставить для охраны вооруженного островитянина. Но это привело лишь к тому, что в путешествии принял участие еще один человек: под покровом темноты караульный удрадел в море вместе с остальными. Эту лодку отнесло еще дальше на запад, чем первую, и плывшие в ней люди не видели земли до тех пор, пока, наконец, веселые и счастливые, не пристали к острову Аттия, намного дальше Таити. Теперь лихорадка путешествий охватила весь остров. Две группы соорудили себе каждая по лодке, и эти лодки лежали наготове в глубине острова. Все жители деревни знали, что затевают эти островитяне. И хотя на острове живет лишь несколько белых, губернатор вынужден был день и ночь держать караул.

— Но теперь, если позволите, я скажу им, что снимаю охрану, а тех, кто попробует выйти в море, мы догоним на вашем судне,— закончил губернатор.

Я согласился, а он продолжал:

— Сторожевая охрана необходима нам в других местах. Каждый год островитяне крадут до двух тысяч овец. Для самых отъявленных воров у нас имеется нечто вроде тюрьмы, но это не помогает, так как арестованным разрешается три раза в день ходить питаться домой. Если бы мы стали кормить их в тюрьме, то все начали бы придумывать какие-нибудь преступления, чтобы попасть в тюрьму и получать бесплатно кормежку.

А вообще они прекрасные люди,— продолжал он, и отец Себастьян одобрительно кивнул головой.— Их только надо понимать. Они никогда серьезно не ссорятся и не дерутся; воровство всегда было самой плохой чертой их характера, но следует помнить, что они

дарят так же охотно, как и крадут. Собственность легко проходит у них между пальцами, она не имеет для них такого значения, как для нас.

Отец Себастьян пообещал подобрать нам несколько хороших рабочих для участия в раскопках и назначить для них подходящую плату и паек. Наш богатый выбор всевозможных предметов для обмена стоял по местному курсу несравненно выше любого золота и банкнот, ибо здесь, на острове, нет ни магазина, ни кинотеатра, нет даже парикмахерской

Мы решили, что бухта Анакена по ту сторону острова является наилучшим местом для лагеря экспедиции. На то имелось много причин. Место это было самым красивым на всем побережье. Здесь находился единственный на острове приличный песчаный берег, куда мы могли переправить на плоту все наше оборудование. Бухта эта максимально удалена от деревни, а потому опасность воровства и конфликтов была здесь наименьшей. К тому же вокруг раскинулась освященная преданиями долина королей, где впервые ступил на берег легендарный Хоту Матуа. Лучшего места вряд ли можно было и желать.

После великолепного угощения в бунгало губернатора мы отправились на наше судно. На скалах по-прежнему было полно народу. К радости отца Себастьяна, все желающие получили разрешение осмотреть корабль. Сегодня островитяне казались мне более опрятными и не такими оборванными, как вчера, когда мы впервые увидели их на борту своего корабля. Я как бы мимоходом сказал об этом старосте, который и сам уже успел забежать домой и надеть на себя целую рубашку. Он лукаво улыбнулся.

— Это наша старая уловка, — приснул он. — Если мы надеваем старье, нам лучше платят за деревянные изделия.

Море было настолько бурным, что лишь немногие отважились воспользоваться нашим приглашением, и мы пообещали, что предоставим остальным возможность осмотреть судно в другой раз. Когда последние из гостей собрались ехать обратно на берег, появился капитан с гостевой книгой.

— Пусть они здесь распишутся,— предложил он, улыбаясь, и передал книгу наиболее смышленому на вид островитянину с просьбой собрать подписи.

Парень взял книгу, ручку и, озадаченный, направился к остальным. Они глубокомысленно склонили головы и начали что-то бормотать. Затем тот же островитянин с озабоченным видом вернулся назад. В книге не было ни одной подписи.

— Неужели никто не умеет написать своего имени? — спросил капитан.

— Почему же, многие умеют,— ответил он,— но они не хотят.

Тогда Гонсало, слышавший этот разговор, взял книгу и, обратившись к стоявшим в стороне островитянам, сообщил, что является чилийцем и они, быть может, лучше его поймут. Но когда Гонсало попытался разъяснить им, в чем дело, островитяне подняли отчаянный галдеж, а один из парней порывался выбросить книгу за борт. Дело чуть не дошло до драки. Чтобы выручить Гонсало, мне пришлось решительно вмешаться. Разгоряченный и взъерошенный, Гонсало возвратился с книгой в руках.

— Это просто невероятно,— заявил он,— они отказываются поставить свои подписи, утверждая, что именно таким образом обманули их предков и увезли в рабство в Перу!

— Может ли быть, чтобы им об этом рассказывали? — заметил кто-то.

Но когда мы стали подсчитывать, то оказалось, что их деды пережили налет работорговцев и, возможно, в то время уже родились отцы многих из нынешних жителей острова.

Мы поспешили унести гостевую книгу, и я сказал островитянам, что теперь нам пора сниматься с якоря, а им пора отправляться на берег. Но никто не собирався уходить. Мы включили сирену, а машинисты, запуская машину, старались производить как можно больше шума,— ничего не помогало. В конце концов мне пришлось проводить часть гостей к трапу и заставить их спуститься в одну из двух ожидавших внизу грубо сколоченных лодок. Когда я велел проводить осталь-

ных, то увидел, что первая группа отплывает, ведя на буксире вторую лодку, в которой вдруг оказалось полно воды. Я крикнул, чтобы захватили и тех, кто остался на борту, но мне ответили, что пришлют за остальными, как только высадятся на берег и выльют воду. Однако время шло, и, несмотря на непрерывные сигналы сирены, никто не появлялся.

До наступления ночи нам необходимо было сменить стоянку. Но отправить гостей на берег на нашей собственной лодке мы не решались, ибо не знали здешнего побережья. В конце концов пришлось поднять якорь и выйти в море вместе со всеми новыми пассажирами на борту, которые отнеслись к этому совершенно спокойно. После того как мы сами поужинали, кок накрыл стол для наших шестнадцати пассажиров. Они ели с величайшим аппетитом, чтобы тут же ринуться к поручням, ибо началась качка. Мы подошли к берегу и бросили якорь в укрытии той же самой скалы, что и в предыдущую ночь.

Тем временем стемнело, начал накрапывать дождик. Стоило только пустить этих пиратов на ночь в каюты, как нас могли бы основательно обчистить. Поэтому я предоставил им выбор: либо ночевать на палубе, либо в два приема отправиться на берег на нашем алюминиевом плоту. Они выбрали плот, и мы спустили его на воду. Но теперь все во что бы то ни стало захотели отправиться вторым рейсом, и мы в конце концов отказались от мысли от них избавиться. Сытые и довольные, гости достали гитару и начали танцевать на носовой части палубы хулу. Танец имел успех. Члены экипажа уже давно не сходили на берег и не развлекались; музыка сразу внесла оживление. Если уж нам суждено было оставить гостей на борту, почему бы тогда не развлечься? Раздались песни и пленительные звуки струн, сопровождаемые ритмичными хлопками, а свет судового фонаря создавал в ночной тьме красивый эффект и был подобен свету лампы.

— Те тере те вака те Хоту Матуа!

Веселье наших неунывающих пиратов было столь заразительным, что и ученые и моряки причались отстукивать ногами такт и подпевать, как только умели.

Неожиданно снова появился староста. Мокрый и продрогший, он вместе с тремя другими островитянами подплыл в темноте в маленькой лодке. Немного поторговавшись, мы быстро договорились, что он и его спутники поднимутся на борт и немного здесь побудут, но с условием, что свезут затем на берег наших шестнадцать пассажиров. Чтобы все были довольны, мы разрешили и тем и другим остаться у нас еще на час. Староста с восторгом принял наши условия и поднялся на борт в сопровождении своих друзей. Поблагодарив за разрешение остаться на судне еще на час, он поспешил спросить, нельзя ли его группу угостить таким же ужином, какой получили остальные.

— Можно, конечно, — дипломатично ответил я, — но потом, после того как вы высадите тех шестнадцать на берег.

Староста с довольным видом направился к музыкантам и принялся хлопать в такт руками. Но через полминуты он вернулся снова и заявил, что остальным следует немедленно отправиться на берег, иначе по дороге домой они промокнут и продрогнут.

Как я ни просил за них, уверяя, что назначенный час только начался, староста был непреклонен. Он принялся кричать, чтобы остановить музыку.

Тогда я переменял тактику.

— Впрочем, вы вполне можете поужинать и сейчас, — сказал я.

Услышав эти слова, староста тотчас забыл о музыкантах и помчался прямо в камбуз к коку. Набив рот едой, он высунул голову, чтобы убедиться, следуют ли за ним трое его друзей.

Староста сдержал свое слово, и когда установленный час миновал, лодка, из которой доносились музыка и смех, направилась к черневшему в темноте берегу. Наш пир, несомненно, оказался вполне удачным.

— О-го-го! Те тере те вака те Хоту Магу а...

Когда рано утром следующего дня мы подошли к долине королей, на столе в нашей кают-компании храпел сам староста «Пула земли».

Глава III

В ВУЛКАНИЧЕСКИХ ГАЗОВЫХ ТОННЕЛЯХ

Наша первая маленькая группа бродила по безлюдной долине Анакена вдоль побережья в поисках хорошего места для лагеря. Неожиданно на гребне горы появился одинокий всадник — это был местный пастух. Подъехав к нам, он спрыгнул с коня и поздоровался. Он пас овец в этой части острова, в западном конце долины стоял его маленький побеленный домик. Услышав, что мы намерены поселиться в долине Анакена, он тут же указал нам на небольшой каньон, где имелось много просторных пещер. По его словам, это были пещеры Хоту Матуа. В них поселились, высадившись на берег, первооткрыватели острова — король и его спутники. Позднее они построили себе из камыша большие хижины. О Хоту Матуа островитянин говорил с такой же гордостью, как англичанин говорил бы о королеве Виктории. Он не мог себе представить, чтобы кто-нибудь не знал Хоту Матуа. По понятиям жителей острова Пасхи, Хоту Матуа был чем-то средним между Адамом в религии и Колумбом в истории.

Когда же я сказал, что у нас нет необходимости жить в пещерах, потому что мы имеем готовые домики из водонепроницаемой материи, он тотчас же указал в противоположном направлении.

— Если у вас есть палатки, вы можете спать там на берегу, на месте старого дома Хоту Матуа,— сказал он и проводил нас по равнине к плоской террасе у подножия маленького куполообразного пригорка.

Повсюду тут виднелись следы былого величия. Прямо перед бухтой и по обе ее стороны лежали три похожие на храмы террасы, построенные из огромных каменных глыб, обращенных своим фасадом к морю. Они располагались прямо над открытым песчаным берегом и казались крепостными сооружениями для защиты равнины от нападения с моря. Но эти стены служили основанием для каменных изваяний, ныне поверженных в песок. Все колоссы лежали на земле лицом вниз, макушкой в глубь острова. Судя по этому, фигуры перед своим падением стояли спиной к морю, обратив свой взгляд в сторону открытого храма на равнине. У средней каменной террасы в непосредственной близости друг от друга лежал целый ряд упавших гигантов, а вокруг на равнине валялись огромные каменные цилиндры ржаво-красного цвета, некогда венчавшие их головы. У подножия величественной террасы лежала единственная в этой восточной стороне бухты статуя. Она была гораздо крупнее и шире в плечах, чем ее тонкие родичи на соседней террасе.

Здесь, рядом с широкоплечим гигантом, жил некогда сам король Хоту Матуа. Пастух с благоговением показал нам сохранившийся до сих пор в земле солидный фундамент древнего жилища короля. За этим фундаментом виднелась своеобразная пятигранная каменная печь — свидетельство того, что в этом месте находилась кухня короля.

Произвести раскопки в этом месте было очень заманчиво, поэтому мы разбили свой лагерь на плоской площади храма, перед макушкой упавшего гиганта. Пастух поглядывал на меня с большим интересом, не переставая повторять, что на этом месте стоял дом короля. Убедившись, наконец, что мы все хорошо представляем себе, где находимся, и получив пачку сигарет, удовлетворенный пастух распрощался с нами и ушел.

Вскоре мы начали перевозить на берег свое снаряжение. Захватив с собой двух островитян, мы первым

долгом объехали на маленьком алюминиевом плоту всю бухту, изучая волны и шхеры. Посреди бухты камней не было, и волны были несильные. Оставив на берегу сначала фотографа и его оборудование, мы снова направились к моторной лодке, которая ожидала нас на полпути между берегом и судном. Отъехав порядочно от берега, мы увидели идущую с моря огромную волну. Стоявшую впереди моторную лодку подняло высоко на гребень, и, чтобы уйти от приближавшейся второй волны, в ней на всю мощность включили мотор и направились к судну. Мы гребли изо всех сил, выдержали первую волну, но вторая стремительно на нас надвигалась, становясь с каждым мигом все выше и круче. Плот подняло на отвесную стену и перевернуло вверх дном. Меня что-то сильно ударило по голове, и, чтобы избежать еще более резкого удара о понтоны, я побыстрее нырнул вниз. Закрыв глаза, чтобы уберечь их от поднятого волнами песка, я поплыл как можно глубже и дальше, а когда вынырнул по другую сторону перевернутого плота, море было так же спокойно, как и раньше.

Нам предстояло выгружать оборудование, без которого нельзя обойтись на берегу, и вышеописанный случай явился для нас поучительным уроком. Хотя такие огромные валы и не были частым явлением в бухте Анакена, все же приходилось остерегаться крутых волн, которые обрушивались на нас, когда мы всего меньше этого ожидали. Во избежание неприятностей мы укрепили на якоре в бухте, за пределами досягаемости волн, наш самый крупный спасательный плот, и он стал служить своего рода плавучим молотом. Моторная лодка без всякого риска доставляла снаряжение с судна до этого мола, где все перегружалось на небольшой понтонный плот; убедившись, что ни одного опасного вала не видно, мы двигались с прибоем к самому берегу. Таким способом и осуществлялись все перевозки. С судна лодку вызывали сиреной, а с берега — сигнальными флажками. Там, где волны прибоя набегали на берег Анакены, всегда слышались проклятья, смех, нередко можно было увидеть насквозь промокшие брюки. Порой волны так расходились, что кок и стю-

ард вплавь доставляли на берег свежвыпеченный хлеб в водонепроницаемых мешках.

И если вода была освежающей и холодной, то песчаный берег радовал своим теплом, и все чувствовали себя превосходно в солнечной долине короля.

Вскоре на площади храма появились зеленые палатки, образовав небольшое мирное поселение между поверженным древним гигантом и владениями, где когда-то прошло детство рода Хоту Матуа. Помогавшие нам при высадке на берег местные жители были крайне поражены, когда, поднявшись на высокую стену, они увидели, где мы разбили наши палатки. Староста взволнованно вздохнул и торжественно произнес:

— Сеньор, в этом же месте построил свой первый дом Хоту Матуа, вот фундамент, а здесь кухня.

Нам вновь стали усердно вбивать в голову это важное обстоятельство, но островитяне не выражали недовольства по поводу выбора места и охотно помогали нам расставлять палатки.

Надвигались сумерки; один из них поймал несколько неоседланных коней, все попрощались и верхом направились в деревню.

В эту ночь я заснул поздно. Я лежал и смотрел на свет луны, который просачивался сквозь тонкую зеленую парусину палатки над моей головой, и слушал шум прибоя, бьющего о берег, где некогда сошел на остров Хоту Матуа. Интересно, на каком судне он приплыл, на каком говорил языке? Как выглядела тогда эта долина — рос ли тут лес, как на других островах Южных морей? Может быть, именно род Хоту Матуа вырубил и сжег деревья, уничтожив в конце концов лес и сделал облик острова таким, каким он является теперь: вереница холмов без единого деревца, которое могло бы отбросить хоть небольшую тень?

Меня немного беспокоило это полное отсутствие леса и кустарника. Может быть, действительно не стоило ехать на остров Пасхи производить раскопки: ведь может статься, что на острове никогда не было растений, которые бы гнили, увеличивая из года в год слой

почвы, и остров всегда оставался таким же, как и сейчас. Казалось, что за исключением песчаных дюн на берегу и овечьего помета среди камней местность не изменилась со времен Хоту Матуа, оставаясь такой же сухой и бесплодной. Если воздвигнутый Хоту Матуа фундамент — достопримечательность для туристов — по сей день виден на поверхности земли, то слой почвы здесь действительно невелик и настолько же малы шансы открыть что-то новое.

Немного сильнее обычного зашумели две набежавшие на берег волны, и я пощупал шишку на голове. Но раз уж мы добрались сюда, то, прежде чем отправиться дальше, на другие намеченные программой острова, необходимо как следует убедиться, что копать на этом острове действительно бесполезно.

В первые же дни пребывания на острове археологи отправились обследовать его в восточном и западном направлениях. Остальные доставляли на берег снаряжение и готовились к дальнейшей работе экспедиции.

На всем острове не было ни единого ручейка, но на дне кратеров трех древних вулканов имелись болота и заросшая камышом вода. Дрова и питьевую воду нам приходилось доставлять за пять километров, из Вайтеа, овцеводческой фермы в горах в средней части острова, где рос небольшой эвкалиптовый лесок. Питьевая вода шла сюда по трубе с вулкана Рано Арои. Губернатор одолжил нам большую, сделанную кустарным способом баржу, островитяне подвели ее к судну, и в один из тихих дней нам удалось доставить в деревню «виллис» экспедиции. Тем самым мы решили проблему подвоза воды и дров.

На острове Пасхи сохранились остатки древних, доисторических дорог. Управляющий овцеводческой фермой увеличил эту сеть, немного отбросив в сторону камни, и это позволило нам пересекать на «виллисе» весь остров, составлявший в длину около пятнадцати километров.

Отец Себастьян и губернатор помогли нам раздобыть достаточное количество лошадей с кустарными де-

ревянными седлами. На этом острове никто не ходит пешком, потому что повсюду валяются ржаво-коричневые и черные, как кокс, куски раскрошившейся лавы. Этих камней подчас так много, что между ними может уместиться лишь конское копыто, и поэтому даже самый бедный островитянин имеет не менее одного верхового коня. Дети местных жителей учатся ездить верхом, как только начинают ходить. Нам нередко доводилось видеть, как самые маленькие карапузы по трое на неоседланной лошади мчатся галопом по каменистым полям. Первый цепляется за гриву, второй держится за первого, а третий — за второго

Вдоль побережья имелось много древних колодцев, искусно вырытых и выложенных обработанным камнем. Здесь древние жители острова приучились пить смесь пресной и морской воды. Они добывали эту воду из подземных потоков в тех местах, где потоки эти вливались в море. Теперь тут построены ветряные мельницы, которые качают эту смешанную воду для овец. Тут же мы поили лошадей и брали в лагерь воду для мытья.

Тем временем наш боцман, он же искусный плотник, сколотил полки и столы для палатки-столовой. В стены этой палатки мы вделали сетки от комаров. Они защищали нас от множества давно уже завезенных на остров мух и давали возможность спокойно есть и работать.

— Надо бы спустить стенку с наветренной стороны, — сказала Ивонна. — Сквозь сетку пробивается пыль.

— Пыль здесь, на острове?

— Да, посмотри, — ответила она, проведя указательным пальцем по книжной полке. Палец оставил заметный след.

Я очень обрадовался. Значит, за несколько сот лет здесь должен был образоваться достаточно толстый слой. Может быть, раскопки на острове Пасхи все-таки не бесполезны! Из-за отсутствия леса ветер и непогода, быть может, сильнее разрушают скалы и, словно снегопад, посылают на покрытую лавой местность целый дождь тонкой, сухой земли. Большая часть ее,

правда, сметена в море, но кое-что, очевидно, все-таки оседало в траве.

Вернувшись из своих исследовательских походов, археологи привезли интересные сведения. Они обнаружили остатки древних сооружений из камня и намерены их позднее обследовать. Есть признаки, что до появления европейцев сооружения на этом острове были воздвигнуты носителями двух различных культур. Но мы решили, что для лучшего ознакомления с местными условиями они произведут ряд меньших по объему раскопок вблизи лагеря в Анакене, а уже потом приступят к выполнению более крупных работ.

Выбор пал вначале на пятигранную печь Хоту Матуа и расположенный рядом с нею похожий на лодку фундамент. Такие раскопки ведутся не киркой и лопатой, а специальной маленькой лопаткой. Миллиметр за миллиметром вынимают ею землю, чтобы не повредить находимые предметы. Снятую землю просеивают через тонкое сито, чтобы обнаружить все, что может представить интерес. Мы строго учитывали глубину раскопок, ибо чем глубже уходишь в землю, тем, разумеется, древнее обнаруженные предметы.

Прямо под слоем дерна мы нашли осколок древней каменной чаши, а также наконечники копий и другие острые орудия из черного вулканического стекла. Углубляясь все дальше в землю, археологи находили обломки рыболовных крючков, изготовленных из костей человека и прекрасно отполированного камня. А на глубине фута рядом с печью Хоту Матуа лопаточка наткнулась на камни. Расчистив землю, археологи обнаружили еще одну пятигранную печь наподобие той, что имелась на поверхности. Но если верхняя печь построена Хоту Матуа — родоначальником населения острова, — то кто же жил тут еще до него и готовил пищу подобным способом? Островитяне ничего не понимали, они сами и все приезжие принимали развалины на земле за остатки дома Хоту Матуа, поскольку он, несомненно, жил на этом самом месте. Углубляясь еще дальше в землю, мы нашли много обломков рыболовных крючков, раковин, костей, кусков древесного угля и человеческих зубов.

Продолжая раскопки под нижней печкой, мы были уже уверены, что находимся в далеком прошлом, как вдруг Билль обнаружил чудесную голубую венецианскую бусину. Он сразу же узнал ее: такими бусинами пользовались европейцы, торгуя с индейцами двести лет тому назад. Значит, мы находились не глубже эпохи первых посещений острова европейцами. Бусина могла быть занесена на остров Пасхи самое раннее Роггевеном, и мы, следовательно, в своих раскопках не ушли еще дальше 1722 года.

Раскрыв судовую журнал Роггевена, где говорится об открытии острова Пасхи, мы прочли, что первый поднявшийся на борт островитянин получил две нитки голубых бус, маленькое зеркальце и ножницы. Вполне естественно, что несколько таких бусин могли попасть в дом короля в Анакене. Копая дальше, мы наткнулись уже на чистый гравий, не имевший никаких следов деятельности человека.

Было ясно, что копать на безлесном острове Пасхи надо. Теперь мы могли всерьез заняться раскопками. Потребовалось нанять достаточное количество местных землекопов, поскольку некоторые из задуманных нами работ требовали гораздо больше людей, чем мы могли выделить из своего состава.

В эти дни мы встречали мало островитян: во избежание краж и недоразумений отец Себастьян настоятельно просил нас запретить доступ в лагерь местным жителям, кроме тех, кто имеет специальные поручения. Попытаться же запретить ребятам знакомство со смешливыми вахинами острова было бесполезно, и он это прекрасно понимал. Но если ребята хотят развлечься, то пусть садятся верхом и едут в деревню, иначе вскоре вся деревня переселится к нам.

Мы согласились с этим предложением и огородили свой лагерь веревкой, которая явилась некоей символической границей запретного района. В большинстве случаев это имело поразительный эффект. Правда, за исключением нескольких пастухов, островитянам вообще не разрешалось появляться в этой части острова, ибо стоило им только выйти за ограду, окружавшую деревню, как они пользовались случаем стащить одну-

две овцы. Однако ограничивать свободу передвижения на таком маленьком острове было, конечно, трудно.

В одну из первых ночей недалеко от лагеря были украдены два бидона для воды. Красивая веревка, обозначавшая нашу запретную территорию, была срезана и унесена как ценная добыча. По мнению отца Себастьяна, веревку украли для одной из маленьких лодок, на которой собирались удрать в море.

После этого случая губернатор направил патрулировать в районе лагеря двух местных жителей: Касимируса и Николаса — полицейских деревни. Старый Касимирус был настолько длинным и тонким, насколько Николас был низкорослым и толстым. К тому же он был удивительно похож на неуклюжего сутулого призрака, каких на острове Пасхи вырезают из дерева. Если бы такие скульптурки не были известны уже со времен капитана Кука, то можно было бы подумать, что моделью им послужил Касимирус. Сбоку у Касимируса болталась огромная кожаная португеза со старым револьвером; стоило ему заметить, что к лагерю приближается кто-либо из его соотечественников — независимо от пола и возраста, — как этот страж порядка кричал и размахивал револьвером до тех пор, пока они не исчезали в горах, оставляя за собой лишь облако пыли. А удовлетворенный Касимирус, сутулясь и покачиваясь, снова брел на запретную территорию лагеря и устраивался в тени палаток.

Мы любили старого Касимируса; он был добрым и скромным человеком, хотя и казался полудурачком. Николас тоже был неплох, но не вызывал к себе столько добрых чувств. Самые лакомые остатки пищи с кухни доставались в первую очередь тощему Касимирусу, который поедал их с величайшим аппетитом. В его карманах всегда водились такие ценности, как сигареты. Касимирус чувствовал себя на седьмом небе, становился все ленивее и предпочитал подолгу валяться в тени палаток в обществе своего огромного револьвера.

Но однажды он все же решил, что за такую сытую жизнь он должен как-то отблагодарить. Пробравшись

на четвереньках ко мне в палатку, он тихим голосом сообщил, что на острове птице-человеков есть пещера с «важными вещами». Еще будучи мальчиком, он побывал там со своим отцом и двумя другими ребятами. Отец попросил ребят подождать, а сам исчез за выступом и залез в тайную пещеру. Вход в эту пещеру Касимирус никогда не видел, он прикрыт камнями, но если я отвезу его туда на нашей лодке так, чтобы никто в деревне об этом не узнал, он покажет место, где стоял тогда, ожидая отца. Если я сам сумею найти пещеру, мы разделим все хранящиеся там сокровища. Глаза старика так и сверкали.

Рассказ этот я не воспринял всерьез. Участники экспедиции Рутледж и отец Себастьян тоже получали такого рода предложения. После того как эти люди завоевали доверие местных жителей, то один, то другой островитянин приходили и сообщали, что знают район, где должна быть тайная, запечатанная пещера. В таких пещерах предки островитян прятали древние деревянные дощечки с иероглифами, или «ронго-ронго», как эти дощечки назывались на языке жителей острова. Такие плиточки ронго-ронго стоят целое состояние. Во всех музеях мира их насчитывается не более двух десятков, и островитяне это хорошо знали. Но когда после подобного предложения целая группа отправлялась в пещеру ронго-ронго, дело обычно кончалось продолжительными и бесцельными поисками: найти тайный вход не удавалось. К сожалению, говорили жители, вход затерян завален осыпями или засыпан землей.

Наступило наше первое воскресенье на острове.

Отец Себастьян однажды намекнул, что если мы хотим послушать пение островитян, то будем желанными гостями в церкви. Созвав всех участников экспедиции — и ученых и моряков, — я рассказал, что церковь на острове Южных морей занимает совершенно особое положение. Она является не только единственной основой, на которой зиждется представление местных жителей о мире, местом, где они находят что-то взамен своей древней вере в Тики и Маке-маке,

но и единственным местом общения островитян. Здесь они собираются, нарядившись в свою лучшую одежду: ведь на самом уединенном из островов Южных морей нет ни клуба, ни кинотеатра, ни рыночной площади. Если человек не идет в церковь в воскресенье, то ему лучше не показываться на людях и в остальные дни недели: островитяне фанатичные приверженцы своей церкви и в отказе от ее посещения видят демонстрацию, проявление враждебности. На некоторых островах жители — протестанты, на других — католики, мормоны, или «друзья троицы», — все зависит от того, какой из миссионеров первым высадился на остров и построил там церковь. Неискушенный гость, сам того не подозревая, легко может оскорбить религиозные чувства местного населения.

— Я атеист и никогда не хожу в церковь, — заявил Карл. — Но если ты считаешь это важным, я охотно пойду туда.

И мы всей группой — атеисты, протестанты и католики, — кто верхом на лошадях, а кто на «виллисе», отправились в маленькую сельскую церковь отца Себастьяна.

На площади перед церковью собралось все население деревни. Люди надели свежестырированные и выглаженные воскресные наряды, все вокруг пестрело яркими красками. Мы вошли в маленькую, без колокольни церковь, битком набитую исполненными благоговения мужчинами и женщинами, взрослыми, детьми и стариками. Деревня опустела, а здесь было полно людей, и те, кто сидел с краю, едва умещались на скамейках.

Но и сюда, в церковь отца Себастьяна, проникало солнце. Его лучи пробивались сквозь щели, освещая веселые краски, радостные лица, а под самой крышей беспрепятственно носились и щебетали залетевшие сюда птички. Отец Себастьян, накинув на свою белую сутану ярко-зеленую мантию, стоял солидный и добродушный, с пышной бородой, напоминая доброго дедушку. Казалось, будто мы слушаем оперу.

Самым торжественным в церемонии было пение. Псалмы исполнялись на полинезийском языке, боль-

шая часть их пелась на старые местные мелодии. Пели абсолютно все, за исключением нас. Мы же не могли наслушаться. Это было безукоризненное пение, исполненное с таким чувством ритма, какое свойственно лишь жителям островов Южных морей.

Служба отца Себастьяна была простой, а проповедь — ясной и мудрой. Сидевшие вокруг тесными рядами наши друзья — «разбойники», «пираты» и все их смешливые женщины — были так поглощены происходившим, как дети бывают поглощены фильмом из жизни ковбоев.

Отец Себастьян обратился со специальным приветствием в наш адрес, пожелав успеха экспедиции. Он призвал мужчин и женщин острова всячески нам помогать, пояснив, что, хотя мы и исповедуем другую веру, все мы христиане и у нас общие идеалы.

С этого дня мы как бы больше сблизились со всеми жителями острова: если нас одобряет отец Себастьян, то мы, несомненно, хорошие люди.

После богослужения участников экспедиции пригласили на чудесный обед к губернатору. Помимо хозяев и отца Себастьяна, мы встретили здесь почти всех белых жителей острова — двух монахинь, руководивших колонией для прокаженных к северу от деревни, чилийского капитана авиации, изучавшего здесь возможности строительства аэродрома для будущей трансокеанской воздушной линии, а также двух помощников губернатора. Не было только врача и учителя. Мы ни разу их не встретили, они не присутствовали даже в церкви, и я обратил внимание, что нашего врача попросили понаблюдать за губернатором, который страдает пороком сердца.

Когда мы вечером возвращались домой, нас остановил невысокий коренастый мужчина с черными, как смоль, глазами и взъерошенными черными волосами. Это был сельский врач. Он приглашал всех нас на хулу. Танец хула настолько популярен, что никто не стал отказываться.

Танцы происходили в маленьком домике сестры старосты. К нашему приходу там собралось столько народу, что некоторым пришлось вылезти в открытые

окна, иначе мы не сумели бы войти в дверь. К своему ужасу, я увидел, как из рук в руки передается большой кувшин с жидкостью цвета виски, которую разливают в широкие стаканы. Но оказалось, что это агуа пура, «чистая вода», собранная с крыши. Все от души веселились, а когда женщины вытащили наших смущенных моряков и неповоротливых ученых на середину комнаты и заставили их извиваться в танце, как угрей на крючке, в комнате раздались взрывы хохота и на четырех языках посыпались шуточки. Здесь было так шумно и тесно, что стены, наверно, были бы раздавлены наружу, если бы с той стороны их не подпирало еще большее число островитян, которым хотелось заглянуть в окна битком набитой комнаты. Четыре человека пели и играли на гитарах. В разгар веселья ко мне протиснулся деревенский врач, чтобы посвятить меня в глубокие политические проблемы.

— Моя цель — открыть этим людям окно в мир, — сказал он.

«Это было бы недурно, — подумал я, — ведь скоро здесь нечем будет дышать». Но он имел в виду другое, и мне пришлось выйти с ним на улицу и выслушать его серьезную речь.

Врач и учитель стоят в оппозиции ко всем остальным белым на острове.

— В наших жилах течет индейская кровь, — сказал он, показывая на свои горящие черные глаза. — Мы хотим, чтобы жители получили возможность выезжать с этого острова и знакомиться с жизнью на материке.

«А отец Себастьян этого не хочет, — подумал я. — Он боится, что островитяне сопьются, как только получат неограниченный доступ к алкоголю. Он боится, что любой человек сможет злоупотребить их доверием и они потеряют там человеческий облик».

— Мы хотим поднять их жизненный уровень до современного, — продолжал врач. — Мы хотим, чтобы все босые обулись.

«А отец Себастьян считает это неразумным», — подумал я. Однажды я сам слышал, как он говорил, что островитянам, никогда не носившим обувь, привыч-

нее ходить босиком по этому острову, где обувь быстро приходит в негодность из-за острых камней лавы. Если же кто и начинает носить обувь, то кожа ступни становится тонкой, и когда ботинки изнашиваются, люди до крови ранят себе ноги. «Видно, все эти проблемы имеют две стороны,— решил я.— Отец Себастьян занимается ими всю жизнь, тогда как молодой врач прибыл лишь с последним рейсом военного судна».

— Прежде чем уйти, вам бы следовало заплатить музыкантам тысячу песо или лучше пятнадцать долларов в твердой валюте. Они этого ждут,— добавил он.

— Но ведь все люди, собравшиеся здесь, угощаются нашим шоколадом и курят наши сигареты. Они весят не меньше, чем мы,— ответил я.

— А разве в Европе вы не платите оркестру, который играет для вас? Если вы не отблагодарите музыкантов только потому, что они местные жители, никто в другой раз не пригласит вас на пляски.

Я тихо позвал своих парней, мы поблагодарили хозяев и пошли домой, не заплатив музыкантам. Но приглашения на хулу в деревню Хангароа не прекращались все время, пока мы находились на острове.

Мы наняли на работу большое число местных жителей. Некоторые из них жили дома, в деревне, и каждое утро приезжали на работу верхом, другие переместились в пещеры, поближе к месту раскопок. Чтоб освободить как можно больше своих людей, мы также наняли четырех женщин для стирки и уборки в лагере. Одна из них, Эрория, оказалась неутомимой работницей и превосходным человеком. Тому, кто ее не знал, она казалась грозовой тучей. Но стоило только вызвать ее широкую улыбку, а это было нетрудно, как суровое лицо ее озарялось ослепительным светом, а туча испарялась, как утренняя роса. Вот уже много лет она служила экономкой у отца Себастьяна, и он уступил ее нам для присмотра за лагерем, как честнейшую и самую надежную женщину. Как это ни удивительно, Эрория и ее старая седовласая золовка Мариана были самыми ревностными исследователями пе-

щер. Со свечкой и небольшой железной тяткой для раскопок они исходили весь остров в поисках древних пещер-жилищ. В полу этих пещер они откапывали каменные топоры и костяные орудия для небольшой коллекции отца Себастьяна.

— Только в пещерах и можно что-то найти,— сказал нам однажды отец Себастьян.— Возьмите с собой Эрорию и Мариану и попросите их показать все древние пещеры, которые они разыскали.

Когда раскопочные группы развернули свою работу, мы оседлали четырех лошадей, захватили с собой Эрорию и Мариану и вместе с фотографом поехали осматривать древние пещеры.

В первый день мы с утра до вечера ходили по темным пещерам. Некоторые из них были совсем открытыми, и достаточно было только нагнуться, чтобы войти внутрь. Другие были тщательно заложены камнями — оставалось лишь небольшое квадратное отверстие, проникнуть в которое можно лишь на четвереньках. Большинство же пещер представляло собой настоящие мышеловки — в них нельзя пробраться даже на четвереньках, нужно вначале просунуть выпрямленные в коленях ноги и, вытянув руки над головой, извиваясь, подобно змее, пролезть сквозь длинную и крайне узкую шахту. Все эти шахты были выложены искусно обработанными плитами. В некоторых пещерах шахта шла через каменную стену горизонтально, а иногда спускалась вниз наклонно. Но были и такие, где шахта уходила в землю вертикально, как дымоход, и приходилось притормаживать плечами и бедрами, пока не провалишься сквозь потолок в черную, как ночь, пещеру.

Большинство пещер были настолько низкими, что мы ходили в них, нагнув голову. В некоторых можно было только сидеть или стоять, согнувшись в три погибели. Здесь жители острова Пасхи обитали в прошлом, по крайней мере в те беспокойные времена, когда люди не чувствовали себя безопасно в камышовых хижинах на поверхности земли. Здесь они укрывались, когда на остров приезжали представители нашей расы.

Большая часть пещер была размером со среднюю

ванную. В них было так темно, что не удавалось различить даже собственную руку, если не поднести ее к отверстию узкой шахты. Полom служила холодная земля, на которой отбросы многих поколений образовали толстые напластования. Тысячи рук и колен настолько ее утрамбовали, что она стала твердой, как автопокрышка. Крышей и стенами служила голая скала, нередко выровненная искусной каменной кладкой.

В одном месте мы спустились в нечто вроде огромного колодца, выложенного камнем. Достигнув дна, мы пролезли через узкое отверстие и обнаружили три просторные пещеры, расположенные этажами наклонно друг над другом. Это место вызывало чувство особого благоговения у Эрории: тут проживал ее дед, и место это принадлежало некогда ее роду.

Обе женщины основательно изрыли здесь пол своей тямкой. Я поднял с рыхлой земли отпиленный кусок человеческой кости. С одной стороны в нем имелась дырка, и его можно было вешать на шею как амулет.

Немного ближе к берегу Мариана показала заросший фундамент древней, сделанной в виде лодки хижины из камыша. Следы от таких хижин мы повсюду находили на острове. Здесь родился ее свекор, отец Эрории, здесь он жил до тех пор, пока все население не переехало в деревню Хангароа, чтобы пройти обряд крещения.

«Значит, это было не так давно», — подумал я, бросив взгляд на обеих женщин; по внешнему виду и манерам женщин можно было подумать, что они жили во времена Ноя.

Фундамент домика напоминал борт довольно крупной шлюпки; с обеих сторон он заканчивался острием и был выложен из великолепно обработанных камней с красивыми изгибами. На верхней его поверхности виден был ряд глубоких отверстий, куда вставляли ветви, бывшие когда-то остовом самой хижины. Если все хижины, остатки которых мы находили повсюду на острове, использовались одновременно, то население острова Пасхи было когда-то весьма значительным.

Эрория и Мариана обнаружили множество древних жилых пещер. В большинстве из них обе женщи-

ны уже орудовали своими тятками, но некоторые пещеры еще не были «открыты», то есть никто не бывал в них с тех пор, как отсюда ушли последние жители, завалив входы глыбами лавы. Когда я однажды хотел проникнуть внутрь и откатил такую глыбу в сторону, то обнаружил под ней четырнадцать неподвижно сидящих скорпионов. В другом месте вход в пещеру был настолько узким, что мне пришлось совсем опорожнить карманы, и лишь после многократных попыток, сняв рубашку, я с трудом сумел протиснуться внутрь.

В темноте фонарик осветил белые человеческие кости. Осторожно приподняв один череп, я нашел под ним черный обсидиановый наконечник для копья и осиное гнездо. Я поблагодарил судьбу за то, что в гнезде не было обитателей, не то досталось бы мне прежде, чем я сумел бы выбраться из тесной западни.

Возвращаясь к вечеру домой, мы ехали по каменистым склонам к западу от лагеря. Повсюду валялись глыбы лавы и громоздились каменные осыпи. У одной из них, ничем не отличавшейся от тысяч других, мы сошли с коней. Сын Марианы рассказывал ей, что здесь он видел вход в пещеру «другого типа». Как можно опознать нужное место на этой большой каменной территории, было для меня загадкой, особенно когда я узнал, что «адрес» этого жилища Мариане сообщили лишь устно. Но зато, я думаю, разобраться в городском лабиринте улиц было бы для нее гораздо труднее.

К этому времени мы с фотографом уже считали, что женщины, потомки жителей пещер, хорошо обучили нас лазить в узкие шахты; мы слепо выполняли их советы и всегда забирались в шахту сначала ногами, вытягивая руки над головой, и если шахта не была вертикальной, то перемещались на спине, носом вверх. В этой же пещере старая Мариана вначале легла на живот и посветила в квадратное отверстие, которым начиналась отвесная шахта, потом попросила меня повернуться лицом в определенном направлении и проталкиваться ногами вперед, сохраняя все время это положение. Благодаря силе тяжести я медленно спускался вниз, тормозя по мере надобности бедрами

и плечами — здесь было так тесно, что пришлось под-
нять руки вверх и прижать их друг к другу над голо-
вой. На этот раз труба заканчивалась в глубине тупи-
ком, и я очутился на дне с беспомощно зажатыми над
головой руками.

В нижней части одной из стенок имелось неболь-
шое квадратное отверстие. Медленно опускаясь вниз,
приняв сидячее положение, зажатый между тщательно
укрепленными камнями, я распрямил ноги, чтобы
просунуть их в это боковое отверстие. Затем надо было
лечь плашмя и вслед за ногами подтягивать туловище,
пока, наконец, не растянешься на спине в тесной гори-
зонтальной трубе с вытянутыми над головой руками.
«Нет, лучше уж современная квартира с лифтом», — по-
думал я. Как неприятно лежать под землей, когда но-
сом упираешься в камень, а руки сжаты за головой, и
ты даже не можешь подтянуть их к корпусу! При таком
положении рук чувствуешь себя в этой крысиной норе
окончательно скованным. Кажется, что каменные стены
все теснее сжимают твою голову и кричат: «Руки вверх,
ты взят в плен!» Лучше не обращать внимания на этот
«крик», не пытаться освободить руки — это бесполезно;
лучше ни о чем не думать и ползти дальше, отталки-
ваясь пятками и двигая плечами, пока, наконец, не смо-
жешь согнуть колени и свободно болтать в пустоте но-
гами или же не почувствуешь, что подошвы уперлись в
стену и дальше передвигаться по шахте нельзя. Если
ноги уперлись в стенку, то, значит, ход делает новый по-
ворот под прямым углом и надо, оставляя руки в том
же положении за головой, перевернуться на живот и
двигаться ногами вперед дальше в следующую тесную
вертикальную шахту, которая заканчивается последним
хитроумным поворотом. Там оказываешься зажатым
еще крепче, пока с трудом не перевернешься опять и не
попадешь в горизонтальный тоннель. Но неожиданно
пол и стены исчезают, и ты, наконец, оказываешься в
пещере. Можно освободить руки, очистить лицо от
песка, как угодно двигаться и постараться, прежде чем
зажечь фонарь, не стукнуться головой о потолок.

Побывав в двух таких пещерах, я научился тащить
за собой в руке карманный фонарик. Это позволяет ви-

деть по мере продвижения тесную шахту позади себя. Такая шахта всегда красиво выложена гладкими камнями без помощи скрепляющего раствора. В поперечном разрезе она представляет собой квадрат, напоминающий узкую дымовую трубу. Часть отполированных камней внутри шахты взята из фундамента древних камышовых хижин и имеет симметрично расположенные отверстия — значит люди, построившие когда-то эти входы в пещеры, сносили светлые идиллические домики из камыша, чтобы построить себе взамен эти отвратительные крысоловки.

Во время первого путешествия в темный подземный мир острова Пасхи у меня не было с собой даже спичек. Гладкий пол таил много неожиданностей, и мне, словно слепцу, пришлось ждать в темноте. Я прислушался и услышал, как в шахту спускается кто-то из моих спутниц. Вскоре рядом со мной очутилась старая Мариана. Она зажгла свой огарок, но это мало помогло. Здесь, в глубине, стояла кромешная тьма. Я различал лишь горящие глаза Марианы на фоне оттененных светом морщинок и шапку пепельно-серых волос — словно причудливое лицо за оконным стеклом. Она зажгла еще один огарок свечи и вручила его мне.

Держа свечи в вытянутых руках, мы постепенно стали различать изгибы и выступы стен. На полу валялось несколько больших наконечников копий. Наконец появилась и Эрория — спуск в шахту был для нее нелегко. Женщины рассказали мне, что пещера эта не была обычным жилищем. Это убежище военного времени, куда враг проникнуть не мог. Если это действительно было убежищем, то, судя по толщине слоя плотно утрамбованных отбросов на дне пещеры, войн тут было много, и они были продолжительными. Я не мог понять, как люди отваживались забираться в эти крысоловки даже в военное время. Ведь достаточно было врагу завалить шахту камнями, как они оказались бы закупоренными навсегда. Но искусство, видимо, и заключалось в том, чтобы держать эти убежища в секрете. Если это удавалось, то небольшой вход закрывали за собой камнем, и найти беглецов было очень трудно.

В одной из стен мы обнаружили среди камней не-

большое отверстие. Я полез в него, а за мной по пятам Мариана и Эрория. Мы попали в новую, более крупную пещеру. Пробравшись затем сквозь маленькое отверстие в дальнем ее углу, мы очутились в большом помещении. Потолок скрывала темнота, его нельзя было разглядеть даже при свете свечей. Мы пошли дальше. Кое-где помещение было просторным, как железнодорожный тоннель, кое-где нам приходилось ложиться плашмя на живот и ползти по-змеинному, пока потолок не становился выше, образуя новое просторное помещение. Каждый раз, когда я оборачивался и проверял, поспевают ли за мной женщины, я видел прямо перед собой вытянутое лицо Марианы — она не отставала от меня ни на дюйм.

Мариана научила меня избегать расшатавшихся глыб, нависавших под потолком, дыр и трещин в полу. В одном из помещений мы увидели ручеек. Вода пересекала наш путь и уходила в боковое ответвление, куда мы и направились. Здесь люди прорубили в полу канавку, по которой вода стекала в несколько искусственных ям и собиралась там, как в тазу. В нижней из этих луж я вымыл руки, а из верхней напился. По сравнению с той, которую мы получали наверху, эта вода казалась столь же вкусной, как самое благородное вино: холодная, чистая, приятная. Я подумал, что древние жители пещер умели наслаждаться водой лучше и понимали в ней толк больше, чем мы, горожане, получающие из наших металлических труб лишь третьесортную жидкость.

В глубине горы пещера многократно разветвлялась и самые дальние проходы имели форму узких катакомб с плоским полом; потолок и стены образовывали красивые дугообразные линии без каких-либо выступов или неровностей. Все время казалось, что это сооружение создано людьми, но в действительности оно представляло собой лишь каналы от скопления газов, оставленные в раскаленной массе в ту эпоху, когда весь остров Пасхи представлял собой жидкую лаву. На отдельных весьма протяженных участках гладко отполированные на вид сводчатые ходы настолько сузились, что даже если вы ползли, лежа на животе, они

облегалли вас, словно хорошо подогнанный к вашей фигуре костюм. Некоторые из ходов заканчивались небольшими куполами в виде колокола, другие были забиты камнями или настолько сужались, что ползти дальше было невозможно.

Мы осмотрели большое количество этих огромных пещер, в которых одно помещение сменялось другим, словно жемчужины, нанизанные на шнур, ведущий в преисподнюю. Все они имели тщательно заложенный камнями выход на поверхность, и попасть сюда можно было только по узким коленчатым или зигзагообразным трубам-проходам, где любой враг оказался бы совершенно беспомощным. Во многих из наиболее крупных пещер протекали ручейки; две пещеры имели под землей настоящие водоемы, а в глубине третьей мы обнаружили выложенный камнем колодец с ледяной водой, место вокруг было вымощено плитами и обнесено каменной террасой трехметровой высоты.

В этих просторных убежищах могло укрываться все население острова Пасхи, однако было очевидно, что каждый ход в пещеру принадлежал отдельному роду или родовой группе. Это был период, когда на острове бушевали кровавые гражданские войны и никто не мог спать спокойно в хижине из камыша.

Расхаживая под землей в больших темных убежищах, я подумал, как глупо поступали жители этого солнечного островка Южных морей, прячась в убежищах, вместо того чтобы мирно жить под солнцем со своими соседями. Но затем я подумал и о мире двадцатого столетия, где мы тоже начали копать себе глубоко под землей убежища, испытывая чувство страха, поскольку сами мы и наши соседи начали играть с атомной бомбой. И я простил примитивных прародителей Эории и Марианы. Видения прошлого и будущего смешались друг с другом в подземных темных закоулках.

Я начал пробираться вверх по длинной зигзагообразной шахте и с облегчением вздохнул, выбравшись на залитую солнцем землю, где мирно паслись овцы и спокойно стояли лошади, прислушиваясь к шуму волн океана.

Нам потребовалось восемьдесят минут, чтобы прой-

ти и проползти по всем ходам первой большой пещеры. Выбравшись на поверхность через самую дальнюю шахту, мы встретили фотографа, который рассказал, что не на шутку переволновался. Спустившись до середины шахты, он ощутил приступ клаустрофобии * и решил выбраться назад и подождать нас наверху. До сих пор у нас уходило на осмотр пещеры не более двух-трех минут, ибо нам не было необходимости там копать. Поэтому, терпеливо прождав три четверти часа, фотограф забеспокоился, сунул голову в шахту, окликнул нас и, не получив ответа, не на шутку испугался. Он долго звал и аукал, голос звучно резонировал в шахте, но слышал его в конце концов лишь старый Касмирус, который примчался издалека со своим револьвером и, пока мы выбирались из пещеры, преданно поджидал нас вместе с фотографом.

Мариана вылезла последней. Подняв с камней оставленную ею большую соломенную шляпу, она попросила нас всегда брать с собой головной убор или другую вещь и оставлять у входа в пещеру, если мы спускаемся вниз в одиночку. Однажды несколько чилийских матросов, рассказала она, захватили с собой одного островитянина и спустились в пещеру в поисках сокровищ. Внизу у них испортился фонарь. Потом кончились спички. В темноте матросы заблудились и не смогли найти выхода. Жизнь им спасли оставленные наверху куртки и бескозырки — их обнаружил один островитянин и понял, что кто-то находится под землей.

Археологи произвели раскопки в ряде пещер. Жители их оставляли отбросы тут же, на полу, и во многих местах кучи отходов выросли под самый потолок. Здесь же валялось множество рыбьих костей и ракушек, иногда попадались куриные, реже черепаший кости. В меню жителей пещер входило крысиное и человеческое мясо, которое жарили на раскаленных камнях в земле.

В этих пещерах жили каннибалы. Если не считать маленькой местной крысы, единственной дичью, кото-

* Клаустрофобия — болезненный страх закрытого помещения (*Прим ред*)

рую они могли поймать на острове, были их двуногие враги. При тусклом свете примитивных каменных светильников они растеряли на полу среди отбросов множество тонких швейных игл из человеческих костей. Простейшие орудия из камня, кости, вулканического стекла, а также нехитрые амулеты из костей и ракушек — вот все, что мы обнаружили в этих жилищах.

Но что-то здесь все-таки было не так! Могли ли эти жалкие примитивные людоеды быть творцами гигантских классических изваяний гордых властителей, которые возвышались над островом? Как мог народ, еще не проявив себя в других сферах культуры, дать столь гениальных инженеров и талантливых художников, какими были создатели этих гигантских монументов? И как сумели люди, не жившие даже вместе общим поселением, а ютившиеся в тесных пещерах, организовать обработку каменных монолитов?

По узкому проходу я спустился в пещеру, где при свете парафинового фонаря сидел Билль и осторожно копал лопаточкой. Рядом с ним лежал мешочек, полный обожженных человеческих костей.

— Все те же нехитрые следы, — сказал он, откапывая два коренных зуба. — Смотри, здесь сидели эти старые свиньи, пожирая друг друга, а зубы выплевывали на пол.

Человеческое мясо на этом острове употребляли в пищу не только в особо торжественных случаях. Среди островитян еще сохранились легенды о войнах, которые рыбе и цыплятам предпочитали мясо своих собратьев. Распространены также легенды о более ранней эпохе величия острова, когда народ «длинноухих» мирно жил с предками нынешних жителей острова, «короткоухими». Но длинноухие заставляли короткоухих слишком много работать. Это привело к войне, во время которой во рву сгорели почти все длинноухие.

С того дня пришел конец созданию статуй, многие из воздвигнутых гигантов были обвязаны канатами и сброшены со своих пьедесталов. Родовые усабицы и людоедство продолжались вплоть до той эпохи, когда в период детства родителей нынешнего поколения

островитян здесь высадился отец Эугенио и мирно объединил в деревне Хангароа все население острова.

Отец Себастьян был убежден, что на остров Пасхи пришли два разных народа с различными культурами, и местные жители упорно утверждают, что так оно именно и было. В своей книге отец Себастьян указывает, что жители острова Пасхи во многом отличаются от населения других островов Тихого океана, в частности среди них встречаются несомненные потомки белых людей *. Об этом же рассказывали Роггевен и первые путешественники. Отец Себастьян пишет, что по бытованию здесь ныне преданиям многие из предков островитян в очень давние времена имели белую кожу, рыжие волосы и голубые глаза.

Когда отец Эугенио первым из европейцев поселился на этом острове и собрал всех жителей в деревне Хангароа, он был поражен, обнаружив среди них немалое количество людей с абсолютно белой кожей. Когда пятьдесят лет тому назад на острове побывала экспедиция Рутледж, жители его все еще делили своих предков по цвету кожи на две расы и рассказывали, что последний король был белым человеком. К людям с белой кожей относились с уважением, и они были предметом восхищения. Точно так же, как на других островах Южных морей, островитяне, занимающие видное положение, подвергались специальному ритуалу обесцвечивания кожи, чтобы как можно больше походить на своих столь почитаемых предков.

Однажды к нам зашел отец Себастьян, чтобы проводить нас в пещеру Ана о Кеке, священное место обесцвечивания кожи девушек *н е р у*. Так называли специально избранных молодых девушек, которых в прежние времена заточали в глубокой пещере, чтобы к особым религиозным праздникам они имели как можно более бледную кожу. В течение долгого времени эти девушки не видели людей и дневного света, пищу им просовывали в пещеру специально выделенные для этого женщины. Островитяне до сих пор помнят, что

* P. Sebastian Englert «La Tierra de Hotu Matu'a» Chile 1948 pag 203, 205 (Прим. автора)

оспа, свирепствовавшая на острове после возвращения с континента увезенных в свое время в рабство жителей, не проникла к девушкам и еру, и они умерли в пещере от голода, ибо никто больше не приносил им пищу.

Вход в пещеру Ана о Кеке, что означает «Пещера заката солнца», находится на восточной оконечности острова. Чтобы попасть туда, нам пришлось пройти мимо самого крайнего в восточной части острова вулкана Катики, за которым расположены три холма, где испанцы когда-то поставили свои первые кресты. Здесь тоже находилась пещера-жилище, а рядом с ней в скале была высечена страшная голова дьявола. Во время дождя вода стекала ей прямо в пасть, имевшую такие размеры, что я без труда забрался в нее и спрятался под нижней ее губой. Но отец Себастьян повел нас дальше, к самому краю крутого обрыва, который опоясывает этот высокий полуостров, ниспадая прямо в море.

Дул сильнейший восточный ветер; он рвал с нас одежду, и все чувствовали себя крайне неустойчиво. Отец Себастьян так уверенно шел по краю обрыва, что мы четверо, следуя за ним, испуганно умоляли его держаться подальше от обрыва. Но наш друг в развевавшейся по ветру длинной сутане и большущих черных ботинках продолжал спокойно идти дальше по самому краю обрыва. Он искал нужное место, но не помнил точно, где оно находится. Вдруг он радостно улыбнулся, поднял вверх руки — вот, здесь оно! Отломив кусок коричневато-желтой породы, отец Себастьян показал, что камень здесь рыхлый и следует идти осторожно. Затем он направился прямо к краю обрыва, и не успели мы оглянуться, как отец Себастьян вдруг исчез.

От растерянности Карл присел на землю и схватился за шляпу; я подполз к обрыву и осторожно посмотрел вниз. Моему взору открылся обрыв, а далеко внизу, у подножия горы, медленно катились пенящиеся волны. Океан, насколько хватает глаз, был покрыт белыми гребнями, в шуме волн и свисте ветра тонули все остальные звуки. Слева, на узком карнизе, я увидел

белую сутану отца Себастьяна. Ударяя в отвесные скалы, ветер все время менял направление. Преодолевая его бурные порывы, плотно прижимаясь к скале, отец Себастьян осторожно спускался вниз.

Как я восхищался этим старым священником! Глубокая вера придавала ему смелость, он не испытывал чувства страха перед лицом опасности. Казалось, что он способен идти по воде. Вот, улыбаясь, он обернулся ко мне, указал знаком вниз и поднес ко рту пальцы — дал понять, чтобы я захватил с собой пакеты с едой, там внизу мы позавтракаем. На резком ветру я чувствовал себя так неуверенно, что отполз подальше от края и скинул рубашку. Затем взял пакеты с завтраком и пошел по карнизу вслед за отцом Себастьяном.

Когда я стал спускаться, он опять исчез, и я не видел его белой сутаны. Прямо под нами, на глубине двухсот метров, катили волны. Покорение горных вершин отнюдь не является моей стихией, и, чувствуя себя далеко не так уверенно, как он, я осторожно спустился на карниз, прижался к скале и последовал за отцом Себастьяном. Двигался я очень осторожно и на каждом шагу пробовал, выдержит ли под ногами порода. Не больше всего беспокоил ветер.

Так добрался я до небольшого выступа в скале, где единственной опорой служило что-то похожее на кусок застывшей лавы, отделенный от каменной стены трещиной. Если этот кусок выдержал отца Себастьяна, то он, видно, выдержит и меня. Я слегка толкнул его ногой, однако нажать на него сильнее не решился.

Заглянув за выступ, я снова обнаружил отца Себастьяна. Он виднелся в скале, вернее торчали его голова и плечи, зажатые в отверстии, вдвое меньшем, чем отверстие собачьей конуры. Он лежал и смеялся. Именно таким он навсегда остался в моей памяти — Диогеном в бочке острова Пасхи, с тонкими очками на носу, широкими белыми рукавами и пышной бородой. Увидев меня, он помахал рукой и крикнул:

— Добро пожаловать в мою пещеру!

Из-за шума океана я с трудом разобрал его слова. Затем отец Себастьян опустил бороду к узкому карнизу и подвинулся в глубь тесной трещины, чтобы осво-

бодить мне место, так как ниже входа скала обрывалась прямо в море. Я перебрался на этот карниз и протиснулся вслед за ним в пещеру. Шум, ветер и свет исчезли, тут было очень тесно, но вскоре потолок стал выше. Здесь, в чреве горы, царила полная тишина. Внутрь слегка проникал свет, и вскоре мы стали различать друг друга. Я включил карманный фонарик и увидел на неровных стенах множество странных знаков и изображений.

Это и была пещера Ана о Кеке. Тут бедные девушки сидели неделями, может быть, месяцами, ожидая, пока кожа у них не побелеет настолько, что их можно будет показывать народу. Высота потолка была менее полутора метров, и разместиться в пещере могла лишь дюжина детей, и то если их посадить вдоль стен.

Вскоре еще кто-то спутился в пещеру, стало совсем темно. Это был один из сопровождавших нас островитян. Отец Себастьян немедленно послал его за остальными: нечего им бояться, если он, шестидесятивосьмилетний старик, прошел впереди. Вскоре все мы сидели и наслаждались завтраком. Показав на небольшое отверстие в задней стене, отец Себастьян рассказал, что если ползти этим путем, можно проникнуть в другую пещеру, на глубину трехсот восьмидесяти метров. Но путь этот самый ужасный из всех, которые он когда-либо проходил, и он никогда не согласится повторить это путешествие. Примерно в средней части проход настолько сужается, что человек едва может по нему двигаться, а в самой пещере, как в погребальном склепе, валяются зубы и остатки костей. Как можно было внести туда тело умершего, для отца Себастьяна осталась загадкой. Двигать труп впереди невозможно, а волочить его за собой — значит закрыть себе выход.

Я натянул рубашку и решил спуститься в эту пещеру. Отец Себастьян рассмеялся при мысли о том, что меня ожидает; он уверял, что я вернусь, как только увижу, что там за спуск. Сопровождать меня вызвался лишь один островитянин, и мы полезли в отверстие.

Пещера разветвлялась, но ходы тотчас же сходились вновь, образуя узкий проход, по которому нам

приходилось пробираться ползком. Вскоре потолок стал выше, и мы очутились в длинном тоннеле, настолько высоком и просторном, что в целях экономии времени мы стали передвигаться бегом. Фонарь у нас был плохой и светил лишь в полсилы. Еще в лагере испортились батарейки, и на всякий случай у меня в кармане брюк был огарок свечи и коробка спичек. Чтобы сберечь батареи, я все время гасил фонарь, и мы пробежали, проходили и проползали в темноте такое расстояние, какое успевали разглядеть при каждой вспышке света. Раза два мы стукались головой о потолок, и небольшие, похожие на капли кусочки камня скатывались по затылку и шее. В одном месте пол был глиняный, и по нему протекал ручеек. Проход становился все ниже и ниже, нам пришлось согнуться и продвигаться на четвереньках по воде и грязи. В конце концов проход стал настолько низким, что мы вынуждены были лечь плашмя на живот и двигаться дальше ползком. Ледяная грязь набивалась в рубашку и брюки.

— Отличная дорога! — крикнул я назад.

Мой спутник, месивший грязь позади меня, улыбнулся. Путь становился все хуже и хуже. Я начал понимать, что имел в виду отец Себастьян. Но раз он сумел здесь пройти, то и мы не должны отступать с полпути. В следующий момент я чуть не передумал. Хотя я уже наполовину погрузился в воду и жидкую грязь, проход неожиданно настолько сузился, что, несмотря на все попытки, я не мог найти дорогу дальше. Карманный фонарик воды не боялся, но как очистить стекло, когда я сам лежал плашмя в грязи? В тусклом свете фонаря было видно, что проход не только узкий, но и настолько низкий, что казалось — пути дальше нет. Но сумел же здесь пробраться отец Себастьян, не было бы только хуже. Я медленно протиснул грудь, чувствуя, что с трудом, но продвигаюсь. Сверху и снизу давила скала, но пядь за пядью, раздвигая грязь, я пробирался вперед. Все это было так трагикомично, что я не удержался и снова крикнул ползущему за мной бедняге: «Отличная дорога!» Но чувство юмора уже покинуло его.

— Плохая дорога, сеньор, — раздалось в ответ.

Так, словно зажатые в стальные тиски, проползли мы метров пять и, преодолев это «игольное ушко», попали туда, где лежат скелеты. Здесь снова было сухо, свод стал выше, и мы опять могли то карабкаться на четвереньках, то быстро идти по проходам. Когда несчастные девушки неру хотели поразмять ноги и немного погулять во время своего длительного пребывания в пещере, прогулка их здесь отнюдь не напоминала романтическое гулянье при луне.

От мокрой грязи я продрог и заоченел. Посветив назад, чтобы посмотреть, следует ли за мной мой омуглый друг, я обнаружил, что меня преследует живое глиняное чучело; лишь его глаза и зубы выступали на фоне таких же глиняных стен.

Наконец пещера закончилась крутой и скользкой глиняной горкой, поднимавшейся к отверстию в своде. После многочисленных бесплодных попыток мне в конце концов удалось взобраться под купол. Он имел вид колокола и, казалось, был сделан людьми, хотя в действительности представлял собой лишь полость, образованную скоплением газов. Здесь я нашел огарок свечи, оставленный когда-то отцом Себастьяном. Моя свечка по-прежнему лежала в заднем кармане. Я попробовал зажечь найденный огарок, но это мне не удалось, так как спички отсырели.

Пот струился по лицу. Воздух был тяжелым, я поспешил скатиться с глиняной горки к ожидавшему меня спутнику, и мы поползли назад так быстро, как только позволяли слабый свет фонаря и теснота прохода.

Передвигаясь то ползком, то во весь рост подземными ходами, мы, вероятно, походили на кротов, да и чувствовали себя ими. Добравшись до «игольного ушка», мы бодро плюхнулись в грязь и воду, протискиваясь в щель. Островитянин двигался за мной по пятам, и дюйм за дюймом мы ползли вперед, чувствуя, как сжимают грудь объятия неподатливого камня.

Длинным был путь туда, но обратный оказался нам еще длиннее. Мы все еще пытались шутить: ведь скоро мы выберемся на землю. Одежда моя промокла насквозь. Я был грязен, меня одолевала усталость, пот

струился по лицу. Воздух вокруг был спертый. Теперь мы уже молча ползли вперед, вытянув вперед руки и стараясь не опускать в грязь фонари.

Кажется, только что было просторнее? Но теперь снова стало теснее. Казалось даже странным, что все еще тянется этот узкий проход, что мы еще не попали в наружный тоннель. Эта мысль вяло бродила в моем усталом мозгу, пока я подтягивался вперед, чтобы проташить в эту узкую щель свое тело. Наконец при слабом свете фонаря прямо перед самым носом я увидел, что проход вдруг круто поднимается вверх и протиснуться туда не удастся. Может быть, гораздо легче было преодолеть это место, когда мы спускались в пещеру, и я не предусмотрел, насколько трудно будет пройти его обратно? Как ни странно, но ничего этого я не помнил. Ценой невероятных усилий я еще немного просунул вперед свое тело. Миллионы тонн давили мне в спину и на грудь. Изогнувшись, я попытался заглянуть в узкое отверстие. К своему ужасу, я обнаружил, что этот подъем нам не одолеть.

— Дальше некуда,— сказал я тому, кто двигался за мною следом.

— Ползите дальше, сеньор, другой дороги нет,— простонал он в ответ.

По лицу моему пот струился уже градом. Я протиснулся еще чуть-чуть вперед — голова свернута набок в тесном проходе между камнями, а грудь сдавлена дьявольскими клещами. Подняв фонарик вверх, я увидел, что отверстие там меньше моей головы.

В тот же миг я погасил фонарь: необходимо экономить каждую искру, нас могут ждать еще большие неприятности, а подумать над создавшимся положением можно и в темноте. Тут я почувствовал, как мое тело сдавил каменный массив всего полуострова Поике. Ох, как тяжело! Надо совсем расслабиться, сделаться как можно тоньше. Но все равно гора давит и сверху и снизу.

— Ползи назад! — крикнул я своему спутнику.— Дальше нельзя.

Он наотрез отказался, умоляя меня протискиваться дальше: другой дороги из этого ада нет.

Не может быть! Проход здесь делал небольшой поворот. Я снова зажег фонарь и, немного подавшись назад, осмотрел почву у себя под руками. Похоже на смесь земли и сыроватой глины. Отчетливо виднелись отпечатки рубашки и пуговиц, а там, где я держал руки,— следы пальцев. Но дальше — суглинок и гравий, которых не касались ни люди, ни животные.

Я снова погасил фонарь. Какой тяжелый воздух! Грудь в дьявольских клещах. Пот по-прежнему струится градом. Может быть, древний проход завалило от сотрясения, вызванного нашим движением или голосами? Если обвалился потолок и загородил проход впереди, то как мы прокопаем себе выход на поверхность, если теснота не позволяет откидывать назад землю и камни? Как долго сможем мы протянуть в этом спертom воздухе, прежде чем остальные поймут, что произошло, и придут к нам на помощь? Или, быть может, мы сбились с пути и попали в проход, который заканчивается тупиком? Но как могло это случиться, если вся пещера представляет собой единый узкий тоннель и в той части, где мы находимся, не превышает по размерам ширину человеческого тела?

Островитянин напирал на меня сзади. Куски глины облепили тело, а гора давила весом всех своих миллионов тонн; чем больше я о них думал, тем сильнее они давили.

— Ползи назад! — крикнул я.

Он начал в полном отчаянии давить мне на пятки: ведь он не видел, что отверстие там мало, а я не мог пропустить его вперед, чтобы он сам в этом убедился.

— Ползи назад! Назад!

Казалось, островитянин впал в безумную панику. Я неистово заорал: «Назад! Назад!» — и стал толкать его ногой. Это помогло, дюйм за дюймом он начал двигаться назад, а я пополз за ним. Медленно, небольшими рывками, ползли мы, стараясь не застрять. Больше всего я боялся за голову, ведь ее не сожмешь, как грудь.

Но вот, наконец, стало свободнее. Я ничего не понимал, голова кружилась от недостатка воздуха. Неужели мы вернулись к тому месту, где сложены ске-

леты? Посветив, я увидел впереди два отверстия: направо вверх шел небольшой подъем. Здесь мы совершили ошибку и поползли влево, вместо того чтобы свернуть направо. Я крикнул своему спутнику, который продолжал машинально двигаться назад:

— Сюда! — Здесь, в пещере, голос звучал как-то особенно странно.

Я пополз в левый проход. Островитянин все так же машинально следовал за мной.

К моему ужасу, проход опять становился все уже и уже. Посветив, я увидел впереди то же самое маленькое отверстие и понял, что мозг работает уже не совсем отчетливо, — второй раз я пополз не в том направлении, хотя прекрасно знал, в какое отверстие следовало направиться.

— Ползи обратно, — простонал я, и оба мы стали чисто механически выполнять все движения. Снова, протискиваясь назад, я все время повторял одно слово: «Правая, правая, правая».

Вот и то место, куда выходят оба отверстия. Мы пробрались в правое и вскоре смогли подняться, бежать и ползти, чувствуя в тоннеле легкое движение прохладного свежего воздуха. Преодолев последнее отверстие, мы, наконец, попали в уютную пещеру с надписями на стене, где нас ожидали друзья.

Как чудесно выбраться из-под земли на шумный ветер, как чудесно увидеть ослепительное солнце и бескрайний простор, обрыв внизу, а перед собой всю вселенную, бесконечное небо и океан!

— Ну как, сдались? — с нетерпением спросил отец Себастьян, от души посмеявшись над нашим видом.

— Нет, — ответил я. — Но неудивительно, что в такой пещере имеются скелеты.

— Это называется, ты был в пещере, где бледнят кожу? — спросила Ивонна, когда я вернулся в лагерь. По моему виду этого нельзя было сказать.

Я пошел на берег и, не раздеваясь, бросился в соленые волны.

Глава IV

ТАИНА ВЕЛИКАНОВ ОСТРОВА ПАСХИ

Если мечтаешь слетать на луну, то можешь получить некоторое представление об этой планете, карабаясь по конусам потухших вулканов острова Пасхи. Вы не только целиком покидаете наш суетный мир, который отсюда кажется таким бесконечно далеким и неопределенным, но и находите здесь совершенно лунный ландшафт. Вы оказываетесь на маленькой приветливой луне между небом и океаном, где трава и папоротник покрывают раскинувшиеся по кругу безлесные горы, сонно зевающие, старые, поросшие мхом, без языков пламени и извержений вулканы. Они разбросаны по всему острову; и снаружи и внутри они покрыты зеленью. Пора извержений миновала так давно, что на дне двух крупнейших кратеров появились небесно-голубые озера, в которых колышется сочный камыш. Зеркальная их поверхность отражает гонимые пассатами облачка.

Один из заполненных водой кратеров называется Рано Рараку, и похоже, что здесь жители «Луны» вели самую оживленную деятельность. Их не видно, но кажется, будто они прячутся в темных отверстиях на склонах, пока вы безмятежно бродите в траве и разглядываете их прерванный труд. Очертя голову бежали они, бросив свою работу, а Рано Рараку остался как

один из крупнейших и удивительнейших памятников неведомому прошлому, которое безвозвратно ушло. Весь горный массив изорван на куски, вулкан кто-то изрезал с такой жадностью, словно это был кулич, а между тем стальной топор, когда вы ударяете им по породе, лишь высекает искры. Вырублены десятки тысяч кубометров горной породы, перенесены десятки тысяч тонн камня. И посреди зияющей пасти гор лежат свыше ста пятидесяти гигантских каменных людей, законченных и незаконченных на всех стадиях работы. У подножия горы готовые каменные люди поставлены в ряд, как армия неземных созданий. Ты чувствуешь себя ничтожно маленьким, когда верхом или на «виллисе» подъезжаешь к этой горе по древним дорогам, которые исчезнувшие ваятели проложили к своей гигантской мастерской.

Сходишь с коня в тени каменной глыбы и обнаруживаешь, что это голова упавшего на землю колосса. Вся экспедиция может найти под ней кров в дождливую погоду. Подойдя к ближайшим фигурам, зарытым по грудь в землю, ужасаешься: невозможно достать рукой до подбородка исполина. А если попробуешь залезть на те фигуры, что лежат на спине, то почувствуешь себя настоящим лилипутом — часто трудно взобраться им хотя бы на живот. По телу и лицу лежащего Голиафа можно свободно прогуливаться или же растянуться у него на носу, часто по величине не уступающему обычной кровати. Десять метров — такова высота этих фигур, а крупнейшая из них, незаконченная, расположенная на склоне вулкана, достигает двадцати двух метров. Если считать высоту одного этажа в три метра, то каменная статуя имеет высоту семиэтажного дома. Это исполин, настоящий горный тролль!

На Рано Рараку вы как бы вплотную соприкасаетесь с тайной острова Пасхи. Ею насыщен воздух. К вам обращены молчаливые загадочные лица ста пятидесяти безглазых великанов, они уставились на вас с каждого уступа, из каждой пещеры в горе, где неродившиеся и усопшие исполины лежат, как в люльках или на смертном одре, безжизненные и беспомощные, лишенные творческой мысли, когда-то создавшей их.

Такой была картина, когда скульпторы прервали свою работу, и такой она останется навсегда. Спесивые, гордые, с плотно сомкнутыми губами, стоят самые старшие из гигантов, работа над которыми была завершена, и кажется, будто они упрямо думают, что никакое зубило, никакая атомная энергия не сможет их заставить открыть рот и заговорить.

И хотя рты великанов запечатаны семью печатями, многое открылось для тех, кто полазил по горному склону в хаосе незаконченных фигур. Где бы мы ни пробирались, где бы мы ни останавливались, повсюду нас, словно в комнате смеха, окружали колоссальные лица. Мы видели их анфас, в профиль, под любым углом. Все они изумительно похожи друг на друга — одинаково стоическое выражение лица и странно удлиненные уши. Мы лазили по носам и подбородкам, ходили по ртам и гигантским кулакам лежавших на склоне гигантов. По мере того как глаз научился различать творения искусства от творений природы, мы увидели, что вся гора представляет собой сплошную массу тел и голов. Наверху, на высоте ста пятидесяти метров над равниной, по-прежнему лежали рядом, глядя в небо, полузаконченные каменные исполины, и одни лишь ястребы парили над ними. Но и на гребне не кончилось нагромождение гигантов. Исполины лежали в самом кратере вулкана, спускаясь по его стенам до самого дна. Вплоть до сочной зеленой полосы камыша на берегу озера в кратере протянулась вереница безмолвных чопорных каменных людей, стоящих и лежащих, законченных и незаконченных, словно племя незрячих роботов, окаменевших в тщетных скитаниях в поисках живой воды.

Все мы были захвачены и поражены гигантскими работами, которые когда-то были прерваны на Рано Рараку, и лишь маленькая Анетта восприняла все это с поразительным спокойствием.

— Ой, какие куклы! — воскликнула она в восторге, когда я спустил ее с седла у подножия вулкана.

Но когда мы подошли ближе, размеры оказались слишком велики даже для мира ее фантазии. Она играла в прятки под шеями великанов, не подозревая, что

высоко над ней поднимаются к небу каменные головы. Когда мать помогала ей подняться на выступ, куда она не могла взобраться сама, Анетта не могла видеть, что ее подняли с верхней губы на нос лежащего великана.

Не менее сильным было впечатление, когда мы начали раскопки. Уже и раньше каменные головы, расположенные на склоне вулкана острова Пасхи, казались большими, а когда мы стали копать вглубь, вдоль шеи, обнажилась грудь, живот и весь огромный корпус, вплоть до бедер, где длинные тонкие пальцы рук с кривыми колоссальными ногтями сходились под выступающим круглым животом. Иногда в слое земли перед статуей мы находили человеческие кости и остатки костров.

Как захватывающее зрелище, предстали перед нами каменные истуканы во весь свой гигантский рост и показались нам совсем иными в сравнении с теми, как будто обрубленными по шею, какими мы видели их в энциклопедии и географических справочниках. Но и это не раскрывало какой-нибудь из тайн острова Пасхи.

Забросить конец веревки на самые высокие головы было трудно, а карабкаться на руках по веревке решались лишь наиболее ловкие из нас. Самым тяжелым был последний участок — от бровей вверх, ибо здесь веревка вплотную прилегала ко лбу великана, не оставляя места для рук взбирающегося, и подняться на макушку такого гиганта даже без груза было нелегким делом.

Еще труднее было представить себе, как поднимали вверх большую «шляпу», которая устанавливалась на голове, особенно если учесть, что «шляпа» была из камня, имела шесть кубических метров в объеме и весила столько же, сколько два взрослых слона.

Как можно поднять груз, равный весу двух слонов, на высоту четырехэтажного дома при отсутствии подъемных кранов или расположенного поблизости более высокого места? Несколько людей, которые могли уместиться на макушке фигуры, никак не сумели бы втащить гигантскую каменную шляпу, ведь они сами должны были крепко держаться, чтобы не свалиться. А те, кто стоял внизу, у подножия статуи, поднимая руку,

преодолевали лишь ничтожное расстояние вдоль нижней части тела великана.

Как же все-таки удалось поднять груз на макушку—вдоль груди, подбородка, всей головы? Металл был неизвестен, а леса на острове почти совсем не было. Даже наши машинисты недоуменно качали головой. Мы чувствовали себя школьниками; неспособными решить сложную арифметическую задачу. Казалось, что невидимые обитатели пещер торжествовали, говоря нам:

— Отгадайте, как выполнялась эта инженерная работа. Отгадайте, как мы передвигали эти колоссы вниз по склону вулкана и доставляли их через горы и долины в то место острова, где хотели их поставить.

От гаданий мало проку. Прежде всего надо было как следует оглядеться и посмотреть, не оставили ли таинственные гении прошлого после себя что-либо такое, что дало бы нам хоть малейшую направляющую нить.

Чтобы найти на это ответ, мы стали сперва изучать многочисленные незаконченные фигуры на карнизах в самом каменном карьере. Все говорило за то, что работа была прервана внезапно.

Тысячи первобытных каменных топоров лежали на прежних своих местах. Скульпторы делали много статуй одновременно. поэтому здесь можно было видеть все стадии работы. Вначале они приступили к обработке обнаженной породы, создавая лицо и переднюю часть скульптуры, затем формировали бока, делали уши и руки с длинными пальцами, всегда сложенными на животе. Далее они прорубали породу вокруг всей фигуры с обеих сторон, так что спина приобретала форму лодки с узким килем, соединенным с горной породой в нижней своей части. Когда фасад фигуры был закончен в мельчайших деталях, он очищался и тщательно полировался, причем под выдвинутыми бровями глаз даже не намечали — великан на время оставался незрячим. Затем «киль» перерубался, а колосс заклинивался с помощью камней, чтобы не соскользнул и не обрушился в пропасть. Все фигуры были без ног — каждая статуя заканчивалась плоско срезанным фундаментом, представляла собой своего рода удлиненный бюст. Скульпторам было, несомненно, абсолютно безразлич-

но, вырубать ли фигуру в отвесной стене, на горизонтальной поверхности, или же обрабатывать скульптуру, расположенную головой вниз или вверх по склону. Полузаконченные великаны валялись, как бойцы на поле боя, во всех направлениях, и общим у всех было то, что спина являлась последней частью фигуры, соединенной с породой. Когда освобождалась спина, начиналась головокружительная транспортировка вниз, к подножию вулкана. В отдельных случаях колоссы весом во много тонн спускались по отвесной стене мимо статуй, которые еще находились в обработке на расположенном ниже карнизе. Много статуй во время транспортировки разбивалось, однако большинство в целости и сохранности спускалось вниз.

Скульпторы вынесли из карьера-кратера к подножию горы тысячи тонн осколков камня. В ямах, вырытых в щебне, гиганты временно ставились в вертикальном положении. После этого скульпторы приступали к незаконченной спине. Затылок и спина приобретали форму, а талия украшалась сзади поясом с кольцами и символами. Этот узкий пояс — единственное одеяние обнаженных статуй. Все фигуры, кроме одной, были мужского пола.

Загадочное путешествие каменных колоссов не заканчивалось в ямах из щебня. После обработки спины статуи нужно было отправить дальше, к открытым храмам. Большинство из них уже проделало этот путь, и лишь относительно небольшое количество фигур продолжало ждать отправки у подножия вулкана. Все обработанные гиганты переносились дальше, километр за километром по всему острову. Отдельные фигуры от карьера, где им впервые были приданы человеческие формы, проделали путь примерно в пятнадцать километров.

Отец Себастьян выполнял роль директора этого своеобразного музея под открытым небом среди пустынного лунного ландшафта. Он бродил вокруг и писал номера на всех статуях, которые ему удалось обнаружить, — их оказалось свыше шестисот. Все они вытесаны из одного и того же серо-желтого камня, все вырублены в той же самой гигантской мастерской на крутом камен-

ном склоне Рано Рараку. Лишь там имелся камень этого своеобразного цвета, поэтому статую можно было узнать по цвету, даже если она валялась вдали среди гигантских каменных глыб.

Удивительнее всего то, что колоссы переносились по острову не в виде бесформенных глыб, не боявшихся толчков, а как законченные человеческие фигуры, тщательно обработанные и отшлифованные до блеска — от мочек ушей до лунок ногтей. И лишь глазницы у них по-прежнему отсутствовали. Как же удавалось переносить готовые исполинские фигуры на большое расстояние, не ломая их и не повредив полировки? Никто этого не знал.

На месте назначения слепых каменных людей не просто опрокидывали в яму, а поднимали и устанавливали на аху — подножие храма двухметровой высоты. И только после этого им прорубали отверстия для глаз, лишь теперь гиганты могли увидеть, где они находились. А затем происходила завершающая процедура — им водружали на голову «шляпу», весившую от двух до десяти тонн.

Впрочем, говорить «шляпа» неверно, хотя все теперь употребляют это слово. Старое местное название этого гигантского головного убора — п у к а о, что означает «пучок волос». Такие прически местные жители острова Пасхи носили в эпоху великих географических открытий. Почему же древние мастера поднимали пукао на макушку гиганта как дополнительную глыбу, почему они не могли попросту вырубить его заодно с остальной частью фигуры из того же самого камня? Потому что для «пучка волос» самым важным был цвет. Мастера направлялись в противоположный конец острова, за десять километров от каменного карьера на Рано Рараку и вырубали здесь в небольшом заросшем кратере вулкана камень для волос статуи, обладавший совершенно особым красным цветом. Вдоль побережья раскинулось свыше пятидесяти культовых площадок — подножий храмов. Сюда-то и тащили желто-серые статуи с одного конца острова и красные «пучки волос» с другого, устанавливая на этих площадках статуи и водружая на их головы красные пукао. Обычно на постамент

ставили по две статуи, но иногда по четыре, пять или шесть, а на одном даже стояли рядом пятнадцать рыжеволосых гигантов, поднятых на высоту четырех метров.

Сегодня ни один из этих колоссов не стоит больше на своем постаменте. Когда здесь побывал капитан Кук, да по всей вероятности и Роггевен, немногие из статуй оставались на своих прежних местах. Но первые европейцы, попавшие на остров, еще застали большинство из них на пьедесталах, с красным пукао на голове. В середине прошлого столетия последний великан был низвергнут с подножия своего храма, и красный пучок волос скатился, как кроваво-красный каток, по мощенной плитами площади храма. Теперь среди щебня у подножия вулкана по-прежнему стоят лишь слепые, лишенные волос статуи с упрямо поднятой головой. Они врыты так глубоко в землю, что никакой враг не смог их опрокинуть, а единственная попытка срубить одну из голов топором оказалась тщетной — палачу удалось прорубить в твердой как кремь шею великана лишь еле заметную борозду.

Последняя из стоящих статуй была опрокинута со своего аху примерно в 1840 году во время сражения каннибалов. Голову этой десятиметровой фигуры венчал пукао объемом в шесть кубических метров, а сама она стояла на постаменте высотой почти в человеческий рост. Нам известны размеры и вес этого упавшего гиганта. Весил он пятьдесят тонн и перенесен был за четыре километра от Рану Рараку. Представим себе, что мы берем большой десятитонный железнодорожный вагон и перевертываем его колесами вверх — ведь колес в Полинезии никогда не знали. Затем возьмем еще один железнодорожный вагон, перевернем его рядом с первым и накрепко соединим их друг с другом. Потом загоним в эти вагоны двенадцать лошадей и пять больших слонов. Теперь можно тащить — как раз получился вес в пятьдесят тонн. Нам надо не только сдвинуть груз с места, но и провезти его четыре километра по каменистой местности так, чтобы ни одна деталь не была повреждена. Возможно ли это сделать без машин? Невозможно! Но невозможное было совершено древними жителями острова Пасхи. Несомненно лишь одно: все

это не является результатом деятельности группы полинезийских резчиков по дереву, сошедших на берег гораздо позднее и занявшихся обработкой камня по той причине, что они не нашли здесь дерева. Рыжеволосые гиганты с классическими чертами лица сделаны мореплавателями, приехавшими из страны, имевшей опыт поколений по переноске монолитов.

Когда мы доставим груз к месту назначения, его необходимо поднять на пьедестал, поставить стоймя, высотой в четыре этажа, а затем поднять на него пукао. Последний весит десять тонн и доставлен из карьера, расположенного на расстоянии одиннадцати километров. Одиннадцать километров — немалый путь для этой местности, а десять метров — большая высота где угодно, тем более если на нее надо поднять десять тонн — вес двадцати четырех лошадей. Но эту работу выполнили. И все это великолепие в 1840 году было сброшено вниз людоедами, которые подкопали опоры в стене, а затем отпраздновали свой подвиг, съев в пещере тридцать своих соседей.

Я стоял на вершине кратера Рано Рараку, и передо мной как на ладони лежал покрытый травой остров. Позади меня был довольно крутой спуск в заросшее чрево вулкана, где маленькое небесно-голубое кратерное озеро блестело, словно зеркало, в широкой рамке самого зеленого камыша, который мне когда-либо доводилось видеть. Может быть, особенно зеленым он казался на контрастном фоне той травы, которая покрывала остальную часть острова и из-за засухи начала теперь желтеть.

Передо мной в карьере вплоть до подножия вулкана, где сотрудники нашей экспедиции, как муравьи, копались вокруг гигантских фигур, спускалась крутая стена террас. Тут и там были привязаны лошади, ничтожно маленькие рядом с огромными каменными гигантами. Мое воображение легко воссоздавало картину того, что происходило тут в давние времена. Здесь родилась самая яркая загадка острова Пасхи. Это был родильный дом исполинов; я сам стоял на огромном зародыше, и множество других валялось впереди и позади меня. На склоне, у подножия горы и в самом кра-

тере стояли слепые, безволосые новорожденные, тщетно ожидая отправки в дальний путь.

Отсюда я мог видеть, как когда-то осуществлялись эти путешествия. Две готовые фигуры внутри кратера уже находились в пути, когда вся работа была внезапно приостановлена. Одна из них достигла края кратера, другая уже спускалась вниз. Но внезапно транспортировка была прервана, и фигуры остались лежать не на спине, а на животе. Вдоль старых, свободных от камней и поросших травой дорог, на равнине, насколько только хватал глаз, виднелись другие скульптуры, лежавшие поодиночке или небольшими группами по две-три фигуры. Они были слепыми и без волос, и все говорило о том, что скульптуры эти никогда не стояли и брошены были в какой-то случайный момент во время перевозки от Рано Рараку до ожидавших их далеко за горами постаментов. А за горизонтом, далеко на западе, в кратере маленького вулкана Пуна Пау, добывали камень для головных украшений. Отсюда его не видно, но я был там и видел полдюжины цилиндрических пучков волос, лежавших, словно колеса паровых катков, на дне маленького кратера. Много таких цилиндров древние мастера — «парикмахеры» подняли по крутым его стенам. Некоторые еще валялись снаружи кратера, ожидая дальнейшей транспортировки, другие, очевидно, были оставлены, уже находясь в пути к своим будущим владельцам, — на равнине тут и там лежали одинокие «пучки волос». Я измерил крупнейший из них, доставленный из кратера с красным камнем. Он имел свыше восемнадцати кубических метров в объеме и весил тридцать тонн, то есть столько же, сколько весят семьдесят пять лошадей.

Сам я не мог постичь, как древние жители острова Пасхи добились столь великих достижений, и обратился к местному пастуху, стоявшему рядом и молча глядевшему на покинутых в степи великанов.

— Леонардо, ты ведь разумный человек, скажи мне, как перевозили этих каменных гигантов в старые времена?

— Они шли сами, — ответил он.

И если б он не произнес это с такой благоговейной

серьезностью, я решил бы, что пастух шутит. Одетый в чистые брюки и свежую рубашку, Леонардо выглядел обыкновенным цивилизованным человеком, а умом своим он превосходил многих из нас

— Но, Леонардо,— возразил я,— как же они могли идти, ведь ног-то у них нет, а только голова и тело?

— Они переваливались вот так,— сказал Леонардо и заковылял с горы, сжав вместе ноги и не сгибая колен.

— А ты как думал? — спросил он затем снисходительно

Я не мог дать сколько-нибудь вразумительный ответ. Я, несомненно, не был первым белым человеком, который обнаружил в глазах Леонардо свое полное недоумение перед лицом этой загадки. Стоит ли удивляться тому, что пастух повторил объяснение, которое слышал от отца и деда? Статуи шли сами. Зачем ломать себе голову, когда ответ столь очевиден и прост?

Вернувшись в лагерь, я пошел в палатку-кухню, где старая Мариана чистила в это время картошку.

— Слышала ли ты что-нибудь о том, как большие моаи переносились по острову в старые времена? — спросил я.

— Си, сеньор,— ответила она.— Они шли сами по себе.

И Мариана рассказала длинную историю о старой ведьме, жившей около Рано Рараку в те времена, когда каменотесы вырубали большие фигуры. Своей магией она оживляла каменных гигантов и заставляла идти куда нужно. Однажды каменотесы тайком съели большого омара, но ведьма нашла пустую раковину от него и рассердилась, что ее не угостили. В гневе она опрокинула носом в землю все двигавшиеся статуи, и с тех пор они никогда уже больше не шевелились.

Пятьдесят лет тому назад точно такую же историю о ведьме и омаре островитяне рассказали Рутледж, и, к моему удивлению, все местные жители, с которыми нам пришлось разговаривать, и по сей день верили этому несложному объяснению. И если никто не предложит им ничего более правдоподобного, то они будут верить в историю о ведьме и омаре до судного дня.

А вообще-то островитяне не так уж наивны. Они постоянно находили всевозможные хитрые предлоги, чтобы перейти границы деревни и явиться в лагерь для продажи резных работ. Вырезать умели почти все, многие из них были настоящими художниками, но лучшим слыл староста. Все хотели купить его фигурки. Хотя мотивы у всех мастеров были одни и те же, ни у кого не было таких линий и такой великолепной полировки, как у него. У нас в лагере староста имел гораздо больше заказов, чем он мог выполнить. Американские сигареты, норвежские рыболовные крючки и яркие английские ткани ценились при обмене превыше всего. Жители острова Пасхи были страстными курильщиками. Те, кто побывал у нас на борту в первую ночь и выменял несколько пачек сигарет, помчались галопом в деревню, бегали из дома в дом, будили родных и друзей, чтобы все могли выкурить сигарету. Запасы, завезенные военным судном прошлый раз, кончились несколько месяцев тому назад.

Среди изящных резных изделий временами попадались менее удачные фигурки из камня. Либо это были наивные копии больших статуй, либо бесформенная голова, на которой едва обозначались глаза и нос. Вначале владельцы их пытались убедить нас в том, что это древние предметы, найденные в земле или в стенах храмов. Но мы только смеялись в ответ, и большинство отказалось от таких попыток; лишь отдельные жители пытались еще хитрить.

Как-то раз одна женщина верхом прискакала за мной и сообщила, что ей удалось найти что-то удивительное в каменной осыпи. Когда мы прибыли на место, она начала осторожно выбирать камни, и я увидел в глубине новенькую модель статуи.

— Не трогай ее, — сказал я, — она новая, кто-то подложил ее сюда, чтобы обмануть тебя.

Лицо у женщины вытянулось, и ни она, ни ее муж больше не пытались повторять подобные фокусы.

Однажды поздно вечером к нам, запыхавшись, прибежал какой-то парень и рассказал, что рыбачил при свете факела и на берегу моря нашел маленькую статуетку. Сейчас он спешит в деревню, и если нам эта

фигурка нужна, мы, несмотря на плохую видимость, должны тотчас же, ночью, отправиться вместе с ним. Он был явно озадачен, когда мы подъехали на «виллисе» и на всю мощность включили фары. На траве лежала не особенно удачная маленькая фигурка. Она была тщательно вываляна в песке, но все же сияла новизной. Мы расхохотались, а владельцу пришлось убрать свое безобразное произведение в мешок и тащить назад в деревню. Наверное, фигурка попадет какому-нибудь матросу военного судна.

Третий метод использовал островитянин, показавший мне открытый грот с водоемом и удивительными скульптурками на своде. Лепные украшения были подлинными, изображали они древних птице-человеков и большие пристально смотрящие глаза. Я был очень доволен. Пока я рассматривал свод, мой проводник сидел с невинной миной и развлекался, швыряя в воду комки земли. Вдруг он вскрикнул. Я увидел, как медленно растворялся земляной комок, который скрывал каменную куколку, вылупившуюся из него, как цыпленок из яйца. Это было столь неожиданно и забавно, что я хохотал больше, чем грешник того заслуживал, и он никогда больше не предпринимал подобных попыток.

В своем рвении заполучить от нас желанные товары некоторым островитянам действительно случалось находить настоящие старинные изделия. Однажды ко мне пришла молодая супружеская пара и заявила, что они нашли четыре странные головы. Место находки было у самой ограды загона для овец, восточнее дома губернатора, и когда мы туда пришли, нас встретили какая-то старуха и ее дочь, настоящая ведьма, которая, казалось, готова была выцарапать нам глаза. Они были вне себя от бешенства и выкрикивали ругательства с такой быстротой, какую только допускает полинезийский язык. Стоило нашим спутникам раскрыть рот, как на них обрушивался целый поток брани. Мы с фотографом присели, ожидая, пока они уgomонятся. Постепенно старуха остыла.

— Сеньор Кон-Тики,— сказала она.— Эти двое воры и мошенники. Камни мои, никто не смеет их тро-

гаты! Я происхожу от Хоту Матуа, и земля эта всегда принадлежала нашему роду.

— Она больше не ваша,— прервал ее один из наших проводников.— Теперь это овцеводческая ферма моряков. Камни наши, мы нашли их первыми.

Старуха вновь вышла из себя.

— Первыми нашли их? Лжецы, воришки! Камни принадлежат нашему роду, мошенники вы эдакие!

Пока обе стороны бешено спорили о праве владения, я по их жестикуляции, наконец, понял, о каких камнях идет речь. Старуха и ее дочь сидели на двух из них, я, ничего не подозревая, сел на третий, а оба проводника стояли у четвертого. Камни были похожи на обычные валуны. Я вспомнил мудреца Соломона, который взял меч и предложил разделить дитя, когда две матери спорили о том, кому оно принадлежит. Здесь я мог бы сделать тот же самый раздел с помощью каменного топора. Молодые люди, нашедшие камни, только приветствовали бы подобное решение, а старуха могла окончательно взбеситься.

— Давай посмотрим твои камни, трогать мы их не станем,— сказал я старухе.

Не отвечая ни слова, она дала нам перевернуть большие круглые камни. Четыре причудливых лица воззрились на небо круглыми и большими, как оловянная миска, незрячими глазами. Они ничем не походили на большие классические статуи острова Пасхи, но очень напоминали устрашающих круглоголовых идолов, какие можно увидеть на Маркизских островах. Владельцы камней смотрели на нас с отчаянием. Те, которые их нашли, торжествовали: такая находка сулила им удачный обмен. Обе стороны с одинаковым интересом наблюдали, как мы снова перевернули причудливые головы носом в землю и, поблагодарив, ушли восвояси. Наши проводники остались стоять с разинутыми ртами. Дальше мы увидим, что случай этот старуха не забыла.

Тем временем произошло другое событие, причинившее нам много беспокойств. Когда европейцы появились в Тихом океане, гончарное производство, или керамика, на острове Пасхи было столь же неизвестно, как и во всей остальной Полинезии.

Это примечательно, ибо гончарное искусство издавна было важной чертой развития культуры в Южной Америке, а среди народов Индонезии и Азии оно было еще более древним. На Галапагосских островах мы нашли массу осколков южноамериканских глиняных изделий, ибо этот архипелаг находится в пределах досягаемости для регулярных посещений древних мореходов с континента, и там почти нет земли, которая могла бы захоронить древние черепки. На острове Пасхи положение было прямо противоположным. Видимо, мало кто из древних жителей добирался сюда со своими кувшинами, а то немногое, что эти люди могли разбить после своего прибытия, лежало бы сегодня под толстым слоем дерна. Все же я захватил с собой черепок керамики, чтобы спросить островитян, не видели ли они подобных, — ведь отдельные черепки могут рассказать детективам археологии не меньше, чем написанная книга. Первым сюрпризом для нас было то, что многие из старых островитян независимо друг от друга тотчас же назвали черепок «маенго» — словом, которого не было даже в словаре отца Себастьяна. Один из жителей острова слышал от своего деда, что маенго — очень старый предмет, которым люди пользовались уже в древние времена. Он рассказал, что много лет тому назад один человек попытался сделать маенго из глины, но это ему не удалось. Эзория и Мариана вспомнили, что видели несколько таких черепков в одной из пещер, и в течение двух дней они тщетно старались их разыскать. Жена губернатора находила черепки, копаясь у себя в саду. А в довершение всего к нам пришел один островитянин и с таинственным видом сказал, что у него дома есть такой черепок.

Звали этого человека Андрес Хаоа. Прошло много дней, прежде чем он достал свой черепок. К нашему большому изумлению, мы тотчас обнаружили, что сосуд вылеплен пальцами по способу индейцев, а не путем вращения гончарного круга, как у европейцев. Я пообещал Андресу хорошее вознаграждение, если он покажет нам, где нашел черепок: мы попробуем найти там новые осколки и убедиться, что свой черепок он действительно нашел на этом месте. Он повел нас тогда

к большому аху с рядом упавших статуй и гигантской каменной стеной, удивительно напоминавшей классические стены инков в Андах. Он указал на каменные плиты в верхней части постамента и сказал, что здесь нашел три таких кусочка много лет назад.

С помощью островитян мы осторожно поднимали плиту за плитой. В одном месте обнаружили рядом два скелета, вытянутые во всю длину, что являлось совершенно необычной формой погребения для острова Пасхи. Около них находился спуск в две темные гробницы, каждая из которых была покрыта огромной каменной плитой, украшенной красивым рисунком. В гробницах валялось множество черепов. Но мы не обнаружили никаких осколков горшков, и Андрес не получил полностью обещанного ему вознаграждения.

На следующий день Карл возвратился на это место с археологическим инструментом и рабочей группой — Аху Тепеу, несомненно, являлось таким сооружением, которое необходимо было подвергнуть более тщательному осмотру. Принимавший участие в раскопках старый островитянин начал вдруг вытаскивать из земли осколки горшка. Такие черепки удалось найти лишь ему, и они оказались столь малы, что мы удивлялись, как он сумел их увидеть. В этот момент из деревни галопом прискакали Арне и Гонсало. От знакомой островитянки они узнали, что старик взял эти черепки у Андреса Хаоа для того, чтобы последний мог получить свое вознаграждение полностью. Мы приложили новые кусочки к тому большому черепку, который я получил от Хаоа, и тотчас увидели, что один из них составляет уголок, отколотый от большого куска. Когда мы обнаружили обман, Хаоа страшно разозлился, но не захотел рассказать, где взял черепок, и назло нам отправился к отцу Себастьяну, который был совершенно ошеломлен, увидев у себя на столе три совсем целых глиняных кувшина.

— Смотрите, — сказал возмущенно Хаоа, — я не хочу показывать их сеньору Кон-Тики потому, что он говорит, что я лгу. Но я не лгу.

Отец Себастьян никогда не видел подобных кувшинов на острове Пасхи и спросил, где он их взял.

— Мой отец нашел их однажды в пещере и сказал, что в них удобно держать воду,— ответил Хаоа.

Это была бесспорно новая ложка. Хаоа не хранил воды в кувшинах, да и дома он их не держал. Соседи, которые часто заходили к нему и знали каждый уголок в его маленькой, лишенной мебели хижине, могли подтвердить это.

После того как отец Себастьян осмотрел три загадочных кувшина, они вновь бесследно исчезли, и перед нами возникла еще одна тайна. Кувшины не вернулись в дом Хаоа. Откуда же они были принесены и что вообще происходит?

Между тем появилась еще одна тема для размышлений. Я решил последовать совету старого полицейского Касимируса и съездить на легендарный остров птице-человеков, чтобы найти тайную пещеру ронго-ронго, о существовании которой знал его отец. Среди островитян шло столько оживленных разговоров о дощечках ронго-ронго, которые якобы спрятаны в заваленных пещерах, что любого, кто пробыл некоторое время на острове, в конце концов охватывало нестерпимое любопытство.

— Нам предлагали за ронго-ронго сто тысяч песо, значит ему цена миллион,— говорили островитяне.

И в глубине души я знал также, что если кто-нибудь из них и обнаружит пещеру с ронго-ронго, то вряд ли он осмелится туда войти. Ибо каждая дощечка ронго-ронго в эпоху их предков считалась святыней.

Ученые старики, спрятавшие священные ронго-ронго в пещерах в те времена, когда отец Эугенио ввел здесь христианство, прочли над ними заклинания. Островитяне неизбежно верили, что с тех пор на них наложено табу, что каждого, кто к ним прикоснется, ждет верная смерть.

В музеях мира сохранились лишь два десятка образцов этих деревянных плиток, и никто из ученых не сумел до сего времени прочесть их. Этот тип иероглифов неизвестен никакому другому народу. Знаки великолепно высечены рядами по системе «серпантин», где каждая вторая строчка перевернута вверх ногами.

Тот, кто хочет определить размеры статуи, должен быть искусным альпинистом. Капитан сидит на высоте шести метров над землей, а кто знает, сколь глубоко уходит статуя под землю.

У подножия потухшего вулкана Рано Парану бок о бок, гордо храня свою тайну, стоят каменные истуканы. Вверху: надменные лица на древних портретах. Какой народ служил моделью для этих гигантских изваяний? Внизу: на вершине вулкана Рано Као лежат развалины Оронго, поселения птице-человеков. Эд с доктором изучают удивительные изображения птице-человеков, высеченные на глыбах лавы на краю кратера. Слева внизу у ног Эда виден вход в первые подземные домини, где когда-то совершались церемонии.

Почти все образцы, которые имеются сейчас в музеях, были взяты на острове Пасхи, когда их еще не прятали владевшие дощечками островитяне. Но отец Себастьян рассказал о последней из вывезенных плиток, которую нашли в пещере, объявленной табу. Увидевший ее островитянин не удержался от соблазна и привел с собой к пещере одного англичанина. У входа он выложил из мелких камешков полукруг, который англичанин не смел переступить, а сам исчез и возвратился с ронгоронго, которую англичанин купил. Вскоре после этого островитянин внезапно сошел с ума и немного погодя скончался. Это событие значительно усилило у местных жителей страх перед табу пещер ронгоронго, объяснил нам отец Себастьян.

По той или иной причине старый Касмирус также пошел на попятный, когда я, наконец, принял его же собственное предложение осмотреть пещеру. Он сослался на нездоровье и сказал, что вместо него пещеру покажет старый Пакомио, с которым они еще мальчишками ожидали отца, когда тот один пошел в пещеру. Этот Пакомио был сыном гадалки Ангаты, которая пятьдесят лет тому назад, когда здесь была экспедиция Рутледж, прославилась тем, что раздувала среди островитян суеверие. По моей просьбе отец Себастьян уговорил Пакомио показать дорогу. Старый Пакомио с серьезным видом сел к нам в моторную лодку, и мы направились на Мотунуи, скалистый остров птице-человеков. Над нашими головами нависал обрывистый берег острова Пасхи. На верхнем остром гребне лежали каменные развалины культовых сооружений Орнго. Эд занимался там со своими людьми раскопками и составлением карты. Они казались нам белыми точками, а им сверху наша лодка представлялась крохотным рисовым зернышком на голубом фоне.

Еще в прошлом столетии самые могущественные люди острова неделю за неделей проводили в землянках над обрывом, ожидая, когда первая стая перелетных морских ласточек опустится на маленький скалистый остров. Ежегодно устраивалось состязание, кто скорее проплывет на камышовом плоту два километра до этого острова и первым найдет снесенное птицами

яйцо. Победитель возводился в своего рода божество. Ему брили голову и окрашивали ее в красный цвет. Целой процессией провожали героя в священный домик среди статуй у подножия Рано Рараку, и здесь он проводил целый год, ни с кем не общаясь. Пищу ему приносили специальные служители, и его называли священным птице-человеком того года. Весь утес там, наверху, за развалинами, где сейчас работал Эд, был украшен настоящим барельефом с изображением скорченных людей с длинными, кривыми птичьими клювами — все это было высечено прямо в скале.

Ступив на берег легендарного птичьего острова, мы не увидели там ни одного птичьего перышка. Все птицы переселились на другой обрывистый скалистый островок ближе к побережью. Когда мы проезжали на моторной лодке мимо него, рой птиц там напоминал настоящее облако дыма над вулканом. Но на Мотунуи мы тотчас же нашли отверстия многих уже полузросших пещер. В двух пещерах у стены мы обнаружили человеческие кости и покрытые зеленью черепа, а в одном месте торчала вырубленная на потолке и выкрашенная в красный цвет демоническая голова с козлиной бородой. В двух из здешних пещер побывала в свое время Рутледж, и Пакомио хорошо ее помнил. Он с нетерпением ждал нас снаружи, так как собирался показать совсем другую пещеру. Он провел нас вверх до середины скалы и внезапно остановился.

— Здесь мы изжарили курицу,— прошептал Пакомио и указал на землю перед собой.

— Какую курицу?

— Отец Касимируса должен был для счастья зажарить курицу на земле, прежде чем войти в пещеру.

Мы мало что поняли, а Пакомио добавил лишь, что таков обычай.

Когда Пакомио и Касимирус еще мальчишками были здесь, им велели отойти подальше от костра: вдыхать запах жареной курицы мог только старый отец Касимируса. Ребята так и не увидели, что лежит в пещере, но знали, что там находятся ценнейшие вещи. Они очень гордились тем, что были вблизи пещеры, когда отец пошел туда осматривать все эти богатства.

Мы, разумеется, не нашли никакой пещеры. Долго искали среди папоротника и гигантских камней потайной вход, но безрезультатно. Тогда Пакомио высказал предположение, что старик, видно, нарочно пошел в этом направлении для того, чтобы их запутать; пещера, несомненно, находится в противоположной стороне. После того как мы некоторое время ползали и в противоположном направлении, интерес начал спадать. Солнце пекло, и один за другим мы сдавались — ныряли в глубокую расщелину скалы, до краев заполненную кристально чистой морской водой, которую океан нагнал сюда через трещину в скале. Мы ныряли до дна за фиолетовыми морскими ежами, которых Пакомио поедал сырыми. Медленно плывя под водой, мы нос к носу сталкивались с удивительными рыбами всех цветов, которые подплывали с разинутыми ртами, чтобы изучить новых обитателей каменного аквариума Мотунуи. Мерцающие лучи солнца, проникавшие сверху, зажигали в заполненной солнцем расщелине огненный фейерверк ярких красок. Вода здесь была столь чистой и прозрачной, что мы чувствовали себя птице-человеками, порхающими среди роя кружащей осенней листвы. Это было сказочно красиво, своего рода подводный райский сад. Зная, что вся эта совершенная красота на дне бассейна на неопределенное время останется достоянием лишь безглазых морских ежей и не различающих цветов рыб, мы никак не решались вновь выбраться на скалы.

Но нам было на что смотреть и на суше, особенно на самом острове Пасхи. Кирки и лопаты начали обчажать предметы, которые сотни лет были скрыты даже от глаз самих островитян. В деревне стали шептаться и шушукаться. Островитяне относились ко всему происходившему с суеверием. Откуда чужестранец мог знать, в каком месте что-то лежит под дерном, если он с помощью магии или сверхъестественной силы не переносился в прошлое острова? Сначала никто не говорил об этом открыто, но то один, то другой житель острова приходил ко мне и спрашивал, не являюсь ли я в действительности «канака», островитянином, а не иностранцем. Неважно, что я светлокожий, блондин, ведь

некоторые из их предков тоже были такими. Тот факт, что я знал только немногие слова из полинезийского диалекта острова Пасхи, означал лишь, что я долго находился на Таити, в Норуэга и других дальних странах и забыл свой родной язык. Вначале никто из нас не думал, что островитяне говорят это всерьез, и мы воспринимали такие разговоры как форму полинезийского комплимента. Но чем больше обнаруживали археологи всяких следов старины под слоем дерна, тем очевиднее становилось для островитян, что сеньор Кон-Тики человек не простой.

Началось с археологической группы Билля, который взялся за интересную задачу: первым из археологов начал исследовать самое знаменитое подножие храма на острове Пасхи, большой аху в Винапу. Ученые и туристы, видевшие это выдающееся сооружение, поражались, насколько похоже оно на величественные каменные стены в царстве инков. Подобных сооружений нет ни на одном из десятков тысяч других островов, расположенных дальше к западу в Тихом океане. Но Винапу, как отражение в зеркале, похоже на классические сооружения доинкского периода, и это сходство тем более знаменательно, что аху этот находится на крохотном, ближайшем к самому царству инков острове.

Может быть, здесь побывали мастера-каменотесы из Перу — сошли здесь первыми на берег и начали вырубать гигантские глыбы для сооружений острова Пасхи?

Факты говорят в пользу этого мнения. Но существовало и другое мнение, которое до сего времени предпочитает наука. Сходство и соседство могли быть случайным совпадением. Жители острова Пасхи могли создать своеобразный тип стены в результате независимого развития культуры на маленьком острове. Если это так, то классическая стена в Винапу представляет собой последнюю фазу местного развития, и именно такое предположение выдвигали до сего времени исследователи.

Билль с двадцатью рабочими в течение четырех месяцев работал в Винапу. Но уже после первых не-

дель был получен тот ответ, которого мы больше всего ждали. Классическая стена в Винапу относится к древнейшему периоду строительства, позднее аху дважды был переделан и надстроен менее искусными архитекторами, не владевшими сложной техникой инков. Эд и Карл, которые работали над другими аху, независимо друг от друга пришли к тому же выводу, что и Билль.

Впервые было обнаружено, что загадочная история острова Пасхи насчитывает три различные эпохи. Сперва на остров Пасхи высадился народ, владевший техникой инков в каменотесных работах. Воздвигнутые им классические строения не знали подобных себе в более поздней истории острова. Гигантские глыбы твердого базальта резались, как сыр, и подгонялись друг к другу так тщательно, что не оставалось ни щелей, ни отверстий. Эти загадочные сооружения с изящными крутыми стенами долго-долго стояли по всему острову, напоминая маленькие замки, сделанные в виде алтарей. Но затем наступила новая эпоха. Большинство этих классических сооружений было частично снесено, к внешней стене был пристроен мощный плитам подъем, с Рано Рараку доставили и воздвигли на вершинах перестроенных стен исполинские фигуры. Именно в разгар этих гигантских массовых работ второй эпохи они были внезапно прекращены, на остров обрушилась война и каннибализм. Как по мановению волшебного жезла, был положен конец всей культурной жизни, и началась последняя, трагическая фаза загадочной истории острова Пасхи. Теперь никто больше не вырубал гигантские глыбы, а статуи были бесцеремонно низвергнуты со своих постаментов. Из валунов и бесформенных глыб вдоль стен аху сооружались погребальные склепы, а упавшие статуи зачастую превращались в потолки гробниц. Во время третьей эпохи работали без плана, без знания дела.

Постепенно завеса таинственности, висевшая над островом, стала приподниматься. Были сделаны первые шаги в глубь истории острова Пасхи.

Одна загадка была отгадана, сдвинута первая фишка большой головоломки. Теперь мы знали, что техника строительства каменных стен, которой славились древ-

ние инки, была занесена на остров Пасхи, уже достигнув своего полного развития. Ее занес тот культурный народ, который первым сошел на берег острова.

Озабоченные островитяне все время приходили посмотреть на раскопки в Винапу, где Билль вскрыл заднюю стену аху, так что каждый ясно видел распределение слоев всех трех эпох. Однажды, во время этой работы, на равнине позади места раскопок, Билль натолкнулся на необычайно красный камень. Он подозвал меня и спросил, не кажется ли мне, что камень как будто имеет две руки с пальцами. Этот длинный красный камень напоминал четырехгранную колонну, лишь одна грань которой немного выступала из дерна. Камень не походил на статуи ни по форме, ни по материалу; это не был камень с Рано Раваку. И борозды, изображавшие пальцы, были тут не на нижней части камня, как на всех шестистах фигурах острова Пасхи. Островитяне с улыбкой объясняли нам, что это «ханихани», всего лишь красный камень.

Прежде всего меня поразило то, что лежавший перед нами в земле предмет удивительно напоминал красные статуи-колонны доинкского периода в Андах. Бородатую голову на парусе плота «Кон-Тики» я скопировал именно с такой четырехгранной колонны, изображавшей человека, и она была вырублена из такого же красного крупнозернистого камня, как та, которую нашел Билль.

Два — четыре — пять, два — четыре — пять. Это могли быть пальцы. Но ни головы, ни других человеческих черт не было видно.

— Билль, — сказал я, — нужно копать. Я видел подобные четырехгранные красные статуи на берегах озера Титикако.

Однажды, когда отец Себастьян вместе с Эрорией писал номера на всех стоящих и лежащих статуях, он остановился у этого камня. Эрория показала на полосы, похожие на пальцы, но отец Себастьян отрицательно покачал головой и пошел со своим ведром дальше. Все статуи на острове Пасхи были одного типа, и не одна из них не была похожа на четырехгранный красный камень.

Мы осторожно прокопали глубокую канаву в упругом дерне вокруг всего камня и затем пальцами и лопаточками медленно вскопали землю в направлении к статуе. Были это настоящие пальцы или всего-навсего камень со случайными бороздками? Я настолько сгорал от нетерпения, что затаил дыхание, когда снимал первую длинную полоску дерна, прикрывавшую ту часть, где должна быть кисть руки. Там была рука!! Как верхняя, так и нижняя ее части появились вдоль всего камня. С другой стороны тоже виднелась рука. То была статуя иного типа, до сих пор совершенно неизвестного на острове Пасхи. Голова была отбита, глубокое отверстие просверлено в груди на месте сердца. Фигура имела короткие ноги.

Мы хлопали Билля по плечу и жали ему руку, отец Себастьян, шеф безмолвной старой гвардии острова Пасхи, более чем кто-либо иной был потрясен новым пополнением в виде четырехгранного красного солдата.

— Доктор Мэллой, это самая важная находка на острове в наше время,— сказал он.— Эта статуя сделана не на острове Пасхи, эта статуя из Южной Америки.

— Но она найдена здесь,— рассмеялся Билль,— это именно и важно.

С помощью блоков, подъемного крана и двадцати человек нам удалось поднять красную статую, и она встала в яме на своих коротких кривых ногах. Островитяне, помогавшие нам, не переставали удивляться. Выходит, перед нами совсем не хани-хани, но откуда мы могли это знать?

Но это было лишь началом. Вскоре Эд около совершенно неизвестного храма, обнаруженного им близ развалин поселка птице-человеков на вершине Рано Као, откопал странную маленькую улыбающуюся фигурку. Посмотреть на нее отправились отец Себастьян, губернатор и множество островитян. У каменного карьера в Рано Рараку, где работала группа Арне, также были обнаружены удивительные вещи. Наиболее сильное впечатление произвела на нас огромная фигура, столь же чуждая острову Пасхи, как и красная колонна в Винапу. Маленький невинный камень с двумя

глазами — вот все, что торчало из земли, когда Арне начал раскопки. Тысячи людей проходили мимо, не замечая, что камень смотрит, не догадываясь, что земля что-то прячет. Глаза принадлежали огромному горному троллю весом в десять тонн. Он лежал, притаившись, на спине, и из травы были видны только одни глаза.

Толстый слой щебня и множество сточенных каменных топоров из покинутого карьера на горе похоронили этого гиганта, и когда мы его откопали, то не нашли в его лице ничего, что роднило бы его с его слепыми соседями. Как археологи, так и островитяне глядели на него с одинаковым удивлением; пришлось послать за отцом Себастьяном и губернатором. Все в этой фигуре было другим. Она имела нижнюю часть корпуса и ноги, была выполнена реалистически, в коленопреклоненной позе, руки ее покоились на коленях. Статуя эта не была, как другие, голой, а имела короткую накидку, или пончо, с квадратным отверстием для шеи. Голова была круглой, с козлиной бородкой и выпуклыми глазами. Такого выражения глаз никто прежде не встречал у статуй на острове Пасхи.

Потребовалась неделя для того, чтобы поднять этого гиганта с помощью подъемника, «виллиса», блоков, кранов, при участии множества моряков и озадаченных островитян. Но вот он поставлен в коленопреклоненной позе и мечтательно глядит в небо. Казалось, что он смотрит на другие планеты или в далекое прошлое. Что ему делать среди нас, непосвященных чужаков? Где все его старые верные слуги? Что это за чопорные длинноносые фигуры на горе? Ведь щебень, полученный при их рождении, похоронил его собственную персону!

Когда изваяние поднялось — чужак среди чужаков, — наши ребята сняли шляпы и вытерли пот. Затем они уставились на фигуру, как бы ожидая, что должно что-то произойти. Но ничего не случилось, гигант стоял недвижимо, не обращая ни на кого внимания.

Старый Пакомио негромко заявил, что теперь все очень переменялось, и пришло время дать острову Пасхи новое название: теперь он больше не Рапануи, или

остров Пасхи. Касмирус и вся археологическая группа были согласны с ним, но староста добавил, что в таком случае надо переименовать и Оронго, и Винапу, и Рано Рараку, потому что ни одно из этих названий больше не подходит. Я предложил сохранить старые названия, ведь ничего нового не было открыто — все было старое.

— Старое для нас ново, сеньор Кон-Тики,— сказал Пакомио.— Когда ходишь по острову Пасхи всю жизнь, то знаешь каждый камень на нем. Мы не помним того, что видим сейчас, значит это больше не остров Пасхи.

— Тогда назовите свой остров «Пуп Земли» — Те Пито о те Хенуа,— сказал я шутливо.

Все просияли, закивали и одобрительно заулыбались.

— Так назывался наш остров в старину, ведь тебе это известно,— сказал староста, улыбаясь.

— Это все знают,— ответил я.

— Положим не все, но ведь ты канака,— вмешался старик, стоявший за статуей, и хитро подмигнул, будто он знал причину моей осведомленности.

Островитянам был не знаком этот гигант, найденный в земле и стоявший сейчас среди нас, преклонив колени. Но Гонсало и я смотрели на него почти как на старого приятеля. Мы бывали в Тиауанако, самом древнем центре культуры доинкского периода в Южной Америке, и там встречались подобные коленапреклоненные каменные гиганты. Сходство стиля, черт лица и позы было столь велико, точно их вырубал один и тот же мастер. Свыше тысячи лет стоят они в Тиауанако вместе с бородатыми красными фигурами и другими четырехгранными статуями таинственных людей, окруженные гигантскими и самыми совершенными каменными сооружениями, какие только имелись в царстве инков.

Да, по всей старой Америке нет более внушительного образца работы из мегалита. Крупнейшие из глыб в сооружениях Тиауанако весят свыше ста тонн, что составляет вес десяти крупных железнодорожных вагонов. Гигантские четырехгранные камни перетаскивались и устанавливались в вертикальном положении.

Их поднимали друг на друга, будто это были пустые картонные коробки. Среди этих стен и террас, от которых сейчас остались лишь развалины, древние мастера ставили свои удивительные статуи. Крупнейшая из них достигает высоты восьми метров, другие поменьше, но все они превышают рост человека. Тиауанако лежит загадочный и покинутый со всеми статуями и сооружениями; предания инков говорят, что такими же безлюдными были развалины и тогда, когда к власти пришел первый из инков. Прежние владельцы ушли задолго до этого, уступив место примитивным индейским племенам уру и аймара.

Исчезнувшие создатели сооружений Тиауанако продолжают жить лишь в преданиях. Нас интересовали не столько предания, сколько голые факты. Мы нашли безмолвных каменных людей. Может быть, позднее предания смогут вдохнуть жизнь в эти мертвые изваяния.

Одна из загадок статуй острова Пасхи заключалась в том, что все истуканы были похожи друг на друга и характерны именно для этого острова. За пределами острова Пасхи нигде в мире нет подобных статуй, хотя в районе от Мексики до Перу и Боливии и на ближайших к Америке островах встречаются давно заброшенные статуи — изображения людей. На западе, на островах, расположенных ближе к Азии, каменные статуи совершенно отсутствуют. Каким образом идея создания гигантских скульптур на острове Пасхи могла прийти извне, когда в других местах не было таких же статуй?

Отсутствие каких бы то ни было аналогий побудило большинство исследователей считать, что замысел, каким бы гигантским и непонятным он ни был, возник на этом маленьком острове независимо от окружающего мира. Люди с большой фантазией ссылаются даже на существование затонувшего континента. По их мнению, подобные статуи должны иметься на дне моря, омывающего остров Пасхи.

Но теперь мы стали находить фигуры, не похожие на известные всем статуи острова Пасхи. Во многих стенах мы обнаружили большое количество необычных изваяний, частично разбитых на куски и использованных в качестве строительного камня во вторую куль-

турную эпоху, когда классические стены были перестроены, а огромные статуи доставлены с Рано Рааку и установлены наверху как гигантские монументы.

Отец Себастьян тоже вдруг наткнулся на две фигуры в человеческий рост из твердого черного камня; одну из них он увидел замурованной в качестве опоры в фасаде древнего аху, причем видна была лишь спина. Посреди самого селения отец Себастьян и островитяне помогли нам поставить на ноги еще одну каменную дылду. Эта статуя была примитивной работы. Выполнена она была из того же красного камня, что и лишенная головы фигура в Винапу.

Теперь мы сделали еще один значительный шаг к цели, подвинув новую фишку в нашей головоломке. Мы выяснили, что те люди, которые строили красивые стены по методу инков во время первой эпохи, не были творцами исполинов с Рано Рааку, сделавших остров Пасхи столь знаменитым.

Из красного туфа, черного базальта и желто-серого вулканического камня, ставшего столь популярным во время второй эпохи, они вырубили ряд более простых фигур с круглой головой и огромными глазами. Чаще всего эти статуи немного превышали человеческий рост, и единственное, что было у них общего со знаменитыми гигантами острова Пасхи, это скрещенные на животе руки, с пальцами, касающимися друг друга. Но это типично для целого ряда древних каменных статуй периода до инков, а также для статуй на соседних островах Полинезии. Теперь, наконец, и молчаливые статуи острова Пасхи заговорили. Первыми развязали язык фигуры, лишенные головы и пренебрежительно замурованные в стенах, а затем заговорили и надменные статуи, расположившиеся по склону горы вплоть до карьера в кратере. Каменные статуи появились одновременно со стенами благодаря импульсу извне. И замысел и техника их выполнения не были результатом местного развития. Маленькие фигуры, ставшие позднее строительным материалом для стены, красная статуя без головы на равнине в Винапу и большая, колена-преклоненная, похороненная под обломками щебня у подножия Рано Рааку, относятся к этому древней-

шему периоду. Затем наступила другая эпоха, во время которой местные скульпторы нашли свой собственный и более «изящный» стиль. Были созданы и поставлены на вершину перестроенных стен огромные колоссы с рыжими волосами. По мере накопления опыта изваяния становились все крупнее. Уже и те, что стояли на стенах, были достаточно велики, а в пути находились еще более крупные, не говоря уже об отдельных колоссах, что стоят у подножия вулкана и до сих пор ожидают лишь окончательной шлифовки спины. Самый же крупный гигант высотой в семиэтажный дом остался лежать в карьере, соединенный с вулканом перемычкой на спине.

Чем бы все это кончилось? Где лежала граница невозможного? Никто этого не знает. Ибо еще до того, как была достигнута граница, наступила катастрофа, приостановившая буйное шествие каменных гигантов. Все упало на землю. «Это потому, что ведьму не угостили омаром», — думают сегодня жители острова. Но, несомненно, борьба шла за более крупную дичь, — движение каменных гигантов прекратилось, когда возникла третья эпоха и началось шествие каннибалов.

Сегодняшние жители острова являются ближайшими потомками победившего воинственного племени третьей эпохи. Когда их полинезийские предки во время своего победоносного военного похода с пальмовых островов на западе достигли, наконец, острова Пасхи, здесь развернулись бурные события. О боях, которые последовали, о статуях, что упали, о тех временах, когда топоры врубались уже не в людей из камня, а в людей из плоти, мы скоро услышим рассказы из уст здравствующих ныне островитян. В этих боях их собственные прародители принимали деятельное участие. Третья эпоха еще жива, хотя мир и согласие царят сегодня на острове.

Глава V

СЕКРЕТ ДЛИННОУХИХ

В лагере в Анакене жизнь шла своим чередом. Наше судно стало как бы частью острова Пасхи, таким же его ориентиром, как Птичьи острова вокруг побережья.

Белое, оно сияло на солнце близ окружающих бухту утесов. Никогда ни одно судно не задерживалось у этого острова на столь долгое время, за исключением тех, которые были выброшены океаном на скалы и покоятся теперь на его дне; даже верхушки их мачт недоступны дыханию пассатов.

Когда ветер с моря слишком сильно сотрясал стены наших палаток, стюард спешил на судно и переносил на сушу дополнительную партию провианта, ибо в такие моменты капитан давал сигнал сиреной и радировал на короткой волне, что он должен с нами распрощаться. Судно обходило остров и укрывалось под скалами позади мыса, у подножия Рано Рараку, где мы бросили якорь в день прибытия на остров. День-два бухта пустовала, и тогда казалось, что чего-то не хватает на хорошо знакомой картине. Но в одно прекрасное утро мы выползали из палаток, разбуженные, как обычно, стуком стюарда по сковороде, и снова видели на привычном месте свой корабль, залитый лучами утреннего солнца.

Освещенные солнцем палатки стали для нас домом, надежной стоянкой в нашей непоседливой жизни на острове. Когда мы видели белое судно за черными скалами и зеленые палатки на фоне желтой травы и золотистого песка, а над головой до самого горизонта синее небо, мы чувствовали себя дома. После дневного труда прибой манил купаньем, а стюард стучал по сковороде, созывая на вкусный обед. Потом мы лежали в траве, болтая при свете звезд или мерцающем сиянии луны. Некоторые сидели в освещенной фонарем палатке, служившей нам столовой, читали, писали или слушали патефон, другие седлали лошадей и скрывались за гребнем. На суше моряки превратились в настоящих ковбоев, а второй штурман стал их шталмейстером. Когда моряки собирались в деревню Хангароа, на площади храма перед палатками, словно на цирковом манеже, то и дело раздавалось ржание и поднимались на дыбы лошади.

Юнга, желая сократить себе путь в деревню, отправился как-то по каменистому склону и сломал руку, доставив немало хлопот нашему доктору. Но чего не сделаешь, чтобы добраться поскорее туда, куда тебя манят настоящие пляски хулы!

В деревне мы скоро со всеми перезнакомились. И только черноглазого доктора встречали редко даже на плясках хулы, а учителя до сих пор не видели ни разу. Ни тот, ни другой не ходили, как все остальные, в маленькую церковь отца Себастьяна, а потому не участвовали и в воскресных обедах, которые после службы устраивались либо у монахинь, либо у губернатора и его супруги. Это нас удивляло, ибо независимо от вероисповедания и мировоззрения человек много терял на острове Пасхи, если не слушал простую воскресную проповедь отца Себастьяна и не присутствовал на красочном полинезийском празднике песни. Праздничное настроение местных жителей невольно передавалось всем, это была их большая сходка, торжественная вежа недели. Когда местный звонарь Иосиф начинал бить в колокола, все, даже самые ленивые, все, кто только мог ползти и идти, облачались в свою лучшую одежду и торжественно отправлялись в церковь на холме. Но

вот однажды судьба познакомила нас и с учителем. Губернатор от имени школы несколько раз просил устроить для учащихся поездку вокруг острова на нашем судне. По его словам, это было бы для всех ребят очень полезно. Они могут сойти на берег в Анакене, устроить там полдник, а затем продолжить путешествие дальше и в тот же вечер возвратиться в деревню.

Я не был в восторге от этой идеи, но монахини просили за детей, и когда отец Себастьян сказал, что никто из ребят не видел свой остров с моря, я сдался и обещал попросить капитана подвести судно к деревне. Борта на верхней палубе имели наклон вовнутрь, так что никто из детей не мог перелезть через них, и судно вполне годилось для такой прогулки. Впрочем, нам сказали, что местные школьники плавают как рыбы — они резвятся в бухте задолго до того, как начинают ходить в школу.

Рано утром в штилевую погоду мы бросили якорь близ селения Хангароа. На борт было доставлено сто пятнадцать местных школьников. Они составляли восьмую часть всего населения острова. Детей сопровождали учитель, доктор с помощником, помощник губернатора, три монахини и семь местных жителей. Губернатор и отец Себастьян отказались принять участие в прогулке.

Палуба дрожала от ликующих криков, ребята пели и, по-видимому, пребывали в диком восторге. Каждому хотелось стоять на носу, чтобы лучше видеть, как судно разрезает волны. Но когда с грохотом был поднят якорь и раздался прощальный гудок сирены, большинство ребят успокоилось и с грустью глядело на берег. Казалось, они отправляются не в однодневную поездку вокруг острова Пасхи, а в кругосветное путешествие. Но ведь остров Пасхи и составлял весь их мир.

Когда судно медленно закачалось на волнах, ребята почувствовали себя плохо. Один из сопровождающих нас островитян попросил прибавить ходу, чтобы быстрее прибыть на место. Затем и он заковылял прочь и улегся на люке, где уже было полно спящих ребят. Вскоре они неподвижно лежали по всей палубе, словно узлы с бельем, и если кто-нибудь из них направлялся

к поручням, то не затем, чтобы поглядеть на красивые берега родного острова, а чтобы съеденный завтрак не очутился на палубе.

Из всех наших гостей лишь учитель чувствовал себя хорошо. Толстый и круглый, казавшийся огромным среди окружавшей его стаи ребятишек, он ни на минуту не присел с того самого момента, как появился на палубе. Он сказал, что много плавал по морю в любую погоду и никогда не страдал морской болезнью. Своими черными как смоль волосами и живыми черными глазами учитель отчасти напоминал своего деятельного друга, деревенского врача, причем он также рьяно занимался политикой.

Местные жители считаются гражданами Чили, но не имеют соответствующих прав, пока не отправляются на военном судне в Валпарайсо и не поселяются на континенте среди чилийцев. Учитель считал своим долгом помочь местным жителям перебраться на материк. Взгляд его глаз был тверд, когда он излагал свои политические мысли, но в нем появлялось что-то бесконечно нежное, когда он доставал карандаш, чтобы начертить в записной книжке контуры острова, или когда он гладил кого-нибудь из ребят по голове. Тех, кого укачало, учитель успокаивал на их родном полинезийском языке. Он то сидел около ребят и давал им таблетки, то шел к поручням, волоча сразу двух долговязых подростков, которые жестами просили дать им дорогу.

Когда мы обогнули мыс, море стало спокойнее, и старшие мальчики и девочки ожили. Хотя мы просили ребят держаться посреди судна, все бросились на нос, где больше всего качало. Учитель с трудом тащил их, зеленых и зевающих, назад к люку, где они сразу принимали горизонтальное положение. Вновь от радости и веселья не осталось и следа, и лишь когда судно вошло в бухту Анакены, все оживились, зашумели, и, пока палубные матросы закрепляли якорные цепи судна, похожего сейчас на покрытую вороньими гнездами скалу, ребята распевали полинезийские песни.

Когда судно стало на обычном месте близ лагеря в Анакене, ребята были доставлены на сушу и осмотрели

наш лагерь на месте древнего поселения Хоту Матуа. После этого сопровождающие проводили ребят на террасу храма, где они расселись на траве у подножия стены. Из селения приехало верхом еще несколько островитян. Они привезли с собой шесть ягнят и по полинезийскому обычаю зажарили их на раскаленных камнях.

День клонился к вечеру. У костра остались обглоданные кости, бухта кишела купающимися ребятами, воздух звенел от песен и криков. Монахини собрали на берегу группу ребят и начали распевать с ними старую песню предков о первооткрывателе Хоту Матуа, впервые бросившем якорь в бухте Анакены.

Учитель посмотрел на часы, похлопал в ладоши и дал распоряжение готовиться к отъезду. Море было спокойно, на берег катились мягкие длинные волны, моторная лодка, как обычно, была пришвартована к большому плоту, стоявшему на якоре несколько поодаль от берега. Ребят доставляли туда небольшими группами на маленьком плоту, а затем моторка отвозила их на судно. Кое-кто успел нырнуть разок с плота. Машинисты поехали с первой группой ребят, чтобы подготовиться к снятию с якоря, и когда моторная лодка возвратилась, учитель был на берегу, отбирая ребят для второго рейса. Когда моторка снова ушла, несколько озорников без разрешения поплыли на опустевший плот-причал, чтобы там дожидаться своей очереди. Тогда учитель сам направился на плот, чтобы навести там порядок, и затем на моторной лодке поехал со следующей группой ребят на корабль. Другие взрослые остались на берегу, чтобы помочь в отправке остальных детей.

В этот момент стряслось несчастье. Когда моторная лодка, направляясь к судну, медленно огибала крайний мыс, все ребята неожиданно повскакали с мест. Всем вдруг захотелось протиснуться на нос к сидевшему там с чалкой в руках Туру-младшему. Учитель надрывался, пытаясь водворить порядок, но они не слушали приказаний. Сидевший за рулем боцман дал задний ход и вместе с Туром принялся орать на ребят во весь голос. В эту самую секунду и надвинулась катастрофа в виде

спокойной и медленной волны. Моторная лодка грузо-подъемностью в две тонны, нагруженная лишь наполовину, глубоко врезалась носом в пологую волну и мигом наполнилась водой. После этого на поверхности остались лишь корма и множество плавающих голов.

С судна немедленно спустили спасательную лодку. Судовой врач и я прыгнули на стоявший у берега плот-сходни. Все остальные бросились бежать к мысу, который находился всего лишь в семидесяти-восемидесяти метрах от места, где произошло несчастье. Пока мы изо всех сил гребли, я обернулся и заметил, что некоторые из ребят поплыли к мысу, но большинство покачивалось на волнах вокруг кормы лодки. Скоро все были на месте катастрофы и поплыли к боцману, который вместе с местным подростком поддерживал два каких-то беспомощных тела. Когда мы подняли их на плот, то узнали в одном из них тринадцатилетнюю дочь старосты — хорошенькую девочку с удивительно светлой кожей и золотисто-рыжими волосами.

Я прыгнул в воду, а врач остался на плоту, чтобы подбирать ребят. В это время возле плота появились первые пловцы с мыса во главе с капитаном. Мы вылавливали детей одного за другим и втаскивали их на плот. Большинство из них не делало даже попыток спастись. Когда плот был уже переполнен, капитан и боцман подплыли с учителем, мощное тело которого само собой держалось на поверхности воды. Чтобы втащить на плот только верхнюю часть его туловища, потребовалось усилие нескольких человек, но тут трое обезумевших от испуга островитян тоже полезли на плот и чуть было его не перевернули. Я заорал как сумасшедший, чтобы они отпустили плот. Двое из них бросились ко мне и так в меня вцепились, что потянули ко дну, и я нырнул, чтобы от них освободиться. С берега подоспели наши моряки, помощник деревенского доктора и полдюжины островитян. Все поплыли к мысу, толкая впереди себя плот. Врач экспедиции, окруженный со всех сторон ребятами, принялся изо всех сил работать веслом.

Капитан и я продолжали плавать среди множества всяких предметов, чтобы проверить, не остался ли

кто-нибудь в воде. К нам подплыли три местных жителя. Вода была кристально прозрачна, и, ныряя, я мог видеть на песчаном дне на глубине восьми метров множество ботинок и одежду. Вдруг, к своему ужасу, я увидел на дне что-то похожее на куклу; я нырнул и поплыл изо всех сил вниз. Кукла стала увеличиваться в размерах. Я далеко не первоклассный пловец, а теперь к тому же был уже порядком измотан. На глубине примерно восьми метров мне стало плохо, я не мог выдержать больше ни секунды и вынужден был оттолкнуться вверх, хотя было очень неприятно отступить, когда цель была почти достигнута.

Как только моя голова показалась над водой, я увидел рядом с собой Иосифа, местного звонаря и лучшего на острове ныряльщика. Однажды он показывал нам затонувшие корабли недалеко от деревни. Тяжело дыша, я выдавил из себя несколько слов и ткнул пальцем вниз; он тотчас же исчез. Через несколько секунд он показался вновь, покачал, тяжело дыша, головой и снова исчез под водой. Вскоре он вынырнул, держа на вытянутых руках тело мальчика. Мы подняли его на плот и поплыли к берегу. Подошла спасательная лодка. Машинисты принялись нырять. Но на дне моря осталась теперь лишь одежда, сорок восемь ребятишек были уже на судне. Переключка на борту и на берегу показала, что никто не пропал.

К тому времени, когда мы достигли мыса, все дети были перенесены с плота на береговые скалы. Примерно около двенадцати человек нуждались в помощи. Наш врач делал им искусственное дыхание и старался вернуть к жизни пострадавших, в чем ему помогали помощник сельского доктора и все остальные. Сельский доктор, находившийся на мысу и принимавший детей, прыгнул на борт подошедшего плота, так как втащить тяжелого учителя на лавовые скалы, куда были перенесены его ученики, оказалось невозможно. В те страшные часы, когда на остров спустилась ночь, сельский доктор усиленно работал на берегу, стараясь вернуть к жизни своего друга-учителя. Ему помогали наши самые рослые и сильные парни. Все остальные занимались детьми на мысу. Повсюду бегали люди с фонаря-

ми, шерстяными одеялами и одеждой: в лагере Ивонна раскрыла все палатки и приготовила горячую пищу взрослым и детям. Из деревьев на лошадях начали прибывать островитяне: повсюду в темноте сновали люди.

Это была тяжелая ночь, я никогда ее не забуду. Ужас стоял над долиной Анакена. Луна скрылась за горой, и серая, совершенно бесцветная радуга на черном ночном небосводе как бы еще больше подчеркивала весь ужас этой ночи. Один за другим дети возвращались к жизни, их переносили в палатки и укладывали в постели. Но время шло, а двое так и не очнулись. Одной из них была рыжеволосая девочка, дочка старосты. Староста неподвижно сидел около нее и говорил спокойным голосом:

— Ей хорошо, она всегда была послушной, теперь она у девы Марии.

Никогда еще я не соприкасался так близко с людским горем и никогда не видел людей, воспринимавших его так спокойно. Родители погибших детей молча пожимали нам руки обеими руками, они как бы хотели показать, что мы, хозяева судна, не могли предотвратить случившееся. Островитяне, дети которых были спасены, кидались нам на шею и рыдали. В течение нескольких часов в палатках было полно народу — это были школьники, их родители и другие островитяне, узнавшие о происшедшем несчастье. Когда ночная прохлада стала ощутимой, люди начали укладывать вещи и целыми семьями — по два-три человека — взбирались в деревянные седла. Двое ребят заболели дизентерией и остались с ближайшими родственниками в лагере. Всадники группами скрывались в темноте, увозя с собой свыше сотни ребят. Долина Анакена опустела.

Последними пришли с берега восемь человек с носилками, на которых лежало тело учителя. В черном небе, словно траурная рамка, по-прежнему висела радуга. Восемь фонарей, как искры, мелькали в темноте. Сельский доктор посмотрел на меня спокойными черными глазами.

— Остров потерял хорошего человека, сеньор. Он пал на своем посту, и его последние слова были: «Кау кау доки!» — «Работайте в воде ногами, ребята!»

В следующий раз я увидел доктора в маленькой церкви отца Себастьяна. Он замер с поникшей головой рядом с телом друга. Детей похоронили накануне. То была простая и торжественная церемония. Вся деревня участвовала в процессии и тихо пела о тех двух, что отправились на небо. Речь отца Себастьяна была короткой, но проникновенной:

— Ты любил своих учеников,— сказал он под конец.— Дай бог вам встретиться опять.

Мы смотрели, как навсегда уходит из этого мира учитель, и слышали, как бормочет доктор: «Работайте в воде ногами, ребята. Работайте ногами».

Местные жители невероятно быстро забыли о происшедшем. Родственники сразу же стали резать скот и устраивать по местному обычаю пышные поминки. Нам они тоже привезли целые горы мяса.

Но больше всего нас поразило состояние палаток после того, как все было вычищено, вымыто и поставлено на место. В течение двух столетий местные жители этого острова славились привычкой красть все, что попадется под руку. В темную безлунную ночь островитяне свободно входили и выходили из палаток, где все наше имущество лежало незапертым и без присмотра. Мы не надеялись увидеть вновь ни одной из своих вещей, но жестоко ошиблись. Ни одна вещь не пропала. Ни одна шляпа, ни одна гребенка, даже шнурок от ботинок... Вся одежда и шерстяные одеяла, которые мы дали, чтобы укутать детей, когда их увозили на лошадях домой, были в полной сохранности возвращены из деревни выстиранными, выглаженными, в опрятных стопках.

Но один из нас, прежде чем броситься в море за ребятами, оставил на берегу свою шляпу и в нее положил часы. Пока их владелец плавал, спасая ребят, какой-то островитянин стащил часы.

— Как ужасно было с ребятами! — вот все, что я смог промолвить, когда в первый раз после несчастья встретил отца Себастьяна на кладбище. Каково же было мое изумление, когда тот спокойно и невозмутимо ответил:

— Еще хуже вышло с украденными часами.

— Что ты говоришь? — сказал я, ужаснувшись.

Отец Себастьян положил мне руку на плечо и спокойно, не меняя выражения лица, сказал:

— Нам всем не избежать смерти, но красть мы не должны.

Я никогда не забуду этих слов. Внезапно я снова почувствовал, что встретил здесь, на острове Пасхи, большую личность, возможно крупнейшую из всех, кого я когда-либо встречал. Его вероучение было правдой жизни, а не только мудрыми словами, произносимыми в воскресный день в церкви. Он учил других тому, во что верил сам.

Об этом случае он не обмолвился больше ни словом, и мы бок о бок пошли назад в деревню.

Несколько дней спустя я снова встретил отца Себастьяна. В эти дни я приказал прекратить все работы, но местным жителям это не нравилось. «Когда солнце взошло, и село, и вновь взошло, то это было вчера — вчера, а сегодня — сегодня», и теперь они вновь хотели работать, чтобы получить новый паек, большее вознаграждение, еще товаров. На лестнице своего домика сидел староста и вырезал из большого куска дерева птице-человека: во все стороны летели щепки. Когда наш «виллис» проезжал мимо, староста окликнул нас и замахал, показывая свое произведение. Мы остановились около маленького чистого домика отца Себастьяна, белевшего за ярко-красной цветочной грядкой рядом с церковью. Я выскочил из машины и через низкую калитку прошел в сад. В окно я увидел священника. Он позвал меня в свою маленькую простую рабочую комнату, где сидел за столом, заваленным письмами и бумагами. Позади на стене висела полка с книгами на самых различных языках. Они образовывали колоритную рамку вокруг старого бородатого мудреца в белой сутане с опущенным капюшоном, склонившегося над маленьким столом. Для полноты картины не хватало большого гусиного пера в чернильнице, но отец Себастьян писал авторучкой. Зато прессом служил большой каменный топор.

Этот старый священник представлял собой в двадцатом столетии анахронизм, и все же мы чувствовали

Длинноухий с острова Пасхи с бородой и головным убором из перьев Рисунок сделан на острове во время пребывания там капитана Кука

его совсем своим, хотя он одинаково напоминал ученого монаха со средневековой картины, бюст древнеримского философа и ученого с древнегреческой вазы или шумерской фрески. Казалось, он живет уже тысячи лет, но все равно его голубые глаза, окруженные улыбчивыми морщинками, искрились жизнерадостностью и молодой энергией. Сегодня отец Себастьян испытывал необычайный подъем. Он попросил нас направить рабочую группу в один уголок острова, занимающий особо важное место в преданиях и легендах островитян.

В двадцатый раз услышал я предание о рве Ико, или земляной печи длинноухих. Все те, кто ступал на берег острова Пасхи, слышали это предание; все те, кто писал о тайне острова, упоминали о нем. Местные жители показывали мне следы на земле, где когда-то проходил этот ров, и каждый стремился рассказать его историю. Отец Себастьян записал ее в своей книге, и на этот раз я услышал из его собственных уст как само предание, так и просьбу выделить группу для раскопок на рве Ико.

— Я верю в предание,— сказал он.— Я знаю, что наука считает ров естественным, но она могла ошибиться. Я знаю местных жителей. Предание о рве сохранило слишком живые краски, чтобы быть только вымыслом.

Воспоминания об оборонительном рве длинноухих, о катастрофе, положившей конец золотому веку величия острова Пасхи, хранились веками в памяти населения острова. Они восходят к той поре, когда в далекой голубой мгле истории закончилось шествие статуй.

В давние времена до острова добрались два народа и стали жить бок о бок. У людей одного из них была странная внешность: мужчинам и женщинам с детства привешивали к мочкам ушей грузики, и уши вытягивались до плеч, поэтому их называли «ханау еепе» — длинноухие. Другой народ называли «ханау момоко» — короткоухие.

Длинноухие были энергичным народом, они всегда работали, а короткоухим приходилось много трудиться, помогая им воздвигать стены и статуи. Это вызвало недовольство среди короткоухих. Как-то длинноухие решили очистить остров от лишнего камня, чтобы сделать

всю землю годной для обработки. Работа началась в восточной части острова, на плато Поике. Короткоухим пришлось носить камни к обрыву и сбрасывать их в море. Поэтому-то на травянистом склоне плато нет сегодня ни одного камня, в то время как на остальной части острова полным-полно черных и красных камней и глыб лавы.

Скоро короткоухим надоело таскать камни, и они пошли на длинноухих войной. Тогда длинноухие собрались в восточной части острова на очищенном полуострове Поике. Под командой начальника Ико длинноухие вырыли ров длиной в три километра, отделивший плато Поике от остальной части острова. Ров завалили деревьями и ветками так, чтобы он мог стать огромным длинным костром, если расположившиеся ниже на равнине короткоухие пойдут на штурм. Будучи защищенным со стороны побережья обрывом высотой в двести метров, плато Поике напоминало гигантский замок, и длинноухие чувствовали себя в надежном укрытии. Но один из них имел жену из короткоухих. Женщина эта, по имени Моко Пингеи, жила со своим мужем также на Поике. Моко оказалась предательницей и договорилась с короткоухими: она обещала им сидеть и плести корзину там, где они смогут пробраться через ров.

Однажды лазутчики короткоухих заметили, что Моко Пингеи сидит и плетет корзину в конце рва Ико. Один за другим короткоухие пробрались мимо нее, прошли вдоль края плато и окружили все Поике. Другой отряд короткоухих открыто подошел со стороны равнины к траншее. Ничего не подозревавшие длинноухие расположились фронтом и зажгли костер. Тогда первый отряд короткоухих предпринял штурм с тыла. Началось кровопролитие, и длинноухие были сожжены в своем собственном рву.

Лишь трое длинноухих смогли перебраться через ров и бежать в направлении Анакены. Одного из них звали Оророна, другого Ваи, имя третьего забыто. Они спрятались в пещере, которую население острова показывает и по сей день. Здесь их нашли, двоих закололи насмерть острыми кольями, а третьего пощадили и сохранили ему жизнь как последнему из длинноухих. Ко-

гда короткоухие вытащили его из пещеры, он кричал на своем языке: «Орро, орро, орро!» — но никто его не понимал.

Оророина был взят в дом к короткоухому по имени Пипи Хореко, жившему у подножия горы Тоатоа. Здесь он женился на короткоухой женщине из семьи Хаоа и имел много детей, в том числе Инаки-Луки и Пеа. У них, в свою очередь, также было большое потомство, и последние из их потомков и по сей день живут на острове среди короткоухих.

Таково предание о рве длинноухих в его наиболее полном изложении. Отец Себастьян хотел, чтобы я занялся теперь раскопками этого рва. Я знал, что обе экспедиции, бывшие до нас на острове, слышали варианты этой легенды и осматривали остатки рва. Рутледж, хотя и с сомнениями, пришла к выводу, что ров этот является естественным углублением геологического происхождения, которое длинноухие, вероятно, использовали в целях обороны. Метро пошел дальше, решив, что ров, несомненно, естественного образования, но вид его побудил местных жителей сочинить всю историю. Стремясь объяснить эту географическую особенность острова, они сочинили эту легенду, и предание о длинноухих и короткоухих, несомненно, является лишь выдумкой жителей острова в позднейшие времена*.

Один геолог также осматривал этот ров. Он раз и навсегда установил, что ров является естественным образованием и возник до появления человека, когда поток лавы с центральной части острова Пасхи столкнулся с более древним застывшим потоком с плато Поике. На месте встречи образовалась своего рода траншея.

Когда специалист вынес этот приговор, местные жители были озадачены, но продолжали настаивать, что это углубление является оборонительным рвом Ико, земляной пещью длинноухих. И отец Себастьян верил в их версию.

— Для меня лично ваши раскопки будут иметь большое значение,— сказал он, и когда я согласился, отец Себастьян чуть не подпрыгнул от радости.

* A. Metraux. Ethnology of Easter Island. Honolulu 1940, pp. 72—74. (Прим. автора.)

Руководить раскопками рва длинноухих было поручено Карлу. На следующий день мы вместе с пятью местными жителями тряслись на нашем «виллисе» по очищенной от камня тропе, проходившей по равнине у подножия Поике. Над нами, словно одетые в травяной ковер, возвышались пологие скаты плато, а вокруг было черным-черно от лавовых камней. Наверху, на Поике, можно было свободно ехать на «виллисе» в любом направлении, но мы остановились у края зеленого ковра. Вдоль всего склона с севера на юг тянулось небольшое углубление, похожее на полузаваленную канаву. В некоторых местах она была глубокой и отчетливо видимой, в других почти совсем исчезала, потом появлялась вновь и продолжалась до обрывов, то есть до краев полуострова. Там и сям вдоль рва виднелись возвышения, похожие на земляной вал. Мы затормозили и выпрыгнули из машины. Это и был Ко те Ава о Ико — ров Ико, или Ко те уму оте Ханау епе, земляная печь длинноухих.

Прежде чем начать раскопки, Карл решил сделать несколько пробных выемок. Мы расставили на большой дистанции друг от друга пятерых островитян и велели каждому из них выкопать в земле четырехугольную яму. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы местные жители работали так энергично киркой и лопатой, и поскольку они не могли при раскопках ничего повредить, мы решили немного пройтись вдоль плато. Когда, обойдя гребень, мы вернулись к первой пробной яме, старик, копавший ее, бесследно исчез вместе с инструментом. Но прежде чем мы успели сообразить, в чем дело, из темной ямы вылетели комья земли. Подойдя к яме ближе, мы увидели старика на глубине добрых двух метров. Он так копал, что пот струился с него ручьями. На горчично-желтых стенках ямы выделялась широкая и извилистая красная с черным полоса. Толстый слой древесного угля и пепла! Здесь был огромный костер, и Карл сказал, что пламя было очень сильным или же костер горел долго, иначе пепел не был бы таким красным. Не успел Карл раскрыть рот, как я помчался по склону к следующей яме.

Карл поспешил за мной, и вскоре мы увидели торчавшую над землей голову улыбавшегося звонаря Иосифа. Он нашел в земле такие же остатки костра и протягивал нам полную горсть обугленных головешек. Вокруг же нас не росло ни одного кустика. Мы побежали дальше и увидели в других ямах такую же картину — красная огненная полоса пепла, окруженная черной каймой, которая вилась по стенкам внутри ямы.

Позвали отца Себастьяна. Он бегал в своей развевающейся белой сутане от ямы к яме, разглядывая красный пепел.

Когда мы тряслись в машине по дороге домой в Анакену, лавируя среди чопорных каменных великанов Рано Рараку, отец Себастьян сиял, как солнце. Он вспоминал большой успех этого дня и предвкушал вкусный обед с хорошим датским пивом: мы ехали прямо в лагерь подкрепиться перед увлекательным поединком завтрашнего дня, когда должны были всерьез начаться раскопки на Поике.

На следующее утро мы выделили группу людей и отрыли полный разрез рва. В последующие дни Карл осуществил раскопки, которые раскрыли нам тайну рва. Самая верхняя часть углубления была творением природы и следовала вдоль границы старого потока лавы. Но дальше стало видно, что здесь не обошлось без рук умелых людей. Они врубились в скалу и сделали глубокий искусственный оборонительный ров, прямоугольный в разрезе. Четыре метра в глубину, двенадцать в ширину и два километра в длину — огромное сооружение!

В пепле обнаружили камни для пращей и другое оружие. Из песка и щебня, вынутых при рытье, вдоль рва был построен вал. Наслоения щебня на валу показывали, что его носили вверх в больших корзинах.

Теперь мы знали, что ров Ико был мастерски выполненным оборонительным сооружением. На дне его вдоль всего склона люди собрали огромное количество топлива и зажгли гигантский костер. Мы посмотрели на местных жителей. Теперь уже наступил наш черед широко раскрыть глаза от удивления: они все это знали — из поколения в поколение передавалось предание

о том, что это занесенное землей углубление является остатком оборонительного сооружения Ико и местом гибели длинноухих.

Для современного археолога не представляет никакого труда датировать угли древнего костра. Этот возраст в известных границах определяется измерением радиоактивности древесного угля, которая с течением времени равномерно убывает. Большой костер в земляной печи длинноухих горел лет триста тому назад, может быть, немного раньше или позже. Но само искусственное оборонительное сооружение в канаве было построено людьми задолго до окончательной катастрофы. К тому времени, когда длинноухие натаскали дров и зажгли свой костер против короткоухих, ров уже занесло наполовину песком. В нижних слоях мы также нашли остатки очагов. Те, кто первыми строил ров, закидали в одном месте щебнем очаг на земле, в котором горел огонь, приблизительно около четырехсотого года нашей эры. Это самая древняя датировка следов человека во всей Полинезии.

В деревне и у нас в лагере легенда длинноухих зажила новой жизнью. Своеобразные лица гигантских статуй как бы приобрели смысл — все они имели причудливо длинные уши, свисавшие с головы, как у гончих собак.

Однажды под вечер я бродил между статуями длинноухих у подножия Рано Рараку. Лучше всего думается в одиночестве под звездами. А у меня было так много о чем подумать. Чтобы как следует узнать какое-нибудь место, надо провести там ночь. Я ночевал в самых удивительных местах — на алтарном камне в древнем Стонхендже, в сугробе на вершине высочайшей горы Норвегии, в глинобитных хижинах вымерших пещерных поселений Нью-Мексико, у развалин жилища первого инки на острове Солнца на озере Титикако, а теперь хотел переночевать в древнем каменном карьере на Рано Рараку. Конечно, не потому, что я суеверен и полагал, что придут длинноухие и откроют мне свои тайны, нет, просто я люблю необычные ощущения.

Я взобрался вверх по горному уступу, по лежащим гигантским фигурам, пока не очутился в самой гуще

скульптур. В одном месте великан был взят из ниши, и она зияла пустотой, как театральная балкона, над которым нависла каменная крыша. Отсюда открывался величественный вид на всю местность, и здесь можно было укрыться в случае дождя.

Впрочем, стояла чудная погода. Солнце садилось за крутые стены Рано Као в противоположном конце острова. Красные, пурпурные и фиолетовые стайки облачков прикрывали ложе бога солнца. Прежде чем скрыться, серебряные лучи заходящего солнца сверкнули, отражаясь в бесконечной шеренге волн, далеких и беззвучных. Днем я их не видел — настолько они далеки, но вечернее солнце наполнило пенящиеся гребни моря светом, и серебряная пыль повисла в воздухе у подножия вулкана. Это было божественное видение. И вместе с богами, стоявшими вдоль всей скалы, с балкона великанов смотрел на спектакль самой природы одинокий человек.

Я срезал несколько пучков жесткой травы и подмел в ногах покинутого ложа великана, очистив его от песка и овечьего помета. Затем я воспользовался последними лучами угасающего солнца и приготовил себе удобную постель из травы и папоротника. Было слышно, как внизу, на равнине, две молоденькие девушки напевают нежные полинезийские песни о любви. Они ехали верхом неведомо куда, наполняя долину смехом и песнями Южных морей, а их лошади бесцельно петляли по степи. Но когда человек на горе забрался в свою одинокую постель, а солнце потащило за собой по небосводу ночной мрак, обе девушки, словно испуганные колдовством, внезапно замолчали, повернули своих лошадей и понеслись галопом к одиноко стоявшему около бухты домику пастуха. Сам пастух также направился туда. Я видел, как он шагал по равнине и все время останавливался, поджигая траву. Стояла засуха, ливней давно не было, и трава стала жесткой и желтой. Надо было спалить ее, чтобы на ее месте выросла свежая и зеленая. Пока было светло, я видел лишь дым от горевшей травы, расстилавшийся туманной пеленой по всей равнине. Но вот опустилась ночь, и темнота поглотила дым. Чем темнее становилось, тем ярче делал-

ся огонь, и горевшая трава походила на тысячи красных костров в черной, как деготь, ночи.

Бриз на горе был холодным, я плотно затянул спальный мешок под подбородком. Лежа в ночной тиши в каменном карьере длинноухих, я старался ощутить все его своеобразие, разглядеть его в новом свете. На этом балконе я вновь почувствовал себя в театре.

Это было грандиозное представление. Силуэты огромных статуй походили на черные театральные кулисы, воздвигнутые на фоне усыпанного звездами темно-синего занавеса, а простиравшаяся внизу во мраке долина служила им декорацией. Все в новых и новых местах вспыхивал там огонь, и казалось, будто тысячи невидимых короткоухих с факелами идут широким фронтом на штурм карьера.

Время утратило свое значение. Ночь, звезды и люди среди мерцавших внизу огней были такими же, как и в давние времена.

С этой картиной перед глазами я задремал. Внезапно я услышал, как кто-то тихо и осторожно крадется по сухой траве. Кто это мог быть? Островитяне, которые охотятся в темноте за моей одеждой? Вдруг что-то прошуршало у самой моей головы, я быстро повернулся и зажег фонарь. Он вспыхнул и затлел красным светом. Эти проклятые сырые батареи! Кругом ни души. В слабом свете фонаря я различил лишь гигантскую статую, застрявшую по пути с расположенного выше карниза; она лежала, как огромная аркада над карнизом, где я находился; голова ее была отколота. Кроме того, несколько громадных бровей и два колоссальных носа торчали из травы рядом со мной, отбрасывая на скалу причудливые тени. Небо надо мной затянулось тучами, и начал моросить дождь, но там, где я лежал, было сухо. Я погасил фонарь и попытался заснуть, но опять вокруг началось шуршание, послышался шорох. И когда мне вновь удалось извлечь из фонаря слабый свет, я увидел коричневого таракана величиной с большой палец. Я пошарил вокруг себя и схватил грубо отесанный каменный топор, каких много было в карьере. Но не успел я ударить, как заметил, что рядом со

мною неподвижно сидит еще один, а дальше — третий и четвертый.

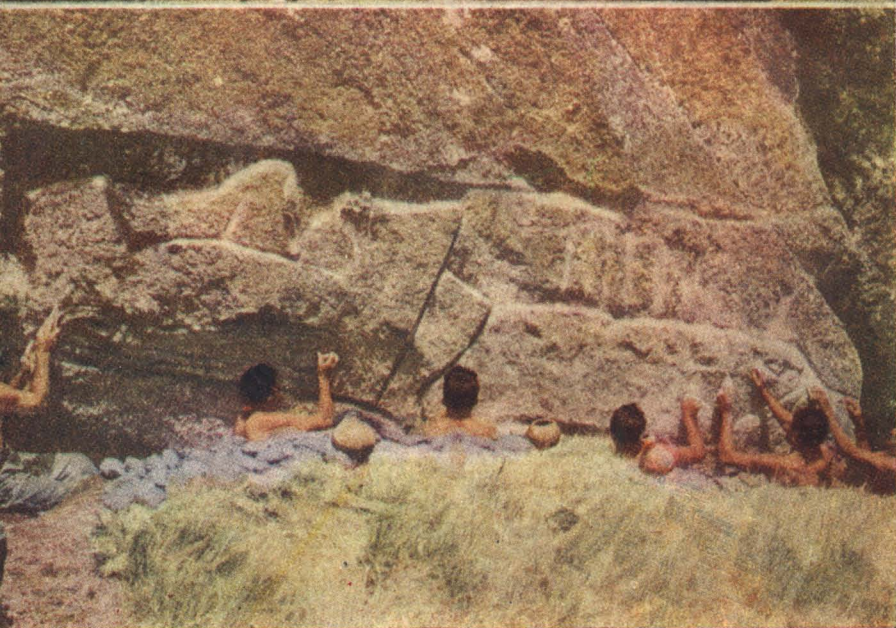
Таких больших тараканов я никогда не видел на острове Пасхи. Я стал светить вокруг себя и обнаружил, что повсюду сидят огромные жирные бестии. Они сидели кучками рядом со мной, надо мной, а два даже взобрались на мой спальный мешок и шевелили там своими усами. Отвратительное зрелище! Они как бы подкарауливали меня, тараша большие глупые шаровидные глаза. Стоило мне погасить фонарь, как они задвигались во всех направлениях. Один хрябрец даже ущипнул меня за ухо. А снаружи лил дождь. Я схватил каменный топор, ударил по самым крупным и ближайшим ко мне тараканам и стряхнул забравшихся на спальный мешок.

Но вот фонарь совсем погас, а когда в нем снова затеплился огонек, я увидел, что повсюду опять полно тараканов. Несколько больших чудовищ, подобно канибалам, жрали остатки своих собратьев, раздавленных мною. И вдруг над головой я увидел устремленные прямо на меня страшные глаза и оскаленную беззубую пасть. Ужасная морда оказалась страшным духом *макемаке*, когда-то в давние времена высеченным в скале. При дневном свете я не заметил изображения, но слабый свет фонаря бросил тени на бороздки и сделал эту морду причудливо выпуклой. Я раздавил каменным топором еще несколько тараканов, но в конце концов решил отступить перед превосходящими силами противника, иначе мне пришлось бы сражаться всю ночь. Когда-то, будучи еще мальчишкой-бойскаутом, я заучил мудрое изречение: все существа красивы, надо к ним только как следует приглядеться. Некоторое время я смотрел прямо в крупные, будто отполированные шоколадного цвета глаза шагавшего шестиногого таракана, затем с головой забрался в спальный мешок и решил соснуть. Но мое ложе было слишком жестким, и мне не спалось. Я думал о том, насколько тверда эта порода — не для сна, а для рубки.

Я снова схватил каменный топор и изо всех сил швырнул его в стену карьера. Я и прежде делал это и хорошо знал, что топор отскакивает от скалы, остав-

Чувствуешь себя ничтожно малым, углубляясь в землю вдоль корпуса исполина с острова Пасхи. Но каким образом не вооруженные техникой неизвестные ваятели древности перевозили и ставили этих гигантов?

Вверху: гигант на киле. Судя по оставшимся в карьере незаконченным статуям, последней от скалы освободилась спина. Каменные топоры, оставшиеся лежать на рабочем месте, свидетельствуют о том, какими примитивными орудиями рубили скульпторы твердую как кремль породу. Внизу: впервые за многие сотни лет в древнем каменном карьере вулкана вырубается статуя. На переднем плане видны полые тыквы с водой и сваленные в кучу старые топоры — вот все, что составляло орудия каменотесов.

ляя после себя лишь светлое пятнышко. Однажды наш капитан тоже побывал здесь и попробовал крепость породы молотком и стальным зубилом. Полчаса потребовалось ему, чтобы вырубить углубление величиной с кулак. А ведь мы подсчитали, что лишь в тех нишах, которые видны с этого места, было вырублено свыше двадцати тысяч кубических метров! По мнению же археологов, эту цифру можно с уверенностью удвоить. Просто невероятно! Снова я почувствовал сказочность дерзаний длинноухих, и не дававшая мне покоя мысль возникла вновь. Почему бы не попробовать? Каменные топоры по-прежнему лежали там, где их бросили скульпторы, а у последнего представителя длинноухих были потомки, жившие в селении. Почему бы не возобновить работу в карьере?

Факельное шествие каннибалов на равнине давно захлебнулось. Но наверху, на горном карнизе, вокруг меня пировал, поедая своих сородичей, рой маленьких каннибалов. Вокруг все шуршало и шелестело, а я, потеряв счет времени и пространству, погрузился в сон, как Голиаф среди хлопотливых каннибалов и как карлик среди спящих великанов под звездным небом, широко раскинувшимся над горой.

На следующее утро над равниной светило золотистое солнце, и только множество крылышек и скрюченных ножек, валявшихся вокруг меня, говорило о том, что вторжение тараканов не было сном. Я оседлал коня и то рысью, то галопом поехал по древней, заросшей травой дороге, ведущей по направлению к деревне.

Когда я рассказал отцу Себастьяну о своем намерении, лицо его засветилось лукавой улыбкой, и он тотчас присоединился к моему плану с условием, чтобы мы выбрали отдаленный уголок каменного карьера и не внесли перемен в ту картину. Рано Рараку, которая открывалась снизу с равнины. Но я не хотел, чтобы в работе над статуей мне помогали случайные люди. Зная, что отец Себастьян является крупнейшим специалистом по вопросам родословной острова и написал генеалогию острова Пасхи, я рассказал ему, что ищу местных жителей, происходящих от последнего длинноухого.

— Сейчас осталась лишь одна семья, восходящая по прямой линии к Оরорোина,— сказал отец Себастьян.— Это семья, избравшая себе в прошлом столетии, когда было введено христианство, родовое имя Адам, или Атан, как его выговаривают местные жители. Старшего из братьев Атан ты ведь знаешь — это Педро Атан, староста.

— Староста! — я был удивлен и не мог сдержать улыбку.

— Да, он немного паяц, но далеко не глуп и притом добрый человек,— заверил отец Себастьян.

— Но ведь он совсем не похож на местного жителя,— сказал я.— Тонкие губы, узкий нос, светлая кожа.

— Он чистокровный островитянин, а их среди местного населения осталось всего лишь восемьдесят-девять человек. Кроме того, он является и настоящим длинноухим по прямой отцовской линии.

Я мигом вскочил на коня и помчался по глинистому проулку деревни к ограде, за которой в глубине сада, наполовину скрытый кустами и деревьями, стоял маленький побеленный домик.

Староста сидел и вырезал чудесный набор шахмат — фигурки изображали птице-человеков, каменных гигантов и другие известные мотивы острова Пасхи.

— Это для тебя, сеньор,— сказал он, сияя от радости, и показал мне свое маленькое мастерское произведение.

— Ты художник, дон Педро,— ответил я.

— Да, лучший на острове,— раздался быстрый, самоуверенный ответ.

— Правда, что ты еще и длинноухий?

— Да, сеньор,— ответил он торжественно и встал по стойке «смирно», точно солдат на проверке.— Я длинноухий, настоящий длинноухий, и горжусь этим,— сказал он с нафосом, ударяя себя в грудь.

— Кто сделал эти большие статуи?

— Длинноухие, сеньор,— раздался выразительный ответ.

— Я слышал, некоторые жители говорят, что их сделали короткоухие?

— Это наглая ложь, они пытаются присвоить себе славу моих предков. Все здесь сделали длинноухие. Разве ты не видел, сеньор, что у статуй длинные уши? Ты ведь не думаешь, что короткоухие делали изваяния длинноухих? Эти статуи воздвигнуты в память о вождях длинноухих.

Он говорил это с таким волнением, что грудь у него вздымалась, а тонкие губы дрожали.

— Я думаю, что честь создания статуй принадлежит длинноухим,— сказал я.— Теперь я хочу, чтобы мне вырубili такую же фигуру. Но работать над ней должны только длинноухие. Как ты думаешь, вы справитесь с этой задачей?

Староста стоял неподвижно, губы его дрожали, затем выпалил:

— Справимся, сеньор, справимся! Каких она должна быть размеров?

— Ну... средней величины. Метров пять-шесть...

— Тогда нужно шесть человек. Нас всего четверо братьев, но есть другие длинноухие, по материнской линии. Подойдет?

— Вполне.

Я поспекал к губернатору и договорился, чтобы Педро Атан был временно освобожден от исполнения своих обязанностей старосты. Он и его родные получили разрешение отправиться на Рано Рараку вытесать из камня статую.

Накануне начала работ меня попросили приготовить еду. Статую заказал я и поэтому должен обеспечить питание — таков старый обычай.

Кончился день, наступил вечер, но никто не приходил за провизией. Лагерь засыпал. Заснули Ивонна с Анеттой в крайней палатке рядом с упавшим богатырем, потом один за другим остальные, и вскоре все палатки погрузились в темноту. Только Гонсало, Карл и я продолжали писать в палатке-столовой

Вдруг мы услышали странное тихое пение, оно становилось все громче и громче. Звуки рождались в середине лагеря. Затем послышались ритмические удары о землю. Во всем этом было что-то совершенно незнакомое и доисторическое. Гонсало поднялся с таким ви-

дом, будто свалился с луны, Карл широко раскрыл глаза, да и сам я прислушивался как зачарованный. Я ни разу не слышал ничего подобного за все время своих блужданий по Полинезии.

Открыв застужку-«молнию», мы вышли в ночную мглу. Фотограф в пижаме тоже вышел из своей палатки. В палатках стали зажигать огни. При слабом свете, проникавшем через москитную сетку столовой, мы увидели группу сгорбившихся фигур, сидевших посреди площадки между палатками и стучавших по земле палицами, веслами и каменными топорами, украшенными затейливой художественной резьбой.

Головы всех были украшены коронами из перистых листьев, а на лицах двух малышей, сидевших с краю, были надеты бумажные маски птице-человеков с большими глазами и огромными носами. Они кланялись и кивали, пока остальные раскачивались, пели и отстукивали такт. Но еще больше, чем необычное зрелище, завораживала нас мелодия — словно привет из исчезнувшего мира. Резкий, гротескный, одиноко звучащий голос в этом мужском хоре производил неопишимо своеобразное впечатление. Когда глаза освоились с темнотой, я увидел, что голос принадлежит очень старой, худой, как щепка, женщине. Все имели сосредоточенный вид, и песня продолжала звучать, пока один из наших ребят не вышел из палатки с фонарем. Тогда хор сразу замолчал, все пробормотали «нет» и спрятали свои лица.

Когда фонарь исчез, песня возобновилась. Сначала ее затянул запевала, а затем подхватили остальные, причем старуха запела последней. Я почувствовал себя далеко-далеко: песню, похожую на эту, я слышал у индейцев пуэбло в Нью-Мексико. К тому же выводу пришли все наши археологи. Когда песня окончилась и участники хора встали, мы увидели, что в масках птице-человеков выступали дети. Я принес блюдо сосисок, которое стюард приготовил в палатке-камбузе. Забрав блюдо с собой, островитяне скрылись в темноте.

Староста возвратился в венке из папоротника, с торжественным видом и вернул пустое блюдо. Я шут-

ливо сделал ему комплимент за невиданное представление, но староста даже глазом не моргнул.

— Это очень старый ритуал, древняя песня каменотесов,— сказал он серьезно.— Они пели ее главному богу Атуа, чтобы была удача в той работе, которую им предстоит сделать.

В старосте чувствовалось сегодня что-то особенное, необычайной были и песня и вся манера ее исполнения. Я чувствовал себя растерянным, сбитым с толку. Видимо, это не было спектаклем, предназначавшимся для нашего или их собственного развлечения, а настоящим древним ритуалом. Подобных церемоний я не видел в Полинезии лет двадцать, с тех пор как расстался со старым отшельником Теи Тетуа в долине Оуиа на Фату-Хиве. Повсюду в Полинезии местные жители уже утратили старые обычаи, разве что выступают для туристов в соломенных юбках. Когда они играют и поют, то это в большей или меньшей степени привозные мелодии хулы, а если рассказывают предания, то чаще всего излагают их так, как пишут в своих книгах белые путешественники. Но эта маленькая ночная церемония предназначалась не для нас, мы были лишь случайными ее свидетелями, потому что заказали этим людям выгесать статую.

Я намеренно попытался шутить со старостой и его людьми, но он вежливо взял меня за руку и сказал, что шутки неуместны, когда речь идет о древней песне, обращенной к богу.

— Наши предки не знали того, что знаем мы,— сказал он.— Они полагали, что бога зовут Атуа, а поправить их было некому. Так стоит ли порицать их за это?

Затем взрослые и дети побрели со всем своим танцевальным снаряжением по площади храма и исчезли в темноте. Они отправились в одну из пещер Хоту Матуа, где им предстояло провести ночь.

На следующее утро мы поехали в карьер на Рано Рараку и нашли здесь старосту и пятерых длинноухих. Они давно уже поднялись на каменный склон карьера и собирали там старые каменные топоры, которые сотнями валялись на карнизах, в земле и на земле, напо-

миная гигантские конусовидные клыки. Рядом с балконом, где я ночевал, была большая плоская стена, не видимая снизу. Она была создана древними скульпторами, вырубавшими здесь статуи, и напоминала зияющий разрез в скале. Теперь мы должны были продолжить здесь работу. Старые насечки от ударов топора сохранились по всей стене, словно следы от гигантских когтей. Наши друзья с самого начала ясно представляли себе, что им надлежит делать. Они сложили старые каменные топоры вдоль скалы, где им предстояло работать, и каждый из них поставил перед собой выдолбленную тыкву, наполненную водой. Староста с вчерашним венком из листьев папоротника на голове носился вокруг и проверял, все ли готово. Затем он произвел вдоль стены ряд замеров, пользуясь для этого лишь руками и растопыренными пальцами. Потом каменным топором нанес на скале какие-то знаки. Он, несомненно, знал пропорции по собственным фигуркам из дерева. Теперь все было готово. Но вместо того чтобы тут же начать работу, он учтиво попросил у нас извинения и исчез со своими людьми за выступом в скале.

Было очевидно, что длинноухие готовят новую церемонию, и мы с интересом ожидали, что же произойдет. Но вот они медленно, важные и степенные, возвратились назад и выстроились вдоль стены, держа наготове топоры. Ритуал, очевидно, уже совершился по ту сторону выступа. Они держали топоры, как кинжал, в кулаке и по сигналу старосты затагнули вчерашнюю песню каменотесов. Одновременно, в такт мелодии, каждый поднимал руку и ударял топором о камень. Изумительное зрелище, замечательная мелодия! Недоставало лишь характерного голоса старухи, но удары топоров, которые резонировали в горе, вполне возмещали этот пробел.

Это зрелище было так зажигательно и заразительно, что мы были буквально загипнотизированы. Певцы увлеклись работой, весело улыбались, пели и рубили, рубили и пели. Особенно увлекся долговязый старик, работавший с самого края. От избытка чувств он принялся приплясывать в такт ударам и песне: «Кнакк-

кнакк, кнажк, жнакк, кнакк-кнакк-кнакк». «Гора тверда, камнем по камню, топор в руке тверже, гора поддается, кнакк-кнакк-кнакк» — эти звуки раздавались далеко по равнине.

Впервые за сотни лет снова зазвучали удары топора на Рано Рараку. Песня замерла, но удары топора продолжали раздаваться размеренно и непрерывно. Шестеро длинноухих взяли топоры и занялись ремеслом, которое вынуждены были оставить их предки. После каждого удара в породе оставался небольшой след — не след, а скорее серое пятнышко, но с каждым ударом оно становилось все заметнее.

Через определенные интервалы каменотесы брали тыхву и брызгали водой на скалу в том месте, где рубили. Находясь по соседству, мы слышали звон и удары, раздававшиеся в горах среди неподвижных гигантов. Так прошел первый день.

Когда я лег спать, удары топора еще звенели в ушах, хотя в карьере все уже давно затихло; и во сне я по-прежнему видел коричневые мускулистые спины и острые топоры, врубающиеся в породу. Староста и его друзья, смертельно усталые, спали в пещере Хоту Матуа. Старая женщина сходила в лагерь, принесла огромное блюдо с мясом и полный мешок хлеба, масла и сахара, и длинноухие досыта наелись перед сном.

В последующие два дня работа в карьере шла точно таким же образом: каменотесы рубили, и пот с них струился градом.

На третий день мы уже могли различить в скале контур гиганта. Длинноухие рубили до тех пор, пока не сделали на каменной стене вертикальные бороздки; затем они пошли поперек, срубая острые выступы между бороздками. Они рубили, брызгали водой и снова рубили, постоянно меняя топоры, острия которых быстро притуплялись.

Прежние исследователи считали, что когда топор изнашивался, его просто выкидывали. Этим они и объясняли поразительное множество каменных топоров, валявшихся повсюду в карьере. Но это предположение оказалось ошибочным. Когда топор притуплялся, староста поднимал с земли другой и ударял топором

по топору. Осколки камня летели в воздух, и топор снова становился острым. Делал он это с такой же легкостью, как конторщик затачивает карандаш. Мы поняли, что большая часть всех оставшихся в карьере топоров использовалась одновременно. Каждый скульптор имел несколько топоров и пользовался ими поочередно. Над одной статуей работало немного скульпторов. Вдоль статуи средних размеров — метров пяти, то есть такой же, какую заказали мы, могло разместиться шесть человек. Одна-две сотни каменотесов могли обрабатывать большое количество фигур, и поэтому-то так много их одновременно высекалось в карьере. Над целым рядом статуй пришлось прекратить работу по чисто техническим причинам еще до того, как карьер был вообще заброшен. На одних скульпторы обнаружили в камне трещины, на других — твердые, как кремль, включения, не позволявшие обработать лицо фигуры.

Так мы познакомились с техникой изготовления скульптур. Но больше всего нас интересовало, сколько времени займет рождение гиганта. По подсчетам Рутледж, на это требовалось всего пятнадцать дней. Метро также считал, что работа с мягкой породой идет быстрее, чем предполагает большинство исследователей, но срок в пятнадцать дней казался ему чересчур коротким. Рутледж и Метро, несомненно, совершали ту же самую ошибку, что и мы и многие другие, а именно: судили о степени твердости породы по поверхности статуи. Чувство благоговения не позволяло нам поступить так, как поступили первые испанцы, считавшие, что статуи были сделаны из глины. Они изо всех сил ударили по фигуре киркой так, что искры полетели. В действительности фигуры высечены из очень твердого камня, разрушенного снаружи выветриванием.

После третьего дня работы темпы длинноухих снизились. Они пришли ко мне со скрюченными, разбухшими пальцами и сказали, что хотя они и привыкли целый день работать топором и зубилом, но все же они не профессиональные скульпторы м о а и, высекавшие статуи. Поэтому они не в состоянии поддерживать неделю за неделей такой же темп, как их предки.

Мы уселись поудобнее на траву, и каждый стал про себя прикидывать. Староста пришел к выводу, что завершение работы над статуей средних размеров потребует двенадцати месяцев, если две группы будут работать посменно в течение дня. Долговязый старик подсчитал, что понадобится пятнадцать месяцев. Билль исследовал породу и согласился со старостой: работа над статуей займет год, к тому же надо добавить время на ее перемещение.

Ради интереса наши скульпторы наметили фигуре пальцы и лицо и отполировали поверхность сточенной от употребления пемзой, которую древние ваятели оставили после себя в карьере.

В этот вечер я посадил на плечо маленькую Анетту и вместе с Ивонной пошел к пещере наших длинноухих скульпторов по другую сторону долины Анакены. Они увидели нас еще издали, и, когда мы приблизились, сидели улыбаясь, занимались каждый своей работой и, ритмично раскачивая корпусом, тихо напевали песню о Хоту Матуа. Это была очень старая и хорошо известная здесь на острове Пасхи песня; мелодия ее не менее пленительна, чем у наших европейских популярных песенок. Приятно было слушать ее исполнение в деревне, но еще приятнее здесь, в пещере самого Хоту Матуа. Даже трехлетняя Анетта выучила песню по-полинезийски и принялась петь и танцевать с двумя маленькими местными гномиками из пещеры. Мы с Ивонной пригнулись, вошли в пещеру и уселись на предоставленное нам место на соломенной циновке.

Островитяне были в восторге от нашего визита. Староста сиял, как солнце, и благодарил за ту хорошую провизию, которую им ежедневно присылает наш кок, особенно за чудесные сигареты. Староста и двое других парней вытесывали похожими на крючки топориками традиционные деревянные фигурки. Один из них вставлял в причудливую голову бородатого призрака глаза из белых хрящей акулы и черного обсидиана. Старая женщина, которая прислуживала нашим камелотесам, плела шляпу, другие просто лежали, жевали соломинки и глядели в вечернее небо; черный котелок бурлил на костре около пещеры.

— Ты вроде никогда не отдыхаешь,— сказал я старосте.

— Мы, длинноухие, любим работать и всегда работаем. Да и ночью-то я сплю немного, сеньор,— ответил он.

— Добрый вечер,— раздался голос человека, которого мы вначале не заметили — он лежал на циновке из листьев папоротника в темной нише в стене.— Правда, у нас здесь уютно?

Здесь действительно было уютно, и мне понравилось, что сами они это хорошо понимали. Постепенно начало темнеть, через входное отверстие мы видели, как по небу плывет месяц. Старуха вытащила старую перевернутую жестянку с углублением в дне. В ней был бараний жир и домотканый фитиль. Эта имитация древней каменной лампы светила удивительно хорошо. Худой старик объяснил нам, что его предки никогда по ночам не пользовались светом из боязни привлечь врагов.

— И поэтому войны научились хорошо видеть в темноте,— добавил староста.— Теперь же мы настолько привыкли к фонарям, что почти слепы в темноте. Одно воспоминание вызывало другое.

— И в те времена они никогда не спали так.— Старик лег плашмя на спину, открыл рот и, раскинув руки, захрапел, как мотоцикл.— Они спали вот так.— Он перевернулся на живот, свернулся в клубок так, что грудь его покоилась на коленях, а лоб на кулаках, макушкой ко мне. В одной руке он держал острый камень.

— Так они могли мигом вскочить и убить врага,— объяснил старик.

И чтобы проиллюстрировать, как это происходило, он вскочил и стрелой бросился на меня, издавая рев каннибала. Ивонна закричала, а в пещере раздался оглушительный хохот. Дети прибежали в испуге посмотреть, что случилось, но тут же принялись танцевать вокруг костра, а длинноухие продолжали рассказывать нам предания своих дедов.

— Наши предки ели тогда мало,— сказал старик,— и никогда не ели ничего горячего. Они боялись растолстеть, им приходилось всегда быть готовыми к войне.

Ведь это была Эпоха сбрасывания статуй, или Хури-моан.

— Она называется так потому, что войны сбрасывали статуи,— пояснил лежащий наверху человек.

— Но с кем же воевали короткоухие? Ведь все длинноухие сгорели? — спросил я.

— Они воевали друг с другом. Тогда каждый род имел свой участок. Тот, у кого на территории была большая статуя, гордился этим; и когда они воевали между собой, то сбрасывали статуи на чужом поле, для того чтобы досадить противнику. Мы, длинноухие, не столь воинственны. У меня есть девиз, сеньор Кон-Тики: «Не волнуйся».

Он успокаивающе положил мне руку на плечо, словно показывая, как надо умирять вспыльчивых.

— Почему ты так уверен, что являешься длинноухим? — спросил я осторожно.

Староста поднял руку и начал перечислять по пальцам:

— Потому что мой отец Хосе Абрахан Атан был сыном Тупутахи, который был длинноухим, а тот был сыном Харе Каи Хива, являющегося сыном Аонгату, сына Ухи, сына Мотуха, сына Пеа, сына Инаки, который был сыном Оророины, единственного длинноухого.

— Всего десять поколений,— сказал я.

— Значит, одно пропущено, потому что одиннадцатое поколение — я сам,— сказал староста и принялся вновь считать по пальцам.

— Я тоже из одиннадцатого поколения,— раздался голос из ниши,— только я самый младший. Педро — старший, он знает больше всех, и поэтому он глава нашего рода.

Староста ткнул себя в лоб и с хитрой улыбкой произнес:

— У Педро есть голова на плечах. Поэтому Педро глава длинноухих и староста всего острова. Я ведь не очень стар, хотя и люблю считать себя древним старцем.

— Почему же?

— Потому что старые люди умнее, только они что-то и знают.

Я попытался расспросить, что же происходило до того, как короткоухие уничтожили длинноухих и началась Эпоха сбрасывания статуй. Но узнать ничего не удалось Их род начинался с Оророины, и никто не знал, что было раньше. Длинноухие прибыли вместе с Хоту Матуа, когда был открыт остров. Но староста добавил, что короткоухие говорили о своем роде то же самое, точно так же, как они, пытались приписать себе славу создания статуй. Никто не помнил, прибыл ли Хоту Матуа с востока или с запада.

Лежавший наверху человек сказал, что Хоту Матуа, наверное, прибыл из Австрии. Никто его не поддержал, и он быстро отступился от своих слов и добавил, что слышал об этом на борту одного судна. Все предпочитали говорить об Эпохе сбрасывания статуй, которая была для них гораздо ближе. О старухе с корзиной, предавшей его род, староста говорил с такой злобой, что на глазах у него выступили слезы и ему пришлось проглотить подступивший к горлу комок Эта история, несомненно, будет жить очень долго, передаваясь от отца к сыну в течение еще одиннадцати поколений, не смотря на девиз «не волнуйся»

— Среди наших предков встречались красивые люди,— сказал староста.— На этом острове было два типа людей — одни темные, другие светлые, как вы, с белой кожей и светлыми волосами. Они были белыми людьми, но все же коренными жителями острова Пасхи В нашем роду было много белых, которых звали «охотеа», или светловолосыми У моей матери и тетки волосы были более рыжие, чем у сеньоры Контики.

— Гораздо рыжее,— подтвердил его брат в нише.

— Весь наш род на протяжении своей истории имел много представителей такого типа. Среди нас, братьев, таких уже нет. Моя дочь, которая утонула, имела бело-белую кожу и совсем рыжие волосы; такие же волосы у моего взрослого сына Хуана. Он двенадцатый потомок Оророины.

Это была сущая правда И у сына и у дочери старосты волосы были такого же цвета, что и каменные пукао на статуях с тонкими губами и длинными ушами.

которые когда-то украшали стены острова в его вторую культурную эпоху.

Статуи низвергнуты, а ваятели сгорели на Поике, но историю их рода можно проследить вплоть до наших дней по характерному цвету волос его представителей: огромные красные пукао, рыжие волосы людей, описанных первооткрывателями и миссионерами, светлые волосы последних потомков Оророины, ближайших родственников старосты.

Мы и сами чувствовали себя чуть ли не светловолосыми длинноухими, когда выбрались из пещеры Хоту Матуа и побрели домой в окутанный мраком лагерь по другую сторону равнины. Для Анетты время было уже слишком поздним.

Несколько дней спустя мы стояли вместе со старостой и смотрели на ряд поваленных статуй на площади храма возле нашего лагеря. Билль только что сообщил из Винапу, что его землекопы из местных жителей применили какой-то новый способ, когда водружали на место огромную глыбу, выпавшую из каменной стены. Я подумал, что, может быть, тут есть какая-то связь с вековой загадкой перевозки и установки гигантских статуй. Простой метод, примененный островитянами в Винапу, последние воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Кто знает, может быть, этот прием они унаследовали от своих предков? Я вспомнил, что уже однажды спрашивал старосту, как статуи доставлялись из карьера, и получил обычный ответ — фигуры двигались сами собой. Сейчас я решил попытаться счастья снова:

— Староста, ты ведь длинноухий, тебе, должно быть, известно, как устанавливали этих гигантов?

— Да, сеньор, это дело нехитрое.

— Нехитрое? Да ведь это одна из величайших загадок острова Пасхи!

— Но мне это известно, я могу поставить такого моай.

— А кто тебя этому научил?

Староста напустил на себя важный вид и подвинулся вплотную ко мне:

— Сеньор, когда я был маленьким-маленьким

мальчиком, мне приходилось подолгу сидеть на полу перед дедом и его старым зятем Пороту. Точно так же как сейчас учат в школе, они учили меня разным вещам. Я многое тогда узнал. Они заставляли меня повторять все снова и снова, пока я не запоминал каждое слово. Я выучил также и песни.

Староста казался столь искренним, что я почувствовал себя озадаченным. Правда, он уже показал в каменном карьере, что умеет не только языком болтать, но в то же время мы знали его как страшного фантазера.

— Если тебе известно, как устанавливались статуи, почему же ты давно не рассказал об этом тем, кто бывал здесь раньше и спрашивал об этом? — заметил я.

— Никто меня не спрашивал, — гордо ответил староста. Он явно считал, что дальнейшие пояснения излишни.

Я не поверил ему и сделал широкий жест, предложив уплатить сто долларов в тот день, когда крупнейшая в Анакене статуя будет стоять на постаменте. Я знал, что на всем острове Пасхи нет больше ни одной статуи, которая стояла бы на своем старом аху, и был уверен, что мне никогда не придется увидеть какую-либо статую стоящей, если не считать слепые фигуры, временно поставленные когда-то в глубоких ямах у подножия Рано Рараку.

— Договорились, сеньор, — староста быстро протянул мне руку. — На следующем военном судне я поеду в Чили, и тогда мне понадобятся доллары.

Я рассмеялся и пожелал ему удачи. Все же он большой чудак.

Вскоре из деревни прискакал с запиской его рыжеволосый сын. Отец просил меня поговорить с губернатором, чтобы тот разрешил ему с одиннадцатью людьми вновь перебраться в пещеру Хоту Матуа в Анакене и поднять крупнейшую статую. Я оседлал коня и поскакал к губернатору. И губернатор и отец Себастьян рассмеялись, услышав про затею старосты, и сказали, что все это, как я и сам думал, пустое хвастовство. Но староста дон Педро стоял перед нами со шляпой в руке, у него нервно дрожали губы. И я сдержал слово. Гу-

бернатор в письменном виде дал свое благословение. Отец Себастьян от души повеселился.

— Посмотрим, что из этого выйдет,— заметил он.

Скоро староста появился с двумя своими братьями и группой родственников — длинноухих по материнской линии. Стюард дал им провизию, и двенадцать человек вновь удалились в пещеру Хоту Матуа.

Перед самым заходом солнца староста пришел к нам в лагерь, вырыл между палатками глубокую круглую яму и исчез.

Когда совершенно стемнело и наступила полная тишина, как и в прошлый раз, начали раздаваться какие-то удивительные таинственные звуки и странные хлопки, которые усиливались, превратившись в громкое пронзительное ~~пение~~ жора во главе со старухой с надломленным голосом.

Во всем лагере зажгли свет, и палатки засветились, словно большие зеленые бумажные фонарики. Все выползли в темноту без фонарей: мы помнили, что песня исполняется только во мраке. Но это представление было совсем иным. Местные жители украсили себя листьями и ветвями, некоторые раскачивались и танцевали, топая, словно в экстазе, ногами, а старая женщина сидела с закрытыми глазами и вела весь хор своим странно звучащим низким голосом. Младший брат старосты стоял обеими ногами в вырытой яме, в которой, как мы заметили позже, был помещен сосуд с каменной плиткой сверху. Ногами он ритмично выбивал глухой барабанный звук, который придавал зрелищу еще более мистический характер.

В слабом зеленом свете, который просачивался сквозь стенки палаток, мы едва различали собравшихся. Неожиданно из темноты выступила хрупкая фигура, и все мы широко раскрыли глаза. Это была молодая девушка, босая, с длинными развевающимися волосами, одетая в свободное светлое платье. Она порхнула в зеленый круг света, как сказочная нимфа, и начала легко, с выпрямленной спиной, не вращая бедрами и без ритма хулы, танцевать перед барабанщиком и певцами. Это было так красиво, что мы затаили дыхание; она была немного смущена и очень серьезна. Гибкая,

стройная, грациозная, она словно не касалась травы босыми светлыми ногами. Кто она? Откуда? Мы думали, что давно уже познакомились со всеми красавицами на острове. Неужели длинноухие прятали эту нимфу в пещере девушек?

Наконец наши моряки пришли в себя, почувствовав, что все это не сон, и начали шептаться друг с другом, со старой Марианой и Эрорией. Мы узнали, что девушка — племянница старосты и еще так молода, что никогда прежде не ходила на праздник плясать хулу

Тем временем захватывающие песни и танец продолжались. Три раза мы слушали и смотрели все представление, но поняли лишь припев, в котором говорилось об одном моаи, который по приказу Кон-Тики должен быть поднят на аху в Анакене. Мелодия совершенно не походила на песню каменотесов, но была столь же пленительной и ритмичной. Наконец барабанщик выбрался из ямы, и длинноухие, шурша листьями, собрались уходить. Мы снова снабдили их продуктами. Один из наших парней спросил, не согласятся ли они спеть и станцевать какую-нибудь из обычных мелодий хулы, но они дружно отказались. Песню каменотесов еще можно спеть, объяснил нам староста, но другие к такому случаю не подходят. Исполненные две песни были серьезными, они должны принести удачу в работе. А другие песни лучше спеть как-нибудь потом, не то они оскорбят предков и удачи в работе не будет.

Мы снова прослушали песню каменотесов, после чего наши гости, шурша листьями своих нарядов, направились через площадь храма и исчезли в темноте, уводя с собой одетую в светлое нимфу.

Едва только солнце начало пробиваться через стенки палатки, я проснулся от чьих-то шагов. Это двенадцать длинноухих пришли посмотреть на крупнейшую в Анакене статую, уткнувшуюся носом в землю рядом с нашей палаткой. Это была коренастая фигура с плечами шириной почти в три метра и весом в двадцать пять — тридцать тонн, следовательно, на каждого из двенадцати длинноухих приходилось свыше двух тонн.

Неудивительно, что они стояли кольцом вокруг гиганта и почесывали затылки.

Но похоже было, что они полагались на старосту; он же ходил вокруг гиганта и сохранял поразительное спокойствие.

Первый машинист Ульсен тоже почесал себе затылок, покачал головой и рассмеялся.

— Да, если староста справится с этим дьяволом, то он чертовски силен, а!

— Ему не одолеть его ни за что на свете.

— Нет, куда там!

Во-первых, великан лежал у подножия стены и голова его находилась гораздо ниже по склону, во-вторых, постамент отстоял на расстоянии четырех метров от большой плиты, на которой первоначально возвышался гигант. Староста показал на маленькие коварные камни, которые, по его словам, были выбиты из под плиты короткоухими, чтобы повалить статую.

Затем он начал организовывать работу с такой уверенностью и поразительным спокойствием, будто никогда ничем другим и не занимался.

Единственными их орудиями были три круглые ваги — деревянных бревна, число которых впоследствии сократилось до двух, и множество собранных вокруг валунов и камней. Остров сейчас безлесен, если не считать нескольких куп недавно посаженных эвкалиптов, но вокруг озера и кратера вулкана Ра-чо Као всегда росли деревья. Даже первые путешественники-открыватели нашли там лес из торо миро и гибискуса, так что появление деревянных орудий было вполне понятным.

Лицо фигуры было зарыто в землю, но людям старосты удалось подвести под него концы бревен. Три-четыре человека повисли на других их концах, а староста лег плашмя на живот и стал засовывать под голову фигуры маленькие камешки. Когда одиннадцать парней с силой нажимали на концы бревен, нам казалось, что фигура немного дрожит или чуть-чуть двигается, но вообще-то ничего как будто не менялось, только камешки, которые выбирал, лежа на животе, староста, становились все крупнее.

Когда наступил вечер, голова великана приподнялась над землей на целый метр, а образовавшееся пространство было плотно набито камнями.

На следующий день одна из ваг была признана лишней, и на каждую из двух оставшихся теперь приходилось по пяти человек. Староста поручил укладку камней под статую младшему брату, а сам стал на стену храма, вытянул руки, как дирижер оркестра, и короткими четкими криками начал подавать команду, размахивая в такт руками.

— Этах, эруа, этору! Раз, два, три! Раз! Два! Три! Взяли! Подсунули! Еще нажмем! Раз, два, три! Раз, два, три!

Сегодня островитяне подсунули концы обеих ваг под правый бок великана, который стал незаметно подниматься. Это были сперва миллиметры, потом дюймы, которые превратились в футы. Затем они перевели оба бревна под левый бок и повторили ту же процедуру. Эта сторона стала медленно подниматься вверх, и все время под фигуру подсовывалось множество камней. Потом работавшие вновь возвратились к правой стороне, потом опять к левой и так поочередно меняли стороны. Статуя постепенно поднималась, лежа уже горизонтально на все выставшей горке камней.

На девятый день работы гигант лежал на животе на верхушке тщательно выложенной башни, высота которой достигала трех с половиной метров от земли. Было страшно смотреть, как гигант весом около тридцати тонн вытянулся на высоте почти в человеческий рост над нашими головами. Десять парней не доставали больше до ваг. Они повисали, качаясь на привязанных к концу бревен веревках. А гигант еще не начал подниматься, и не было видно ни малейшего кусочка его «фасада», он лежал, растянувшись, упираясь всем своим туловищем в плотную каменную башню.

Работа становилась опасной для жизни. Анетте больше не разрешалось подъезжать к статуе с детской коляской, наполненной маленькими камнями для старосты. Теперь только рослые, сильные парни, покачиваясь, подходили босиком, как неандертальцы, с тяжелыми каменными глыбами в руках. Староста действо-

вал с величайшей осторожностью и проверял устойчивость каждого камня. Вес колосса был столь велик, что некоторые из камней крошились, как кусочки сахара. Один неосторожно положенный камень мог привести к катастрофе, но все было тщательно продумано, каждая небольшая деталь четко взвешена и рассчитана. У нас сердце уходило в пятки, когда мы смотрели, как парни ставили босые ноги на неровности башни и взбирались вверх с огромными каменными глыбами. Но каждый из них был начеку, а староста ни на секунду не ослаблял внимания. Он держал в руках все нити начатого дела и не произносил ни одного лишнего слова.

Таким мы его еще не видели. Раньше мы считали старосту большим чудаком и надоедливым хвастуном. Наши парни его недолюбливали за назойливость и похвальбу, за бесстыдно высокие цены, которые он заламывал за свои деревянные фигурки, хотя они, бесспорно, были лучшими на острове. Но сейчас это был спокойный, выдержанный, врожденный организатор, наделенный к тому же немалой практической смекалкой. Мы смотрели на него теперь другими глазами.

На десятый день подъем достиг кульминации. Теперь длинноухие также незаметно для глаза стали подталкивать статую основанием вперед, к постаменту, на который ее надлежало поставить.

На одиннадцатый день они начали переводить великана в стоячее положение, для чего вновь стали наращивать каменную горку, на этот раз под лицом, подбородком, грудью.

На семнадцатый день среди длинноухих появилась старая морщинистая женщина. Вместе со старостой она выложила перед статуей на огромной плите, где предстояло водрузиться гиганту, полукруг из мелких камней. Это была чистая магия. Статуя стояла теперь в опасном наклонном положении. В любой момент под действием собственного веса она могла соскользнуть вперед и упасть с отвесной стены аху к берегу. Не говоря уже о возможности соскользнуть, статуя может повалиться в любом направлении, когда ее будут наклонять с башни на постамент.

Поэтому староста обвязал вокруг лба гиганта веревку и привязал ее растяжками к кольям, вбитым в землю с четырех сторон.

И вот наступил восемнадцатый день работы. Одни начали тянуть за веревку к берегу, часть людей притормаживала за другую, обвязанную вокруг кола, вбитого посреди лагеря, третьи осторожно подталкивали фигуру бревном. Внезапно гигант начал явственно шевелиться. Прозвучала команда:

— Держи крепче! Крепче держи!

Гигант поднялся во весь свой могучий рост и начал опрокидываться, башня осталась без противовеса, камни и огромные глыбы с шумом посыпались вниз, нагромождаясь друг на друга и поднимая облако пыли. Но колосс спокойно покачался в стоячем положении и так и остался стоять — широкоплечий и прямой, глядя на лагерь и не обращая внимания на то, что декорация вокруг изменилась с тех пор, как он стоял на том же постаменте и смотрел на ту же площадь храма.

Гигант так величественно возвышался над равниной, что изменился весь пейзаж. Широкая спина походила на береговой знак, который можно было видеть далеко с моря. Теперь на месте древней обители Хоту Матуа в тени широкой фигуры гиганта мы уже не чувствовали себя дома. С любого места в лагере мы видели на близком расстоянии его огромную голову; он возвышался над крышами палаток, как старый норвежский горный тролль. Ночью, когда мы ходили по лагерю, казалось, будто огромный тролль спустился из роя звезд и собирается перешагнуть через светившиеся в темноте палатки.

Впервые за сотни лет один из гигантов острова Пасхи стоял на своем месте на вершине а х у. Приехали губернатор с семьей, священник и монахини. Вокруг слышался топот копыт, все, кто только мог оставить деревню, прибыли в Анакену взглянуть на подвиг старосты.

Длинноухие разобрали каменную башню, и староста, скромно потупившись, купался в потоке всеобщих похвал. Он доказал, что знает ответ на одну из древнейших загадок острова Пасхи. Да неужели кто-нибудь

ожидал меньшего от него, дона Педро Атана, — мудреца, старосты острова и сеньора длинноухого? Заплатите только — и он установит все имеющиеся на острове статуи на а ху, и все будет как в старые добрые времена. Заработанные на этот раз деньги он разделил со своими помощниками, но если только ему удастся поехать в Чили, когда прибудет военный корабль, он заставит раскошелиться самого президента, чтобы все статуи могли подняться. С помощью одиннадцати человек и двух бревен он поднял этого великана за восемнадцать дней. То ли еще будет, если ему дадут больше людей и больше времени!

Я отвел старосту в сторону и торжественно положил ему руки на плечи. Он стоял, как смиренный школьник, и с интересом глядел на меня.

— Дон Педро, староста, может быть, теперь ты сможешь рассказать, как твои предки перевозили фигуры по острову?

— Они двигались сами, шли пешком, — быстро ответил староста.

— Чушь! — сказал я разочарованно и немного раздраженно.

— Не волнуйся. Мы должны уважать наших предков, говоривших, что они шли. Но рассказавшие мне об этом не видели этого своими собственными глазами. Кто знает, не применяли ли они миро манга эруа?

— Что это такое?

Староста нарисовал на земле у-образную фигуру с перекладинами и пояснил, что это салазки для камней, сделанные из ствола с отходящим сучком.

— Этими салазками они, во всяком случае, пользовались для перевозки крупных глыб при постройке стен, — задумчиво добавил он. — А толстые канаты они делали из прочной коры — хау-хау — такие же толстые, как у вас на судне. Я могу сделать для тебя миро манга эруа и такой канат.

В нескольких шагах от лагеря один из археологов только что откопал статую, целиком засыпанную песком и не обозначенную поэтому номером в списке отца Себастьяна. Фигура не имела глаз, значит работу над

ней прекратили еще до того, как установили ее в назначенном месте. Я указал старосте на эту фигуру.

— Можешь ты с твоими людьми перетащить этого моаи через равнину?

— Нет, для этого нужна помощь и других жителей деревни, а они не захотят. Нас будет недостаточно даже вместе со всеми твоими землекопами.

Статуя была совсем не так уж велика, меньше средних размеров, и мне пришла в голову идея.

Староста помог мне купить в деревне двух огромных быков. Длинноухие зарезали их и зажарили на горячих камнях в большой земляной печи. Затем мы пригласили жителей деревни на пир. Вскоре вся равнина около палаток заполнилась гостями. Кругом паслось множество оседланных коней гнедой и вороной масти. Длинноухие осторожно раскопали песок, покрывавший печь, и все увидели дымящийся ковер из сочных банановых листьев. Несъедобный ковер из зелени свернули, показались дымящиеся, зажаренные целиком туши. Восхищенная толпа с наслаждением вдыхала запах сочнейшего в мире жаркого. Мужчины и женщины уселись группами на траве, зажав в руках огромные куски мяса, а длинноухие стали разносить горки свежеспеченного батата, тыквы и початки кукурузы; все это испекли вместе с бычьими тушами в насыщенной паром подземной раскаленной печи. Скоро появились гитары, раздались песни и смех, и на площади храма начали плясать хулу.

Тем временем длинноухие приготовили все для перетаскивания статуи, и сто восемьдесят развеселившихся островитян со смехом и криками встали вдоль длинного каната, крепко привязанного к шее гиганта. Староста, одетый в новую белую рубашку с клетчатым галстуком, принялся с блеском руководить работой.

— Раз, два, три! Раз, два, три!

Бах! Канат лопнул, мужчины и женщины со страшным хохотом покатались друг через друга. Староста смущенно улыбнулся и приказал сложить канат вдвое. Теперь, словно освободившись, колосс заскользил по равнине так быстро, что Ласарус, помощник старосты, вскочил на его голову и, стоя на нем, как гладиатор

на боевой колеснице, принялся размахивать руками. Длинные ряды островитян терпеливо тянули статую и ревели в диком восторге. Скорость была так велика, будто они тащили пустые ящики.

Через некоторое время мы остановили это шествие. Теперь мы убедились в том, что сто восемьдесят островитян, наевшись до отвала, могут тянуть по равнине статую весом в двенадцать тонн. Но, имея деревянные салазки и большее число людей, можно тащить фигуры еще больших размеров.

Наконец-то мы узнали, что с помощью воды и каменных топоров можно высекать из горной породы статуи, если иметь для этого достаточное количество времени. Мы узнали, что канаты и деревянные салазки позволяют перетаскивать гигантов с места на место, было бы только для этого достаточное количество рук; мы узнали, как гиганты могут с легкостью воздушного шара подниматься вверх и становиться на вершину стен, если только знать верный способ.

Теперь оставалась лишь одна загадка практического характера: как поднимались круглые пукао на макушку стоящих фигур? Но ответить на этот вопрос было уже нетрудно. Башня из камней, с помощью которой великан становился на ноги, поднималась, как готовые леса, до самой головы, и красный пучок волос можно было либо вкатить, либо поднять с помощью того же простого способа. Когда статуя с головным украшением стояла на своем месте на стене, все камни удалялись, и фигура оставалась в безмолвном одиночестве.

И лишь после того как исчезли все скульпторы, возникла загадка: как все это осуществлялось без железа, без кранов, без машин? Ответ был прост. На этот маленький остров прибыли люди с жаждой деятельности в крови, обладающие развитым практическим умом. В условиях мира и спокойствия, располагая неограниченным временем, они, опираясь на богатый опыт прежних поколений, создали свои вавилонские башни. В течение сотен лет жили они на самом одиноком в мире острове, не зная врагов, и единственными соседями их были рыбы и киты. Наши раскопки показали,

что лишь в третью эпоху на острове Пасхи стали изготавливать наконечники для копьев и другое оружие

Недалеко от палаток лежал гигантский цилиндр из красного камня. Много веков назад его притащили сюда с другого конца острова, где в каменном карьере из красного камня вырубали пукао. Староста предложил перекатить его на бревнах те двести метров, которые оставались до нашего лагеря, и водрузить на голову поставленного им гиганта. Но как раз в те дни, когда длинноухие ставили великана, на смену уже решенным загадкам пришла новая тайна острова.

Она вторглась в нашу работу, и красное головное украшение осталось лежать нетронутым на том месте, где оно остановилось передохнуть в последний раз перед прибытием во владения короля. Новые события теперь целиком поглотили все наши мысли.

Глава VI

СУЕВЕРИЕ ПРОТИВ СУЕВЕРИЯ

Фонарь висел на веревочке под потолком, бросая длинные тени на тонкую стенку палатки. Я прикрутил фитиль и собрался ложиться спать. Во всем лагере было темно и тихо, лишь прибор шумел на берегу. Ивонна уже забралась в свой спальный мешок на походной кровати, стоявшей вдоль задней стены палатки, а Анетта давно спала за низкой парусиновой перегородкой, отделявшей ее маленький уголок. Внезапно я услышал, как снаружи кто-то царапнул пальцем по палатке и слабый голос на ломаном испанском языке прошептал:

— Сеньор Кон-Тики, можно войти?

Я опять натянул брюки, осторожно приоткрыл замок-«молнию» ровно настолько, чтобы можно было высунуть наружу нос и один глаз. В темноте я различил неясные очертания человеческой фигуры со свертком под мышкой, а за ней на фоне звезд вырисовывался силуэт статуи. Это было после седьмого дня работы длинноухих по подъему гиганта.

— Можно войти? — вновь умоляюще прошептал голос.

Я осторожно приоткрыл дверь и неохотно пропустил гостя. Человек проскользнул в палатку и как зачарованный остановился, озираясь с восхищением и благодарной улыбкой. Я тотчас узнал его: это был са-

мый младший работник из группы старосты, так называемый «нечистый длинноухий», необыкновенно красивый молодой парень лет двадцати Эстеван Паркарати. Палатка была такой низкой, что он не мог выпрямиться, и я пригласил его присесть на край моей постели.

Некоторое время он смущенно улыбался, подыскивая подходящие слова, затем неуклюже сунул мне круглый сверток в коричневой измятой бумаге:

— Это тебе.

Я развернул бумагу, в ней оказалась курица. Курица из камня. Она была сделана вполне реалистично, в натуральную величину, и ничем не напоминала ничего из ранее виденного нами на острове Пасхи. Прежде чем я успел что-нибудь сказать, он вымолвил:

— Все в деревне говорят, что сеньор Кон-Тики послан нам, чтобы приносить счастье. Именно поэтому ты дал нам столько всяких вещей. Все курят твои сигареты и очень благодарны.

— Но где ты взял этот камень?

— Это моя, курица. Моя жена сказала, чтобы я отдал ее тебе в благодарность, потому что все сигареты, которые ты даешь мне каждый день, получает она.

Ивонна наполовину вылезла из спального мешка, протянула руку и вытащила из чемодана отрез материи на платье. Но Эстеван решительно отказался взять у меня отрез. Нет, камень не на обмен, это подарок сеньору Кон-Тики.

— А это подарок твоей жене,— ответил я.

Он нехотя согласился и вновь поблагодарил за провизию, сигареты и все то, что каждый день получают он и другие длинноухие. Прежде чем уйти, Эстеван попросил спрятать курицу, чтобы ее никто не увидел. Затем он выполз из палатки и пошел ночевать в деревню.

Я взглянул еще раз на изящно и умело выполненную вещицу. Камень отдавал немного запахом дыма. Впервые мне довелось увидеть настоящее художественное произведение местных жителей, а не одну из вечно повторявшихся деревянных фигурок или копий

больших статуй. Я сунул каменную курицу в чемодан и погасил фонарь.

На следующий вечер, когда все стихло, я вновь услышал шепот. Что ему нужно опять?

На этот раз Эстебан принес другой камень — сторбленого человечка с длинным птичьим носом, который держал в руке яйцо. Фигурка была искусно выполнена, как горельеф на плоском камне. Это был вариант скульптур, высеченных на скалах около развалин поселения птице-человеков Оронго. Жена островитянина послала фигурку в качестве подарка за полученную ткань. Камень был высечен ее отцом, и его нельзя никому показывать. Мы послали ей новый подарок. Я опять почувствовал, что камень сильно пахнет дымом. Он был влажен и тщательно вычищен песком. Происходило что-то загадочное. Но что? Я никак не мог успокоиться, все время думая об этих искусно высеченных камнях с таким странным запахом.

Пополудни я позвал старосту в палатку, опустил брезент и сетку от комаров.

— Мне надо спросить тебя кое о чем. Ты обещаешь никому не обмолвиться ни словом?

Староста очень заинтересовался и пообещал хранить молчание.

— Что ты скажешь об этих вещах? — спросил я и вытащил из чемодана оба камня.

Староста побледнел и отшатнулся, будто обжегся; глаза вылезли у него из орбит, словно он увидел злого духа или дуло пистолета.

— Где ты их взял? Где? — выпалил он наконец.

— Этого я сказать тебе не могу.

Староста по-прежнему сидел с вытаращенными глазами, откинувшись к стенке палатки.

— Кроме меня, никто не может сделать такие вещи, — сказал он с таким выражением лица, будто нос к носу столкнулся с собственным призраком.

Вдруг что-то дошло до него, он с большим любопытством посмотрел на фигурки, видно, сделал для себя какой-то вывод и спокойно произнес:

— Отправь оба камня на борт судна, чтобы никто их на острове не увидел. Если тебе принесут еще, то

спрячь их тоже на судне, даже если камни будут выглядеть как новые.

— Но что же это за камни?

— Это очень серьезные вещи — родовые камни.

Странное поведение старосты мало что объяснило, но я понял, что, сам того не ведая, соприкоснулся с какой-то большой тайной. Видимо, тесть Эстевана занимался необычными делами.

Эстеван был простодушным и приветливым малым, всегда благодарным и отзывчивым. Когда он однажды вечером пришел, крадучись в темноте, еще раз, я решил выяснить, в чем же дело.

Я усадил его на край кровати, рассчитывая на длинный разговор с ним. Но ему не терпелось сначала показать принесенные в мешке три камня. И когда он выложил их на кровать, я совсем онемел. Один из камней изображал три удивительные классические головы с усами и длинными бородами. Головы были вырезаны по окружности кольцом, так что борода одной переходила в волосы следующей. Второй камень напоминал дубинку с глазами и ртом, а третий изображал мужчину, зажавшего в зубах огромную крысу. И не только сюжеты, но и самый тип искусства был совершенно чужд острову Пасхи. Я никогда не видел ничего подобного ни в одном из музеев мира. Я ни секунды не сомневался в том, что эти фигурки не могли быть сделаны отцом жены Эстевана. Было что-то мрачное, почти языческое в этих камнях, что отражалось также и во взгляде Эстевана, когда он смотрел на камни, и в том, как он прикасался к ним.

— Почему у человека во рту крыса? — не мог я подобрать более разумный вопрос.

Эстеван оживился. Он придвинулся немного ближе и приглушенным голосом рассказал, что это траурный обычай его предков. Когда мужчина терял жену, ребенка или кого-нибудь из близких, он должен был поймать кие — съедобную крысу, какие водились на острове до появления корабельных крыс, а затем обежать все побережье без передышки с крысой во рту, убивая каждого, кто станет на его пути.

— Так воин выражал свое горе,— закончил Эсте- ван с плохо скрываемым восхищением в голосе.

— Кто вытесал этого скорбящего человека?

— Дед моей жены.

— А остальные сделал ее отец?

— Точно я не знаю. Одни сделал отец, а остальные дед. Жена сама видела, как отец делал фигурки.

— Отец работает сейчас у меня?

— Нет, он умер. Камни эти священные.

История становилась все более и более загадочной. От Эстевана я вновь услышал, что послан на остров высшими силами,— так говорили в деревне. Дурацкое положение!

— Но где вы хранили эти камни после смерти отца жены? Дома?

Он немного поерзал и произнес:

— Нет, в родовой пещере.

Я промолчал, а он поведал мне, что пещера полна таких предметов. Но никто не может ее найти, никто! Только его жене известно, где находится вход. Только она может туда войти. Сам он никогда этой пещеры не видел, но ему примерно известно, где она расположена, так как он ожидал жену, пока она ходила туда за камнями. Она рассказала, что пещера полна всевозможных предметов.

Теперь у нас с Эстеваном была общая тайна. Когда он в другой раз пришел ко мне ночью, разговаривать было уже легче. Эстеван прошептал, что он попробует уговорить жену взять меня в пещеру. Тогда я сам смогу выбрать те камни, которые мне больше всего понравятся; их там так много, что принести все совершенно невозможно. Но самая большая трудность, объяснил он, заключается в том, что у его жены сильный и твердый характер, твердый, как скала, когда речь идет об этих вещах. Она и его-то ни разу не брала в пещеру.

— Если она скажет «да», то нам надо будет про- браться ночью в селение: пещера находится где-то там.

Он рассказал, что прежде чем послать камни мне, жена чистит их песком, моет водой и сушит над кухонным очагом, потому что боится, что кто-нибудь из местных жителей увидит камни и поймет, что она бе-

рет их из родовой пещеры. Я попросил, чтобы фигурки больше не мыли, и он пообещал передать это жене. Жена Эстевана спрашивала, какие из фигурок мне больше всего хочется получить. Но легко ли ответить на этот вопрос, если сам Эстеван не мог мне рассказать, что там имеется? Несомненно было лишь одно: из тайника на острове начали появляться этнографические художественные произведения невиданной ценности.

Старосте было нетрудно проследить, кто из его людей исчезает по ночам из пещеры Хоту Матуа. Насколько мне известно, староста мог также посидеть и подглядеть в темноте у палатки. Однажды он отвел меня в сторону и с хитрым видом доверительно сообщил, что тесть Эстевана до самой смерти был его хорошим другом.

— Он был последним на острове, кто делал «серьезные» камни,— добавил староста.

— Для чего люди делали такие камни? — спросил я.

— Их показывали на праздниках, когда происходили пляски.

Больше мне ничего от старосты узнать не удалось.

После этого у меня была новая встреча с Эстеваном, и он принес много камней из пещеры. Но затем его ночные визиты внезапно прекратились. Наконец однажды к вечеру я послал за Эстеваном. Он пришел обескураженный и расстроенный. Его жена узнала, что двое духов, стороживших пещеру, рассердились на нее за то, что она так много вынесла оттуда. И тогда она решительно отказалась взять меня в пещеру. Поэтому Эстеван тоже ничего не мог принести. Сам он охотно сделал бы для меня, что угодно, но жену его уговорить невозможно. «Она так тверда, тверда как камень. Именно поэтому отец избрал ее наследницей тайны родовой пещеры»,— объяснил он.

В то время как Эстеван приносил мне по ночам камни, на острове происходило множество других событий. Археологи делали новые неожиданные находки, а местные жители становились все суевернее. На вершине Рано Као Эд обнаружил стены неизвестного до-

селе храма и начал откапывать их силами местных землекопов. Однажды, когда я пришел навестить его, двое из островитян решили добиться от меня признания.

— Признавайся, ведь ты из нашего рода, уехавший с острова Пасхи много поколений тому назад,— сказал один.

— Не отпирайся, мы все знаем,— добавил другой.

Я рассмеялся и сказал, что являюсь настоящим норвежцем и приехал с противоположной стороны земного шара. Но эти парни упорно стояли на своем — зачем отпираться, они ведь все равно меня разоблачили! Им известно предание о человеке, покинувшем остров в далекие времена и не возвратившемся обратно. Кроме того, если я никогда раньше не бывал на острове, почему же я тогда сразу направился в Анакену и поселился в том месте, где и Хоту Матуа, когда он впервые сошел на берег?

Мне оставалось только сдаться и обернуть все в шутку: любые слова были бесполезны.

В тот же день Арне попросил своих рабочих перевернуть огромную четырехугольную каменную глыбу, лежавшую у самой дороги в Рано Рараку; ему показалось, что глыба эта выглядит несколько необычной. Все знали этот камень, и большинство, наверно, на нем сживало. Но теперь, когда камень был перевернут, на нем, ко всеобщему удивлению, оказалась совершенно незнакомая голова бога, с толстыми губами, плоским носом и большими мешками под глазами. Крупное четырехугольное лицо не имело ничего общего со стилем скульптур острова Пасхи. Снова обнаружили мы что-то новое, и это еще больше озадачило островитян. Какой прозорливый человек подсказал сеньору Арне, что надо перевернуть именно этот камень? И островитяне сказали Арне: мы знаем, что сеньор Кон-Тики общается со сверхъестественными силами.

Однажды вечером мы с Ивонной опять посетили старосту и его длинноухих в пещере Хоту Матуа. Они лежали и лакомились толстыми ломтями хлеба с маслом и джемом; перед входом в пещеру бурлил котелок с кофе.

— Дома мы получаем лишь батат и рыбу,— староста с довольным видом похлопал себя по животу.

Зажгли железный светильник, и по неровным стенам пещеры запрыгали танцующие тени. Разговор вновь зашел о старых временах, когда король по имени Туу-ко-иху наткнулся на два спящих привидения у подножия красной скалы в карьере, где вырубались пукао. Оба привидения были длинноухими; у них были бороды и горбатые носы, и выглядели они такими тощими, что на груди у них выпирали ребра. Король поспешил домой, чтобы вырезать их из дерева, пока не забыл, какие они. Так была сделана первая фигурка моаи-кава-кава — человека-призрака, резных изображений которого так много на острове Пасхи. Не успели парни поесть, как тотчас же вытащили куски дерева и начали работать над своими моаи-кава-кава, а старшие продолжали рассказывать истории, от которых у каждого из нас волосы вставали дыбом.

Мы услышали о призраках-каннибалах, которые приходили по ночам и требовали себе кишок, о женщине-привидении, лежавшей в море и длинной рукой стаскивавшей со скал людей, и о других привидениях, бродивших вокруг и толкавших людей в море. У помощника старосты злое привидение столкнуло с обрыва бабушку. Но было много привидений, которые относились к людям по-дружески, оказывали им помощь. Большинство были дружелюбными по отношению определенного рода и злыми для всех остальных.

Одна страшная история сменяла другую, пока все наперебой не начали рассказывать о том, что произошло с ними сегодня.

— Да ты и сам там был и все видел, только не подал виду,— заметил кто-то.

Островитяне знали, что когда предки перетаскивали статуи по острову, им помогали в этом сверхъестественные силы. Но устанавливать гиганты на пьедестал приходилось уже самим при помощи ваг и камней, хотя сверхъестественные силы участвовали и в этом трудном деле. Сегодня же все явились свидетелями того, о чем они никогда раньше не слышали. Невидимый аку-аку помог им поставить истукана. Видно,

песни принесли им удачу. При помощи деревянной фигурки и двух палочек островитяне показали нам, как они работали; раскачивая и поднимая один из боков статуи, и как голова гиганта неожиданно приподнялась сама собой на несколько дюймов, хотя никто ее при этом не трогал.

— Очень, очень странно, — раздался голос лежащего наверху человека.

Тура-младшего направили в качестве помощника Эда на вершину Рано Као, где надо было нанести на карту развалины. Эд и Билль жили в качестве гостей в бунгало губернатора у подножия горы Жена губернатора, проявлявшая к нам безграничное гостеприимство, пригласила и Тура пожить у нее в доме: ведь лагерь находился далеко. Но у Тура обычная для подростков жажда приключений была в крови, и он решил пожить в развалинах поселения птице-человеков на вершине горы. Многие древние каменные домики там были пригодны для жилья. Хотя спать в них было жестко и низко нависал потолок, они все же служили надежным укрытием от любой непогоды. К тому же сверху открывался вид, подобного которому нельзя найти в семи царствах: у ног раскинулась деревня Хангароа и большая часть острова, а до самого горизонта как на восток, так и на запад простирался Тихий океан.

Наполовину врытые в землю каменные хижины птице-человеков, тесно прижимаясь друг к другу, вытянулись вдоль острого, как нож, края вулкана рядом с удивительными скульптурами. В нескольких шагах от порога скала отвесно обрывалась на тысячу футов вниз, прямо в океан, где расположились птички островки, а в двух-трех шагах в противоположном направлении другой головокружительный обрыв спускался столь же круто в огромный потухший кратер Рано Као, раскинувшийся внизу, как чаша, на полтора километра. Глубоко на дне кратера лежал пестрый зеленый ковер — коварное топкое болото с многочисленными озерками и маленькими блестящими «окошками» чистой воды.

Когда Тур отправился наверх со спальным мешком и провизией, местных жителей охватила паника. Они умоляли его спуститься на ночь вниз. Они пошли к Эду и попросили приказать парню сойти вниз, а мне в Анакене сообщили, что нельзя позволять Туру спать одному в развалинах Оронго: его заберет аку-аку. Но никакие предупреждения не помогли. Тур нашел самый заветный замок своей мечты и хотел пожить в Оронго в одиночестве.

Когда окончился день, Тур остался на вершине, а остальные спустились вниз. Бригадир группы островитян, работавшей у Эда, был искренне опечален этим и послал наверх трех добровольцев составить Туру компанию.

Когда село солнце и пассаты засвистели в темных обрывах, Тур пережил первый испуг. В развалины вошли три тени. Это были девушки, присланные бригадиром. Здесь, в развалинах, им было так страшно, что одна чуть не потеряла рассудок. Внизу, в черном кратере, отдавалось эхо, она тотчас же услышала в нем аку-аку. В звезде, отражавшейся в блестящем озерке, она увидела другого. Духи чудились им повсюду. Все трое были счастливы, когда наступило утро и они могли спуститься вниз.

Тур оставался наверху один и следующие ночи. В то время как остальные еще только взбирались по склону, он сидел и страшно довольный встречал восход солнца. В глазах местных жителей Тур стал героем. Они ежедневно задаривали его дынями, ананасами, жареными цыплятами, и никакая сила не могла заставить парня переселиться на равнину. Но скоро местные жители успокоились: кто-то защищал сына сеньора Кон-Тики. Тур прожил на вершине четыре месяца, и аку-аку его не трогал.

На этом истории с привидениями не кончились. Следующую загадку задал мне Ласарус как раз в то время, когда я выманивал из молодого Эстевана первую тайну родовой пещеры. Ласарус был правой рукой старосты и, как утверждали они оба, одним из важнейших людей на острове. Он относился к числу трех избираемых местным населением выборных лиц и был,

по словам старосты, очень богатым человеком. В жилах Ласаруса течет кровь как длинноухих, так и короткоухих, с небольшой примесью крови заезжих европейцев. Он отличался превосходным телосложением, но черты его лица Дарвин использовал бы как доказательство своей теории развития. Если когда-нибудь в будущем его череп будет найден в земле, то археологи смогут, пожалуй, принять остров Пасхи за колыбель человечества. Однако, несмотря на низкий покатый лоб с выступающими бровями, выпуклую верхнюю челюсть, небольшой подбородок и толстые губы, за которыми виднелся ряд жемчужных зубов, пухлый нос и настороженные глаза дикого зверя, несмотря на всю свою внешность, Ласаруса совсем нельзя было сравнить с тупой обезьяной. Он обладал необыкновенно живым, острым умом и большим чувством юмора. Но Ласарус тоже был суеверен.

Однажды Эд сообщил, что среди развалин в Оронго нашел много неизвестных фресок на большой потолочной плите, служившей когда-то крышей дома. Примерно в то же время Арне нашел новую, отличающуюся от других статую, захороненную в земле у подножия Рано Рараку. Вечером, когда длинноухие закончили рабочий день и поплелись в пещеру Хоту Матуа, Ласарус с таинственным видом отвел меня в сторону.

— Теперь тебе недостает только ронго-ронго, — сказал он, следя украдкой, какое впечатление производят на меня его слова.

Я тотчас же понял, что он затеял этот разговор неспроста, и прикинулся равнодушным.

— На острове не осталось ни одной ронго-ронго, — ответил я.

— Нет, остались, — осторожно возразил Ласарус.

— Но они прогнили и рассыплются, если только их тронуть.

— Нет, мой двоюродный брат сам держал в руках две ронго-ронго.

Я не поверил, и Ласарус это понял. Он попросил меня пройти с ним за стену храма, где на своей огромной башне лежала статуя, работа над которой на сегодня уже закончилась. Здесь он шепотом рассказал,

что у него есть два двоюродных брата-близнеца, Даниель и Альберто Ико. Альберто родился часом позже Даниеля, но все же его назначили наследником тайны родовой пещеры, полной удивительных вещей, в том числе нескольких ронго-ронго. Два года назад Альберто был в этой пещере, взял оттуда две ронго-ронго и принес к себе домой. Они сделаны из дерева, и одна из них выполнена в виде плоской рыбы с хвостом. На этих почти черных дощечках вырезано множество мелких рисунков. Хотя обе они и очень стары, они сохранили свою прочность. Их видели и Ласарус и многие другие. Альберто, взяв дощечки, нарушил табу, и ночью, когда он спал, пришел аку-аку и стал его колотить и щипать, пока он не проснулся. Проснувшись, Альберто посмотрел в окно и увидел тысячи маленьких человечков, которые намеревались залезть к нему в дом. От страха он чуть не свихнулся, сбегал поскорее обратно в пещеру и положил обе ронго-ронго на место. Находится эта пещера вблизи долины Ханга-о-Тео. Ласарус обещал сделать все от него зависящее, чтобы убедить Альберто набраться храбрости и снова сходить за дощечками ронго-ронго.

Мне удалось выведать у Ласаруса, что семья его владеет не только этой пещерой. Сам Ласарус знает вход в другой тайник, расположенный тоже поблизости от Ханга-о-Тео. Правда, дощечек ронго-ронго там нет, зато хранится много других вещей.

Я попробовал уговорить Ласаруса взять меня в эту пещеру, но тут его сговорчивости пришел конец. Он посмотрел на меня уничтожающим менторским взглядом и объявил, что тогда и ему и мне придется плохо. В пещере обитает родовой аку-аку, в ней лежат также скелеты двух его предков, и если посторонний попытается туда войти, то аку-аку совершит страшную месть. Вход в пещеру является самой священной из всех тайн.

Я попробовал поднять на смех воображаемого аку-аку и вразумить смышленного парня, но слова мои отлетали, как от стенки горох. Все было бесполезно. После долгих уговоров Ласарус обещал принести из пещеры какую-нибудь вещь. Но что? Может быть,

птице-человека с яйцом или без яйца? В пещере есть все, что угодно, нет только дощечек ронго-ронго. Я предложил ему принести всего понемногу, чтобы я мог посмотреть и выбрать сам. Но он не согласился. Пещера полна удивительных вещей, и он может рискнуть принести лишь одну из них. На этом разговор был прерван, кто-то ко мне пришел. Ласарус попрощался и исчез.

На другой день я отправился посмотреть на работу длинноухих. Они еще носили камни для башни, вздвинутой ими под статуей. Староста и Ласарус подошли ко мне побеседовать.

— Видишь, аку-аку нам помогает,— сказал староста,— без помощи сверхъестественной силы двенадцать человек не могли бы выполнить эту работу.

Они рассказали, что с целью ускорить подъем статуи они зажарили сегодня курицу в земляной печи у пещеры.

Я сделал попытку втолковать им, что все это суеверие, но встретил бурю протестов как со стороны Ласаруса, так и старосты. Когда я стал утверждать, что никаких аку-аку вообще не существует, они посмотрели на меня, как на слепого идиота. Разумеется, существуют. В старое время на острове было полно аку-аку, теперь их стало меньше, но можно назвать много мест, где они по-прежнему живут. Среди аку-аку встречаются мужчины и женщины, они бывают добрые и злые. Те, кому довелось с ними говорить, рассказывают, что у них писклявый голос. И вообще доказательств существования аку-аку есть несчетное множество. Мне не дали сказать ни слова. С таким же успехом я мог бы попытаться внушить им, что в воде нет рыбы или в деревне нет кур. Лишь одно стало для меня ясно: над жителями острова довлеет прочно укоренившееся суеверие, и оно служит надежнейшим запором для пещер, в которых скрыты неизвестные доселе сокровища. В книге отца Себастьяна об острове Пасхи я прочел однажды такой отрывок: «Существовали также тайные пещеры, считавшиеся собственностью определенных родов, и лишь самые главные члены рода знали, где находится вход в пещеру. В пещерах прятались ценные

предметы, такие, как дощечки с письменами — ронгоронго — или статуэтки. Тайна расположения входов ушла в могилу вместе с последними островитянами, помнившими древние времена...»

И я отправился к отцу Себастьяну. Никто из живых людей не знал острова и тайн местных жителей так, как он. И я не сомневался, что все сказанное ему останется между нами.

Я рассказал ему, что имею основания верить в то, что на острове по-прежнему есть посещаемые тайные семейные пещеры. Он отшатнулся и схватился за бороду:

— Не может быть!

Я сообщил, не называя имен, о полученных мною таинственных камнях. Он тотчас воспламенился и спросил, где расположена пещера. Я смог рассказать лишь то немногое, что знал, и сообщил, что из-за суеверия островитян проникнуть в пещеру мне не удалось.

Отец Себастьян, который энергично ходил взад и вперед в своей белой сутане, резко остановился и угроженно схватил себя за голову.

— Они просто безнадежны в своем суеверии,— сказал он.— Недавно ко мне пришла старая Мариана и принялась с полной серьезностью утверждать, что ты не являешься человеком. Суеверие сидит в них так глубоко, что невозможно покончить с ним в течение жизни одного поколения. У них существует небывалое преклонение перед своими предками, и это понятно. Они добрые христиане, но их суеверие!.. Их суеверие!..

С удрученным видом он рассказал мне, что ему до сих пор не удалось разубедить свою прекрасную экономку Эрорию в том, что она происходит от кита, выброшенного океаном на берег в бухте Хотуити. Эрория отвечает ему, что хотя он и священник, но все же не может об этом что-нибудь **знать**, ведь она слышала историю от своего отца, который узнал ее от своего, последний от своего, а тот знал ее лучше всех, так как и был тем китом.

После долгой беседы мы пришли к выводу, что предстоит раскусить твердый орешек. Как убедить местных жителей проводить нас в те места, где, по их

мнению, живут дьяволы и злые духи? Отец Себастьян предложил мне взять у него святой воды. Островитяне питают к ней большое уважение и, может быть, наберутся мужества, если мы побрызгаем вход в пещеру этой водой. В конце концов мы решили, что отец Себастьян не должен открыто фигурировать в этом деле. Он сказал, что островитяне не любят обращаться к нему с подобными тайнами. Но нам во всяком случае необходимо держать связь. Если мне удастся проникнуть в тайную пещеру, я приду к нему хотя бы среди ночи.

Трудно было понять, как умные жители острова Пасхи могут быть столь безумно суеверны, пока я не начал проводить параллели с нашим собственным миром. Мне доводилось слышать о двадцатиэтажных домах, где не было обозначения тринадцатого этажа, и о самолетах, где нумерация сидячих мест прыгает с двенадцатого на четырнадцатое. Действительно ли кто-нибудь думает, что за цифрой тринадцать прячется злой дух? Безымянный дух несчастья? Нам остается лишь назвать его злым аку-аку. Мне рассказывали о людях, которые боятся перевернуть солонку, разбить зеркало или верят в несчастье, если черная кошка перебежит им дорогу. Такие люди верят в аку-аку, они только не называют этого своим именем. Стоит ли тогда удивляться тому, что жители самого уединенного в мире островка подозревают своих предков в колдовстве и думают, что те в виде призраков расхаживают среди своих гигантских древних изваяний, которые даже мы, европейцы, откровенно называем загадкой? Разве не естественнее вообразить себе аку-аку среди черепов и скелетов в темных лавовых тоннелях острова Пасхи, чем в шерсти мирной черной домашней кошки, весело перебегающей дорогу в прекрасный летний солнечный денек?

Суеверие укоренялось на острове Пасхи в течение столетий. Я не принял этого в расчет и совершил такой же серьезный промах, как другие делали до меня. Бесплезно пытаться погасить пламя суеверия с помощью разума; что бы я ни объяснял островитянам, это не имело никакого воздействия. Настоящий лесной пожар водой не затушить, тут надо зажигать встречный огонь.

Пламя — худший враг пламени, когда оно подчинено воле человека. Местные жители унаследовали веру в вездесущих злых духов; на острове имелись даже районы, куда некоторые жители вообще не решались ходить, особенно ночью. Староста и Ласарус с мрачным видом рассказали мне, что страх этот — настоящий бич острова.

Я так много над этим думал, что у меня буквально трещала голова. В конце концов я пришел к выводу, что смертельным врагом суеверия может стать не что иное, как само суеверие. Раз они верят, что я общаюсь с предками, то, очевидно, поверят в посланное теми же предками распоряжение отменить старые табу и заклятия. Всю ночь я ворочался в постели, обдумывая свой план. Ивонна сочла его безумным, но согласилась с тем, что его все же следует испытать.

На следующий день между старостой, Ласарусом и мною состоялся на осыпи долгий разговор. В ходе беседы обнаружили самые невероятные вещи. Я рассказывал вначале, что хорошо знаком (и это была правда) с тайнами табу, что я первым проплыл на каноэ по Ван По — подземному озеру в объявленной табу пещере на острове Фату-Хива. Там же я без каких-либо неприятных последствий проник в гробницу в заколдованной стене пае-пае.

Староста и Ласарус слушали меня с широко раскрытыми глазами; они не знали, что, помимо их собственного острова, имеются еще другие, где существуют заклинания табу. Я достаточно хорошо знал все о табу, чтобы произвести на них сильное впечатление, особенно когда я рассказал истории, слышанные мною от жителей Хату-Хивы о различных несчастьях, постигших тех людей, которые пренебрегли табу своих предков.

Староста был бледен как полотно, он сидел и дрожал, затем стыдливо засмеялся и признался, что после всего услышанного дрожит как от холода, несмотря на жару. Он открыто заявил, что у них на острове тоже существует табу. И я услышал рассказы о целой семье, заболевшей проказой, об акуле, откусившей человеку руку, о страшном потоке, унесшем камышовый

домик со всеми его обитателями, и о многих сошедших с ума из-за того, что они нарушили табу родовых пещер, и аку-аку ночь за ночью колдовал и щипал за это преступников.

— Что же случилось с тобой? — спросил Ласарус, стгорая от лобопытства.

— Ничего, — ответил я.

Ласарус был явно разочарован.

— Это потому, что у тебя есть мана, — сказал он. (Маной называется магическая способность, источник сверхъестественной силы.)

— У сеньора Кон-Тики есть не только мана, — лукаво поправил староста, — у него есть приносящий счастье аку-аку.

Я ухватился за эту соломинку.

— И поэтому я смело могу войти в объявленную табу пещеру, со мной ничего не случится

— С тобой-то не случится, а вот с нами, если мы покажем тебе пещеру, случится, — сказал Ласарус, показывая на себя, и кивнул с кривой и многозначительной улыбкой.

— Если я буду с вами, ничего не случится: мой аку-аку очень силен, — попытался возразить я.

Но Ласарус не верил. Он считал, что аку-аку его рода ему отомстит, а мой аку-аку здесь не поможет, даже если он и защитит меня самого. Я же ни за что не смогу найти вход в пещеру, даже если б находился от нее так близко, как сейчас стою от него.

— Ласарус принадлежит к очень важному роду, — похвастался староста от имени своего друга. — И у его родни есть много пещер. Они богатые.

Ласарус гордо сплюнул.

— Но у меня тоже есть мана, — рассказывал староста, хвастаясь своей сверхъестественной силой. — Мой аку-аку помогает нам двигать статую. В пещере в бухте Лаперуза в небольшом аху у меня есть три аку-аку. Один из них изображен в виде птицы.

Теперь мы выяснили, что мы все трое — важные персоны. Мои собеседники начали хвастаться, кто больше знает о том, что приносит «хорошее счастье» и «плохое счастье». Тут я случайно узнал, что в этот

день, сам того не ведая, я выдержал серьезное испытание. Староста рассказал, что в это самое утро он наблюдал, как я завязывал узел на оттяжке палатки, и убедился, что я хорошо осведомленный человек, ибо завязывал узел справа налево, а не слева направо.

Опираясь на это заявление, я нанес свой последний удар. Я сказал, что, насколько мне известно, родовые пещеры были объявлены табу лишь для того, чтобы сохранить скульптуры предков. Если их выменивают туристам и морякам, которые, может быть, не знают, что это такое, и со временем выбрасывают, то это «плохое счастье». Но если фигурки попадают в руки ученого, и он берет их для музея, то это принесет «хорошее счастье». Музей все равно что церковь; только там люди осторожно ходят и смотрят, а фигурки надежно стоят в стеклянных шкафах, никто не может их ни сломать, ни выкинуть. Злые духи уедут вместе с нами, и на острове нечего будет бояться.

Мне показалось, что особое впечатление эти слова произвели на Ласаруса, и я не ошибся. В ту же ночь кто-то вновь прошептал: «Кон-Тики!» — и поскребся в стенку палатки. На сей раз это был не Эстебан, а Ласарус. Он протянул мне мешок, в котором находилась старинная плоская каменная голова с причудливейшими чертами лица и длинными тонкими усами. В углублениях в камне была паутина. Фигурку никто не мыл и не чистил песком.

Он рассказал мне обо всем, что хранилось в пещере. Она была полна скульптур. Там Ласарус видел и каменную чашу с тремя головами, и удивительные изображения зверей и людей, и модели кораблей. Эта пещера — наследство прадеда — находится недалеко от Ханга-Тео, и Ласарус владеет ею совместно с тремя сестрами. У него не было никаких неприятностей, и теперь он хотел поговорить со своими двумя старшими сестрами, попросить у них разрешения принести мне из пещеры другие вещи. Говорить с младшей сестрой нет необходимости, ей всего лишь двадцать лет, и она в таких делах не разбирается. Ласарус, побывав в пещере, чувствовал себя героем.

У его семьи есть четыре пещеры. Пещера с ронго-

ронго, в которой побывал Альберто, должна находиться недалеко от той, из которой он только что пришел. Но вход в нее известен лишь Альберто. Есть еще одна пещера в скалах в Винапу, Ласарус ее знает, и он туда пойдет в следующую ночь. Четвертая пещера находится в каменной стене на склоне Рано Рараку, где вырубали статуи. В этой пещере хранят скульптуры три разных рода. Она полна скелетов, и Ласарус никогда не осмелится туда войти. Да и вход в нее ему неизвестен.

Но если три рода, спросил я, знают вход в одну и ту же пещеру, не воруют ли они друг у друга фигурки? Нет, этого бояться нечего. Каждому роду принадлежит определенная часть пещеры, за которой следит его собственный аку-аку.

Ласарус получил ткань на платье и другие подарки для своих старших сестер и исчез в темноте.

На следующий день староста, как обычно, командовал длинноухими, которые висели и раскачивались на деревянных вагах. Интересно, есть ли у него пещера? Стоит как ни в чем не бывало, да и накануне ничем себя не выдал, лишь похвастался, что ему помогают его собственный аку-аку и три другие дружелюбно настроенные коллеги из мира духов, обитающие в каменной стене в соседней долине. Я смотрел, как он хладнокровно и спокойно, точно опытный инженер, организует работу. Было бы удивительно, если бы семья Ласаруса имела четыре пещеры, а сам начальник длинноухих не имел ни одной. Чтобы заставить старосту заговорить, требовалось, видно, более сильное средство.

К концу дня я воспользовался случаем, чтобы вновь побеседовать с глазу на глаз со старостой и Ласарусом. Я не имел никакого представления о том, есть ли у старосты пещера, но он во всяком случае немало знал о существовании пещер. По ходу беседы я спросил, многие ли роды имеют тайные пещеры, и староста ответил, что некоторые их имеют, но никто не говорит об этом другим. Большая часть пещер затеряна, потому что чаще всего лишь один из членов рода знал вход в нее и нес на себе всю ответственность за тайну пещеры. Случалось, что он умирал, прежде чем преемник

был посвящен в тайну, и никто больше не мог найти вход, настолько все было засекречено. Таким образом ватерялось множество родовых пещер. Старинные изделия лежат там без присмотра, разрушаются, и это приносит «плохое счастье», объяснили мои собеседники.

— С этим нужно покончить, — сказал я. — Необходимо перевезти вещи в надежный музей, где никто не сможет их украсть и где они не потеряются, потому что их будут охранять — Староста призадумался. Что-то тут не так. Те, кто делал эти предметы, говорили, что их надо прятать в тайных пещерах, а не в домах.

— Это потому, что камышовые хижины не внушали доверия. Пещеры были тогда самым лучшим местом для хранения. Но ведь можно забыть, где находится вход в пещеру, и тогда все, что в них спрятано, пропадет. Однако нет никакой опасности, что кто-нибудь забудет, где находится дверь в музей.

Но староста все еще колебался. Воля предков была сильнее, чем вся та мана, которую он мне приписывал. В конце концов он и сам имел и ману и аку-аку, но не видел все же никаких доводов в пользу того, что предки передумали.

Я очутился в тупике, да и Ласарус начал колебаться. Тогда я решился на отчаянный план. Необходимо было придумать для суеверного старосты знамение, которое убедило бы его в том, что предки отменили свое смертоносное табу.

Посреди равнины рядом с лагерем был старый аху с упавшими статуями возле него. Первоначальная классическая стена была, к сожалению, разрушена во время перестройки во вторую эпоху; работа так и не была завершена, а позднее кто-то намеренно разрушил стену. На песке перед ее фасадом валялось множество глыб и валунов. Как-то в воскресенье сюда пришел Билль, осмотрел разрушенную стену и, когда очистил с одной из плит песок, увидел нечто, по его мнению, похожее на высеченную на камне голову кита. Сверху лежала огромная глыба, прикрывавшая остальную часть фигуры. Прежде чем уехать обратно в Винапу, Билль рассказал мне об этом случае. Мы с фотографом направились к песчаному холму и нашли обнару-

оженный Биллем камень. Приподняв его, мы увидели рельефное изображение кита с метр длиной. Но в следующий момент плита сорвалась и упала изображением вниз. Необработанная ее сторона выглядела так же, как и другие гигантские камни, разбросанные поблизости.

Никто не видел, что мы делали, и мне пришла в голову идея. Я попросил старосгу и Ласаруса в полночь прийти в лагерь, когда повсюду будет темно и тихо. Мы устроим магическое представление и попросим предков послать из-под земли сделанное ими изображение в знак того, что они не боятся больше раскрыть свои старые тайны.

Староста и Ласарус согласились, и, когда наступила темнота, оба пришли в лагерь. Перед самым их приходом меня в последний раз навестил Эстефан. Ивонну мучили тревожные предчувствия, и она лежала в темной палатке и прислушивалась. Все остальные спали.

Я объявил старосте и Ласарусу, что нам надо стать гуском и держать друг друга за плечи. Затем мы медленно обойдем большой круг, а на следующее утро в черте этого круга должно оказаться нечто сделанное самими предками, как знак того, что я был прав, и различные аку-аку никогда больше не будут наказывать тех, кто нарушит древнее табу. Мы тронулись в путь. Впереди я, сложив руки накрест, затем, положив мне руки на плечи, староста и, наконец, последним Ласарус. Не было видно ни зги, и меня так разбирал смех, что я спотыкался обо все камни. Но двое людей, которых я тащил за собой, были настроены благоговейно и настолько захвачены церемонией, что могли бы пройти за мной даже по канату. Мы обошли круг, не произнося ни слова, и когда снова очутились перед моей палаткой, низко поклонились друг другу и безмолвно разошлись по домам.

Как только забрезжил рассвет, староста был уже на месте и рассказал мне о двух таинственных огоньках, которые показались ночью около пещеры Хоту Матуа. То не был свет от фар «виллиса», а потому, несомненно, огоньки — признак «хорошего счастья».

Как только остальная часть экспедиции принялась за выполнение своей дневной программы, я зашел за старостой и Ласарусом и попросил их выбрать самого хорошего и честного парня. Он должен был помочь в поисках в кругу, который мы обошли ночью. Староста тотчас же предложил своего младшего брата Атана Атан. Это был невысокий парень с усиками и огромными доверчивыми глазами, который простодушно сказал мне, что его выбрали правильно, так как он действительно хороший человек с золотым сердцем. Если я не верю, то могу спросить кого угодно в деревне.

Мы взяли с собой Атана и начали поиски. Я просил переворачивать каждый камень и смотреть, не является ли один из них изделием предков. Чтобы придать всему больше драматизма и не сразу натолкнуться на кита, мы начали с противоположной стороны круга.

Но суждено было случиться, что Атан нашел сперва странный предмет из красного камня, а затем я натолкнулся на древний каменный напильник и чудесный топорик из обсидиана. Вскоре мы услышали крик Атана и бросились к нему. Он стоял и очищал от песка нижнюю поверхность только что перевернутой им каменной плиты. На плите мы увидели великолепное рельефное изображение кита. Но это был не тот кит, которого видел я,— значит их было два. Поглядеть на находку прибежали все длинноухие, поднимавшие стацию, а из лагеря примчались кок, стюард и фотограф. Глаза у старосты вылезли из орбит, он дышал как после марш-броска. И он и Атан были полны восхищения и бормотали хвалебные слова о силе и способностях моего аку-аку. Ласарус имел важный вид. С напускным спокойствием он произнес, что этот район принадлежал раньше его роду и их родовым аку-аку. По телу старосты пробежал трепет. Все местные жители смотрели на меня, как на диковинного зверя. А у меня в резерве был еще больший сюрприз.

— Видели ли вы раньше подобное изображение? — спросил я.

Нет, никто не видел. Но ведь это старое изображение мамама нухи, дельфина, это все видят.

— Тогда я сделаю так, что в кругу появится еще одно,— сказал я.

Староста послал своих людей снова собирать камни для статуи, и мы четверо продолжали поиски. Мы опрокидывали камень за камнем и приближались к цели. В этот момент стюард позвал меня завтракать, и я приказал старосте и Ласарусу ждать моего возвращения. Я сам заставлю кита появиться.

Мы завтракали в палатке-столовой, как вдруг услышали на равнине шум и крики. Староста прибежал за мной страшно расстроенный и рассказал, что без его ведома двое рабочих вошли в круг и стали вести поиски. Они нашли кита и несли его теперь по дороге в пещеру Хоту Матуа, намереваясь продать мне. Староста был страшно расстроен. Я же стоял, потирая нос: что же делать, когда двое парней присвоили мои лавры? Теперь я уже не в состоянии каким-либо волшебством вновь вызвать того кита, которого я гарантировал найти.

Ласарус догнал обоих парней, они нехотя притащились с китом и положили его на место. Но совсем не туда, куда я ожидал. Теперь уже пришел мой черед опешить. Мой кит по-прежнему лежал на своем месте необработанной стороной вверх. Его никто не трогал. Парни нашли третьего кита, немного поменьше. Они испытывали угрызения совести и испуганно поглядывали на нас. Я успокоил их и заявил, что все в порядке. Когда я позавтракаю, я вызову из-под земли еще более красивого и крупного кита.

Вскоре мы продолжили наши поиски и, когда достигли последнего сектора, я заметил, что все трое тщательно обходят нужный камень, переворачивая все остальные. Наконец кольцо замкнулось.

— Больше не осталось,— сказал староста недоуменно.

— Но вы не перевернули этот камень,— заметил я и вопросительно указал на заветный камень.

— Нет, мы его перевернули; ты видишь, он лежит бледной стороной вверх,— ответил Ласарус.

До меня мигом дошло, что они узнавали, переворачивали ли они уже камень, по тому, какой стороной

кверху он лежал. Этот камень лежал бледной, теневой стороной вверх, и поэтому они думали, что сами его перевернули.

— Ну, допустим, что вы его перевернули. Перевернем теперь еще раз. Вы ведь помните, как сеньор Арне перевернул большой камень, на котором вы так часто сидели около Рано Параку?

Ласарус помог мне, и мы вместе перевернули глыбу.

— Смотрите,— сказал Ласарус. Он не вымолвил больше ни слова и стоял, широко раскрыв глаза и глуповато улыбаясь.

Атан громко вскрикнул. Староста был словно наэлектризован и отрывисто произнес:

— Очень важно. Очень важно. Какой сильный аку-аку!..

Все опять примчались посмотреть на нового кита. Впечатление было огромное. Не меньше других удивлялись два молодых хитреца, которые сами только что нашли камень с изображением кита. Фотограф и я, инициаторы всей этой затеи, с трудом могли сохранить серьезное выражение лица. Сколько же забавных совпадений! Эрория лишь покачала головой и спокойно сказала, что я обладаю «хорошим счастьем». Она зачарованно глядела на трех китов, и я подумал, что для нее они представляют собой настоящую галерею портретов ее предков: ведь от своего отца она узнала, что происходит по прямой линии от кита. А старая Мариана сообщила еще одну новость. Она жила с пастухом Леонардо в каменном домике по ту сторону долины, и в последнюю ночь у них ночевал старший брат Леонардо — Доминго. «Сегодня,— сказал он,— мне приснилось, что сеньор Кон-Тики выловил пять тунцов».

— Тогда двух недостает,— быстро сказал староста.

Не успел я опомниться, как вся группа начала перевертывать камни еще раз, и, конечно, некоторые в своем рвении вышли за пределы круга. Все были полны решимости найти двух недостающих китов, дабы сбылся сон Доминго. После полудня были обнаруже-

ны два еле заметных изображения рыб; их тотчас объявили китами, и торжествующие островитяне поставили все пять фигур в ряд на песке.

Староста поднял маленький камешек, нарисовал на песке перед фигурами загадочную дугу, выкопал в середине дуги маленькую ямочку и сказал:

— Готово.

Затем он и Ласарус стали около дуги и запели старую песню Хоту Матуа, раскачивая в такт бедрами. Помолчали, вновь спели, снова помолчали. Так продолжалось с небольшими перерывами до самого вечера, когда, наконец, все разбрелось домой.

На следующий день рано утром Ласарус заявился с мешком на плече, который он незаметно сунул мне в палатку. Когда он снимал мешок, там загремели каменные фигурки. С этого дня Ласарус стал частым ночным гостем у нас в палатке. Днем он работал с остальными и вместе с ними ложился спать в пещере. Но под покровом ночной темноты он пробирался через спящих товарищей, садился на коня и исчезал в темноте за пригорком на западе.

Три дня староста ходил и крепился, но больше выдержать не мог. Он позвал меня, мы пошли на осыпь и долго беседовали. Он рассказал, что у него есть друг, прятавший в своем саду большую красную статую. На ней нет никакого номера, и приятель сказал, что я смогу взять ее с собой на судно для «хорошего счастья». Я объяснил, что такие произведения запрещено увозить. Староста явно огорчился. Значит, его помощь не нужна. Некоторое время он сидел молча, переживая, потом тихо заметил, что потолкует со своими людьми. У многих из них есть родовые пещеры, и он попытается их уговорить. Но мне не следует позволять вводить себя в заблуждение, если кто-нибудь принесет необыкновенные свежевывмытые камни, даже если владельцы будут лгать и утверждать, что сами нашли или сделали их.

— Люди боятся говорить об этих вещах открыто,— добавил староста.— Кроме того, камни из пещер моются, чтобы они всегда были чистыми.

Я поспешил сказать, что этого никогда не следует делать, так как фигурки от мытья разрушаются.

В этот момент староста впервые проговорился.

— Мой отец настоятельно просил мыть камни, — заявил он.

— Ты только сдувай с них пыль, — сказал я, — так ты не разрушишь фигур.

Староста согласился, что это разумный совет, сказал, что я много знаю и он передаст мой совет другим. Но его беспокоит возможность проникновения в поры лавового камня, мелких корешков и личинок насекомых. В пещерах, оставшихся без присмотра, есть много треснувших и развалившихся фигур. Неожиданно для себя он рассказал, что он каждый месяц моет все свои фигурки. Я и виду не подал, что меня это интересует. И он совсем расхрабрился. Старосте потребовалось пятнадцать ночей, чтобы покончить с церемонией мытья — он так же, как старший брат, отвечает за четыре пещеры. Пока он занимается фигурками, жене приходится рыбачить — она не может ему помочь, так как принадлежит к другому роду. Он ходит в пещеру один и, находясь там, соблюдает полную тишину. В пещере надо быстро сориентироваться, схватить лишь необходимое и поспешно покинуть ее, чтобы вымыть взятые фигурки. В одной из пещер есть даже железные деньги.

В пещерах немного сыровато, и деревянных фигурок там не хранят. Кроме того, он получил в наследство две пещеры другого типа, ана-миро, те полны деревянных предметов. Но пока что ему не удалось найти вход в эти пещеры. Три раза он был около места, где они находятся, и жарил цыпленка в земляной печи, чтобы легче было найти скрытые входы, но безрезультатно. Теперь он хочет сделать еще одну попытку.

Под конец я узнал, что его собственный аку-аку посоветовал ему взять камни из своих пещер и передать их Кон-Тики, хотя отец его велел никогда ничего из пещер не выносить. Если старосте подарят брюки, рубашку, немного ткани на платье и несколько долларов, он спрячет все это в пещере и достанет лишь то-

гда, когда кто-нибудь из родни действительно будет очень нуждаться. И тогда посмотрим, что произойдет.

Староста получил то, о чем просил, но ничего не произошло. В это время работа по подъему статуи продолжалась уже шестнадцатый день; пройдет еще немного времени, и гигант займет свое прежнее положение. Длинноухие трудились с большим напряжением, так как губернатор получил телеграмму о том, что военное судно «Пинто» находится на пути к острову Пасхи. Шел февраль, наступал срок ежегодного визита корабля.

Староста страстно желал, чтобы командир корабля собственными глазами увидел статую стоящей. Дело в том, что этот командир становился высшей властью на острове с того самого момента, как ступал на берег, и староста надеялся, что он сообщит об этом президенту Чили.

На шестнадцатый день староста попросил канат для того, чтобы тянуть и поддерживать статую в момент ее подъема. Все канаты экспедиции были в работе в различных частях острова, и вечером мы поехали на «виллисе» к губернатору узнать, нет ли у него свободного каната. Встретив нас, он рассказал, что получена радиogramма о том, что «Пинто» прибывает на следующий день; судно уже десять суток находится в пути. Староста страшно расстроился. Теперь он не успеет поднять статую, так как с прибытием «Пинто» всем придется работать на погрузке шерсти и разгрузке муки, сахара и других запасов на целый год. Губернатор выразил сожаление, что длинноухим и всем местным землекопам придется временно прекратить работу и на следующий день явиться к нему. Огорченные всем этим, мы поехали через деревню к отцу Себастьяну, чтобы сделать ему последнее сообщение о ходе работ. Я шепнул ему на ухо, что все мои попытки проникнуть в родовую пещеру все еще не увенчались успехом, хотя теперь у меня на борту судна есть любопытный набор скульптур.

По пути к священнику староста вдруг предложил, чтобы каждый из нас упорно думал о своем аку-аку и просил его помочь задержать «Пинто». Тогда у ста-

росты оказался бы лишний день для завершения работ. Затем он продолжал безмолвно и сосредоточенно сидеть между фотографом и мной на ящике с инструментом, где так трясло, что ему пришлось крепко держаться, дабы не стукнуться головой о крышу. Возвращаясь от отца Себастьяна, мы вновь миновали деревню и должны были свернуть на развилке, где следы «виллиса» уходили в сторону Анакены Там перед нами предстал в свете фонаря губернатор и указал на лежавший на дороге огромный моток каната Он только что получил новое сообщение «Пинто» прибудет не ранее как послезавтра.

Я с облегчением откинулся на спинку сиденья и групо рассмеялся про себя Фотограф ухмылялся за рулем. Какое удивительное совпадение! И только староста воспринял все как должное.

— Вот видишь,— буркнул он мне.

Теперь мне нечего было сказать, я лишь сидел, покачивая головой, пока мы тряслись в ночной темноте через весь остров Однако привалившая нам удача полностью сводилась на нет тем обстоятельством, что длинноухим для окончания работы были необходимы два дня, а не один. Но староста об этом еще не знал, он сидел и радовался по поводу силы наших объединенных аку-аку Подозревая, видимо, что именно мой аку-аку добился задержки судна, он по своей инициативе начал нашептывать мне о всем том невероятном богатстве, которое было в его пещерах. Никогда, никогда он не выносил из пещеры ничего из полученного наследства Однако теперь его все больше и больше искушал его собственный аку-аку.

Наступил семнадцатый день работы над статуей. Все ожидали, что в этот день скульптура будет уставлена. Внезапно появилась старуха и выложила загадочный полукруг из мелких камешков на огромной плите, где должна была стать статуя. Она подошла ко мне и подарила большой рыболовный крючок из черного камня, изумительно сделанный и до блеска отполированный, похожий на эбеновое дерево. Она «нашла» его в этот же день как признак «хорошего счастья».

Эту старую седую женщину я раньше нигде не встречал. Она была небольшого роста, хрупкая, но на морщинистом лице ее остались следы былой красоты представительницы данной расы, глаза ее сохранили живость и остроту. Староста шепнул мне, что это последняя из оставшихся в живых сестер его отца. Ее зовут Виктория, но она предпочитает имя Таху-таху, что означает «колдовство». Всю ночь она плясала перед пещерой, желая принести счастье, чтобы великан не опрокинулся, когда он качнется и встанет во весь рост.

Гигант не опрокинулся, но и не поднялся. Он стоял в наклонном положении, и завтра его, несомненно, поставили бы как следует, если бы только у длинноуких было время для завершения работы. Но завтра все они должны быть в деревне, готовясь к величайшему событию всего года — кратковременному пребыванию военного судна у берегов острова. Когда командир корабля придет посмотреть на него, великан будет стоять почти поднятым, каменный курган будет доходить до самого его носа.

Наступила ночь, и в нашем лагере остался лишь сторож. Все остальные отправились на борт судна, ибо как только забрезжит рассвет, мы выйдем в море встречать военный корабль. Местные жители привыкли видеть в океане лишь тонкую паутинку горизонта между двумя синими полями, и теперь им, очевидно, казалось, что вдоль острова пролегла оживленная морская магистраль. Завтра на этой далекой паутине появятся муха и комар, а затем два корабля бросят рядом в бухте свои якоря.

Имелось также и третье судно, которое в последние дни привлекало внимание островитян. В нем не было брони и стали, оно связано из золотистого пресноводного камыша и спущено на воду местными жителями в Анакене. Сейчас оно лежало на палубе нашего судна и сияло на солнце как золото. Строительство этой лодки было простым экспериментом, но стоило ее спустить на воду, как и она очутилась в ряду тайн, окружавших родовые пещеры.

Началось с того, что Эд, ползая под плитами раз-

валин в Оронго, обнаружил еще несколько неизвестных нам фресок. Самым замечательным из всего обнаруженного были плачущие глаза — типичный индейский мотив — и серпообразные камышовые лодки с мачтой. Одна из этих лодок имела поперечные крепления и большой четырехугольный парус.

И раньше было известно, что древнее население острова Пасхи изготавливало такие же своеобразные одно- и двухместные лодки из камыша, на каких индейцы-инки и их предшественники в незапамятные времена плавали вдоль побережья Перу. Но никто не слышал о том, чтобы древние жители острова Пасхи строили также большие парусные суда из камыша. Лично у меня были причины проявить к этому особый интерес. На суденышках из камыша я плавал по озеру Титикако, ими управляли горные индейцы из равнины Тиауанако, и я знал, что это были великолепные суда, обладавшие невероятной грузоподъемностью и скоростью. В эпоху великих открытий на подобных камышовых лодках ходили даже в открытое море вдоль берегов Перу. По старым рисункам на кувшинах доинковской эпохи видно, что древние культурные народы строили настоящие суда из камыша таким же точно образом, как древние египтяне делали их из папируса. Деревянные плоты из бальзы и сделанные в виде лодок суда из пресноводного камыша были средствами передвижения, которые культурные народы Перу предпочитали для плавания по морю. Мне было также известно, что лодки из камыша могли в течение многих месяцев находиться в воде и не впитывать ее. Камышовая лодка с озера Титикако, которую мои перуанские друзья доставили к Тихому океану, скользила по волнам, как лебедь, и шла в два раза быстрее, чем бальзовый плот.

И вот изображение такой лодки мы вновь увидели на потолке развалившегося домика на гребне кратера крупнейшего вулкана острова Пасхи. Но мы обнаружили не только изображение лодки, а нашли и камыш.

Находясь наверху, среди развалин поселения птичье-человеков, мы с одной стороны видели пропасть, куда врывались волны прибоя дикого и соленого океана, а

по другую сторону, глубоко под нами, раскинулось в кратере тихое заросшее пресноводное озеро, покрытое своеобразным гигантским камышом. Именно этот камыш использовали древние жители острова. Любой островитянин и теперь мог рассказать о маленьком суденышке пор а, какое делал себе каждый участник гонки к птичьим островам за первым в году яйцом. Этот камыш представляет собой ботаническую редкость. Это был совершенно особый американский пресноводный камыш, такой же, какой рос вокруг озера Титикако, и мы очень удивились, обнаружив его в озере на острове Пасхи. Из такого камыша строили свои суда индейцы на озере Титикако. Почти такой камыш они сажали на искусственно осушенных болотах, чтобы использовать его для своих камышовых лодок в тех районах засушливого побережья Перу, где было трудно достать бальзовое дерево. Каким образом этот камыш попал сюда, если он был пресноводным растением?

У отца Себастьяна и местных жителей был на это свой ответ. Согласно преданиям, камыш этот не является диким в отличие от других растений на острове. Он был заботливо посажен на озере предками островитян. Легенда приписывала честь посадки одному из первых островитян, по имени Уру. Он привез с собой корневища и, спустившись в кратер, посадил первый камыш. Когда камыш привился в этом кратере, Уру посадил новые корневища сперва на озере в кратере Рано Рараку, а затем в Рано Орои. Длинный камыш являлся одним из важнейших растений на острове, жители строили из него суда, делали дома, изготавливали циновки, корзины и шляпы. И по сей день они регулярно режут камыш в кратерном озере. Внизу, на блестящем озерке посреди болота, мы увидели в бинокль большой плот из камыша, который ребятишки соорудили себе для купанья.

Мне тоже захотелось сделать пор а. Если не считать примитивного старого рисунка, ни один из современных людей не знает, как выглядит эта лодка и как пользоваться ею в открытом море.

— Братья Пакарати, безусловно, смогут сделать

п о р а,— сказал увлеченный моей новой затеей отец Себастьян, когда я к нему пришел.— Эти четверо старых оригиналов знают все о лодках и рыбной ловле.

— Хорошо,— сказали Педро, Сантьяго, Доминго и Тимотео. Они могут сделать п о р а. Я должен дать им хорошие ножи и достаточно времени, чтобы высушить камыш.

Все четыре старца получили по ножу и отправились к озеру на Рано Рараку. Есть два типа камышовых лодок, сказал старый Тимотео. Одни из них предназначались для одного человека, направлявшегося на птичий остров в поисках яйца, другие — для двоих, выходявших в море на ловлю рыбы. Я попросил их сделать и ту и другую. Старики срезали у самого корня длинные, выше своего роста, стебли камыша и разложили его для просушки у подножия внутреннего карьера, где вырубались статуи. Затем все четверо направились искать по всему острову мелкие кусты махуте и хау-хау, кора которых необходима для того, чтобы изготовить надежные канаты и древним способом связать камышовые стебли. Прошло очень много времени, прежде чем старикам удалось высушить свой камыш: как только они покидали кратер, приезжали на лошадях их соотечественники и увозили огромные связки камыша из их запасов. Камыш широко использовался для изготовления циновок и матрацев, и гораздо проще было забрать уже срезанный, чем резать стоявший на корню в болоте. А старикам приходилось вновь приниматься за работу.

В те дни, когда сочный зеленый камыш сушился в кратере Рано Рараку, я взял палатку и отправился к другому вулкану, на гребне которого находились развалины поселения птице-человеков. Тур еще не переехал в Оронго к Эду и поэтому вместе со мной спустился по единственному проходу в крутой стене кратера во внутреннюю часть вулкана.

Такой дикий ландшафт нам встречался впервые на острове. Ни одного фута твердой земли! Огромное топкое, предательское болото лежало, как зеленый шпи-

нат, на дне гигантского котлована, окаймленного со всех сторон отвесными скалами.

Фотограф тоже спустился с нами. Он лазил по уступам и обрывам, как настоящая коза, но здесь, внизу, около топкой трясины, ему не понравилось. Горный склон, где мы стояли, был крут, а пытаясь ступить на болото, мы попадали либо в воду, либо болото колыхалось под ногой, как натянутый кусок резины. Пришлось сделать из камыша небольшую площадку для палатки, иначе нам негде было лечь. Там, где над головой не было обрывов, тянулись бесконечные осыпи, настолько крутые, что если попробовать по ним взобраться, легко было вызвать огромные обвалы.

В тех немногих местах, где мы могли передвигаться, на нашем пути тесными рядами вставали кусты и деревья. В этом кратере жители острова и сейчас добывают древесину. Здесь мы смогли нарубить дров и зажечь внутри вулкана весело потрескивавший костер. Устроившись в палатке на ночлег, мы вознесли хвалу неизвестному мореплавателю Уру, который дал нам такой чудесный матрац из камыша.

Никто до сего времени не исследовал это гигантское болото, и мы предполагали остаться в вулкане на несколько дней. Судя по преданию, именно здесь впервые был посажен применявшийся для строительства лодок южноамериканский камыш. Уже первые испанцы, прибывшие на остров из Перу, узнали в местном пресноводном камыше тот ора инков, а в наши времена ботаники подтвердили их заключение. У нас был с собой восьмиметровый бур, и мы хотели получить образцы торфа с наибольшей глубины. Мы знали, что в болоте цветочная пыльца и остатки растений сохраняются на вечные времена. Профессор Селлинг из Государственного музея в Стокгольме исследует эти образцы под микроскопом и расскажет о флоре острова Пасхи прошлых эпох. Если нам повезет, цветочная пыльца в торфе даст ответ на два вопроса: был ли остров Пасхи покрыт лесом и когда именно южноамериканский пресноводный камыш впервые занесен в кратерное озеро. Но и без того было ясно, что камыш занесен сюда давно,—огромное озеро,

размером в полтора гектара, покрытое зеленым торфом, напоминало гигантскую плантацию сахарного тростника, посреди которой тут и там попадались коричневые болотца, заваленные погибшим камышом. Двигаться по болоту казалось опасным, однако все это было лишь делом привычки. Местные жители передвигались по нему на протяжении поколений и проложили надежные тропинки к отдельным открытым водоемам. Когда в деревне бывает засуха, они взбираются на этот вулкан и спускаются в глубокий кратер за водой.

Островитяне считали озеро бездонным. Отец Себастьян рассказал, что кто-то спустил в один из открытых водоемов веревочный лот в сто пятьдесят метров, но до дна так и не достал.

Здесь, в глубине вулкана, солнце разбудило нас поздно. Пока мы лежали, а затем раздували огонь для утреннего кофе, к нам уже спустился работавший у Эда бригадир Тепано. Он взял на себя роль проводника, чтобы провести нас по топкому болоту до мест, избранных мною для пробного бурения.

Прежде всего, шагая по пружинившему болоту, нужно было пробраться сквозь густой, как щетина, дремучий лес гигантского камыша высотой со стену обычной комнаты. Сочный и зеленый, он рос на огромных кучах перегноя из отмерших стеблей, и приходилось все время его пригибать, чтобы иметь надежную опору под ногами.

Мы пробрались сквозь эту плотную баррикаду на берегу и увидели перед собой все болото. Словно лоскутное одеяло, пестрело оно всевозможными красками: коричневой, желтой, зеленой, синей и черной. Местами пришлось идти по щиколотку в воде, почва качалась, местами шагали по колено во мху и иле. Вокруг все хлюпало и булькало, и мы чувствовали, что болото затянет ногу, если ее немедленно не вытащить для следующего шага. Там и сям в торфе попадались небольшие трещины, заполненные бурой водой; когда мы прыгали через них, трясина начинала угрожающе колыхаться под ногами. Во многих местах, словно лесные рощи, встречались купы гигантского

камыша. Один раз, выбираясь из такой рощицы, Тепано, Тур и я провалились в воду, прикрытую плотным слоем плавающей зелени. Тепано заверил нас, что топких болот здесь нет, и тому, кто умеет плавать, ничего не грозит. Вскоре, покрытые грязью и зеленью, мы стали похожи на водяных.

Солнце в этом безветренном котловане так сильно пекло, что даже маленькие открытые болотца с их темной водой манили искупаться. Вода на поверхности была теплой, но глубже — холодной как лед. Тепано умолял не нырять — однажды один островитянин нырнул и больше не вынырнул, заблудившись под трясинной.

Мы не нашли подходящих мест для бурения. Как только начинали бурить, бур проходил сквозь слой торфа в открытую воду. Часто этот слой был в три-четыре метра толщиной и состоял из переплетенного мертвого камыша. Мы замерили глубину водоемов и обнаружили, что она различна, но до дна кратерного озера нам нигде достать не удалось: лот всегда ложился на подводные островки торфа. Тепано рассказывал, что открытые озерки никогда не остаются на одном месте, из года в год они перемещаются и меняют очертания — все в этом дьявольском котле находилось в непрерывном движении.

Еще до наступления вечера Тепано отправился назад через гребень кратера, и фотограф пошел вместе с ним. Мы с Туром должны были еще несколько дней оставаться в кратере, чтобы попытаться произвести новые бурения. Теперь мы были знакомы с тайнами болота. По цвету и виду трясинны мы научились угадывать, куда лучше ступить ногой.

На следующий день мы перебрались через все болото и на его краю прямо перед собой обнаружили четырехметровую стену, густо поросшую кустарником и вьющейся зеленью. Когда мы взобрались наверх, то очутились на старинной искусственной площадке. Отсюда мы увидели, что вдоль стены кратера террасами поднимаются четыре-пять других таких же стен. Мы начали исследовать стену и нашли несколько низких четырехугольных входных отверстий в подземные ка-

менные жилища, похожие на домики поселения птице-человеков на вершине в Оронго. Значит, мы попали в какие-то древние развалины, о которых не знали даже сами местные жители; во всяком случае, никто о них ни разу не рассказывал приезжим. Множество камней в кладке были украшены наполовину стершимися рельефными и контурными изображениями людей, птиц, сказочных животных, причудливых лиц и магических глаз. Самыми замечательными были изображения двух птице-человеков и четырехногого животного с человеческой головой. Террасы были построены когда-то островитянами, которые возделывали здесь поля. У подножия нижней стены мы взяли пробы торфа.

На четвертый день пребывания в кратере, когда мы сидели и запечатывали расплавленным парафином свои пробирки, к нам спустился капитан и сообщил, что Арне сделал новую находку на Рано Параку. Он откопал торс огромной статуи, на груди которой оказалось изображение большого камышового судна с тремя мачтами и несколькими парусами, с палубы его тянулась длинная веревка к черепахе, высеченной на животе гиганта.

Мы собрали вещи и вместе с капитаном покинули Рано Као. Тур отправился на развалины к Эду, а я поехал на Рано Параку. Местные землекопы сияли, когда Арне показывал мне новую находку. Они были полны гордости и благоговения и считали, что это древнее судно, поймавшее изображенную на животе моан черепаху, принадлежит самому Хоту Матуа. Он приплыл сюда на двух своих кораблях в сопровождении нескольких сот человек, причем корабли эти были столь вместительны, что на борту одного из них сумел спрятаться Орои, злейший враг Хоту Матуа. Правда, теперь на острове нет хону, черепах, но в то время, когда сюда прибыл Хоту Матуа, один из людей был даже ранен большой черепахой, когда пытался ее поймать на берегу в Анакене.

Все островитяне снова наперебой начали рассказывать истории о заслугах своих предков, и мне пришлось выслушать отрывки из хорошо известных легенд

о Хоту Матуа, которые отец Руссель и Пэймэстер Томсон записали еще в конце прошлого столетия. Все мы видели, что перед нами не европейский корабль, хотя трудно представить, чтобы древние скульпторы острова Пасхи строили столь крупные многомачтовые суда. Но кто поверил бы, что этот народ создал гигантские фигуры людей высотой с четырехэтажный дом, если бы они не были сделаны из камня и не сохранились на вечные времена? Эти неутомимые гении инженерного искусства были не только ваятелями, но и выдающимися мореплавателями, они сумели проложить путь к этому самому уединенному в мире островку, где в течение столетий могли мирно вырубать свои каменные статуи. Если у них был камыш тотора, который они применили для строительства маленьких плотов, то нет ничего удивительного, если они строили из него и большие мореходные плоты.

Первые европейцы, прибывшие на остров Пасхи, не встретили строителей судов, но не увидели и создателей огромных статуй. Европейцы обнаружили только крохотные узкие каноэ, в которых едва могли плавать в тихую погоду два-четыре человека, да еще более мелкие камышовые плоты. Правда, европейцы посетили остров уже в третью эпоху, когда войны и раздоры привели к упадку древней культуры, а кровавые усобицы порвали связи между родовыми группами. Люди старались держаться как можно ближе к своим убежищам. Тогда не могло быть и речи о совместной постройке судов. Поэтому наука знает лишь два неказистых типа суденышек на острове Пасхи: маленькое полинезийское открытое каноэ с балансиром, вакаама, и небольшой камышовый плот южноамериканского типа — пора. Оба эти суденышка столь малы, что доплыть на них на отдаленнейший остров мира было совершенно невозможно. Но в легендах местных жителей сохранились описания огромных судов, на которых в эпоху величия их предков совершались дальние путешествия. Отец Руссель слышал в прошлом столетии об огромном судне с носом, подобным лебединой шее, способным вместить четырехста человек. Корма была так же высока, как и нос, и разделена на две

обособленные части. Изображения таких камышовых судов мы находим на древних кувшинах в Перу. Но в легендах острова Пасхи говорилось и о других типах древних судов. Отцу Себастьяну рассказывали об огромном судне в виде плоского плота или баржи. Оно называлось вака пое-пое, и мореплаватели отправлялись на нем в далекие путешествия с большим количеством людей на борту.

После того как Эд и Арне обнаружили изображения судов из камыша, мы стали более внимательно изучать все изображения, напоминавшие собой лодку. На статуях и на стене самого карьера мы нашли много таких изображений, на которых отчетливо выделялись отдельные связки камыша. Билль даже нашел рисунок судна с мачтой и четырехугольным парусом. На нижней части низверженной десятиметровой статуи Карл обнаружил изображение камышового судна с мачтой, проходившей сквозь круглый пупок фигуры, а в Оронго Эд увидел фреску судна с тремя мачтами и небольшим круглым парусом на средней из них.

Случилось так, что мы нашли еще более убедительные доказательства того, что подобные крупные суда действительно существовали. Во многих местах острова пролегали широкие мощные дороги, уходившие прямо в море. Эти загадочные дороги были источником многих фантастических теорий. Они, по мнению некоторых ученых, доказывают, что остров Пасхи представляет собой остаток опустившегося континента. Эти ученые считают, что мощные дороги продолжают по морскому дну, и если по ним пройти, то можно достичь развалин затонувшего континента Му. Так писали люди с богатой фантазией до того, как я отправился на остров Пасхи.

Право, почему бы не прогуляться по этим мощным дорогам? В нашей экспедиции был водолаз, и теперь вместе с ним мы направились к ближайшей мощной дороге, исчезавшей в глубине океана. Это было неповторимое зрелище: наш водолаз в зеленом скафандре и кислородной маске с хоботом шел по дороге в Му, громыхая по широкой мостовой своими ботинками. В одной руке он держал огненно-красный

резервуар с фотоаппаратом, напоминавший корабельный фонарь; изящно помахав другой рукой, он направился с сухой мостовой прямо в море: можете не сомневаться, он найдет дорогу в Му.

Вскоре от водолаза остался на воде лишь кислородный баллон и ноги, затем он совсем скрылся, и лишь появлявшиеся на поверхности пузырьки говорили нам, в каком направлении он передвигался. Было ясно, что водолаз шел в Му не по прямому пути. Воздушные пузырьки бежали то влево, то вправо, затем возвращались назад, а потом шли по кругу и спиральями. Затем над водой показался шлем с хоботом, водолаз хотел посмотреть, где кончается дорога на берегу. Потом он продолжил свое путешествие под водой, пока, наконец, не сдался и не вернулся на берег.

— Что, там нет дорожных указателей?

— Неужели ты не встретил русалку, чтобы спросить дорогу?

На бедного водолаза вопросы сыпались градом.

Он не нашел никакой дороги. Она доходила лишь до кромки воды, дальше шли одни карнизы, камни, кораллы и глубокие трещины, затем подводный склон обрывался вертикально в синюю бездну, и там водолаз увидел несколько огромных рыб.

Мы не очень удивились. Океанографы уже давно произвели бурение дна Тихого океана и установили, что в полинезийской его части суша в эпоху существования человека не поднималась и не опускалась. Я вновь обратился к местным жителям. Никто не знал, для чего служили эти ведущие к морю мощные дороги. Но у них было слово *а п а п а*, что значит «разгружать». Оно-то и подтвердило наши догадки. Несомненно, перед нами были места, где причаливали крупные суда. Здесь и происходила разгрузка. Другая такая *а п а п а* вела в мелкую бухту у подножия большой площади храма на южном берегу. В этой бухте так много валунов, что древним мореплавателям пришлось расчистить широкий канал для того, чтобы суда могли подходить к причалу. А посреди мелкого канала в воде лежали три огромных красных парика. Две из этих колоссальных глыб располагались

близко друг от друга и, вероятно, были доставлены на одном судне или же на самой корме и самом носу двух следовавших один за другим огромных кораблей. Это было первым доказательством, что скульпторы доставляли части тяжелых статуй морским путем — вдоль побережья острова. Теперь мы убедились, что у них действительно были суда, поднимавшие до двадцати тонн или около двухсот человек без груза. Позднее мы нашли доказательство того, что отдельные статуи были доставлены морским путем и спущены на сушу в тех местах, где с таким тяжелым грузом мог причалить лишь широкий плоский плот из камыша или бревен.

Пока шаг за шагом прояснялась картина морских подвигов, совершавшихся в прошлом, четверо стариков занимались на Рано Параку камышом тотора. Когда камыш высох, каждый из них быстро сделал свою маленькую порра.

При помощи креплений они сделали порра острой и изогнутой на конце — по форме лодка напоминала огромный клык. Я с интересом наблюдал, как старики шли к озеру, неся каждый свое суденышко. Зрелище это было тем более своеобразным, что их изделия представляли собой точную копию одноместной лодки, какой в течение столетий пользовались жители прибрежной полосы в Перу. Даже делали ее из того же самого южноамериканского пресноводного камыша.

Затем все четверо приступили к постройке более крупной лодки. И тогда Тимотео стал уверенно руководить работой. Остальные трое во всем подчинялись его приказам. Это было настолько очевидным, что я поинтересовался причиной и узнал, что Тимотео старший и только он знает, как должна выглядеть лодка. Этот ответ меня несколько удивил, и лишь спустя некоторое время я начал понимать, в чем здесь дело.

Когда сделанная в виде каноэ двухместная лодка была спущена на воду в Анакене, она поразительно напомнила мне камышовые лодки с озера Титикако. Единственное различие заключалось в том, что нос и корма были вытянуты в виде длинного острия, наклонно поднимавшегося над водой, как на древнейших

камышовых лодках в Перу. Два старших брата сели в лодку, каждый со своим веслом, и поплыли в открытое море. Камышовая лодка легко перепрыгивала через высокие пенящиеся волны прибоя. Она взвивалась над водой, подобно надувному матрацу, а сидевшие на ней гребцы были совершенно сухими. Два других брата бросились в волны на своих одноместных лодках и смело отдались во власть океана. Каждый из них лежал грудью и животом на широком конце своего огромного клыка и плыл по волнам, гребя руками и ногами. Двухместная лодка преодолевала волны столь легко и уверенно, что когда она возвратилась из пробной поездки, в нее сели все четверо братьев и, гребя четырьмя веслами, направились в бушующий океан.

Отец Себастьян, староста и я стояли на берегу. Все мы были одинаково восхищены и очарованы. Позади нас над палатками возвышалась гигантская статуя длинноухих, но староста видел сейчас лишь золотистое суденышко с четырьмя гребущими в такт людьми. На глазах у него появились слезы, но он все смотрел и смотрел вдаль.

— О таких лодках рассказывали деды, но увидеть их нам довелось впервые. Предки стали нам как-то ближе, — сказал он. — Я чувствую это вот здесь, — взволнованно добавил он, ударяя себя кулаком в грудь.

Когда двухместная лодка с четырьмя пассажирами возвратилась назад, один из наших самых здоровенных парней забрался к ним на корму, но суденышко по-прежнему держалось на поверхности. Если маленькая камышовая лодка могла поднять пятерых взрослых людей, то что могло помешать древним инженерам нарезать в трех кратерах острова достаточное количество камыша для постройки больших судов?

Отец Себастьян был страшно возбужден. Старые жители острова рассказывали ему об этих удивительных лодках, но лишь теперь он понял, что они имели в виду. Он вспомнил, что ему показывали изображение такого судна в одной из пещер на Поике.

— Это рыбацкая лодка, — сказал староста — Полу-

майте только, какие лодки имели древние короли, отправляясь в дальние странствия!

Я спросил его, могли ли суда таких размеров ходить под парусами, и, к моему удивлению, он ответил, что на них были паруса из камышовых циновок. Староста вновь поразил меня, когда спокойно принялся чертить на песке такой парус с вертикальными полосками, изображавшими стебли камыша. Он объяснил, что изготовить его было нетрудно, надо класть стебли камыша рядом и скреплять их вместе, как это делал недавно Доминго, изготавливая для меня циновку.

Я знал, что на лодках из тотора на озере Титикако до сих пор применяются паруса из камыша, с той лишь разницей, что стебли располагают поперек мачты, а не вдоль ее.

— Откуда тебе известно, что парус делали из камыша? — удивился я.

— О, дон Педро многое знает, — ответил он с гордой и лукавой улыбкой.

Это было в те дни, когда Эстефан еще носил мне драгоценные вещи из пещеры, а Ласарус принес первую голову из камня. Ласарус очень увлекся и принялся рассказывать даже, что, помимо других вещей, в пещере есть маленькие кораблики из камня. Некоторые из них похожи на те суда, какие спустили на воду братья Пакарати.

Услышав это, я вспомнил, что жена Эстефана просила его узнать, не желаю ли я получить из пещеры какую-нибудь определенную вещь, и поэтому на всякий случай я попросил Эстефана узнать у нее, не даст ли она мне из своей пещеры такую «лодку». Эстефан широко раскрыл глаза, но как только окончился рабочий день, поскакал в деревню. Посреди ночи он явился ко мне и принес в мешке пять чудесных скульптур. Первая, которую он бережно достал из сухих банановых листьев, была маленькой моделью камышового суденышка, выполненной в виде серпа. Он добавил, что, по словам жены, в пещере есть еще более красивая модель — с хорошими креплениями, высокая, заостренная с обоих концов, к тому же украшенная на носу и корме головами богов.

Слушая его, я нервничал, потому что в ту же самую ночь должны были прийти Ласарус и староста, чтобы вместе со мной обойти вокруг того места, где лежал кит. Когда Эстефан скрылся в темноте, я еще не знал, что его жена, напуганная аку-аку, надолго откажется давать ему что-нибудь для меня.

В эту ночь Ласарус не смог выбраться и принести мне какую-нибудь лодку. Когда они со старостой возвратились в полночь после магической церемонии к своим друзьям, спящим в пещере Хоту Матуа, староста не сомкнул глаз, наблюдая загадочные огоньки и прочие знамения.

Но в следующую ночь после того как были найдены все киты, Ласарус воспользовался случаем и прокрался мимо спящих друзей. Один из них проснулся и быстро поджал под себя ноги — островитянин считает дурной приметой, если через него перешагнут. Когда он спросил Ласаруса, куда тот направляется, последний ответил, что идет по естественным надобностям. Но за скалой его ждал оседланный конь, и он поскакал в пещеру в Ханга-о-Тео.

Рано утром Ласарус просунул в мою палатку мешок, а затем вполз сам. Он присел на корточки и гордо вытащил из мешка модель одноместной пoрa с креплениями, сделанной из камня в виде клыка. Затем появились похожее на крокодила чудовище и изящная красная каменная чаша с тремя человеческими головами по краю. Он рассказал, что в пещере остались еще три жораблика, но ни один из них не похож на лодку Тимотео так, как этот.

Ласарус получил за все принесенное щедрое вознаграждение, и я попросил его захватить в следующий раз из пещеры остальные лодки, что он и сделал через три ночи. Одна из лодок была моделью настоящего корабля с широкой палубой и высоко поднятым носом и кормой. Было видно, что как палуба, так и борты делались из скрепленных толстых связок камыша. Другое судно, широкое и плоское, — в а к а п о е п о е — напоминало плот или баржу. Оно имело вырубленную из камня мачту, парус и два непонятных купола рядом друг с другом в передней части палубы. Третья

лодка не походила даже на судно, она скорее напоминала удлиненное блюдо, но на ней были нанесены полосы, обозначающие камыш, а посредине оставалось отверстие для мачты. В углублениях с внутренней стороны на носу и на корме лежали странные головы, устремив взор на это отверстие. У одной из них были огромные раздутые щеки и сложенные трубчатой губы, как будто это «ангел» дул в парус. С наружной стороны волосы его слились воедино с камышом. Скульптура была древней, а ее мотив и стиль совершенно чужды острову Пасхи.

Я спросил Ласаруса о принесенных фигурках, но он лишь развел руками: камни как камни — вот и все. В пещере оставалось еще много удивительных вещей. Он нарушил табу, но никакого несчастья не случилось. И потому он возьмет меня в пещеру, как только уйдет военный корабль, лишь при условии, что никто об этом не узнает.

Староста еще ничего мне не принес, кроме своих вечно повторявшихся деревянных фигурок. В последний вечер, накануне отхода корабля, я позвал его к себе в палатку. Это был мой последний шанс. Военный корабль покинет остров, староста уедет на нем, а ведь никто, кроме него, даже жена, не знает, где находится вход в его тайную пещеру.

Я приготовился сделать старосте приятный сюрприз, отчасти из эгоистических соображений, рассчитывая, что он пожелает ответить мне тем же, отчасти из благодарности за все то, что он нам сделал.

Когда он вошел в палатку, я прикрутил фитиль до полумрака, опустил стены палатки и наклонился к нему.

Мне сразу показалось, что волосы у него начинают подниматься, он предчувствовал, что должно произойти нечто таинственное.

Я рассказал, что, по словам моего аку-аку, староста кое в чем нуждается для своей первой поездки в Чили, и теперь я хочу последовать совету своего аку-аку. С этими словами я подарил ему свой самый красивый чемодан, в который сложил дорожный плед, простыню, полотенце, теплый свитер, две пары новых

брюк хаки, две рубашки, кучу галстуков, носки, носовые платки, ботинки и всевозможные предметы туалета от расчески и мыла до зубной щетки и бритвенного прибора. Затем он получил рюкзак, полный кухонной утвари, и походное снаряжение, чтобы он мог снять комнату и сам себя обслуживать, множество пачек его любимых сигарет и бумажник с чилийскими песо, чтобы он мог прожить несколько месяцев в большом незнакомом мире. В качестве прощального подарка для своей жены он получил одно из лучших платьев Ивонны и различные игрушки для детей. Последним я вытащил чучело детеныша-каймана, или южноамериканского крокодила, длиной с фут, которое один негр в Панаме навязал мне за небольшие деньги. Эстебан и Ласарус принесли мне из своих родовых пещер такие же фигурки из камня.

Кайман отражен в хорошо известной на острове резьбе по дереву под названием м о к о. Во всей Полинезии он считается легендарным сказочным животным, хотя единственными похожими на него существами на островах Южных морей являются малюсенькие ящерицы. Многие поэтому думали, что легендарный кайман острова Пасхи — лишь воспоминание о тех кайманах, которых древние мореплаватели встречали на тропическом побережье Южной Америки.

Я протянул маленькое чучело старосте и сказал, что оно может сторожить его пещеру, пока сам он будет находиться на материке.

По мере того как появлялись подарки, староста все более и более возбуждался, зубы его блестели, а глаза готовы были выскочить из своих орбит. Он взволнованно прошептал, что у него в пещере есть каменная фигурка этого животного и он хочет принести ее мне. В конце концов он почти лишился дара речи, обеими руками потряс мне руку, все время повторяя, что мой аку-аку «муй буэно, муй, муй, муй буэно». Не помня себя от счастья: выполз он из палатки и позвал своего верного друга Ласаруса помочь ему отнести вещи к лошадям. Была уже темная ночь. Оба они рысью направились к селению, чтобы присоединиться к остальным островитянам.

Тайна пещер осталась путаной и неразрешенной загадкой, а широкоплечий гигант около палаток после семнадцатого дня работы все еще находился в наклонном положении и униженно прятал нос в грудку камней, когда долина Анакены вновь опустела. Длинноухие отправились домой, чтобы подготовиться к завтрашнему рабочему дню и празднику, а мы покинули палатки и перешли на борт своего судна, сиявшего свежей краской и готового выйти в море навстречу «Пинто».

Глава VII

ВСТРЕЧА С БЕЗМОЛВНЫМИ СТРАЖАМИ ПЕЩЕР

Большое чилийское военно-транспортное судно появилось на горизонте, когда солнце еще низко стояло над океаном и золотые утренние лучи вперемежку с волшебными тенями скользили по скалам вдоль побережья. Широкое и плоское, однообразное, серого цвета, с металлической вавилонской башней посередине, судно по мере приближения все увеличивалось в размерах. Это был первый привет из далекого мира, первое напоминание о том, что за всеми горизонтами по-прежнему лежит земля. Оборонительный ров Ико занесен землей; люди сменили оружие.

Мы встретили «Пинто» у самых птичьих островов. На палубе огромного судна, на всех его башнях было полно народу. Поравнявшись с судном, капитан Хартмарк дал гудок сирены, и мы, поднимая и опуская флаг, пожелали нашим хозяевам «добро пожаловать». В ответ военный корабль салютовал из пушки и поднял на грот-мачте норвежский флаг. Это было проявлением огромного расположения. Мы сделали полукруг, выжимая из машины максимальную скорость, после чего маленький гренландский траулер эскортировал мирного серого гиганта до якорной стоянки у деревни Хангароа.

Все ее население вышло к молу. «Пинто» дал над островом звучный салют в двадцать один выстрел, губернатор отчалил в моторной лодке от берега, поднялся на борт корабля и поздравил командира с прибытием в протекторат военно-морского флота.

Двадцать минут спустя после прибытия губернатора на борт судна я, как это было условлено, спустился в нашу моторную лодку вместе с капитаном и врачом экспедиции. Мы были встречены с исключительной сердечностью. Когда лодка причалила к борту, трубач протрубил сигнал, в то время как командир корабля и губернатор ожидали нас на сходном трапе. В каюте командира нас встретили чилийский адмирал медицинской службы и американский военно-морской аташе с супругой. Последний прибыл изучить возможности строительства на острове Пасхи большого аэродрома, чтобы открыть воздушную трассу между Южной Америкой и Австралией.

За стаканом коктейля я в краткой речи поблагодарил за исключительное гостеприимство, оказанное нам здесь губернатором острова и его людьми, а командир военного корабля сердечно пожелал нам в будущем столько же удач, сколько мы уже имели здесь, на острове. Он предложил снабдить нас всем тем, в чем экспедиция может испытывать недостаток, и велел принести два больших мешка с почтой, с жадностью схваченные нашим капитаном и врачом. Тем самым просто и непринужденно были выполнены все формальности и положено начало приятной беседе.

Вскоре дверь снова растворилась, и вошел староста, одетый в свежесглаженную рубашку с галстуком, а за ним Ласарус и полдюжины представителей местного населения. Староста прошагал прямо к важному, всему в золоте, командиру и потряс ему руку. Бурно жестикулируя, он громогласно объявил всем, что вот это настоящий командир: он знает, что к чему, ведь до него никто еще не давал орудийного салюта, подходя к острову. Затем староста вытянулся в струнку, держа растопыренные пальцы вдоль канта брюк, за ним стали в положение «смирно» все его люди, и он лихо спел прямо в нос командиру чилийский национальный

гимн. Когда смолкло пение, староста и его спутники словно преобразились и, как настоящий джаз-банд, тряся плечами и двигая коленями, они затянули ритмичный королевский гимн о Хоту Магуа, высадившемся на берег в Анакене. Едва староста пропел последние строфы, как заметил меня, застыл, словно готовая к прыжку кошка, ткнул в меня пальцем и закричал изо всех сил:

— Ми амиго сеньор Кон-Тики! *

Словно по команде, он и вся его свита засунули руки в карманы и вытащили пачки американских сигарет различных марок, протягивая их командиру «Пинто», как бы показывая: смотрите, какие нам доставили великолепные товары, вот, мол, как надо относиться к островитянам!

Все это командир выслушал со стоическим спокойствием. В это время снова принесли поднос с коктейлями, островитянам предложили угощаться, и глаза старосты засветились удовольствием: командир, что ни говори, чертовски правильный человек, пусть даже привезенные им сигареты не столь хороши, как у Кон-Тики. Я с опаской наблюдал, как староста залпом проглотил стакан с коктейлем, а он гордо и удовлетворенно посмотрел на меня, успокаивающе кивнул и сказал, что мне не следует за него беспокоиться: он знает, что значит пить хорошее вино. Затем он и его спутники, довольные, отправились осматривать огромный корабль.

Затем я увидел старосту в баре офицерской кают-компании, он стоял в окружении восхищенной толпы. С этим рейсом на судне было много пассажиров с известными именами, среди них профессора Вильгельм и Пенья с группой чилийских студентов-археологов, прибывших познакомиться с результатами наших раскопок. Оба любезных профессора были мне знакомы по Чили и встретили меня горячими южноамериканскими объятиями. Вместе со студентами они с большим интересом слушали о различных эпохах в истории острова Пасхи, а также о найденных нами необычных для местной культуры статуях. Здесь, в баре, я не смел ни сло-

* Мой друг сеньор Кон-Тики! (Исп.) (Прим. ред.)

вом обмолвиться об удивительных фигурках, принесенных нам из родовых пещер. Одно-единственное неосторожное слово лишило бы меня сейчас всех шансов на раскрытие их тайны. План проникнуть в такую пещеру по-прежнему висел на ниточке, и если что-нибудь дойдет до местных жителей, они испугаются, замкнутся, а тем самым и пещеры окажутся за семью замками.

Я уже собрался уходить, как вдруг не на шутку испугался. Мне послышался новый и странный оттенок в хвастливом голосе старосты, вертевшегося у стойки бара. Я увидел, как он силится поставить пустой стакан, и понял, что стойка у него далеко не в фокусе. Громким и ясным голосом староста произнес:

— Друзья мои, я богатый человек! У меня есть пещера.

Некоторое время я стоял как вкопанный, выжидая, что же произойдет дальше. Но ничего не случилось. Остальные продолжали беседовать между собой совсем о других вещах, а сам староста не произнес больше ни слова. Он, видно, не впервые выдавал себя за рюмкой вина, но либо его никто не слышал, либо слова его воспринимались как простая болтовня, если вообще кто-нибудь из присутствующих воспринимал слова «у меня есть пещера» как нечто необычное. Но, кажется, староста опамятовался и испугался собственных слов, так как сразу после моего отъезда на свое судно он в другой лодке отправился на берег.

В этом году команде и пассажирам «Пинто» был предложен неважный выбор резных изделий из дерева. Лучшие давно уже были приобретены членами нашей экспедиции. Поэтому профессор Пенья отправился к старосте на дом. Здесь он нашел множество замечательных фигурок, готовых и полузаконченных. Но староста отказался их продать: они сделаны для Кон-Тики; к тому же он имел больше заказов от людей Кон-Тики, чем вообще мог выполнить.

Пенья оставалось только смириться с этим. Затем профессор услышал о «хорошем счастье» Кон-Тики, ибо стоило только людям Кон-Тики перевернуть камень или воткнуть в землю лопату, как они обнаруживали что-нибудь необычное. Пенья терпеливо выслушал и это, но

словоохотливый с похмелья староста все больше расходился, расписывая бесчисленные удивительные находки людей Кон-Тики.

В конце концов профессора охватили сомнения. Рассказ старосты мог у кого угодно создать впечатление, что трава острова Пасхи растет на почве, насыщенной художественными сокровищами, а сказать, что из действительно ценных археологических памятников мы нашли только развалины и гигантские фигуры, по-прежнему лежавшие на своих местах, староста попросту забыл. Пенья мог подумать, что судно экспедиции полно драгоценных находок и музейных сокровищ, на которые мы натолкнулись лишь потому, что нам первым пришла мысль копать землю безлесного острова.

Вечером профессор Пенья второй раз спустился на берег, на этот раз с телеграммой в руках. Несколько человек, видевших телеграмму, в испуге прибежали ко мне и рассказали, что телеграмма эта от министра просвещения Чили и что тот уполномочил Пенью конфисковать археологические находки экспедиции и доставить их на военный корабль. Губернатор пришел в ужас, командир бессильно разводил руками, а отец Себастьян вообще ничего не мог понять. Если подобные полномочия действительно даны министром, то никто на острове не сможет остановить Пенью. В таком случае экспедиции пришлось бы расстаться даже с последним осколком кости и образцом древесного угля, которые археологи вынули из недр земли за последние месяцы. Наши чилийские друзья пришли в отчаяние, они хотели сделать все, что в их силах, чтобы внести ясность в положение. Было решено провести с профессором Пеньей совещание «за круглым столом» в маленькой комнате отца Себастьяна. Все искренне надеялись, что удастся договориться и материалы экспедиции не будут конфискованы.

Тем временем известие дошло до местных жителей. Негодующие, они приходили ко мне и заверяли, что никто не смеет забирать то, что я у них купил; они вправе как угодно распоряжаться своим имуществом. Особенно боялись за свои пещерные камни Эстеван и Ласарус.

Но Ласарус сообщил, что если я призову на помощь своего а к у-а ку, то никто, конечно, не сможет тронуть ни одну вещь на моем судне.

Староста страшно расстроился, понимая, что сам всему виной: теперь он должен идти прямо к Пенье и объяснить, что если я и взял на борт что-нибудь ценное, то это исключительно предметы личной собственности жителей, купленные в деревне; там нет ничего такого, что я будто бы присвоил в результате раскопок.

— Мы можем продавать и отдавать свои вещи, кому хотим, — сказал староста и отправился искать Пенью.

Тем временем было решено, что командир чилийского судна и его люди отправятся на «виллисе», осмотрят места работы экспедиции, и лишь спустя несколько дней мы соберемся на назначенное совещание. «Пинто» должен был стоять у острова Пасхи больше недели. Пенья и студенты в сопровождении Гонсало совершат верхом поездку по острову, а затем под руководством Билля примутся за раскопки в равнине Тепеу, где стояли когда-то хижины из камыша.

На следующий день море было бурным, и волны с грохотом обрушивались на берег. Пассажиры «Пинто» не могли покинуть судно, тем же, кто сошел раньше, пришлось остаться на берегу. Они направились к отцу Себастьяну, о котором слышали как о сказочной фигуре и некоронованном короле острова. В конце концов отец Себастьян настолько устал от вопросов и фотосъемок, что сбежал из дому ко мне. Он спросил, нельзя ли нам переправиться на судно экспедиции, где мы сможем спокойно посидеть подальше от людей. Отца Себастьяна не пугало бурное море — лишь бы нашелся знающий человек, который поведет лодку между рифами и доставит нас на судно. Внизу, на молу, на который обрушивались крутые кипящие волны, стоял несчастный староста и молил взять его с собой: ему надо со мной поговорить.

— Дон Педро может поехать с нами, — приветливо сказал отец Себастьян и, ухватившись за протянутую капитаном руку, забрался в своей длинной сутане в пляшущую лодку.

На судне все уже поели, и стюард накрыл для отца

Себастьяна, старосты, капитана и меня стол с холодными закусками. Отец Себастьян любил хорошо поесть, а холодная закуска с пивом была его любимой едой. Я тоже обладаю неплохим аппетитом и очень ценю вкусную пищу среди прочих материальных благ. Для двух наших гостей я был желанным собеседником, они ели, наслаждались, снова ели и настолько были довольны своим существованием, что оба буквально сияли, а судно тем временем медленно раскачивалось из стороны в сторону на волнах. У нас было на борту пиво, и отец Себастьян одобрительно кивнул, давая понять, что староста также может получить банку. Мы оба знали, что теперь он все равно может купить вино на «Пинто».

Староста был на седьмом небе от счастья, ел и понемногу наполнял стакан из банки. Но отец Себастьян жевал все медленнее, затем улыбнулся и смущенно попросил его извинить: волнение на море оказалось сильнее, чем он предполагал. Капитан проводил его на палубу подышать свежим воздухом у поручней. Староста же снова невозмутимо положил себе полную тарелку, продолжая жевать, наклонился ко мне и заговорил об а к у-а к у. Мне, мол, нечего бояться, что у меня заберут какие-нибудь вещи, разве наши объединившиеся а к у-а к у не задержали на целый день большое военное судно?

Я ухватился за эту нить и хвастливо прошептал, что мой а к у-а к у рассказал мне, какие вещи были у старосты в его тайной пещере, помимо того м о к о, которого он мне сам обещал. В весьма неопределенных выражениях я описал несколько камней, которые оказались одинаковыми в пещерах Эстевана и Ласаруса: раз в двух пещерах могли оказаться одинаковые вещи, то такие же могли быть и в пещере старосты. Староста замер на стуле и даже перестал жевать. Неужели мой а к у-а к у побывал в его тайной пещере?

Ему пришлось признать, что мои описания верны, и, принявшись снова лихорадочно жевать, он начал задавать вопросы, выживая, что я еще узнал от своего а к у-а к у. Больше я ничего не знал, но рассчитывал, что перед отъездом староста сам раскроет тайны своей

пещеры. Наконец он успокоился и сидел тихо, как мышь.

Вошел стюард и подложил закусок. Староста вновь наложил себе полную тарелку и целиком предался неизведанной радости поглощения холодных закусок. Он поднял банку с пивом и бросил на меня грустный взгляд: она была пуста. Я собрался выйти, чтобы узнать, как чувствует себя отец Себастьян, и увидел, что стюард поставил открытую банку пива на бочонок с маслом, рядом с дверью. Шагая через порог, я обернулся, поставил полную банку перед старостой, который усердно уплетал свои бутерброды, выбросил пустую в море и вышел из помещения. Стоя у поручней, я болтал с отцом Себастьяном, который, освежившись бризом, чувствовал себя лучше.

Вдруг мы услышали из салона страшный вопль старосты. В три прыжка я очутился у двери и увидел, что староста сидит словно пригвожденный и тычет пальцем в банку с пивом; лицо искажено, глаза готовы выскочить из орбит.

— Кто ее здесь поставил, кто ее здесь поставил? — кричал он диким голосом.

Я подумал, что, быть может, стюард поставил банку за дверь потому, что пиво испортилось — такие случаи бывали, — и теперь староста вообразил, что мы хотим его отравить. Я понюхал пиво.

— Кто ее здесь поставил? Когда ты выходил, все банки на столе были пустые, — продолжал он таким истеричным голосом, будто со всех сторон его окружали духи.

До меня внезапно дошло, что он, вероятно, не видел, как я заменил его пустую банку.

— Разве сюда никто не приходил после того, как я ушел? — спросил я осторожно.

— Нет! Ни одна душа.

— Ну, тогда, видно, это сделал мой а ку-а ку.

Староста в этом ни секунды не сомневался. Подобного а ку-а ку он никогда не встречал. Он смотрел на меня прямо с завистью. Ведь у меня был невидимый слуга, который мог доставать пиво, стоило мне того захотеть. Постепенно он успокоился и продол-

жал есть, но теперь уже внимательно следил за тем, не происходит ли вокруг него еще чего-нибудь таинственного. Последний кусочек масла он завернул в бумажную салфетку и сунул себе в карман. Он был сыт и вышел на палубу. Капитан поднял якорь и осторожно повел судно ближе к берегу, под прикрытием небольшого мыса.

Эпизод с банкой пива произвел на старосту более сильное впечатление, чем вырезанные на камнях киты и все виденное им до сих пор. Когда прибор дал нам возможность высадиться на берег, он отвел меня в сторону и шепнул, что его собственный а ку-а ку теперь все время уговаривает его принести мне что-нибудь из пещеры. Сам он того же хочет, но должен получить сначала согласие своей бабушки. Я не подозревал, что у него есть бабушка, и спросил, где она.

— Там, наверху, над Ханга Пико, у самой дороги, под цементной плитой, — ответил он.

Я вздрогнул, на какую-то долю секунды мне представилась старая женщина, беспомощно барахтавшаяся под упавшей плитой, но затем я понял, что бабушки нет в живых и она похоронена там наверху. Староста доверительно прошептал, что не может спросить ее днем или при свете луны: для этого необходим полный мрак. Но при первой возможности он ее спросит, и если бабушка согласится, пойдет в пещеру и выполнит просьбу своего а ку-а ку.

На следующий день мы подняли якорь и возвратились в наш лагерь в Анакене, а «Пинто» начал разгрузку. Гонсало отправился верхом с профессором Пеньей и студентами, а археологи экспедиции, оставшиеся пока без рабочих, показывали посетителям раскопки.

Это были праздничные дни. На «Пинто» для членов экспедиции был дан обед, а губернатор и мы в Анакене принимали командира корабля и его экипаж. Когда Пенья и студенты проезжали Анакене, вновь состоялся веселый праздник, и они остались у нас ночевать. Один из студентов — археолог из Боливии — пришел в неопикуемый восторг, увидев красную статую в Виналу и коленопреклоненного гиганта в Рано

Рараку; он сам участвовал в раскопках в Тиауанако и тотчас же опознал обе фигуры: такие же есть у него на родине.

Пенья был в прекрасном настроении. Все увиденное ему страшно понравилось, но все же он шепнул мне, что, к сожалению, ему предстоит «неприятная миссия» и он давно разыскивает меня, чтобы договориться о встрече в связи с весьма неприятной телеграммой. Мы условились о встрече и расстались добрыми друзьями.

Два дня спустя староста попросил меня послать «виллис» и забрать в деревне «тяжелый мешок с важными вещами». На машине отправился капитан, он должен был одновременно захватить трех монахинь. Они собирались уехать на «Пинто» и до своего отъезда с острова хотели посмотреть статую, которую староста уже почти поставил.

Когда «виллис» вернулся, в багажном ящике на большом мешке сидели староста и Ласарус с таинственными физиономиями. Кроме них, «виллис» доставил монахинь и священника с «Пинто» Святая компания отправилась смотреть статую, а оба островитянина вошли с мешком ко мне в палатку.

Итак, староста наконец решился! Он посетил пещеру и был так возбужден, словно у него подскочила температура Ласарус, наоборот, испытывал явное облегчение, казалось, он дышит свободнее; теперь он знал, что не он один выносил камни из родовой пещеры.

Оба страшно испугались, когда, погрузив мешок на «виллис», услышали от капитана, что он берет с собой еще монахинь. Но все сошло гладко, им сопутствовало «хорошее счастье».

В мешке лежал сверток с пятью камнями; они были из второй пещеры Ласаруса, расположенной в Винапу Он впервые брал оттуда вещи. Остальные тринадцать камней оказались из пещеры самого старосты. Это были красивейшие скульптуры из всех, что я видел до сего времени на острове. Одна изображала голову собаки с раскрытой оскаленной пастью и скошенными глазами, столь дикими, что голова скорее по-

ходила на волчью или лисью морду. Я не мог наглядеться на это великолепное творение. Изображений собак и собакоподобных животных было много. Одно из них с вытянутой мордой, длинным телом и хвостом походило больше на крокодила, если бы не прямые ноги. Был там и ползущий моко с широкой головой, огромной пастью и зубчатым хребтом, очень напоминавший к а й м а н а; были здесь птицы, птице-человеки, а также причудливая каменная голова. Среди фигур Ласаруса встречались очень своеобразные, в том числе плоский камень с рельефным изображением двух свившихся вместе змей.

По мнению местных жителей, не было такого вопроса, на который я не мог бы ответить. Мне приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы каким-нибудь глупым вопросом не обнаружить, как все это для меня ново. Однако сейчас я настолько увлекся, что внезапно спросил, для чего служили эти камни. К счастью, мой вопрос не возбудил никаких подозрений.

— Они придают силу предметам, которые изображают,— с жаром прошептал староста мне на ухо. Он достал весьма реалистическое изображение омара, или, вернее, лангуста, с изогнутыми под животом клешнями и вытянутыми вдоль панциря спины усами.

— Фигурка придает лангусту силу, и поэтому их много на побережье

Затем он указал на двух змей и объяснил, что двойная фигура придает двойную силу. Я знал, что змея для этих островов — существо совершенно неведомое, и нарочно спросил, не придает ли это изображение двойную силу «угрю». Нет, это не угри; у угря нет широкой головы и узкой шеи, как у этих фигур. Здесь изображены сухопутные животные, похожие на тех, которых чилийцы называют «кулебра»*. Ласарус добавил, что огромное изображение такой же змеи высечено на скале по дороге в долину Ханга-о-Тео.

Внезапно я вспомнил, что отец Себастьян однажды рассказал о том же и просил меня отправиться туда

* Кулебра — змея (Исп) (Прим ред)

вместе с археологами. Эрория знала, где находится это место, но я просто не успел туда съездить.

Ласарус вдруг восхищенно заметил, что впервые на острове открыто говорят между собой о подобных вещах. Он признался старосте, что несколько раз ходил в свою пещеру за фигурками для меня, и староста сказал, что решил сделать то же самое. Разговорившись, они обнаружили, что в пещерах у них много одинаковых скульптур.

Я знал, что в Полинезии приписывалась прежде магическая сила и человеческим волосам; эта моя осведомленность в свое время произвела большое впечатление на старосту и Ласаруса. Староста рассказал, что в каменной чаше в его пещере хранятся пряди волос всей его умершей родни, в том числе и рыжеволосой дочери. Затем он сделал страшную гримасу и с дрожью в голосе поведал, что в пещере у него есть также голова, настоящая голова. Черепов было много во всевозможных тайниках на острове, но я понял, что староста говорит не о них, и спросил, имеет ли он в виду голову из камня. «Совсем нет, это настоящая голова, голова человека», — объяснил он, весь дрожа; и снова со страшной гримасой схватился за волосы.

Неужели у него в пещере хранится засушенная голова, как на некоторых других полинезийских островах?

Ласарус же заявил, что в тех двух родовых пещерах, в которых он побывал, нет ни волос, ни голов, там лежат лишь черепа и кости его предков.

Староста доверительно сообщил мне, что на острове по-прежнему посещаются, по крайней мере, пятнадцать тайных родовых пещер, а гораздо большее количество их затеряно. Насколько ему известно, такие пещеры есть только у потомков длинноухих, в том числе у нечистокровных длинноухих. Он не думает, чтобы пещеры были и у короткоухих. Важнейшую из своих собственных пещер он унаследовал по прямой линии от Оророины, единственного мужчины-длинноухого, пережившего сражение у рва Ико. Староста получил эту пещеру от своего отца, который, в свою

очередь, получил ее от своих предков и так далее вплоть до начала войны, когда Оророина и другие длинноухие вынуждены были спрятать все свои сокровища в тайных пещерах, чтобы они не достались короткоухим. С пятилетнего возраста староста работал со старшими и учился у них, однако отец счел его достойным увидеть реликвии, лишь когда ему исполнилось пятнадцать лет. Он дошел с отцом почти до самой пещеры и подождал, пока отец сходит туда и принесет несколько вещей, на которые ему можно посмотреть. Такой обычай существовал на протяжении одиннадцати поколений.

Староста помолчал, а затем продолжал:

— Я впервые рассказываю об этом посторонним. А прежде чем разрешить мне войти в пещеру, отец отрезал у меня прядь волос.

Он дернул себя за чуб, а Ласарус так внимательно следил за малейшим его движением, что мне стало ясно: для него это так же ново, как и для меня.

Отец старосты завернул волосы в банановый лист и перевязал их веревкой. На этой веревке отец сделал одиннадцать узлов, сверток отнесли в пещеру и положили в каменную чашу, накрытую сверху такой же чашей. Волосы всех рядовых членов рода лежат в другой чаше, стоящей рядом, а в этой хранятся одиннадцать прядей волос, большинство рыжие. На первой из них один узел; эти волосы принадлежали Оророине; на второй — с волосами его сына — два узла; и так далее до свертка с десятью узлами — с волосами отца старосты; в последнем же, с одиннадцатью узлами, лежат его собственные волосы.

О всех тайнах, связанных с входом в пещеру, староста впервые узнал лишь тогда, когда пучок его волос занял свое место в чаше. Была проведена церемония в честь охранявшего пещеру а ку-а ку; ему сообщили, что еще один человек получил законное право доступа в пещеру через ее тайный вход. Затем Педро в первый раз позволили войти внутрь и осмотреть древнюю пещеру Оророины.

В течение жизни целого поколения староста один хранил ее тайну, но сейчас перед ним возникла почти

неразрешимая проблема. Его собственный рыжеволосый сын Хуан был «дитя времени» и не ценил старины. Хотя он взрослый и женатый человек, в таких секретных и серьезных делах на него полагаться нельзя. Если Хуан узнает, где пещера, он поддается соблазну заработать кучу денег и станет продавать содержимое пещеры людям с континента. Поэтому старосте, может быть, придется со временем передать пещеру своему младшему брату Атану. Атан: у него доброе сердце и он уважает заветы предков.

К обеду мы ждали гостей с военного судна, и мне надо было уходить. В заключение староста заявил, что теперь он, Ласарус и я связаны узами братства, это относится и к нашим а ку-а ку, которые в этот момент стоят рядом с нами.

— Мой а ку-а ку стоит вот здесь,— сказал он с довольным видом, тыча пальцем куда-то вниз, рядом со своим левым коленом.

Затем мы вышли из палатки, и, быть может, у нас под ногами прыгали а ку-а ку, если только эти невидимые карапузы не выбрались прямо сквозь стенку. Ведь а ку-а ку обладают фантастической способностью перемещаться в пространстве: староста говорил, что его а ку-а ку может за две минуты слетать в Чили и обратно.

Уходя, староста объяснил Ласарусу, как за один день закончить установку статуи после того, как он уедет на «Пинто», и тот принял на себя командование.

Вечером мы отправились в маленький домик отца Себастьяна на совещание с профессором Пенъей. Сам отец Себастьян лежал с температурой, но маленький его кабинет оказался битком набитым людьми.

Председателем на совещании был командир военного корабля: он представлял сейчас верховную власть на острове. Он с самого начала был настроен к нам благожелательно, особенно после того, как осмотрел работы археологов. Теперь командир намеревался направить командованию военно-морского флота радиogramму и попытаться добиться для нас разрешения забрать с собой с острова целую статую. Ему было

известно, что мы хлопотали об этом и получили отказ, потому что статуи охраняются государством. Но теперь он воочию убедился, что мы обнаружили неизвестные до сего времени изваяния и поэтому после нашего отъезда все равно останется больше статуй, чем было до сих пор. Рядом с командиром и его адъютантом сидели губернатор, профессор Вильгельм, профессор Пенья, его студент, а также Гонсало в качестве официального связного экспедиции, Эд и я сам.

Пенья выразил сначала восхищение работой экспедиции, а затем с сожалением достал телеграмму с полномочием конфисковать весь наш археологический материал. Профессор Вильгельм, ученый с мировым именем, тотчас же поднялся со своего места и выступил в нашу защиту. Археологи, заявил он, не смогут завершить работу, если не возьмут с собой в лаборатории собранный ими научный материал. И почему никто не предупредил их об этом раньше? Ведь прежде чем экспедиция отправилась на остров Пасхи, Хейердал ездил в Чили, чтобы лично договориться обо всем.

Пенья согласился, но объяснил, что произошло досадное недоразумение. Министерство иностранных дел дало разрешение, хотя вся компетенция в этом вопросе принадлежит министерству просвещения.

Я заметил, что лично побывал и у министра просвещения; последний принял меня исключительно любезно и просил сообщить, если возникнут какие-либо затруднения или понадобится помощь.

Вильгельм тотчас же поспешил заверить, что все хотят нам помочь, надо только сделать это законным путем. А такую возможность содержит в себе одна из формулировок закона, в составлении которого он сам принимал участие.

Тогда слово попросил студент Пеньи. Он сказал, что недостаток в чилийских музеях материалов с острова Пасхи делает конфискацию нашего имущества необходимой: у самих чилийцев материалов с острова Пасхи меньше, чем у кого-либо другого, заверил он, и Пенья утвердительно кивнул головой.

При поддержке Эда и Гонсало я повторил, что при

раскопках экспедицией обнаружены только статуи и стены, которые все видели. Мы лишь откопали и частично восстановили эти памятники. Нашли же мы кости, древесный уголь и остатки древних орудий. Они не представляют собой музейной ценности, но необходимы археологам для дальнейшего изучения прошлого острова Пасхи. Все найденное нами будет перечислено в научном докладе, а если что-либо не будет в нем упомянуто,— значит, оно не имеет никакой ценности. Поэтому я предложил, чтобы нам разрешили взять с собой все наши находки, а потом, после завершения нами научных работ и опубликования материалов, представители Чили могут отобрать у нас все то, что они захотят получить.

И Пенья и студент ухватились за эту мысль: они как раз и хотели предложить что-нибудь в этом роде, и тем лучше, что такое предложение исходит от меня.

Я добавил, что хотя мы не обнаружили в земле каких-либо поддающихся переноске музейных сокровищ, но зато местные жители принесли мне много удивительных вещей, которые, по их словам, являются их личной собственностью.

— То, что принесли вам местные жители, нас не интересует, если только они не принесли вам ронгоронго.

— Нет, никаких ронгоронго я не получал, но они принесли мне много другого.

— Меня это не интересует,— сказал Пенья.— Я прибыл сюда не как таможенный чиновник. Все купленное вами у местных жителей могли бы приобрести и мы; нас касается лишь то, что вы нашли в земле, поскольку до вас здесь никто раскопок не производил.

Тотчас было сформулировано соглашение, по которому я лишался права собственности лишь на тот археологический материал, который члены экспедиции нашли при раскопках. Я пригласил Пенью осмотреть весь материал экспедиции, как найденный в земле, так и купленный или подаренный нам населением. На этом совещание закончилось. Несколько человек осталось для составления письменного соглашения, а я

вышел на улицу, где капитан и машинист ждали нас в «виллисе». Взобравшись на сиденье, я вздрогнул, обнаружив рядом черную тень. Это был Ласарус. Я шепнул ему, что все обошлось хорошо, но он перебил меня:

— Я знаю. Я подслушивал у окна. Если бы маленький толстяк сказал, что заберет у тебя что-нибудь, я помчался бы к старосте, и мы привели бы сюда двести человек.

За себя и за Пенью я поблагодарил судьбу за то, что мы пришли к дружескому соглашению, и постарался убедить Ласаруса никогда впредь не придумывать ничего подобного.

Несколько дальше, на дороге, около своих ворот стоял, явно нервничая, староста.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь,— сказал он предупредительно, считая, видимо, что мы в таком же возбужденном состоянии, как и он, и добавил:

— Что случилось?

Услышав, что никто не отнимет у меня даже ни одного м о а и к а в а к а в а, он вытянулся и выпятил грудь.

— Вот видишь,— произнес он торжествующе,— что значит наши объединившиеся а к у-а к у!

Он с виноватым видом попросил капитана и машиниста подождать в машине, ему надо кое-что сказать мне и Ласарусу у себя в доме.

В комнате старосты стоял круглый стол, три стула и шкаф. Хозяин выкрутил в лампе фитиль, достал недавно приобретенную бутылку вина и налил три стакана. Мы должны были плеснуть немного вина себе на пальцы и смочить волосы «для хорошего счастья», затем чокнулись и выпили остальное.

Староста уже подготовил план. Ночь была безлунной и черной. Ласарус побудет с теми двумя в «виллисе», а староста возьмет меня с собой поклониться бабушке. Надо спросить ее, можно ли мне войти в пещеру. Я согласился, и мы присоединились к остальным, благоухая вином.

Доехав до развилки дорог перед бунгало губернатора, мы свернули и проехали немного к маленькому

молу. Здесь мы остановились и выключили фары; лишь звезды мерцали над нами. Вскоре несколько местных жителей проехали мимо верхом; я едва мог различить их во мраке, хотя топот раздавался совсем рядом с машиной. Когда они скрылись, староста объяснил, что теперь мы поднимемся пешком на холм, якобы посмотреть на звезды, и капитан с механиком сделали вид, что поверили.

Я последовал за старостой; мы прошли еще довольно большое расстояние вправо от дороги, пока не заметили несколько камней, походивших на древнюю стену. Здесь староста остановился и прошептал, что по другую сторону камней он не сможет сказать мне ни слова, а будет лишь подавать знаки. Он прокрался еще метров на пятьдесят вперед. Я осторожно шел за ним, буквально наступая ему на пятки.

Мы подошли к какому-то предмету, похожему на светлую, неправильной формы каменную плиту. Может быть, это был затвердевший цемент, но в такой темноте разглядеть что-нибудь было невозможно. Здесь староста остановился. Показав на землю передо мной, он низко поклонился, вытянув руки вперед ладонями вниз. Я подумал, что того же он ждет от меня, стал рядом и по возможности точно повторил его движения. Затем он бесшумно обошел вокруг светлого предмета, я последовал за ним и, несмотря на мрак, заметил, что мы двигались по хорошо утоптанной тропе. Вернувшись на прежнее место, мы оба вновь низко поклонились с вытянутыми вперед руками. Все это повторялось три раза, затем он в безмолвии застыл, как силуэт на фоне звездного неба, сложил на груди руки и уставился на светлое пятно на земле. Я сделал то же самое.

Я по-настоящему был взволнован всем происходящим. Далеко позади я видел огни большого военного корабля, стоявшего около берега. Но это уже не был остров Пасхи, я стал свидетелем ритуала, совершавшегося в неизведанной части света сто лет назад. И все же я знал, что неподвижно стоявшая рядом со мной черная фигура принадлежала мирному старосте островка с аккуратно подстриженными усиками и бородкой. Он не двигался, ничего не говорил, стоял, как бы углу-

бившись в мысли, будто пытаюсь кого-то загипнотизировать. Я решил, что без вмешательства моего а ку-а ку мы вряд ли сумеем добиться уступки со стороны упрямой бабушки. Я раскрыл рот и начал бормотать какие-то слова. Этого никак не следовало делать.

— Теперь конец, она исчезла,— перебил меня староста, и не успел я опомниться, как он бросился бежать прочь.

Мне пришлось поспешить следом за ним, чтобы не потерять его совсем из виду.

Немного ниже, около камней, он остановился, тяжело дыша.

— Она сказала «да»,— произнес я.

— Она сказала «нет»,— ответил он и повторил затем то, что так часто говорил раньше: его собственный а ку-а ку твердил: «Да, да».

Староста вытащил из кармана коробок спичек и высыпал все ее содержимое в руку.

— Вот так ты должен опустошить свою пещеру для сеньора Кон-Тики,— говорит мой а ку-а ку,— но бабушка говорит «нет» и «нет».

Три раза он ее спрашивал, а она все отвечала «нет». Но теперь она сказала, чтобы он отправлялся на «Пинто» на материк, а когда возвратится, пусть подарит сеньору Кон-Тики одну из пещер со всем ее содержимым.

Мы долго стояли, препираясь о том, что сказала бабушка, и в конце концов он согласился спросить ее еще раз, но в другую ночь и один. А до отхода «Пинто» оставалось совсем немного дней.

Два дня спустя мой «виллис» остановился у дома старосты; последний все это время ни разу не показывался. Я застал его и Ласаруса за бутылкой вина в маленькой комнате с круглым столом. Староста поспешил заверить меня, что сегодня счастливый день для Ласаруса: он решил показать мне одну из своих пещер за два дня до отплытия экспедиции с острова. Но для старосты день был несчастливym. Бабушка продолжает говорить «нет», и, кроме того, его братья убеждены, что он умрет, если только возьмет меня в пещеру, а он их глава и умирать ему нельзя. Вдо-

бавок ко всему местные жители объявили забастовку и отказались разгружать «Пинто», если им не прибавят оплату. Старосте только что сообщили: его не возьмут на «Пинто», если он не сумеет справиться с забастовкой.

Забастовка продолжалась и распространилась на овцеводческую ферму военно-морских сил, где никто больше не следил за работой ветряных мельниц, качавших для десятков тысяч овец полупресную воду из древних колодцев.

«Пинто» задержался у острова. Но чилийцы на борту «Пинто» всячески старались оказать нашей экспедиции помощь. Когда жара выбила пробки из пробирок нашего врача и вся специальная жидкость для консервации крови вытекла, профессор Вильгельм спас для экспедиции драгоценные образцы крови, доставив нам новое количество жидкости. Радиотехники с «Пинто» исправили нашу радарную установку, которая, отлично нам послужив, вдруг отказала. Машинист и стюард разрешили многие из своих проблем, получив от любезных коллег с военного корабля новые запасы. Они вернулись очень довольные и доложили, что на полгода обеспечены теперь всем необходимым. Несмотря на забастовку и задержку с отплытием, моторная лодка все время сновала между «Пинто» и берегом, отвозя на остров муку и сахар и доставляя на борт огромные тюки шерсти.

Наконец день отплытия был назначен.

Накануне мы опять перевели наше судно из бухты Анакены и бросили якорь рядом с военным кораблем. Пенья находился в это время у нас на борту и не спеша осматривал коллекции археологов. Как только он прибыл на судно, я пригласил его в каюту и передал конверт с подробным отчетом министру просвещения о результатах работы экспедиции. Сам Пенья получил копию, которую я попросил его тут же прочесть. В отчете я детально описывал различные типы полученных мною удивительных камней из пещер и сообщил, что, по утверждению местных жителей, эти скульптуры являются наследством, которое спрятано в их тайных родовых пещерах. Пенья спро-

сил, видел ли я сам такую пещеру. Я ответил, что не видел, но рассчитываю проникнуть в одну из них после ухода военного судна. Пенья уже не проявил к этому интереса, но поблагодарил за отчет и попросил показать ему ящики с тем материалом, который был найден археологами. Мы прошли на носовую палубу, где штурман заблаговременно собрал все находки археологов, и вскрыли два ящика. Пенья увидел, что в них находятся лишь мешочки с древесным углем и обожженными обломками костей и камня, и на этом окончил свой осмотр. С трудом уговорил я его подойти к полкам моего собственного небольшого склада, чтобы показать картонки с тем, что принесли местные жители. «Пинто» покидал остров на следующий день, и поэтому опасность огласки была очень невелика. Я вынул изображение головы со страшной открытой пастью. Пенья вздрогнул и взволнованно выхватил камень у меня из рук. Ничего подобного с острова Пасхи он никогда не видел. А не нашли ли что-нибудь такое и в земле?

Нет, не нашли. Фигурки такого типа мне принесли сами островитяне.

Пенья тотчас утратил к ним всякий интерес и положил голову с раскрытой пастью обратно в коробку. Он с восхищением посмотрел на большой деревянный молоток и молоток: и, узнав работу старосты, высказал сожаление по поводу забастовки, из-за которой замечательный резчик по дереву не сможет попасть на материк. Пенье известно, что староста знает гораздо больше интересных вещей, чем кто-либо другой на острове. Продолжать осмотр Пенья категорически отказался.

Тем временем мы бросили якорь рядом с военным судном, и командир его, а также все наши друзья с «Пинто» прибыли на моторке, чтобы с нами попрощаться. Пока я беседовал с Пеньей, к нам подошли его ассистент и два студента. Я обратился к ним с нарочитой серьезностью и попросил внимательно выслушать меня и не забыть того, что я скажу. Я рассказал, что жители этого острова хранят большие тайны.

— Братья Пакарати,— поспешил заметить один из собеседников.

— Возможно, но тайны хранят и староста и многие другие,— добавил я и рассказал, что тайны эти заключаются в отмирающих обычаях и в суевериях.

Кроме того, я совершенно убежден, что населению острова известны входы в пещеры, где спрятаны маленькие скульптурки, хотя мне самому еще не удалось туда проникнуть.

Один из студентов прервал меня и посоветовал не слишком прислушиваться к болтовне и легендам островитян; другой с лукавой улыбкой заметил, что местные жители — мастера изготавливать подделки.

Я вновь попросил их запомнить все сказанное мною: на острове имеются тайные пещеры со скульптурами. Я сделаю все, что в моих силах, дабы проникнуть в такую пещеру, но если мне до отъезда не удастся сделать этого, их долг позаботиться, чтобы на остров как можно быстрее был направлен этнолог, который продолжит мои поиски.

Некоторые со мною согласились, кое-кто улыбнулся, а Пенья похлопал меня по плечу и весело рассмеялся. Он предлагал местным жителям сто тысяч песо, или двести долларов, если они принесут ему ронго-ронго, но это не помогло. Один из студентов заметил, что если бы только «Пинто» задержался здесь еще дней на пять, он раздобыл бы ронго-ронго из тайной пещеры.

Вскоре наше судно было полно гостей с «Пинто» и из деревни. Больше об интересующем меня деле мы не говорили. Я раскрыл перед ними все свои карты — теперь пусть думают что хотят.

На следующий день «Пинто» отплыл, увозя на борту нашего водолаза, который как-то на досуге забрался в запретные глубины и повредил себе барабанные перепонки. Было жаль, что уезжает один из членов нашей группы, но его место занял хороший молодой чилийский студент, который прибыл на «Пинто». Эдуардо Санчес изучал в Чили археологию и должен был принять участие в экспедиции в качестве по-

мощника археолога на суше и юнги на судне. Он был закадычным другом Гонсало, и лучшего помощника для нашей экспедиции мы вряд ли могли бы пожелать.

Мы прошли вдоль всего острова в левом кильватере серого гиганта. Теперь у нас было множество друзей среди тех, кто тесной группой стоял на широкой палубе и уступах высокой башни и махал нам на прощание. Солнце опускалось в волны океана, и мы сиреной и флагом послали им прощальный привет. Маленький гренландский траулер повернул назад и пошел вдоль мрачных скал побережья, а военный корабль заскользил на восток, навстречу фиолетовым вечерним облакам, напоминавшим разрыв бомбы, между тем как далеко на западе на краю неба еще пламенили последние залпы солнца.

И вот мы остались в ночи наедине с удивительным маленьким островом: население его мирно спало в деревне на другой стороне острова, здесь же лишь немногочисленные аку-аку охраняли таинственные камни в темных нишах скал, а где-то вдали мерцал слабый огонек нашего сторожа в Анакене.

Когда исчезли последние огни «Пинто», корабль словно ушел в небытие. Окружающий мир не существует для жителей острова Пасхи, если только он не удостоит их своим посещением. Многих здесь манят к себе миражи зеленых пальм Таити или больших домов Чили, но жизнь по ту сторону горизонта представляется чем-то далеким и нереальным, похожим на жизнь потустороннего мира. Для местного населения остров Пасхи является настоящим «пупом земли». Крепкие узы рождения привязывают их к этой надежной, прочно сидящей на дне точке в океане, настоящему центру мира. Могущественные страны, такие, как Чили, США, Норвегия и Таити, лежат либо на востоке, либо на западе. Но «пуп земли» находится здесь, точно в точке пересечения линий раздела земного шара на восток и запад, север и юг.

После ухода «Пинто» жизнь на острове быстро вошла в свою обычную колею. Коконго еще не начал свирепствовать всерьез. Коконго — страшный

бич островитян. ежегодная эпидемия гриппа, которая вспыхивает после контакта с материком. Эпидемия приходит и уходит с точностью часового механизма. Каждый раз после стоянки судна она свирепствует в деревне месяц или два, особенно поражая легкие, голову, живот островитян. Болели все без исключения, и всегда к о к о н г о требовал человеческих жертв прежде, чем угомонится и оставит людей в покое до следующего года. Но в этом году эпидемия протекала пока необыкновенно легко. Местные жители тотчас нашли тому объяснение: судно нашей экспедиции принесло на остров «хорошее счастье». Ведь после нашего приезда вообще никто не заболел.

Губернатор и отец Себастьян разрешили нашим рабочим вновь приступить к работе, и археологи возобновили раскопки в тех местах, где они были приостановлены.

Эд вновь направился на вершину в Оронго, где он еще до прибытия «Пинто» сделал столько находок. Раскопав небольшой, небрежно сложенный а х у около руин поселения птице-человеков, он обнаружил, что этот а х у был построен на развалинах более древнего сооружения из великолепно обработанных камней в классическом стиле инков. Удалив дерн и землю вокруг, он увидел, что ряд по всем правилам расположенных камней связывает только что обнаруженную стену с ранее найденным улыбающимся истуканом. На всех камнях, точно символы солнца, были высечены крупные круглые глаза.

Когда же посреди всего этого сооружения Эд заметил своеобразную систему выдолбленных в скале ямок, подозрение, зародившееся у него еще прежде, окончательно окрепло. 21 декабря в южном полушарии — день летнего солнцестояния. Накануне этого дня Эд установил в одной из ямок шест и стал вместе с капитаном ждать восхода солнца. Когда солнце показалось над гребнем кратера с противоположной стороны гигантского котлована, острая тень шеста упала в точности на ту ямку, которую заранее указал Эд. Так в Полинезии впервые была обнаружена солнечная обсерватория!

Губернатор обещал прибыть на место к восходу солнца в день зимнего солнцестояния, поскольку к этому времени экспедиция уже покинет остров. Эд указал ямку, на которую должна упасть тень, и когда этот день наступил и губернатор был на месте, то оказалось, что тень упала в точности на вторую ямку с краю.

В день летнего солнцестояния Билль тоже взобрался с измерительным инструментом на большой классический аху, который он раскопал в Винапу. Оказалось, что солнце стоит точно под прямым углом к этой мощной, построенной в стиле инков стене. Инки и их предшественники в Перу были солнцепоклонниками, и вновь найденные обсерватории опять заставили нас вспомнить древних зодчих Южной Америки.

Биллю удалось сделать и другие открытия. Место, где была найдена и поставлена красная статуя, представляло собой огромную площадь храма в виде выемки примерно в сто пятьдесят метров в длину и сто двадцать метров в ширину, когда-то огороженную высокой земляной насыпью, следы которой еще отчетливо сохранились. Рядом с ней мы подобрали древесный уголь — остатки некогда разведенного человеком костра; произведенный в лаборатории анализ радиоактивности показал, что костер этот горел около восьмисотого года нашей эры. Красная статуя в Тиауанако также лежала на подобной четырехугольной площади храма. А перед большой стеной Билль нашел остатки древнего крематория, где было сожжено и похоронено множество людей, некоторые вместе со своими рыболовными орудиями. До сего времени археология не знала случаев кремации на острове Пасхи, и это не согласовывалось как будто ни с какими данными науки.

Карл нанес это древнее сооружение на карту и занялся его изучением. На аху Пито те Кура, где лежала крупнейшая из статуй острова, он раскопал в красиво сложенной стене погребальную нишу. Среди полусгнивших человеческих костей он нашел две изумительно красивые серьги длинноухих, сделанные из ядра огромных раковин.

У Арне работало несколько групп, находивших интересные вещи как в самом кратере Рано Рараку, так и снаружи. Теперь он начал вести раскопки на одном из круглых возвышений у подножия вулкана. Размеры этих холмов были столь велики, что местные жители дали им собственные имена, а наука считала их естественными образованиями. Теперь же мы увидели, что все это результат деятельности человека. То был щебень от каменотесных работ в карьере, который сносили в больших корзинах на равнину. Случай предоставил нам здесь исключительную возможность научной датировки работы над статуями. Углубляясь в этот холм, мы находили сломанные каменные топоры и обуглившиеся кусочки дерева из костров. По ним мы узнали, что в одну из груд щебень из карьера — «мастерской» — сбрасывали примерно около 1470 года, или за двести лет до того, как во рву длинноухих на Поике запылал роковой костер.

Глава длинноухих сидел на крыльце и полировал орлиный нос деревянной фигурки, когда «Пинто» покидал остров. Руководствуясь девизом «не волнуйся», он быстро смирился с тем, что его мечте о путешествии не суждено осуществиться. С согласия губернатора я пообещал взять его на Таити, в Хива-Оа и Панаму; услышав об этом, староста почувствовал себя счастливейшим в мире человеком. Значит, «хорошее счастье» ему все-таки сопутствует!

С новым приливом сил он один, храня полное молчание, опять навестил бабушку, но она упорно стояла на своем. В ту ночь он все время просыпался, а под конец и совсем не мог спать, так как его а ку-а ку не давал ему покоя. Этот а ку-а ку был не согласен с бабушкой и все время повторял: «Иди в пещеру, иди в пещеру». В конце концов староста не выдержал, встал и отправился в пещеру. По дороге он не встретил ни души, и ему не пришлось даже ни разу прятаться. Это было признаком «хорошего счастья». Войдя внутрь, он схватил голову зверя с большими зубами, но а ку-а ку сказал: «Бери еще, бери еще». И он вынес из пещеры множество скульптур. Эти вещи лежали сейчас в тайнике около деревни. Как только

совсем стемнеет, я должен приехать туда на «виллисе».

В этот раз староста принес изображения удивительных сказочных животных. Было много фигур, изображений одного и того же зверя, который имел длинную шею и морду с тремя передними зубами наверху и тремя внизу; больше в пасти зубов не было. Но самой великолепной скульптурой оказалась широкая круглая лодка из камыша в виде настоящего ковчега. Она имела три мачты с толстыми в бороздках парусами, укрепленными в круглых отверстиях вдоль выгнутой палубы. Лодка напоминала мастерское произведение кондитера, только сделанное из застывшей лавы, а не из сдобного теста.

— Теперь ты видишь, откуда я знал, что паруса тоже делали из камыша,— гордо произнес староста, указывая на изображавшие камыш вертикальные бороздки.

Я заметил, что староста сегодня немного покашливает, значит, начинается коконго. Он восхищенно заявил, что не помнит такого мягкого коконго, как в этом году. Но пока не пройдет кашель, он не может входить в пещеру: посещать такое место не совсем здоровому человеку будет «плохим счастьем». Некоторые старики поступали так прежде, но лишь для того, чтобы спрятаться и умереть.

Длинноухие возвратились, наконец, для завершения работ в Анакене. Ласарус ловко взобрался на стену и начал уверенно командовать. На восемнадцатый день настал ответственный момент, и великан с шумом и грохотом оторвался от каменной насыпи и стал стоймя.

Вскоре после этого разразилась сильная буря, капитану пришлось увести наше судно к деревне и укрыть его там от ветра. Когда через два дня непогода унялась и судно заняло свое постоянное место у скал возле лагеря, мне передали по радио, что на борту находится человек из деревни, который хочет мне кое-что показать. Я приехал на моторной лодке

и увидел на борту своего молодого друга Эстевана, который явно приготовил мне какой-то сюрприз. В его улыбке вновь появилось мальчишески счастливое выражение — впервые после того, как жена неожиданно отказалась носить камни из пещеры. Он учтиво, но взволнованно спросил, есть ли здесь темное место, он хочет посвятить меня в большую тайну. Я проводил его в свою каюту и опустил шторы. Это Эстевана вполне устроило. Он исчез и через мгновение приволок два больших свертка. Тщательно заперев дверь каюты, он попросил меня стать в углу и следить за тем, что произойдет.

В каюте было так темно, что я едва мог различить неясный силуэт Эстевана, наклонившегося над каким-то предметом, который он вытащил из свертка. Вначале я подумал, что раз он потребовал темноты, то вытащит что-нибудь светящееся. Но он достал нечто столь же черное, как и окружавший нас мрак; я заметил только, что он натянул это на себя, следовательно, то была маска для танцев или наряд, в котором он должен был выступать. Мне показалось, что по обе стороны головы у него свисают, болтаясь, какие-то невероятно длинные уши, но было слишком темно и сказать это с уверенностью я не мог. Под конец Эстеван вытащил из свертков два больших темных предмета: один из них остался лежать на полу, а другой он положил на диван рядом с моей койкой. Я сумел разглядеть, что Эстеван опустился на корточки и положил руки по обе стороны лежавшего на полу большого предмета, будто желая начать откровенную беседу с близким другом. Затем он голосом, полным благоговения, забормотал что-то по-полинезийски.

Голос его был мягким и мелодичным, но вместе с тем таким серьезным и сосредоточенным, что мне стало не по себе. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что все происходящее отнюдь не является приготовленной для меня инсценировкой. Красивый молодой человек был целиком поглощен серьезной языческой церемонией. Когда он закончил обряд с лежавшим на полу предметом и обхватил руками что-то положенное им на диван, то пришел в еще большее

волнение и интонация его голоса изменилась, а сам он начал всхлипывать. Разобрать, что он говорил, было невозможно, я различил лишь, что он многократно упоминал мое имя. Но вот голос его стал совсем пропадать, он, видимо, с трудом сдерживал рыдания и, наконец, заплакал так горько, словно потерял близкого друга. Я испытывал тягостное чувство и настоятельную потребность поговорить с ним, утешить, выяснить, что происходит, но считал более разумным пока не вмешиваться. В конце концов Эстеван взял себя в руки и, сняв облачение, попросил меня осветить каюту.

Когда шторы были подняты, Эстеван стоял с серьезным видом и силился улыбнуться; глаза его были красны от слез. Мне пришлось предложить ему носовой платок, чтобы он вытер нос и глаза. Вместе с тем казалось, что Эстеван радуется, будто отделался от какого-то кошмара. Одевание, которое он на себя натягивал, состояло из толстого вязаного темно-синего свитера и настоящей черной полярной шапки с длинными ушами, которую он, вероятно, получил от проезжего китобоя. На полу сидела большая красная каменная собака; ее так основательно чистили и скребли, что она стала похожа на подтаявшую шоколадную фигуру. А на диване растянулось дьявольское существо, сам сатана в облике зверя с горбом на спине и козлиной бородкой под ехидно оскаленным ртом. В отличие от стершейся собаки эта фигура была сделана из гораздо более твердого серого камня и великолепно сохранилась.

Эстеван почтительно, почти ласково показал на скульптуру на диване и объяснил, что, по словам жены, она наиболее могущественная из двух. Эти фигуры были двумя из четырех стражей пещеры его жены. Те, что остались в пещере, представляют собой большие головы с несколькими причудливыми фигурками на макушке. Эти два лежащих сейчас стража рассердились на то, что жена так много вынесла из их отделения в пещере. С тех пор она все время страдала болезнью желудка и, наконец, решила, что лучше всего передать двух разгневавшихся стражей

мне. Может быть, они смягчатся, когда вновь получат власть над своими фигурками.

Эстеван принес, кроме того, пять обычных камней; один из них изображал двуглавое чудовище и выглядел гораздо страшнее, нежели отмытый мылом песик, мирно сидевший на коврике перед койкой. В пещере оставалось еще несколько фигур, подчиненных этим двум стражам: одна из них представляет собой большой корабль с головами богов на носу и корме; о ней Эстеван рассказывал мне раньше. Теперь все это должно было стать моим.

Я спросил, нельзя ли мне самому пойти в пещеру, чтобы взять предназначенные для меня вещи. Тогда Эстеван предложил, чтобы мы вместе попытались уговорить его жену. Я сказал, что зайду к ним как-нибудь вечером и захвачу с собой врача, чтобы выяснить, какой таинственной болезнью страдает его жена.

Затем Эстеван опять повернулся к своим друзьям,— собаке и черту на диване и вновь настойчиво повторил, что отныне оба эти стража по всем правилам переданы мне. Он выполнил все, что поручила ему жена; именно так действовал ее отец, когда передавал ей этих стражей, и точно так же действовал до него дед.

Теперь вся ответственность возложена на меня, и если я решу передать кому-нибудь этих зверей, то должен поступить так, как Эстеван, причем желательно надеть на себя такой костюм, который не видно в темноте. Я могу показывать этих стражей кому угодно на борту, но ни одному из жителей острова. Через три месяца их надо вымыть в первый раз, а потом чистить четыре раза в год и не только очищать их от пыли и плесени, но и тщательно снимать похожую на хлопок паутину, которая образуется в неровностях камня, и каждый год выкуривать насекомых, которые откладывают личинки в его трещинах.

Когда стражи и их подданные были убраны, Эстеван совсем преобразился, будто с его молодых плеч свалилась огромная ответственность. Он дал мне понять, что сам он добрый христианин, но предки его общались с дьяволами. Они оставили после себя ужасное бремя, и те, кому пришлось принять дьяволов на себя, никак

не могут отделаться от ответственности за их проделки.

Я спросил Эстевана, были ли дьяволами две переданные мне фигуры, и он ответил, что по-испански их следует скорее всего так и называть, хотя предки его называли их а ку - а ку.

Итак, я знал, что на борту теперь у нас очутились два а ку - а ку. Эстеван ясно дал мне понять, что если бы на то была его воля, я получил бы не только тех двух а ку - а ку, что оставались еще в пещере, но и всех остальных, со всего острова. Лучше всего, если бы все а ку - а ку переселились к нам на борт и навсегда уехали с острова; никому тогда не пришлось бы больше думать о таких вещах. Теперь все жители острова — добрые христиане, и они никогда не имели бы больше дела с подобными вещами, не будь им это навязано под угрозой болезни и смерти.

Эстеван учился в школе и умел писать. Изящным почерком он записал мне то, что говорил в темноте, и объяснил, что я должен передать такой же текст тому, кто получит после меня обоих стражей. На клочке бумаги я прочитал:

«Ко ау Ко Кон-Тики хе Атуа Хива Хуа вири маи те и Ку уру атуа на Ки те Канга Эину Эхорайе Эхити Ка пура Эураурага те Махинае. Ка еа Коруа Какаи Кахака хоа ите уму моа ите уму кокана оте атуа хива.

Ко Кон-Тики мо хату О Ко иа То коро Ва Ка Тере Ко хахо Когао Вари оне ана Кена О Те Атуа Хива Ко Кон-Тики».

Дословного перевода Эстеван сделать не смог, но в общем содержание текста заключалось в том, что я, человек из внешнего мира, прибыл сюда со своими спутниками, здесь я позаботился, чтобы четверых а ку - а ку по имени Эину Эхорайе, Эхити Ка пура, Эураураго и Махинае накормили потрохами петуха, зажаренного в земляной печи перед входом в пещеру О Ко иа, пока мое судно качивалось на волнах, стоя на якоре у песчаного берега Анакены.

Я понял, что обряд с потрохами Эстеван и его жена уже выполнили от моего имени перед входом в родовую пещеру.

Через два дня мы с доктором, использовав первую возможность, отправились в деревню и, никем не замеченные, вошли в домик Эстевана. Маленький стол, уставленный цветами, две табуретки и две скамейки составляли всю обстановку; за занавесом у одной из стен угадывалась кровать. Все было выкрашено в белый и голубой цвет и производило впечатление ослепительной чистоты.

Из-за занавеса вышла жена Эстевана, настоящая красавица. Бледная, стройная, с длинными черными волосами и умными серьезными глазами, она держалась скромно и спокойно. Эта молодая босая женщина с осанкой королевы держалась уверенно, когда здоровалась с нами. Она плохо говорила по-испански, и Эстеван переводил, когда мы не понимали друг друга. Они извинились, что не могут предложить нам стульев, но мы с удовольствием присели на скамейки.

Я смотрел на скромную молодую женщину, которая села, сложив руки на коленях. Не такой представлял я себе волевою женой Эстевана, я рассчитывал увидеть настоящую амазонку. На все свои вопросы врач получал четкие и спокойные ответы. Оказалось, что у нее женская болезнь и вылечить ее будет нетрудно, если она согласится лечь в местную больницу.

Эстеван сам заговорил о пещере. С тем же спокойствием и уверенностью, мягко и тихо отвечала его жена и на мои вопросы. Отец ее предупредил: если посторонний проникнет в родовую пещеру, кто-нибудь из близких умрет. Умирать она не хочет и не желает, чтобы что-нибудь случилось с Эстеваном. Поэтому она не может взять меня с собой в пещеру. В этом она была совершенно непоколебима. Эстеван с огорченным видом добавил, что когда он пытался уговорить ее в прошлый раз, она проплакала двое суток. Я понял, насколько серьезно она все воспринимает, и решил отступить.

Я спросил, не сфотографирует ли она пещеру, если мы научим ее, как это сделать. Нет, она не может, ведь тогда посторонние все-таки увидят пещеру, объявленную т а б у.

Итак, полное разочарование. Не питая уже никакой

надежды, я спросил, не может ли она принести сюда содержимое пещеры, чтобы мы сфотографировали фигурки у нее дома. К моему удивлению, она, ни секунды не колеблясь, согласилась. Фигурки мы можем сфотографировать. Я еще более удивился, когда Эстеван предложил ей временно положить все камни в другую пещеру у них в саду; последняя также имела тайный вход, но не была объявлена т а б у, поэтому я мог там фотографировать. Она тотчас согласилась и на это, но отказалась принести в сад двух оставшихся у них стражей. Хозяева искренне расстроились, когда я покачал головой и объяснил, что пещера в саду не представляет для меня интереса, если я не увижу настоящей родовой пещеры. В конце концов мы договорились, что они принесут фигурки сюда и сообщат мне об этом.

Поблагодарив, я спросил, сделаны ли эти фигурки ее отцом. Она ответила, что он лишь помогал в работе над некоторыми из них. Почти все фигурки сделал ее дед, получивший при введении христианства имя Раймунди Уки. Умер он ста восьми лет от роду. Она помнит, как он работал, обучая отца; сама она была тогда совсем маленькой девочкой. Ей рассказывали, что сначала деду помогал своими «советами» прадед. Она не знает, когда в пещере начали хранить фигурки, но некоторые вещи в ней должны быть очень старинными, хотя большая их часть попала туда, когда жив был дед.

Теперь мы знали, что по крайней мере одна из загадочных пещер на острове представляет собой нечто живое, действующее, а не замурованный склад или мертворожденную сокровищницу эпохи первых междоусобных войн. Пещера жены Эстевана была, возможно, последней из действующих, и она же была первой, чье содержимое попало в чужие руки. Но когда молодая пара закрыла за нами дверь и мы очутились ночью на улице, я понял, что именно эту пещеру мне никогда не доведется увидеть.

Глава VIII

В ТАЙНЫЕ ПЕЩЕРЫ ОСТРОВА ПАСХИ

Однажды на закате мы с Ласарусом верхом возвращались в лагерь из карьера Рано Рараку. Мы ехали по древней, заросшей травой дороге. Позади остался вулкан, багряный в лучах вечернего солнца, впереди раскинулась каменная равнина, на которую ложились все более длинные тени. По морю и небу разливалась вечерняя тишина; куда ни кинешь взгляд — все вокруг тихо и спокойно. Мне снова почудилось, что мы находимся где-то на луне

Когда я остановил лошадь и обернулся, я заметил неожиданно выросшую позади нас фигуру всадника. Длинный, бледный и худой, он устремил на нас мрачный, как сама смерть, взгляд. Неизвестный бесшумно остановился в тот самый миг, что и мы, но стоило тронуться нам, как третья тень следовала за нами по пятам. Было что-то таинственное как в самом человеке, так и во всем его поведении. Ласарус шепнул мне на ходу, что за нами едет брат звонаря. Накануне он сказал Ласарусу, что если тот устроит его ко мне на работу, он готов работать бесплатно. От таких слов он стал в моих глазах еще более загадочной фигурой, и я не испытывал никакого желания принимать этого мрачного человека к себе на работу.

Всю дорогу чувствовал я обращенный на меня сза-

ди взгляд. Человек не приближался к нам, если мы замедляли ход, но стоило нам прибавить шаг, как он делал то же самое. Уголком глаза я видел тень лошади и длинного тонкого всадника; километр за километром преследовал он нас до самого лагеря, но тут солнце скрылось за холмом, все тени слились воедино и превратились в ночь.

Ласарус полагал, что нашего разговора всадник не слышал. Я рассказывал ему, что когда-нибудь окажется возможным с помощью специального аппарата определить, где под землей скрыты тоннели и тайники. Мои слова произвели на Ласаруса сильное впечатление. По дороге в лагерь он показал мне ряд мест, где должны быть под землей пещеры, и выразил надежду, что такой аппарат принес бы пользу. Он с тревогой объявил, что первый, кто привезет на остров такой аппарат, может разбогатеть, не выходя даже за границы селения: где-то между северной его окраиной и побережьем есть под землей тайная пещера длиной в триста метров, которая принадлежала одному из последних королей. Человек, нашедший однажды эту пещеру, вынес оттуда лишь несколько огромных наконечников от копий, но а ку-а ку начали его кусать и колоть каждую ночь, пока он не скончался.

Выбравшись на другое утро из палатки, я сразу же заметил ночного незнакомца. Он неподвижно лежал на траве около самой палатки, но по другую сторону веревочной изгороди и тарачил на меня глаза. Полицейских Николаса и Касимируса не было — никаких краж в лагере больше не случалось, и охрану давно сняли. Весь этот день я чувствовал, что тощая фигура ходит за мной, как преданная собака, все время на расстоянии, ничего не предпринимая, не произнося ни слова. Когда спустилась ночь и все в лагере улеглись спать, я увидел его сидящим в темноте на каменной стене около моей палатки.

В ту ночь на остров обрушился страшный ливень. Островитяне были в восторге: запасы воды в деревне совсем иссякли, и им приходилось совершать за ней утомительные прогулки в пещеры и на болото большого кратера. Ну, а теперь вода в самый разгар за-

сухи лилась потоками, и для жителей острова это было признаком «хорошего счастья».

У нас же в лагере был настоящий потоп. После того как ливень утих, по проложенной «виллисом» колее с пригорка обрушился бурлящий шоколадный поток и превратил весь лагерь в настоящее озеро.

Я проснулся, услышав, как Анетта восторженно кричала по-полинезийски: «Смотри, мама, смотри!» — и, сияя от радости, показывала на свой горшок, который начал двигаться, описывая круги между полевыми кроватями. Меня же происходящее далеко не радовало, особенно потому, что в воде оказались наша одежда, чемоданы и все имущество. Снаружи клокотал бурлящий поток, и теперь я начал различать доносившиеся из палаток смех и проклятия. Крыша кухни обрушилась, и подставки для примусов наполнились водой, как настоящие тазы, а вокруг плавала всевозможная еда. Кок и стюард стояли среди каши из муки и сахара и ломом рубили в полу сток, чтобы отвести воду в песок, фотограф спасал пленку и аппаратуру, переноса ее на кровать, а моряки вычерпывали воду из своих палаток кувшинами и ведрами, словно находились на тонущем корабле. Мы быстро прорыли в дороге канаву, сделали запруду и отвели поток в сторону.

В разгар хаоса из своей ничуть не пострадавшей от дождя пещеры пришли длинноухие из бригады старосты и, сияя от радости, стали меня поздравлять: это «хорошее счастье», теперь на острове надолго хватит воды и для людей и для скотины. Даже капитан был доволен и сообщил с судна, что они собрали там несколько тонн дождевой воды. Цистерна для пресной воды за одну ночь наполнилась до краев. Дождь ослабил ветер и положил конец волнению на море, которое в последнее время постоянно беспокоило нас.

А в пещере длинноухих лежал человек и корчился от страшной боли. В ту бурную штормовую ночь он пошел в свою родовую пещеру и в первый раз принес оттуда камни. О его болезни я узнал лишь поздно ночью на следующий день, когда мы возвратились с доктором из домика Эстевана и его жены. Было уже далеко за полночь. Прежде чем войти в палатку, я ре-

шил немного полюбоваться на силуэт только что поставленного гиганта на фоне сверкающего звездного южного неба. Неожиданно из темноты вынырнул Ласарус, и по выражению его лица я понял, что случилось что-то неладное. Он рассказал, что брат звонаря, тот самый худой всадник, лежит при смерти в пещере Хоту Матуа. Не может ли доктор поехать туда?

Мы тотчас пошли за доктором, который уже собирался залезть в спальный мешок, и все трое поскакали в пещеру. Больной, рассказал мне по дороге Ласарус, признался ему, что имеет пещеру; в последнюю ночь он был там во время сильного ливня, принес много фигурок и спрятал их в мешке среди больших камней на пригорке недалеко от Анакены. Но утром он вдруг почувствовал недомогание, а к вечеру ему стало хуже. Сейчас он лежит, согнувшись пополам, и жалуется на страшную боль в животе. Больной сообщил Ласарусу, где спрятан мешок, и попросил отнести его мне, если он умрет.

В пещере вдоль и поперек лежали, пытаюсь уснуть, люди. Больной находился в глубине и был смертельно бледен. Щеки у него впали, он стонал и тяжело дышал. Островитяне, широко раскрыв глаза, глядели, как врач со всех сторон осматривал костлявое тело и совал больному в рот таблетки. Доктор съездил в лагерь, привез новых лекарств, и к утру больной начал успокаиваться, видно, боль и опасность миновали.

Когда мы, наконец, покинули пещеру, больной почувствовал себя уже настолько хорошо, что вскоре после нашего ухода выбрался наружу и исчез в темноте. Он напрямик отправился на пригорок, нашел мешок, отнес его в пещеру и второпях водворил все фигурки на место, чтобы спасти себя от гнева и кары а к у-а к у. Почувствовав облегчение, он с пустыми руками возвратился в деревню и рассказал друзьям, что был на волоске от смерти; по словам же доктора, у него были всего лишь сильные колики в животе.

Бледный брат звонаря явился и исчез, как падающая звезда в ночном небе, но исцеление умирающего и ливень произвели на всех обитателей пещеры сильное впечатление. Возвратившись под утро домой, я об-

наружил у себя на кровати каменную голову с оскаленной пастью. Это была голова зверя из семейства кошачьих величиной с голову льва или пумы. Я зажег спичку и заметил, что Ивонна лежит с широко раскрытыми глазами. Она сказала, что голову зверя только что просунул в палатку какой-то островитянин; ей кажется, это был младший брат старосты.

Ивонна не ошиблась. На следующий день ко мне в палатку пришел человек с усиками и большими оленьими глазами — тот самый с золотым сердцем, что вместе со мной, старостой и Ласарусом перевернул первый камень с изображением кита. Ласарус, отделившийся теперь от своих страхов, давно уже пытался вдохнуть мужество в маленького Атана, который признался ему, что тоже имеет пещеру. Атан даже рассказал, что хочет попросить у своего старшего брата, старосты, разрешения принести что-нибудь из пещеры сеньору Кон-Тики.

Выглянув несколько раз из палатки и убедившись, что никто его не подслушивает, Атан стал откровенно рассказывать все, что знал. Он чистокровный длинноухий. Всего их четыре брата: старший, староста Педро Атан, является их главой, далее следуют Хуан Атан, Эстефан Атан и, наконец, он сам, по имени Атан Атан и по прозвищу Харе Каи Хива, в честь одного из предков. Отец их был человек богатый и наделил каждого из братьев пещерой. Атан, как самый младший, получил самую маленькую пещеру, она содержит всего шестьдесят скульптур. Будучи младшим в семье, он не имеет даже представления о пещерах старших братьев, тогда как своей собственной без них распоряжаться не может. Атан получил эту пещеру от своего отца, отец — от Мариа Мата Поепое, тот, в свою очередь, унаследовал ее от Атамо Уху, а последний получил ее от Харе Каи Хива, создателя скульптур. Я вспомнил имя Харе Каи Хива по родословной таблице старосты: он был прямым потомком Ороройны.

Я спросил, какому зверю принадлежит принесенная им голова. Он как-то неуверенно ответил, что это

голова морского льва; такие львы появляются иногда у берегов острова.

— Разве у них есть уши? — возразил я.

— Нет, конечно, но кто знает, может быть, когда Харе Каи Хива делал свои фигурки, морские львы выглядели иначе?

Атана очень расстраивало, что в будущем люди смогут с помощью «машины» обнаружить его пещеру, об этом ему рассказывал Ласарус. Если бы только позволили братья, он предпочел бы разделаться со всеми камнями; он добрый христианин и считает, что лучше всего возложить ответственность за них на музей.

Атан Атан — человек с открытой и искренней душой, и повлиять на него было нетрудно. Он сам во многом убедился и не нуждался поэтому в особых уговорах.

Через три дня он пригласил меня вечером в свой небольшой простенький домик на окраине деревни. Он сообщил мне шепотом, что старая тетка Таху-таху и двое старших братьев — Педро и Хуан — не возражают, чтобы он передал пещеру в мое распоряжение; оставалось уговорить лишь старшего брата Эстевана Атана, и в этом я сам должен ему помочь. Атан пошел в соседний дом за братом, и я остался один при свете стеариновой свечи.

Когда они вернулись, я заметил, что вижу этого человека впервые: из братьев Атан лишь он не работал для экспедиции. Атан простодушно сообщил мне, что брат руководит той группой островитян, которая построила лодку, намереваясь, как только наше судно покинет остров, отплыть на Таити. Тот несколько смутился, но признал, что это так. Он, правда, никогда не был в море, но местные старики рассказали ему все, что надо знать о звездах, и он ясно представляет себе, как держать курс в океане. Значит, он будущий капитан, и все в деревне знали, что он только ждет случая удрать на Таити.

Эстеван Атан — необыкновенно красивый парень лет тридцати с лишним, стройный, с тонкими решительными губами, открытым взглядом. Как и другие

братья, он совершенно не похож на местного жителя, и ничем не выделялся бы на улице любого города Северной Европы. И все же он был настоящим длинноруким, прямым потомком Оророины. Эстефан, или «деревенский капитан», оказался человеком любознательным; он принялся расспрашивать меня о путешествии на плоту «Кон-Тики» и о том мире, который лежит за горизонтом.

Лишь поздно ночью Атану удалось повести речь об их роде и пещерах, и все прошло вполне гладко. Под утро выяснилось, что сам «деревенский капитан» имеет в своей пещере около ста скульптур, когда-то там хранился даже небольшой кофейного цвета кувшин из и пу маенго, но он разбился. Самым замечательным из всех его сокровищ была «книга» с письменами ронго-ронго на всех страницах. Кроме хозяина, никто из жителей острова этой книги не видел.

Я узнал также, что всеми пещерами в семье командует старая тетка Таху-таху; это настоящая ведьма, она якшается с дьяволом У тетки есть очень важная пещера, когда-нибудь она достанется их двоюродному брату. Ко мне старая Таху-таху относится дружелюбно: она получила от меня отрез черной материи на платье и другие подарки, когда была в Анакене и плясала для длинноруких.

Через несколько дней начались волнующие события. Сначала до лагеря дошли слухи, что у маленького Атана заражение крови и его положили в местную больницу. У меня сердце оборвалось: он непременно увидит в этом наказание за то, что вынес из пещеры каменную голову. Вскоре Ласарус сообщил, что сельский врач разрешил Атану палец, и операция прошла удачно, больному сопутствовало «хорошее счастье». Затем мне передали в весьма туманных выражениях восточку о том, что Атан ждет меня в своей хижине.

Стараясь не привлекать внимания, я поздно вечером отправился на «виллисе» к отцу Себастьяну. Выслушав мой рассказ, он страшно заинтересовался: увидеть одну из тайных пещер, о которых он столько слышал и которые считал затерянными, было его самым сокровенным желанием. Но отец Себастьян пони-

мал, что бессмысленно пытаться пойти туда вместе с нами, и я пообещал, что как только что-нибудь увижу, тотчас же ему сообщу. Он просил заходить в любое время ночи, если я буду поблизости.

Последний отрезок пути от дома отца Себастьяна до дома Атана я спускался на ощупь по проулку и каменистому склону, двигаясь в крошечной тьме вдоль каменной ограды. Обнаружив калитку, я вошел внутрь и постучал в низкую деревянную дверь. Атан с забинтованной рукой слегка приоткрыл дверь, пропустил меня внутрь и плотно ее затворил. Мы присели друг против друга за маленький столик, на котором стояла зажженная свеча. Под скатертью что-то лежало, и когда Атан снял ее, я увидел на столе мертвую голову. Оскаленные зубы, торчащие скулы, глубокие темные глазные впадины и ноздри — все как у настоящего черепа, хотя эта зловещая скульптура была из камня. На макушке два загадочных чашеобразных углубления шириной с ноготь большого пальца руки.

— Пожалуйста, — сказал Атан, показывая на мертвую голову. — Это «ключ» к пещере, теперь она твоя.

Я был ошарашен и не знал, как себя вести. Атан был возбужден не меньше меня, но прежде чем я успел сказать какую-нибудь глупость, он показал на два маленьких углубления на черепе и объяснил, что там лежали истолченные в порошок кости а к у-а к у — любой, кто дотронулся бы до этого «ключа», нашел бы здесь свою смерть. Но старая Таху-таху сходилла в пещеру, осторожно высыпала порошок, и теперь мне нечего бояться. Все время называя голову «ключом», Атан сказал, чтобы я положил ее себе под кровать, а когда через два дня мы вместе пойдем в пещеру, захватил «ключ» с собой.

Я никогда не забуду этой картины: в комнате мерцает свет, за столом сидит Атан, а рядом лежит серая мертвая голова. Когда я взял в руки ставшую теперь моей скульптуру и увидел на стене наши тени, мне стало как-то не по себе. Свет был слабым, а голоса наши еле слышны. По временам снаружи раздавался цокот копыт проезжавших мимо одиноких всадников. Как много событий происходит по ночам в деревне!

Атан очень просил, чтобы в тот день, когда мы поедем ночью в пещеру, я пригласил его откусать за «хорошее счастье» к у р а н д о. Когда я спросил, нельзя ли нам взять с собой в пещеру еще одного человека, он вначале решительно воспротивился, но, подумав, сказал, что, поскольку пещера теперь моя и я все равно намерен вынести оттуда все фигурки, от такого визита большого вреда не будет. Когда же я сказал, что хочу взять с собой Эда, он совсем успокоился. Брат его Хуан работал у Эда на раскопках в Оронго и рассказал, что тот хороший человек. Но «трое» — число несчастливое, и Атан возьмет тогда с собой своего брата Эстевана, «деревенского капитана». Я сумел добиться разрешения прихватить с собой и фотографа, но тогда, сказал Атан, и ему придется взять с собой еще одного из своих людей, чтобы нас было шестеро — счастливыми считаются числа «два», «четыре» и «шесть». Но он очень просил никого больше не брать, иначе, сами того не желая, мы можем рассердить а к у - а к у, стража этой пещеры.

И вот наступил великий день. Наш капитан поехал в деревню и привез Атана, его брата — «деревенского капитана» — и их молодого приятеля Энлике Теао. Последний все время работал в возглавляемой старостой бригаде длинноухих.

В лагере уже пообедали, столовая была свободна, и стюард подал нам холодные закуски. «Деревенский капитан» тихонько попросил меня ради «хорошего счастья» сделать сегодня небольшие подарки его брату Атану и тетке Таху-таху, которая согласилась на передачу пещеры. Сегодня рано утром она сама зажарила курицу для а к у - а к у около входа в пещеру.

Мы сели за стол. Первым долгом островитяне прекрестились и тихо прочитали небольшую застольную молитву. Атан посмотрел на меня невинными глазами и объяснил, что это «о т р а к о с а а п а р т е», совсем другая вещь. Затем, нагнувшись над столом, он шепнул, что, прежде чем взять себе еду, каждый из нас должен повторить вслух по-полинезийски:

— Я длинноухий из Норвегии. Я ем из норвежской земляной печи длинноухих.

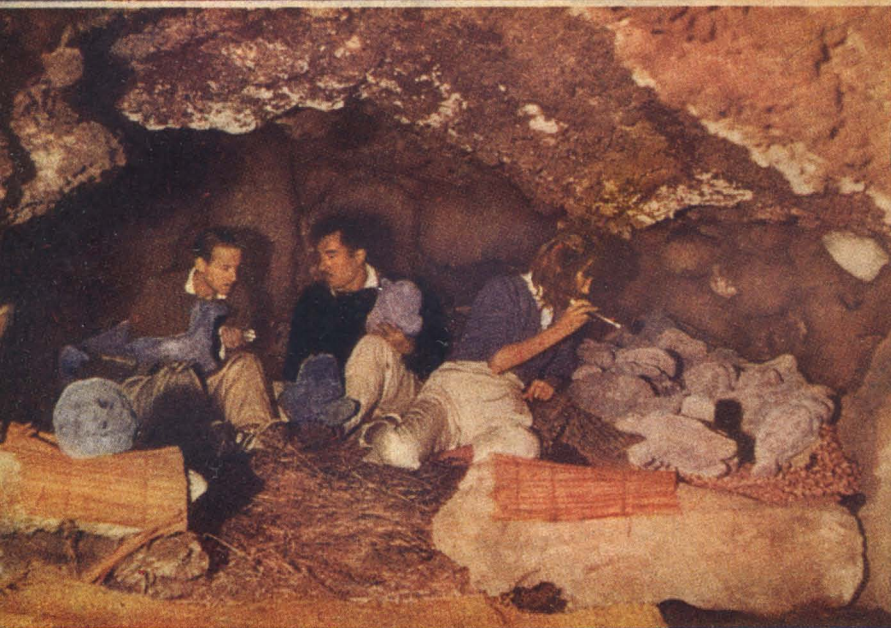

Из тайных родовых пещер были извлечены самые удивительные фигурки, которых никто прежде не видел, кроме их законного наследственного владельца. На фото видны: животное с головой человека; лицо с бородой; кит, покоящийся на шести шарах, на спине его помещены камышовый домик и типичный для острова Пасхи очаг; женщина, держащая за плечами на веревке рыбу; голова в профиль.

На развороте страницы: опираясь животом о груды камней, фигура передвигалась вверх и в сторону, пока не встала на свое прежнее место на пьедестале. Двенадцать человек, орудуя камнями и жердями, выполнили эту работу за восемнадцать дней.

В е р х у: тайная родовая пещера. Атан Атан с полученными им в наследство фигурками в подземной пещере, потайной вход в которую был заложен каменными плитами, засыпан землей и зарос сверху травой. **В н и з у:** глубоко под землей находится частная сокровищница Энлике. Вдоль стен разместились тут причудливые скульптуры.

Когда все по очереди произнесли эти слова, мы шепотом продолжали беседу. Лишь тут я догадался, что мы кушали в честь а ку-а ку, которые должны были удостовериться в родстве между нами. Атан, как я внал, не утверждает больше, что древние жители острова были выходцами из Австрии; теперь он и остальные длинноухие убеждены в том, что по крайней мере их собственный род происходит из Норвегии. Особенно веским аргументом в пользу такого предположения служил матрос-верзила с огненно-рыжими волосами из экипажа нашего судна. Сейчас, во время трапезы, а ку-а ку были, очевидно, посвящены в несколько запутанную тайну родства.

В столовую зашел по делу Эд, и я спросил, нельзя ли ему присоединиться к нашей трапезе ради «хорошего счастья», ведь он тоже пойдет с нами в пещеру. Ему пришлось повторить по-полинезийски с явным американским акцентом, что он тоже длинноухий из Норвегии и ест из норвежской земляной печи длинноухих. Затем мы продолжали есть молча, а если что-нибудь произносили, то только шепотом. Разговор наших гостей о пещерах и духах был нам настолько же непонятен, насколько для них были непривычными наши закуски. Атан с жадностью схватил нож для резания сыра и наложил им себе масла, а ломтики лимона положил не в чай, а на хлеб, но все это, видно, пришлось ему очень по вкусу. Наевшись до отвала, островитяне пошли отдохнуть в свободную палатку: в наш тайный поход мы можем отправиться лишь ночью, и для отдыха оставалось еще много времени.

Часа через два после наступления темноты Атан окликнул меня и сообщил, что пора идти. По его серьезному и торжественному виду можно было заключить, что предстоящая смена владельца пещеры была в его глазах важным событием. Я пошел к себе в палатку и попрощался с Ивонной. Вытащив из почтового мешка под кроватью каменную голову с углублениями на макушке, я и сам почувствовал, будто отправляюсь в дальнее и необычное путешествие. Как пользоваться этим магическим «ключом», я не знал, а рассказать мне об этом никто не мог. Я первым из людей держал

в руках такой камень, не считая тех, кто унаследовал здесь на острове эту тайну. Ивонна вручила мне полную сумку подарков для старой Таху-таху; я вышел на улицу и предупредил Эда и фотографа, что пора трогаться.

Нам предстояло проехать на «виллисе» мимо овцеводческой фермы, уединенно расположенной в горах в центре острова, а затем на полпути между этой фермой и деревней выйти из машины и продолжать путь пешком. В целях маскировки мы навалили в багажное отделение узлы с грязным бельем, и капитан отвез нас на ферму в Ваитеа. Здесь он остановил машину и передал белье для стирки Аналоле, управительнице фермы, которая вместе с несколькими своими подругами взяла на себя стирку белья для экспедиции; здесь находился единственный на острове водопровод, берущий воду из заросшего кратера вулкана Рано Арои.

Эд, трое островитян и я сели в машину, фотограф за руль, и мы отправились дальше. Когда мы выехали из лагеря, небо было звездным, а сейчас вдруг хлынул ливень. Атан, с серьезным и сосредоточенным видом сидевший на ящике с инструментами между мной и фотографом, забеспокоился и шепнул мне, что надо заручиться «хорошим счастьем». Я расслышал, как «деревенский капитан» мрачно буркнул Эду, что ветер как будто меняется. Наши спутники-островитяне были так возбуждены, что по их мрачному тону я не мог с достоверностью определить, были ли они чем-то обеспокоены или их просто угнетала серьезность момента. Я лишь страшно боялся, что случится какое-нибудь непредвиденное событие и они откажутся от своей затеи в самый последний момент. У меня еще свежа была в памяти история с братом звонаря. Сидевшие сзади Эд и двое островитян не обмолвились больше ни единым словом. Фотограф же хранил молчание в силу необходимости: он все равно не понимал ни по-испански, ни по-полинезийски и с местными жителями мог объясняться лишь с помощью мимики и жестов.

Неожиданно он остановил машину и вышел проверить колеса. Братья Атан до смерти перепугались и

стали спрашивать, в чем дело. Я успокоил их, сказав, что все в порядке. Было очевидно, что оба очень нервничают, опасаясь всевозможных примет и знамений. Сам я панически боялся, что с «виллисом» что-нибудь стряется. У фотографа был озабоченный вид; не понимая, о чем мы говорим, он стал жестами объяснять, что машина, видно, идет только на трех цилиндрах.

Но вот «виллис» двинулся с места, прыгая по глупокой и извилистой колее, и над нами в разрывах несущихся по небу ночных облаков засверкали звезды. Оба брата продолжали сидеть в напряженных позах, явно нервничая. Когда мы доехали до места, где должны были остановиться, Атан неожиданно изменил программу и сказал, что лучше ехать прямо в Хангароа и подождать у него дома, пока все в деревне не заснут.

Когда мы приблизились к деревне, он снова изменил свое решение — а к у-а к у сказал ему, чтобы мы ехали не к нему, а в дом брата. Включив фары, мы пересекли деревню, свернули, не доезжая церкви, к берегу и проехали немного вдоль каменной ограды на другом конце деревни. Здесь Атан попросил остановиться и выключить фары. Начал накрапывать дождь. Энлике Теао остался присматривать за машиной, остальные перелезли через ограду и пошли по большому открытому каменистому полю. Идти в темноте было трудно — вокруг валялось множество мелких кусков лавы. Самого старшего из нас, фотографа, Атан просил опереться на его плечо, чтобы не упасть и не вывихнуть ногу. Эду он несколько раз шепнул, что друзья Атана могут спокойно идти по его земле: у Атана доброе сердце, и а к у-а к у заботится, чтобы с людьми на его поле ничего не случилось. О себе он простодушно добавил, что всегда добр, дает пищу тем, у кого ее нет, всегда внимает мольбам о помощи. Поэтому а к у-а к у им доволен.

Посреди каменистого участка стоял маленький побеленный домик. «Деревенский капитан» несколько раз осторожно постучал в дверь и окно, пока не разбудил, наконец, жену. Дверь открыла строгая полинезийская красавица лет тридцати с лишним. Вдоль ее прекрасной фигуры ниспадали длинные черные как смола

волосы. «Деревенский капитан», чистокровный длинноухий, нашел среди короткоухих достойную продолжательницу рода.

К маленькому столику посреди комнаты придвинули две скамьи. Двигаясь бесшумно, словно тень, крапива жена поставила на столик огарок свечи. Хозяин принес из соседней комнаты плотный бумажный мешок из-под цемента, осторожно вынул из него толстую без обложки тетрадь и положил на освещенный столик. Это была обычная чилийская ученическая тетрадь с желтыми поблекшими страницами, но использовалась она совсем для иных целей. На всех страницах мы увидели значки ронго-ронго, маленькие, изящно нарисованные фигурки птице-человеков и другие загадочные символы, столь хорошо нам известные по редким письмам острова Пасхи.

Листая тетрадь, мы обнаружили, что отдельные страницы содержат лишь ряды совершенно непонятных иероглифов, тогда как другие сделаны в виде словаря с переводом каждого отдельного знака. Символы ронго-ронго были нарисованы вертикально друг под другом с левой стороны страницы, а справа от каждого знака стоял перевод на полинезийский диалект острова Пасхи, написанный неуклюжими латинскими буквами. Все, кто сидел за столом и смотрел при свете свечи на пожелтевшую тетрадь с письмами ронго-ронго, словно онемели. Было ясно, что перед нами не фальшивка, изготовленная хозяином тетради. Но если человек, нарисовавший эти загадочные знаки, действительно владел тайной письменности ронго-ронго, то эта простая, без обложки тетрадь представляла собой огромную ценность и открывала невиданные перспективы толкования древней неразгаданной письменности острова Пасхи.

Я обратил внимание на дату «1936», написанную на одной из страниц, и спросил хозяина, где он достал эту чудесную тетрадь. Он рассказал, что ему передал ее отец за год до своей смерти. Хотя отец не знал ни письменности ронго-ронго, ни современного алфавита, тетрадку сделал все же он — тщательно скопировал ее со старой книги, которую, в свою очередь, со-

ставил его отец и которая пришла в полную ветхость. Дед хозяина был человек ученый, умел петь ронго-ронго и вырезать эти знаки на деревянных дощечках. В то время несколько островитян умели писать, они обучились грамоте, находясь в рабстве в Перу. Один из них помог старику, владевшему секретом ронго-ронго, записать значение древних священных знаков, которые начали совсем забываться молодым поколением острова, после того как большинство островитян, умевших читать ронго-ронго, было увезено в рабство и там погибло.

Атана и красавицу жену Эстевана тетрадь с ронго-ронго поразила не меньше, чем нас самих. Эстефан с гордостью заявил, что не показывал ее еще ни одному человеку. Он хранил тетрадь в своей пещере в бумажном мешке и лишь изредка вынимал ее, когда хотел вспомнить отца. Он решил сделать новую копию, пока тетрадь еще не истребалась, но убедился, что срисовать маленькие значки с сорока одной страницы — адский труд. Я сказал, что если одолжить тетрадь нашему фотографу, тот может сделать ему точную фотокопию, и Эстефан в конце концов нехотя на это согласился*.

Была уже глубокая ночь, и я спросил, не пора ли трогаться в путь. Хозяин ответил, что идти еще рано, он знает, когда будет одиннадцать часов, — в этот час замычит какая-то «определенная корова». Никакой коровы я не услышал, но тем не менее мы вскоре вышли из дома. Черноволосая хозяйка взяла свечу и проводила нас до дверей. Пока мы пробирались по каменному полю, Атан вновь заботливо помогал фотографу, и скоро мы очутились около «виллиса». Энлике, которому надлежало нести охрану, спал как убитый, навалившись на руль. Растолкав его, мы поехали дальше в сторону колонии прокаженных, но вскоре свернули

* Тем самым удалось сохранить для будущего бесценное содержание книги, ибо случилось так, что сразу после нашего отъезда «капитан» покинул остров и судьбы его никто не знает. Может быть, книга осталась лежать в пещере, тайный вход в которую знал только он, может быть, она уплыла в море вместе со своим владельцем (*Прим. автора*)

𐌲𐌶	hehaga hite hurega	𐌲𐌶	hoga pa ia hōa
𐌲𐌶	huania a rurea	𐌲𐌶	tagala, ma uahi
𐌲	kaka rava	𐌲𐌶	ite maua, huku, ahi,
𐌲	huanhuni tegutu	𐌲𐌶	mata e
𐌲𐌶	kani taua,	𐌲𐌶	huan vero, hohite mata.
𐌲𐌶	hoia rurea.	𐌲	ma i tae, oho mai
𐌲	hova re	𐌲𐌶	havi rietakae.
𐌲𐌶	hometu, aia	𐌲	hite u
𐌲𐌶	hehaga. hite mea ke	𐌲	ho
𐌲𐌶	hehana, topa hia mai	𐌲𐌶	kerima i tuga ite ruoko
𐌲𐌶	huan ooteure, ote vana.	𐌲𐌶	hōra hōia ta hua hāi hite taua
𐌲	erua oona. ma ea hite ruoko.	𐌲𐌶	heho hēhōi.
...	hehōk hōi.	𐌲	hite i ho.
𐌲𐌶	hōhō hua.		
𐌲𐌶	hagua, maori ote hōhōu,		
𐌲	hehōni. motu ite hōhōu.		
𐌲	ho maori, ite hōhōu.		
𐌲𐌶	hahōru, maori ote hōhōu.		
𐌲𐌶	haha, maori, ote hōhōu,		
𐌲𐌶	gahōni reo riva riva, mo hāi ite hōhōu.		
𐌲	hā mai tahi, hōe. eropa e.		
𐌲𐌶	hā mai, tahi te hōru, ote hōhō		

на протоптанную скотом тропу, ведущую в глубь острова. Было темно, никакой дороги здесь не было, и Атан, как регулировщик движения, показывал вытянутой рукой, куда ехать дальше по этой непроезжей местности. Белая тряпочка на указательном пальце — единственное напоминание о перенесенном заражении крови — хорошо видна была в темноте и служила отличным указателем дороги. Через полчаса, когда мы оставили позади Пуна Пау с карьером, где когда-то изготовлялись пукао, Атан подал знак остановиться. Все шестеро вышли из машины, с удовольствием разминая ноги. Окутанная мраком спящая деревня осталась далеко позади. Дождь кончился, и звезды постепенно отблуживали у туч небо. «Деревенский капитан» взглянул вверх и прошептал, что раз дождь кончился, значит с нами «хорошее счастье». Эта реплика со стороны жителя острова Пасхи в самый разгар засухи показалась и Эду и мне весьма странной, ведь любой дождь в это время года жители, где бы они ни находились и что бы они ни делали, встречали с величайшей радостью. Маленький Атан тут же добавил, что он уверен — все пройдет хорошо, ведь у его тетки Тахутаху есть большая сила магии. Она не только рассказала ему, как себя вести, но и приготовила все, что надо, в земляной печи около пещеры.

Прежде чем идти дальше, предстояло перелезть через высокую и шаткую каменную стену. Атан взял у фотографа всю аппаратуру и заботливо ему помогал. Я до смерти боялся, что кто-нибудь свалится со стены и это будет воспринято как недоброе предзнаменование. Но мы удачно перебрались на ту сторону и попали на узкую малозаметную тропинку. Атан просил меня идти впереди и осторожно светить фонариком под ноги. Через некоторое время проклятый фонарь потух, и мне пришлось остановиться. Оба брата страшно испугались и, нервничая, спросили, в чем дело. Я пытался их успокоить и, поковырявшись в фонаре, пока лампочка вновь слегка не затлела, пошел дальше. Но они были заметно взвинчены и не могли успокоиться до тех пор, пока фотограф не сунул мне свой фонарик и я опять осветил дорогу.

Тропа петляла по засеянному высокой кукурузой полю. Иногда попадались голые каменистые участки. Место это, как мне потом рассказал Атан, называется Матамеа, что на языке островитян обозначает планету Марс. Я все время старался не терять ориентировки, но ночь была черной и лишь очертания трех круглых холмов виднелись на фоне звездного неба — один впереди, два других справа.

Шесть человек безмолвно двигались в ночной темноте. Какой странный поход, как причудливо сплелись прошлое и настоящее!

Я шествовал впереди. В переброшенной через плечо дорожной сумке лежала принадлежавшая «деревенскому капитану» тетрадка с письменами р о н г о-р о н г о, а в почтовом мешке норвежского королевского министерства иностранных дел — каменная голова, которую вручил мне Атан. За мной гуськом шли остальные, неся фотоаппаратуру и пустые картонные коробки. Когда мы вышли в открытое поле, поросшее высокой сухой травой, Атан шепнул, что надо остановиться, и попросил меня погасить фонарь.

Его старший брат, «деревенский капитан», отошел шагов на пятьдесят влево и стал в высокой траве спиной к нам. Мы услышали, как он медленно заговорил по-полинезийски. Его спокойный и необычный голос был ясен и мелодичен, звучал довольно громко, хотя говорил он далеко не в полную силу. Впереди него в траве не было ни души — лишь его черная спина вырисовывалась на западе на фоне звездного неба. Атан широко раскрыл глаза и шепнул нам, что брат разговаривает с местными а к у-а к у, желая их задобрить. Возвратившись к нам, «капитан» категорически предупредил нас, что, когда мы сейчас сойдем с тропы, разговаривать следует лишь шепотом, необходимо не улыбаться и сохранять полную серьезность. Затем меня снова попросили идти впереди, на этот раз сквозь высокую траву, в направлении того места, где Эстефан произнес свой монолог. Сухая высокая трава росла довольно редко; когда мы остановились, Эстефан присел на корточки и начал копать руками песок. Скоро мы заметили блестящий зеленый банановый лист,

и я понял, что именно здесь побывала рано утром старая Таху-таху и приготовила так называемую у му, или полинезийскую земляную печь. По мере того как удалялся слой за слоем банановых листьев, они становились коричневыми и дымились ароматным паром; вскоре показались белое мясо зажаренного целиком цыпленка и три картофелины батата, а в ноздри ударил чудесный своеобразный запах, от которого у нас потекли слюнки, а ночь наполнилась непередаваемым очарованием. Пока вскрывали земляную печь, Атан сидел как на иголках и все шире раскрывал глаза. Когда появился цыпленок и выяснилось, что он превосходно зажарился, у него как бы отлегло от сердца. Земляная печь Таху-таху была удачной, нам сопутствует «хорошее счастье».

Мы благоговейно сидели на корточках вокруг земляной печи и вдыхали удивительный запах. Меня потом попросили отломить крошечный кусочек жирной гузки: я должен съесть его один, а остальные будут смотреть. Одновременно надо громко произнести на местном наречии полинезийского языка:

— Хэка и те уму паре хаонга такапу
Ханау еепе каи норуего.

Позднее я убедился, что даже местные жители затрудняются перевести все слова этого древнего изречения. Смысл его состоит в том, что мы должны откусать из норвежской земляной печи длинноухих и приобрести силу мана для того, чтобы войти в пещеру.

Братья по-прежнему явно нервничали, и я, как никогда, старался без запинки произнести не совсем понятную мне фразу. Призвав на помощь все мои познания по анатомии ошипанного цыпленка, я, наконец, нащупал нужную часть у хвоста. Позднее я заметил, что ноги птицы хотя и не отрублены, но почему-то переломаны в суставах и вдавлены в тело, голова и шея прижаты набок, а клюв обрезан у основания. Я вспомнил, как староста однажды сказал мне, что если хочешь убить врага, надо проделать какую-то магическую манипуляцию над клювом курицы. Я отломил крошечный кусочек гузки, положил его в рот и разже-

вал. Очень вкусно. Затем меня попросили взять по кусочку от каждой из трех картофелин батата, они также оказались превосходными на вкус. Во рту осталась круглая куриная косточка. Я не знал, проглотить ли ее или выплюнуть, только бы не совершить оплошности! Я сосал ее до тех пор, пока Энлике не сделал мне знак выплюнуть. Но тут вмешался Атан и попросил меня выложить кость на банановый лист.

Теперь мне велели отломить по кусочку цыпленка и батата для каждого из остальных; все, в том числе и я, который прислуживал, снова повторили сложное изречение. Когда фотограф, не понимая ни единого слова, первым отважился раскрыть рот, я очень волновался, но он пробормотал что-то настолько невнятно, что по крайней мере ничего плохого никто не услышал. Эд отделался тем, что сунул в рот кусок дивной курятины, как только я произнес за него это трудное изречение.

После того как эта часть испытания осталась позади, я подумал о том, ограничивается ли моя доля ароматного цыпленка крохотным кусочком гузки, и искренне обрадовался, когда Атан шепнул, что теперь можно без всяких стеснений съесть ради «хорошего счастья» всего цыпленка. А ку-а ку увидели, как мы едим в их честь, и остались довольны. Никогда я не ел более ароматных и искусно приготовленных цыпленка и батат, чем зажаренные в банановых листьях в земляной печи старой Таху-таху. Старое танцующее привидение оказалось такой волшебницей, что без кулинарной книги и приправ превзошло самого искусного шеф-повара. Да и найдется ли ресторан, где над головой искрится такое звездное небо, на стенах колыхается тень травы, а блюда приправлены чудесным пряным ароматом степного простора и догоревшего костра?

И все же не мы, сидевшие вокруг и уплетавшие цыпленка, были почетными гостями стола. Вся эта церемония устроена в честь и к радости тех гостей, у которых не было желудка, а поэтому и столь лютого, как у нас, аппетита; этим невидимым гостям достаточно было лишь созерцать, как исчезает вкусный цыпленок.

Мне стало искренне жаль а к у-а к у, невидимо присутствовавших во время ночного угощения. Атан прошептал, что время от времени следует кидать через плечо обглоданную кость, приговаривая:

— Ешь, родовой а к у-а к у!

Обращаться к а к у-а к у надлежало полным голосом, а меж собой говорить лишь шепотом. Видимо, лишённые желудка почётные гости плохо слышат, гораздо лучше у них развито зрение.

В разгар еды с жужжанием прилетела отвратительная зеленая муха и всеми шестью лапками уселась на нашу закуску. Я уже хотел согнать этого паразита, но на мгновение заколебался, опасаясь совершить какую-нибудь оплошность, и очень кстати: Атан неподвижно уставился на муху и восхищенно прошептал:

— А к у-а к у поет, это «хорошее счастье»!

По мере того как трапеза двигалась к концу, на душе у него явно становилось веселее. Когда от всей еды осталась лишь часть большой картофелины батата, мне велели раскрошить ее на маленькие кусочки, и разбросать их вокруг — на земле, на банановых листьях, на месте догоревшего костра.

— Теперь,— прошептал Атан,— все готово.

Он поднялся и попросил меня взять «ключ», чтобы открыть им вход в пещеру. Я сгорал от нетерпения. Пройдя всего лишь пятнадцать-двадцать шагов, Атан остановился, и мы присели на корточки. На коленях у меня лежал оскаленный серый череп.

— Теперь спроси своего а к у-а к у, где вход,— неожиданно и чуть не с вызовом прошептал Атан.

Я начал нервничать. Мы находились посреди какого-то поля, плоского, как пол. За исключением трех холмов, черневших подобно далеким силуэтам на фоне звездного неба, вокруг не было видно никаких гор. Где же пещера? Здесь нет ни единого камня, хотя бы величиной с собачью конуру.

— Нет,— ответил я,— я не могу об этом спросить. Нельзя спрашивать о входе в чужие владения.

К счастью, Атан со мной согласился. Он показал на землю прямо у меня под ногами, и я заметил небольшой плоский камень, наполовину засыпанный

песком и увядшей травой, такой же, как и десятки миллионов других камней вокруг. Он шепотом попросил меня наклониться, держа перед собой мертвую голову, и, громко, обращаясь в сторону лежащего на земле камня, сказать:

— Отвори вход в пещеру!

Чувствуя свое идиотское положение, я все же исполнил его просьбу. Держа в руках оскаленный череп, я нагнулся к земле и повторил за ним магический пароль:

— М а т а к и и т е а н а к а х а а т а м а и !

Затем Атан взял у меня из рук каменную голову и попросил «войти». Я очистил от песка и травы указанный им камень; по величине он оказался с кофейный поднос. Я дотронулся — камень подался. Опрокинув его, я увидел в земле зияющую черную дыру, настолько узкую, что пролезть в нее было невозможно. В отверстии виднелись четыре каменные плитки. Я осторожно, чтобы вниз не посыпались песок и трава, вынул их, и отверстие, наконец, оказалось в самую пору для не слишком упитанного человека.

— Теперь входи, — приказал Атан.

Я сел на землю и свесил вниз ноги. В черном отверстии невозможно было что-либо разглядеть; опершись на локти, я стал спускаться вниз, стараясь нащупать ногами дно. Но дна я не обнаружил и по сигналу Атана отпустил руки и полетел в неизвестность. Мне показалось, что я уже испытывал нечто подобное; я вспомнил, как однажды ночью во время войны сидел точно так же, свесив ноги в черную дыру. В тот раз отпустить руки мне приказал сержант, но за спиной был парашют, и я знал, что приземлюсь среди друзей на тренировочном поле в Англии. Но где я приземлюсь сейчас, знал лишь маленький Атан, глядевший на меня своими большими удивительными глазами, а он явно не был уверен в дружелюбии подземных а к у.

Итак, я полетел в темноту, но падал недолго и приземлился на что-то мягкое и пружинящее.

Вокруг кромешная тьма, и я не понимаю, на чем стою. И только прямо над головой можно заметить

в потолке небольшое круглое отверстие, сквозь которое виден ряд тускло мерцающих звезд. Но вот в отверстии показалась черная тень головы и руки, протянувшие мне фонарь. Здесь было неглубоко, я дотянулся до фонаря и зажег его. У меня под ногами блестили два белых черепа, на макушке каждого — грозные наконечники копий из черного обсидиана. На одной из этих скульптур с виска сбегала какая-то ржаво-зеленая полоска. Сам я стоял на толстой циновке из желтого камыша тотора, сплетенной с помощью коры; циновка была такой толстой и мягкой, что казалось, будто стоишь на матрасе. Справа пещера упиралась в каменную стену, и ширина ее в том месте, где я стоял, составляла всего лишь два-три метра; но она продолжалась влево, и там виднелся хаос причудливых лиц и фигур, в упор глядевших на меня отовсюду, куда доходил тусклый свет фонаря. Фигуры, видно, стояли вдоль стен на таких же циновках, как и я.

Только я успел окинуть их беглым взглядом, как Атан протянул мне камень-«ключ», повернулся и осторожно спустил в дыру ноги и нижнюю часть тела. Я заметил, что прямо надо мной вокруг отверстия потолком служат искусственные плиты, но дальше вглубь идет естественный тоннель и с его потолка свисают круглые, как сосульки, натеки застывшей лавы.

Я отполз в сторону, чтобы Атан мог спрыгнуть вниз. Приземлившись на циновку, словно мячик, он первым делом отвесил почтительный поклон обоим черепам, а затем поздоровался с другим черепом из камня, который лежал немного подальше в тоннеле и представлял собой точную копию головы-«ключа». Теперь, шепнул он, я должен положить камень-«ключ» рядом с другим сторожем и негромко произнести, что я длинноухий из Норвегии и пришел сюда со своим братом. Потом, оглядевшись по сторонам, Атан показал мне, что из ямок на втором черепе тетка тоже высыпала магический порошок: бояться теперь нечего. Старая Таху-таху все прекрасно подготовила, он сделал так, как она велела, и а к у-а к у вполне довольны.

Я посветил в углы, и, словно в реву, передо мной

вроплыли дьявольские морды и странные уродливые фигуры из камня.

— Вот это твой дом,— заверил меня Атан,— теперь ты свободно можешь здесь ходить.

Он добавил, что пещера называется Раакау — слово это, насколько ему известно, представляет собой одно из названий луны. Чтобы освободить место фотографу и Эду, которые уже спускались в отверстие, мы с Атаном отползли еще дальше в глубь пещеры по узкому проходу между двумя широкими каменными «полками», которые были покрыты желтыми камышовыми циновками и сплошь заставлены самыми причудливыми фигурами.

Несмотря на небольшие размеры — через несколько метров проход внезапно упирался в темную поперечную стену,— этот подземный «лунный» тайник Атана был настоящей сокровищницей. Какое множество невиданных доселе самобытных творений, редких произведений искусства! Любой антиквар потерял бы здесь голову. Ни в одном музее мира нет таких фигурок, здесь каждый предмет — этнографическая новинка, рисующая картину удивительного и сокровенного духовного мира, причудливой фантазии жителей острова Пасхи. Каждая из этих многочисленных подземных реликвий отличалась от всего того, что нам доводилось видеть прежде. Единственным знакомым мне традиционным мотивом острова Пасхи была здесь фигурка птице-человека с кривым клювом и руками за спиной, но такая фигурка всегда вырезалась из дерева, и никому не случилось видеть т а н г а т а м а н у вырубленным из камня. Здесь были также маленькие каменные копии своеобразных весел острова Пасхи. Да, здесь было все: от людей и млекопитающих до птиц, рыб, пресмыкающихся и беспозвоночных и много разных фантастических гибридов. Тут и там попадались группы из нескольких фигур на одном камне. Вот, например, два птице-человека держат между собой какое-то животное, похожее на кошку. Имелось и много странных фигур с искаженными формами, с приделанной где попало головой. Много было и скульптур, смысла которых никто из нас вообще не понимал.

Проход между «полками» был застлан толстым слоем сена. Когда Атан был ребенком, за пещерой присматривала его тетка Таху-таху; она и сейчас приходит сюда ночевать, когда бывает в подавленном настроении и грустит по тем, кто ушел в иной мир. Она была здесь сегодня утром и мыла камни — два из них были еще мокрыми.

Шло время, и Атан чувствовал себя все более свободно. Через полчаса он вдруг громко заявил:

— Теперь все в порядке, можем говорить и делать что хотим в твоём доме, брат.

Было ясно, что, выполнив все указания тетки, Атан считал себя вне опасности. Пещера со всеми ее богатствами и ответственность за нее законно переданы новому владельцу. Больше всего Атан волновался при вскрытии земляной печи, но курица удалась на славу, и теперь он успокоился, для него вся эта дьявольщина осталась позади. Считал ли он, что вся ответственность ложилась после этого на меня, или же полагал, что а к у-а к у сложили теперь здесь свои полномочия и отправились в более спокойное место, — мне было неясно. Как бы то ни было, Атан, несмотря на свое почтение к камням, испытывал большое облегчение. Он любезно попросил нас не трогать два белых человеческих черепа — это останки двух его родичей. Что же касается остальных камней в пещере, то мы можем забрать столько, сколько уместится в наших картонках.

В пещеру мы спустились в полночь, а обратно вышли в два часа ночи. Выбравшись с помощью друг друга на землю, мы с наслаждением вдыхали свежий ночной воздух. «Деревенский капитан» принес сочный арбуз, мы съели его. Мы завалили вход в пещеру, не маскируя его песком и травой. Днем наши люди придут сюда за остальными камнями.

На обратном пути все было тихо, кругом ни души, ни огня. Лишь табун невидимых лошадей помчался при нашем приближении прочь, выстукивая глухую барабанную дробь. Атан позабыл о фотографе, которому пришлось полагаться теперь только на свои собственные силы. По-видимому, а к у-а к у не подстерегали нас больше в темноте среди камней.

Эд спросил Атана, что сделает он с пещерой, когда там не останется больше камней.

— Пещеру я сохраню,— ответил Атан.— Пригодится, если будет война.

В эту ночь в палатке почти не сомкнули глаз Парафиновый фонарь светил над дневником, пока на востоке не заалел рассвет; все же, прежде чем стюард начал бить по сковороде, возвещая о начале нового напряженного дня, мне удалось чуть-чуть вздремнуть. Когда я направился за палатки для утреннего туалета, любопытный Ласарус был уже тут как тут.

Однажды староста сказал мне, что если в тайную пещеру сразу войдут несколько человек, то а к у-а к у переселятся в другое место. Без них же тайный вход в пещеру потеряет свою магическую силу, и его тотчас смогут обнаружить проходящие мимо люди. Я начал понимать практический смысл их суеверия: на острове Пасхи, больше чем где бы то ни было, действует правило: «Что известно о д н о м у, неведомо никому, что известно д в у м, о том знают все». Не успел Энлике узнать, что он пойдет в пещеру Атана, как похвастался об этом Ласарусу, и об этом начали шептаться жители деревни.

Несколькими днями ранее, часа за два до рассвета, ко мне явился Ласарус и принес из своей пещеры камни. Он был явно обеспокоен чем-то, очень возбужден. Не произнося ни слова, Ласарус достал из мешка огромную птицу, напоминавшую пингвина. Фигурка была в натуральную величину, и меня поразило ее удивительное сходство с этой птицей. Я знал, что, помимо холодных областей Антарктики, пингины водятся лишь на Галапагосских островах. Ласарус снова запустил руку в мешок, и на этот раз появилась голова совершенно сказочной птицы с клювом, полным острых, как шило, зубов. Под конец он достал голову хищного зверя, морда которого была сильно поцарапана во время переноски. Ласарус долго сидел молча, устремив на меня мрачный взор. Наконец он рассказал, что был этой ночью на волосок от смерти. Два раза спускался он по обрыву в пещеру за скульптурами, и когда второй раз поднимался наверх, то обломился кусок камня,

за который он держался рукой. Внизу — сорокаметровая вертикальная стена. Ласарус потерял равновесие и, уже почти падая в пропасть, сумел в последний момент ухватиться левой рукой за другой выступ, вернуть равновесие и осторожно преодолеть оставшиеся до края обрыва пятнадцать метров. Выбравшись целым и невредимым на равнину, он долго сидел и думал: «Откуда эта неудача? Может быть, не следует выносить из пещеры камни?»

Возвращаясь ночью в Анакену, Ласарус снова и снова задавал себе этот вопрос, а теперь, явно терзаясь сомнениями, задал его мне.

— Лазить ночью по обрыву — безумие, — сказал я. — Разве ты не понимаешь сам, что это опасно?

На эти слова Ласарус не реагировал и лишь скептически на меня посматривал; было очевидно, что он привык лазить так: именно ночью и один.

— А впрочем, разве это неудача? Наоборот, тебе страшно повезло, раз ты сумел ухватиться за другой выступ, — добавил я.

Эти слова, наконец, дали его мыслям другое направление, и он немного повеселел. Да и в самом деле, ведь он не сорвался, напротив, ему чертовски повезло, и он сидит здесь без единой царапины. Но почему такой испуг и переживания?

Ответить на это было не так-то легко. Я внимательно пригляделся к лежавшим на койке камням; Ласарус их никогда не мыл и не чистил, но сегодня оскаленная голова хищного зверя получила огромную царапину. Я показал это Ласарусу, и он огорченно взглянул на свежую рану.

— Разве хорошо обращаться так со своими камнями? — спросил я, пытаясь отвести разговор. — Что бы ты, интересно, сказал, если б тебя и старосту засунули в один мешок, не положив между вами даже травы, и вы колотились бы друг о друга?

Ласарус почувствовал угрызения совести, казалось, он нашел в моих словах объяснение своих ночных тревожений. Мы договорились, что больше он в пещеру один за камнями не пойдет: она расположена в таком месте, где ночные прогулки слишком опасны. Ласарус

совсем успокоился, поняв, как счастливо закончилось его опасное путешествие, и вышел из палатки. На улице уже занялась заря.

В ту ночь, когда мы готовились пойти в пещеру Атана, около палаток, как кот вокруг горячей каши, ходил Ласарус. Улучив момент, когда я остался один, он сообщил мне, что наша затея ему известна и что он сам решил взять меня в свою пещеру после того, как мы осмотрим пещеру Атана.

На другое утро после похода в пещеру Атана Ласарусу не терпелось, он бродил за палатками, надеясь поговорить со мной, пока я, согнувшись в три погибели, мыл голову в тазу. Никаких нескромных вопросов он не задавал, угадывая чутьем, что ничего плохого ночью не случилось. Потом он исчез, так, казалось, ничего и не разнюхав.

В эти дни Ласарус и еще несколько длинноухих работали у Арне в Рано Рараку, но есть и спать приезжали оттуда верхом в пещеру Хоту Матуа. Все наши рабочие-островитяне получали ежедневный паек, а те из них, кто жил в долине Анакены, угощались к тому же остатками с нашей кухни. Но сегодня Ласарус своей порцией был недоволен. Когда стемнело, он пробрался ко мне и попросил курицу, настоящую живую курицу. Островитяне приносили мне иногда в подарок живых кур, и если те не будили нас на заре, то оставались в живых и свободно разгуливали среди палаток. Правда, часть кур все же исчезала при загадочных обстоятельствах. Некоторые утверждали, что видели перед восходом солнца фотографа, когда он, крадучись, пробирался среди палаток босиком, в пижаме и с ножом в руке. Фотограф, несомненно, каждый день проклинал тех островитян, которые наводняли лагерь кукарекающими петухами и кудахтающими курами.

Я догадался, что Ласарус что-то затевает, и сказал стюарду, чтобы тот дал ему одну из наших кур. Стюард подкрался к куриной стае за палатками, бросился в самую гущу этой клохчущей компании и схватил за ногу одну из удиравших кур. Счастливый Ласарус вернулся с курицей под мышкой.

— Стюард поймал белую курицу — это признак «хорошего счастья».

Прежде чем уйти, Ласарус спросил, сможем ли мы проехать завтра на моторной лодке вдоль побережья, он хочет показать мне свою пещеру. Я предложил, чтобы с нами поехали фотограф и Билль. Ласарус согласился, и капитан отправился вечером на «виллисе» в деревню, чтобы захватить Билля.

На следующее утро мы собрались на борту нашего судна. В бухте — полный штиль. Ласарус сказал, что когда мы вынесем из пещеры камни, там необходимо что-нибудь оставить, пустовать пещера не должна. Спустившись в трюм, он попросил дать ему два неначатых рулона материи на платье и любой небольшой, никому не нужный предмет. Он тщательно выбирал расцветку ткани, что же касается «любого предмета», то сразу согласился на мое предложение взять ножницы. Я догадался, что рулоны предназначены его старшим сестрам, а для а ку-а ку хватит и ножниц.

Мы спустились в моторку, где нас ждали первый машинист и моторист, — они высадят нас в точке, которую укажет Ласарус. Лодка пошла на запад вдоль скал северного берега острова. Всех радовала штилевая погода, сулящая спокойную высадку. Но, к своему удивлению, мы заметили, что чем дальше от Анакены, тем сильнее качает моторку. Не удивлялся один лишь Ласарус, сидевший с неподвижным взглядом, крепко ухватившись за борт. Он заметил, что, когда кто-нибудь отправляется в пещеру, а ку-а ку всегда волнуют море.

Берег, вдоль которого мы плыли, был крутым и высоким. Внизу, у самой воды, хаотически нагромодились глыбы лавы. Вскоре Ласарус показал на полосу метров в пятьдесят между двумя крутыми каменными грядами. Как-то раз, когда его бабушка ходила туда ловить рыбу, она неожиданно наткнулась на другую старуху, которая мыла и сушила на берегу вынесенные из пещеры фигурки. Бабушка, сделав вид, что ничего не заметила, прошла мимо, но когда вскоре возвратилась обратно, старуха спокойно ловила рыбу, а

камень и след простыл. Отсюда Ласарусу известно, что и в этом месте должна быть тайная пещера.

Вскоре мы миновали одинокую ветряную мельницу в долине Ханга-о-Тео; когда-то здесь находилось крупное поселение, но теперь долина была пустынной и заброшенной. Здесь Ласарус снова обратил наше внимание на полоску дикого берега длиной метров в сто, где, по его словам, находилась тайная пещера. Его двоюродный брат, Альберто Ика, вынес из нее драгоценные дощечки ронго-ронго, но а ку-а ку вынудили его отнести их обратно в пещеру.

Не успел Ласарус показать нам это место, как на лице его отразился испуг: он заметил на берегу людей. Остальные пассажиры ровным счетом ничего не заметили, но Ласарус, который днем видел, как орел, а ночью,— как сова, разглядел, что там на камне сидят четыре человека. Откуда они, что делают? Ласарус пристально смотрел на берег до тех пор, пока мы не обогнули следующий мыс. Между тем волнение усиливалось, всем было ясно, что при таких условиях пытаться высадиться на берег бесполезно.

Мы сделали несколько кругов около скалы, где находится пещера Ласаруса, и он пытался показать нам небольшой карниз на возвышавшемся прямо над головой крутом обрыве,— там расположен вход в пещеру. Пещера эта «открытая», объяснил Ласарус и до тех пор показывал на берег, пока нам не стало казаться, будто мы и вправду видим его. Но когда мы решили проверить себя, все стали показывать на разные точки, и в конце концов пришлось сдать.

Машинист развернул лодку курсом на наше судно. Хотя ветер не усилился, а лишь немного изменил направление, море становилось все более и более бурным. Лодка танцевала на крутых волнах, поднимая фонтаны брызг. Держать прямой курс было невозможно, рулевому приходилось все время менять направление и встречать огромные пенящиеся волны, которые шли из открытого моря. Ласарус не произносил ни слова и лишь крепко держался за борт. Остальные следили за движениями рулевого и каждой набегавшей волной; соленая вода обдавала лицо и волосы, а одежда

прилипала к телу, словно мокрая бумага. Немного не доезжая ветряной мельницы в Ханга-о-Тео, мы заметили на краю плато четырех человек, похожих издали на маленькие точки; трое из них вскочили на коней и поехали в том же, что и мы, направлении, четвертый помчался галопом в сторону деревни.

— Это брат Альберто,— пробормотал удивленный Ласарус.— Остальные, наверное, его сыновья.

Вскоре всадники скрылись из виду, а гадать, зачем они здесь появились, нам было некогда. Немного погодя показалось судно экспедиции. Бурлящие волны сопровождали нас вплоть до бухты Анакены, где они с ревом обрушивались на берег.

Ласарус спрыгнул на берег с такой поспешностью, словно сам черт хватал его за пятки. Все мы, промокшие до нитки, молча поплелись к себе в лагерь. Билль был не менее серьезен, чем Ласарус. Достав мокрый носовой платок, он пытался протереть им стекла очков. Билля до смерти укачало в лодке, рассказывал он мне потом, но он всячески крепился и очень боялся, что Ласарус что-нибудь заметит и истолкует это как дурную примету.

Позавтракав, мы снова отправились в пещеру, но на этот раз оседлали четырех коней и поехали по древней дороге, петлявшей между грудями камней по плато северного берега. Миновав скрипучую мельницу, мы попали на участок, где дорога сохранила первоначальное покрытие, такое же, как на дорогах инков в Перу.

Вскоре Ласарус сошел с коня и подвел нас к скале. Мы увидели изображение огромной извивающейся змеи с чашеобразными ямками вдоль всей спины. Как раз об этом горельефе рассказывал он нам раньше, и его же видел отец Себастьян. Билль был восхищен и вместе с тем озадачен: змеи на этих островах не водились, где же заимствовали древние ваятели этот мотив?

Затем мы проехали мимо одиноко лежащей гигантской статуи. Когда-то ее тащили к возвыгнутому на берегу аху, но так и бросили по дороге, когда до цели оставалось уже совсем близко. Я ужаснулся при мысли о перевозке такой статуи: от Раню Рараку по прямой линии сюда семь километров, тогда как по

этой гористой местности, где подчас трудно проехать даже верхом, расстояние неизмеримо больше.

Здесь мы оставили древнюю дорогу и поехали дальше по каменистой дикой равнине вдоль самого обрыва. Океан по-прежнему был покрыт белыми гребнями волн. Когда мы спускались по руслу высохшего потока, у меня оторвалось стремя, но я успел спрятать его прежде, чем Ласарус что-нибудь заметил, и с одним стремянем продолжал путь по все более непроезжей местности.

Когда мы приближались к месту назначения, я заметил, что Ласарус начинает заметно нервничать. Подстегнув прутиком своего коня, он попросил меня ускорить ход, чтобы приехать раньше других. Мы метров на двести опередили остальных. Поравнявшись с двумя огромными каменными глыбами, Ласарус спрыгнул с коня, привязал его и попросил меня сделать то же самое. Затем он в бешеном темпе стянул с себя штаны и рубашку, оставшись босиком, в одних трусах. Попросив меня быстрее сбросить одежду, взять курицу и следовать за ним, он схватил моток веревки и помчался вниз по склону к краю обрыва. Я не имел понятия о том, где лежит курица, и крикнул ему вдогонку, но он лишь раздраженно и рассеянно буркнул что-то в ответ, спеша вниз по склону. Заметив висевшую на седле старую сумку, я схватил ее и босиком, в одних трусах бросился вслед за ним. Два наших спутника петляли среди камней на расстоянии ста метров от нас. Я догнал Ласаруса на самом краю обрыва; не оборачиваясь, он нервно и невнятно буркнул мне, чтобы я съел гузку, а небольшой кусочек дал ему, когда он вернется обратно. Я не совсем его понял и спросил, съест ли мне гузку сейчас или подождать, пока он возвратится, но Ласарус не ответил и исчез за краем обрыва.

В сумке я нашел курицу, оципанную, зажаренную и завернутую в банановые листья. Порядком поковырявшись, я, наконец, разобрал, где же на завернутом в банановые листья вывороченном теле курицы голова, а где хвост, и отломил кусочек гузки как раз в тот момент, когда над обрывом вновь показался Ласарус. Я сунул мясо в рот и стал жевать, а ему оторвал по-

лоску от груди, которую он проглотил, озираясь по сторонам, как дикий зверь.

Мы оба стояли в одних трусах на самом краю обрыва — довольно-таки странная церемония! Остальные подъехали к скалам и спешились. Ласарус попросил меня отломить несколько кусочков курицы и положить их на камни. Я сделал так, как просил Ласарус, и он облегченно вздохнул. «Теперь,— сказал он,— мы свободно можем есть курицу и угостить только что подьехавших спутников».

Ласарус по-прежнему страшно торопился. Один конец веревки он обвязал вокруг круглого камня, скрепленного со скалой лишь комком высохшей земли, а остальную часть сбросил вниз с обрыва. Затем снова исчез за краем обрыва, не держась за веревку и не проверив даже, хорошо ли она укреплена. Я посмотрел вниз и крикнул:

— Надежно ли привязана веревка?

Ласарус удивленно посмотрел на меня и ответил, что ему веревка не нужна, а мне чего же бояться, разве со мной может что-нибудь случиться?

Да, не всегда приятно слыть существом сверхъестественным! Я чувствовал печальную необходимость в веревке, но не смел к ней прикоснуться, так плохо она была закреплена. Поэтому я в одних трусах, так же как и Ласарус, стал спускаться, зажав к тому же в зубах обернутые в бумагу ножницы, которые он мне настоятельно велел с собой захватить. Я далеко не альпинист и с ужасом думал о том, что предстоит. Осторожно, шаг за шагом продвигаясь вниз, я нащупал ногой крохотный выступ, но ухватиться за что-нибудь руками было невысказано. Подо мной был вертикальный обрыв высотой в сорок-пятьдесят метров, и там внизу, между острыми глыбами лавы, в шумном вихре кружились и пенились зеленые волны. Вдали раскинулся пустынный синий океан, но под нами у скал бушевало настоящее морское чудовище; вскипая от ярости и разинув ненасытную пасть, оно лизало скалы, и его бурные, пенистые языки сметали все, что лежало у них на пути. Мне не очень-то хотелось угодить в эту пасть. Оставалось плотно прижаться к скале; один неосторожный шаг — и можно по-

терять равновесие. Выпрямив спину и легко ступая на цыпочках, Ласарус, подобно канатоходцу, медленно двигался боком вдоль обрыва, показывая мне дорогу. Я же внезапно потерял к его пещере всякий интерес и проклинал всех а к у-а ку острова Пасхи, в том числе и моего, за то, что он впутал меня в такую историю. Как мне хотелось, пока еще не поздно, выбраться снова наверх! Но на это я тоже не мог решиться и продолжал медленно спускаться за Ласарусом. Чтобы сохранить равновесие и не свалиться вниз, я плотно прижал к скале щеку, корпус и обе вытянутые руки.

Никогда больше я не полезу в одних трусах по лаковой стене! Материя цеплялась за малейшую неровность, трусы пригвозждали меня к скале, приходилось все время дергать и тянуть, чтобы освободиться. Если б Ласарус пожелал иметь для охраны своей пещеры действительно гадкого а к у-а ку, то этого невидимого сторожа надо было посадить на этом узком карнизе: пускай хватает и тянет людей за трусы в самые неудобные моменты, именно тогда, когда больше всего хочется, подобно тени, проскочить мимо. Пока я двигался по карнизу, ведя непрерывную борьбу, сам Ласарус свободно шел на цыпочках по карнизу.

Спускаясь вниз по зигзагообразной линии, мы в одном месте снова натолкнулись на нашу веревку — она свободно спадала вниз к следующему карнизу. Стараясь как можно меньше натягивать веревку и крепко цепляясь руками и носками за неровности скалы, я спустился на небольшой карниз, где стоял Ласарус. Он прижался к скале, выпрямившись как оловянный солдатик, явно не собираясь двигаться дальше. Место остановки было крайне неприятным, ширина карниза всего лишь фут, и мы едва умещались рядом друг с другом.

Но никакой пещеры не было видно. Ласарус стоял, сохраняя равновесие, и не сводил с меня загадочного взора. Внезапно он протянул свою ладонь и сказал:

— Давай руку!

Можно ли придумать худшую просьбу в такой момент, когда я в разодранных в клочья трусах стою, плотно прижавшись к скале с ножницами во рту? Еще сильнее прильнув к стене и чувствуя, как острая лава, точ-

но острия кораллов, впивается мне в спину, я протянул руку, и он крепко сжал ее в своей ладони.

— Обещай, что до тех пор, пока находишься на острове, ты ни словом не обмолвишься о том, что сейчас увидишь,— настойчиво потребовал он.— Ты можешь поделиться со своими людьми, но пусть они держат язык за зубами.

Не выпуская моей руки, он сказал, что, если его имя будет замешано в такой истории, сестры его придут в бешенство. После отъезда с острова я могу свободно обо всем рассказывать, даже если «Пинто» привезет на остров слухи, он скажет, что продал копии, и через пару месяцев все будет забыто.

Я обещал выполнить его просьбу, и Ласарус отпустил мою руку. Он велел мне нагнуться и посмотреть вниз. Я вытянулся, как только мог, и в страхе взглянул прямо вниз, на глыбы лавы, окутанные брызгами пены. Чуть ниже под нами, на расстоянии примерно в рст человека, выдавался небольшой карниз, подобный тому, на котором стояли мы, а дальше отвесная скала шла вплоть до самой воды.

— Ну, так где же вход? — с заметной гордостью спросил Ласарус.

— Невозможно определить,— признался я, мечтая лишь о том, чтобы все это скорей было позади.

— Вон там, у тебя под ногами,— сказал он, показывая на небольшой карниз под нами.

Ласарус помог мне как можно больше наклониться, но все равно я ничего не увидел.

— Чтобы добраться до входа, ты должен в точности повторить все мои движения,— сказал он и начал на карнизе курс обучения, подобного которому я не проходил с той самой поры, когда впервые пришел в школу танцев.

Ласарус попросил меня посмотреть элементы этого трудного танца-свинга, необходимые для того, чтобы спуститься в пещеру. Надо начать с правой ноги и точно проделать указанную серию позиций и полуоборотов, затем встать на колени и, наконец, лечь на живот. Я наблюдал, как он, спускаясь вниз, ставит руки и ноги, как извивается на карнизе, опускается на колени,

на живот; но вот видны лишь болтающиеся ноги и, наконец, он совсем исчез.

Я долго стоял в одиночестве, явственно различая громовой гул прибоя, наполнявший все вокруг своим шумом. В нескольких стах метрах к западу, где пустынный берег столь же круто обрывался в океан, я увидел фотографа. Он стоял на самом краю плато, фотографируя пейзаж при заходе солнца. По океану шли белые гребни пены; вон там вдалеке кружили мы сегодня утром, так и не увидев пещеры.

Наконец на карнизе показалась рука, и в ней страшная каменная голова; затем появились голова и тело самого Ласаруса, и он медленно повторил в обратном порядке те же движения, пока вновь не очутился рядом со мной на карнизе.

— Ключ,— буркнул Ласарус и протянул каменную голову.

Теперь он попросил передать ему обернутые в бумагу ножницы. Я снова что есть силы прижался к стене, вынул ножницы изо рта и протянул их ему, а он одновременно передал мне в другую руку «ключ». На этот раз «ключ» представлял собой голову с большими выпученными глазами, бородой и зловещими чертами лица. Длинная шея отходила прямо от затылка, горизонтально, как у зверя.

Ласарус попросил положить «ключ» на небольшой выступ на уровне моей головы; наступила моя очередь совершить жуткий спуск к пещере. Здесь было так мало места, а опасность свалиться позволяла маневрировать столь незначительно, что я вскоре осознал практическую необходимость во всех деталях следовать уроку Ласаруса. Лишь после того, как я повернулся настолько, что мог опуститься на нижнем карнизе на четвереньки, мне удалось увидеть вход в пещеру, скрытый выступом скалы. Ну и ширина! Мне никогда не снилось, что в такое отверстие может проползти человек. Люди, первыми открывшие эту пещеру, жили, должно быть, совсем по соседству и имели достаточно времени обследовать вокруг себя каждую пядь земли. По словам Ласаруса, пещера называется *Моту Таваке*, что означает «Утес тропической птицы», а само место рас-

положено у подножия Ваи-матаа на равнине Ханга-о-Тео и называется Омохи. Сначала пещера принадлежала Хатуи, прадеду Ласаруса.

Я стоял на четвереньках на крошечном карнизе, а маленькое отверстие в скале выходило на другой, еще меньший, карниз на том же уровне, но чуть-чуть в стороне. Чтобы попасть туда, мне пришлось наклониться вперед и в сторону, пока я не ухватился за край этого карниза. Лежа на животе, я просунул руки и голову в отверстие за вторым карнизом, тогда как колени и икры по-прежнему лежали на первом, а живот безо всякой опоры висел над бездной, где внизу гудел прибор. Отверстие, в которое я пытался протиснуть свое тело, было настолько узким, что с меня не раз сползали трусы. Камень резал и царапал спину и бедра: здесь почти не было песка, одна только шершавая, острая, как железо, лава. Вначале я различал лишь страшно узкий проход и малюсенький просвет перед ним. Я долго лежал над бездной, усиленно работая икрами, и когда, наконец, подтянул к себе ноги, то почувствовал, что проход немного расширился, но оставался таким же низким. Я начал различать вокруг себя какие-то очертания и неожиданно прямо под носом заметил скульптурное изображение двух спаривающихся черепах. По другую сторону стояла совсем маленькая статуэтка того же типа, что и гигантские фигуры в Рано Параку.

Я прополз немного дальше, стало свободнее; вскоре я мог сесть и заглянуть в пещеру, в которую через какое-то не видимое еще мною отверстие проникал тусклый свет. Вдоль стен, прямо на сухом каменном полу, тесными рядами стояли и лежали причудливые скульптуры. Здесь не было ни травы, ни циновок. Метрах в пяти-шести впереди мне преградила дорогу большая фигура, несомненно, мужского пола. Растопырив колени и угрожающе подняв руки над головой, истукан, казалось, слегка присел в окружении других фигур. На выступе сзади него лежали два человеческих скелета. Сквозь крохотное отверстие в стене на полуразрушенные кости падал справа тусклый свет, смутно освещавший очертания таинственной сокровищницы.

Вдруг я услышал чье-то дыхание, оно доносилось

так отчетливо, будто дышали в углу рядом со мной. Это был Ласарус, он находился еще снаружи и протискивал свое тело в узкое отверстие входа. Какая изумительная акустика: я слышал даже, как трется об острую лаву его кожа!

Ласарус пролез внутрь, и, не совершая никакой церемонии, присел рядом со мной на корточки. Глаза и зубы его сверкали белизной, в темноте он казался негром. Теперь Ласарус снова был таким, каким я знал его по ночным визитам в лагерь. Он показал мне на возвышавшуюся среди других скульптур большую фигуру, как-то странно, предостерегающе поднявшую вверх руки; фигура напоминала регулировщика движения, который управляет всем этим собранием скульптур, тесными рядами стоящих вдоль стен.

— Вот самый важный камень,— сказал Ласарус.— Это древний король, он в пещере вождь.

В отношении остальных фигур Ласарус обнаружил полное неведение; на все мои вопросы он пожимал плечами и отвечал «не знаю». С полной уверенностью он смог рассказать мне лишь о двух плоских каменных дисках с симметрично нанесенными на них символами. Они, заявил Ласарус, изображают солнце и луну. Никто не принуждал нас говорить шепотом, но вся обстановка пещеры и акустика в ней были таковы, что казалось естественным разговаривать приглушенным голосом.

Еще немного поползав со мной, Ласарус опять выбрался из пещеры, чтобы попытаться провести с собой Билля; соблазнять фотографа на это опасное путешествие я не хотел. Прошло несколько минут, и я, наконец, услышал, как Билль шепчет в узком отверстии входа слова какого-то ругательства. Он вырос в самом сердце Скалистых гор и не боялся отвесных обрывов, но таких крысиных нор он никогда не видел в горах Вайоминга.

Протиснувшись внутрь, Билль некоторое время сидел молча, слепо озираясь вокруг, но неожиданно он заметил рядом с собой фигуры и громко вскрикнул. Подполз Ласарус, посветил фонариком, и мы смогли лучше разглядеть каждую из фигурок. Если в пещере Атана большая часть камней была исцарапана и носила на себе

следы чистки и мытья, то ни на одной из фигур в пещере Ласаруса не было ни царапин, ни повреждений. У Атана на выступах-полках лежали циновки, а на полу — вороха сена, и казалось, что находишься в тайном убежище мага; здесь же все напоминало старое уединенное хранилище.

Мы спросили Ласаруса, моет ли он камни.

Нет, ничего здесь не растет, и в этом нет надобности: благодаря сквозняку воздух здесь совершенно сухой.

Мы заметили, что сквозь крохотное отверстие внутрь пещеры проникает холодный сухой воздух. На твердых, как железо, стенах и даже на полуразрушенных костях скелетов не было ни малейшего пятнышка зелени, тогда как у Атана при выходе из пещеры скала покрыта тонким слоем нежно-зеленого мха.

Здесь, в пещере, время летело незаметно. Отобрав несколько самых интересных скульптур, мы условились, что Ласарус и Билль вылезут наружу и примут у меня из рук фигурки, которые я попробую просунуть сквозь узкий входной тоннель так, чтобы их не поцарапать. Но сказать это было куда легче, чем сделать: пытаться пронести что-нибудь неповрежденным, освещая в то же время путь фонариком, совершенно немыслимо, да и как ползти самому, если заняты руки? Только теперь я понял, каким умением должен был обладать Ласарус, чтобы приходить сюда по ночам, доставать скульптуры и при этом поцарапать лишь одну фигурку — морду зверя.

Наконец я добрался до выхода, поочередно передвигая перед собой несколько скульптур. Здесь я услышал отчаянные крики Билля, но слова разобрать не мог, их заглушал шум прибоя. Путь мне преграждали скульптуры, и прежде чем Ласарус примет их с наружной стороны, я не мог двигаться дальше. Я посмотрел наружу, и мне показалось, что я вижу его руку, но вдруг я понял, что произошло: снаружи царил мрак, наступила ночь.

Ласарус принял у меня один за другим все камни и передал их наверх Биллю. Когда проход был свободен, я выполз наружу и не узнал окружающую местность.

В тусклом свете месяца едва можно было различить очертания скалы. Когда я, наконец, очутился в безопасности на вершине плато, тело мое покрылось гусиной кожей, а колени дрожали. Я утешал себя тем, что это, может быть, от холода: в самой пещере было прохладно, да и на ночном ветру нагишом тоже было не теплее.

Пока мы с Биллем карабкались наверх, Ласарус еще раз спустился в пещеру и оставил там два неначатых рулона материи.

Мы мигом оделись и, наслаждаясь горячим кофе из термоса, стали показывать свой ночной улов фотографу. Я заметил, что Ласарус немного покашливает, и Билль тоже признался мне, что чувствует себя не совсем хорошо. Мы знали, что после визита «Пинто» в деревне стал распространяться коконго. Хотя на этот раз болезнь была далеко не так свирепа, как обычно, она все же становилась опасной. Я страшно испугался: ведь если Билль или Ласарус теперь заболеют, тогда последний станет еще более суеверным, вместо того чтобы постепенно преодолеть страх перед а ку-а ку и табу.

Билль имел на себе непромокаемую спортивную куртку, свою я отдал Ласарусу, а сам взял мешок с драгоценными фигурками. При тусклом свете луны Ласарус тщательно проверил, не осталось ли на земле клочков бумаги или других следов; мы направились к лошадям, и наш маленький караван тронулся в путь. Мешок был тяжел, а местность невероятно гористой, и держаться на лошади верхом с одним только стремянем было делом далеко не легким. Когда мы выбрались на древнюю дорогу, я поравнялся с Ласарусом.

— Теперь ты убедился: в пещере нет злых а ку-а ку, никто не причинил нам вреда.

— Это потому, что я спустился первым и сказал нужные слова,— раздался его спокойный ответ.

Какие слова произнес Ласарус, я так и не узнал. Не узнал я также, зачем нужно раздеваться, спускаясь в пещеру, где постоянно гуляет такой ветер. Может быть, а ку-а ку был старомоден и привык видеть посетителей прикрытыми одной лишь набедренной повязкой?

Спросить я не решился — Ласарус ведь считал, что я знаю все об а ку-а ку не хуже, если не лучше, его самого.

Мы молча ехали по каменистому плато, и вскоре звонко зацокали копыта — началась мощеная часть дороги. Вот донесся пронзительный скрип одинокой мельницы в Ханга-о-Тео Сквозь гонимые по небу облака любопытный месяц все время заглядывал мне в мешок, и ночь была полна тайн. Дул холодный ветер, и, не напоив, как мы обычно делали, лошадей у мельницы, мы погнали их быстрее: Ласарус кашлял.

Глава IX

СРЕДИ БОГОВ И ДЬЯВОЛОВ В ПРЕИСПОДНЕЙ ОСТРОВА ПАСХИ

В те дни, когда мы проникали в тайные пещеры, по острову в обществе а ку-а ку бродил опасный призрак. Появившись несколько недель тому назад, призрак ходил из дома в дом, и никто не мог закрыть перед ним двери. Он становился все более и более назойливым и вскоре объявился и у нас в Анакене. Проникая внутрь через дыхательные пути, этот призрак бесновался по всему телу. Приехав зайцем из-за океана, он пробрался на сушу под именем коконго.

Всего лишь два раза сходил староста в пещеру за камнями, как коконго постучался к нему в дверь. Несколько дней он крепился, а затем слег в постель. Когда я пришел к нему, дон Педро весело улыбнулся и сказал, что обычно коконго свирепствует гораздо сильнее; он, конечно, скоро поправится.

Через неделю я снова пошел проведать старосту, на этот раз в сельскую больницу. Поздоровавшись с новым доктором, который приехал на «Пинто» на смену прежнему, я прошел в небольшую палату, где, кашляя, лежали больные коконго. Я не смог найти среди них старосту и начал уже беспокоиться, как вдруг в углу на локтях приподнялся тощий, как щепка, старик и хриплым голосом произнес:

— Сеньор Кон-Тики, я здесь.

Увидев его, я страшно испугался.

— Воспаление легких,— прошептал врач.— Он был очень плох, но я надеюсь, что мы его спасем.

Староста лежал мертвенно бледный, с ввалившимися щеками и судорожно улыбался своими тонкими губами. Слабым кивком головы он поманил меня к кровати и шепнул на ухо:

— Все будет хорошо. Когда я поправлюсь, мы вместе совершим большие дела. Вчера от коконго умерла моя внучка. Она покажет мне с неба путь. Я понимаю, это не возмездие. Подождите только, сеньор, мы совершим большие дела.

С тяжелым сердцем вышел я из больницы. Как страшно видеть когда-то веселого старосту в таком состоянии! Какой странный у него вид! Я даже как следует не понял, что он говорил. Может быть, лихорадочный взгляд и бессвязная речь объясняются температурой? Конечно, очень хорошо, что этот суеверный человек, хотя это и казалось маловероятным, не толковал свою болезнь как возмездие со стороны а к у-а к у.

Шли дни. Внучка старосты была единственной жертвой этой волны коконго, сам же он вскоре настолько поправился, что переехал домой. Когда я зашел его проведать, он улыбался все той же странной улыбкой, и хотя температура спала, повторил все сказанное им в больнице. В первые дни староста был слишком слаб, чтобы снова вернуться к своей бригаде. Он оставался дома, и мы постоянно посылали ему масло и другую питательную пищу, чтобы он быстрее поправлялся.

Младший брат старосты, маленький Атан, на этот раз не заболел коконго, и он перестал бояться наказания со стороны а к у-а к у. Освободившись от ответственности за пещеру и от страхов, связанных с ней, он чувствовал себя совсем другим человеком: вместо возмездия он получил щедрое вознаграждение и мог теперь спокойно смотреть в будущее, став, по местным понятиям, состоятельным человеком. И деньги и одежду он спрятал под землей во вместительном природном сейфе. Атан был далек от того, чтобы

объяснять тяжелую болезнь старосты как наказание за нарушение табу пещеры, да он и не подозревал, что брат носил из своей пещеры камни. Атан по-прежнему советовал мне, когда староста выздоровеет, обязательно разузнать о его пещере, ибо из всех пещер она самая важная.

Ласарус тоже едва не заболел. На другой день после нашего посещения его пещеры он появился рано утром перед моей палаткой и, кашляя, охрипшим голосом спросил, как я себя чувствую.

— Превосходно, — ответил я.

Он обрадовался. Хорошо, что он не спросил о здоровье Билля, ибо тот чувствовал себя сегодня далеко не важно. Два дня Ласарус покашливал и принимал лекарства, но через несколько дней, так и не поддавшись болезни, снова стал бодрым и здоровым. Он тоже получил щедрое вознаграждение для себя и для своих сестер.

В то время как сельский врач боролся против коконго в Хангароа, врач экспедиции был по горло занят нашим собственным персоналом, который насчитывал теперь около ста человек. Мы имели большое количество антибиотиков и других лекарств, которые оченьгодились работавшим у нас островитянам. Все они очень любили таблетки от головной боли, и если мы не присматривали за ними, то глотали их, как леденцы.

Мы отражали одну волну коконго за другой и вскоре снова почувствовали себя увереннее. Но беда редко приходит одна, и вскоре произошло событие, наделавшее в то время много шума в деревне.

За день до того, как заболеть, староста сидел у себя дома в окружении принесенных из пещеры камней и ожидал их отправки в лагерь.

В дверь неожиданно вошел Гонсало и заметил каменного омара, которого староста не успел убрать.

— Он старинный! — воскликнул Гонсало, жадно хватая скульптуру с пола.

— Нет, он новый, — солгал староста.

— Я же вижу, что он старинный, — недоверчиво сказал Гонсало.

— Я сам нарочно сделал его таким,— настаивал староста.

В конце концов Гонсало пришлось сдаться.

Приехав на «виллисе», староста тотчас же рассказал мне об этом случае с Гонсало, напомнив, чтобы я ни в коем случае никому не говорил, что он взял камни из родовой пещеры.

— Сеньор Гонсало, должно быть, что-то знает,— тревожно сказал староста.— Он никак не хотел мне верить, когда я сказал, что сам сделал омара

Затем в палатку пришел Гонсало и рассказал о том же эпизоде, считая, что тем самым раскрыл тайну пещер.

— Староста тебя надувает,— сказал Гонсало — Я видел изумительно красивого омара, и он утверждает, что сделал его сам; будь осторожен, если он придет и скажет, что эта фигурка из пещеры.

Гонсало был поражен, услышав, что староста уже принес мне омара, да к тому же еще рассказал о визите Гонсало.

Теперь староста был осторожен и в целях самозащиты по-прежнему распускал слухи, что сам делает удивительные каменные скульптуры. Когда начался коконго и старосте пришлось лечь в постель, к нему зашли однажды вечером Гонсало и Эд. Во дворе они встретили зятя старосты, Риророко, и не успели с ним поздороваться, как тот всюду принялся хвастать, какие чудесные фигурки староста делает из камня; он рассказал, что у старосты есть специальные орудия, которыми он изготавливает омаров, зверей и лодки, а затем моет их и натирает банановыми листьями, чтобы они выглядели старыми.

Ни Эд, ни Гонсало сами ничего о камнях старосты не расспрашивали и были поэтому тем более удивлены этим чистосердечным признанием, тотчас дав мне знать обо всем услышанном. Сам староста тем временем беспомощно лежал в постели с высокой температурой и не был в состоянии ни делать фигурки, ни приносить их из пещеры. Но Гонсало был настороже и старался что-нибудь выведать у островитян. Он жил сейчас в деревне, а работал с Биллем в Винапу.

Как раз в эти дни поправилась красивая жена Эстевана. Она излечилась от своего недуга, и каждую ночь они с Эстеваном ходили в пещеру и приносили причудливые фигурки, складывали их в сарайчике и вапирали на замок. Я отказался от попыток попасть в ее родовую пещеру — ту самую пещеру, содержимое которой стало известно мне раньше других.

Я рассказал Гонсало, что ожидаю целый воз скульптур из пещеры жены Эстевана. Однажды вечером, разгуливая близ дома Эстевана, он заметил на соседнем дворе кучу необработанных кусков лавы. Возникшее у него ранее подозрение еще более окрепло, и он решил действовать.

В тот же день в деревне случилось несчастье. Одна женщина сидела около своего домика и растапливала в большом чугушке свиное сало; вокруг бегал, играя, ее мальчик. Внезапно ребенок споткнулся и упал головой прямо в чугунок. Мать принесла сына в больницу, и он лежал сейчас там весь в бинтах.

На следующий день ко мне с мрачным видом пришел Энлике, тот самый, что позднее ходил с нами в пещеру Атана. Несколько дней тому назад он сам принес мне из пещеры небольшой мешок со скульптурами. Я знал, что Энлике — дядя пострадавшего мальчика. Судя по его мрачному виду, он намеревался теперь взвалить на меня вину за несчастье: ведь это я уговорил его пойти в пещеру.

Дело принимало плохой оборот. На этом острове почти все так или иначе состояли друг с другом в родстве, и любое несчастье могло теперь толковаться как возмездие тем, кто ходил в пещеру.

Энлике попросил меня отойти с ним за аху воздвигнутой недавно статуи.

— Случилась беда, — начал он низким голосом. — В деревне поднимут шум Эстеван и его жена сидят дома и плачут. Сеньор Гонсало сказал, что они надували сеньора Кон-Тики и делали фигуры сами.

— Чепуха, — сказал я. — Стоит ли из-за этого плакать? Поезжай и скажи Эстевану и жене, что все в порядке, пусть не беспокоятся. Я не сержусь

— Нет, не все в порядке, — ответил расстроенный

Энлике.— Скоро всю деревню охватит возмущение. Если камни новые, люди обзовутся на Эстевана и его жену за попытку обмануть сеньора Кон-Тики; если же камни старые, то все еще больше разозлятся за то, что они раскрыли тайну своей пещеры. Все теперь будут на них сердиться.

Энлике не упомянул о несчастном случае с ребенком — он, несомненно, считал это бедой брата, а не своей собственной. Брат же камни не приносил, хотя позднее я узнал, что и у него есть своя пещера.

В тот вечер я обрабатывал образцы пылинок, добытые нами на болоте в кратере, и не мог выехать из лагеря, но следующей ночью капитан отвез меня в деревню, и я вошел в домик Эстевана.

Хозяин сидел на скамейке, жена его лежала на постели; у обоих глаза были красными от слез. Мы приветливо поздоровались, но Эстеван вновь разразился слезами. Успокоившись, он рассказал, что вот уже два дня и две ночи они не спят, не едят и все время плачут. Сеньор Гонсало сказал, что Эстеван делал фальшивые камни, чтобы обмануть сеньора Кон-Тики. На соседнем дворе он увидел груды камней и решил, что Эстеван собирает материал для изготовления скульптур. Но он не видел, что сосед делает пристройку к дому и использует камни для кладки.

Я постарался утешить их и успокоить. У нас было несколько вещей, которые мы им подарили; когда мы прощались, оба пообещали нам поесть, лечь в постель и постараться все забыть.

Спустившись по той же улице, мы постучали в дверь к старосте. Войдя внутрь, мы застали хозяина в постели в угнетенном состоянии. К нему приходила его могущественная тетка Таху-таху и вне себя от гнева рассказала, что по дошедшим до нее слухам староста меня надувает. Староста, сказала она, хороший парень, сеньор Кон-Тики тоже хороший, поэтому стыдно продавать мне подделку. Рассказать же ей, что он принес мне старые камни, староста не мог: тетка не дала ведь еще разрешения вынести что-нибудь из древней родовой пещеры Оророины. Поэтому он лишь ответил ей, что болен, и, как только поправится, все объяснит.

— Другие люди сердятся недолго,— сказал староста.— Но такие старики злятся так, что три дня слова вымолвить не могут.

Он преподнес тетке рулон материи и пачку сигарет в качестве дружеского подарка от меня, но она швырнула их на пол, заявив, что не желает брать вещи, полученные жульническим путем. И лишь после того, как он сказал, что вещи эти не его, а подарок ей прямо от меня, старуха подняла их и выскочила за дверь.

Мы попытались успокоить больного старосту, но убедить его оказалось куда труднее, чем Эстевана. Старая тетка представляла старшее поколение, и это давало ей особые права, да и мудрость старого человека надо уважать. Таху-таху была женщиной опасной. Если она рассердится, то может убить человека, стоит ей только закопать для этого в землю куриную голову.

Слухи относительно Эстевана и старосты взбудоражили умы островитян. Некоторые из них приходили и божились, что тайных пещер на острове не существует: стоит ли верить в подобные рассказы? А если какие-то пещеры и существовали, то вход в них давным-давно затерян. Если кто-нибудь приносил мне камни, то эти люди делали их сами; на острове таких скульптур нет.

Некоторые из приходивших к нам людей отрицали существование пещер столь искренне, что, несомненно, говорили то, что думали. Но многие производили на нас иное впечатление: пытаясь нас разубедить, они нервничали, казались испуганными и проявляли паническое усердие. Особенно выделялись среди них несколько старых островитян, которые всячески старались убедить нас, что на острове нет теперь ничего, кроме овец и статуй.

В течение многих дней все, кто хоть как-то был связан с местными жителями, осторожно пытались выяснить, где же правда, но полученные сведения были крайне противоречивы и исключали друг друга.

Однажды Эд, спустившись к нам из Оронго, заявил, что, по его мнению, родовые пещеры должны все же существовать; надо только остерегаться фальшивых подделок. Он сумел выяснить у своих рабочих, что обычно хранимые в пещерах фигурки выносятся время от вре-

мени для просушки, некоторые из них упакованы в камыш тотора

Слухи, которыми жила деревня, сбили с толку и Билля. Чтобы лучше познакомиться с жизнью островитянина, он переехал от губернатора в дом островитянина. Однажды в воскресный день он остановил меня около церкви и шепотом произнес:

— Я обещал хранить молчание, но одну вещь все же могу тебе сообщить: тайные пещеры на острове есть, и в них хранятся такие же предметы, какие ты уже получил.

Затем ко мне пришел Гонсало. Он много пережил из-за шума, поднятого им в деревне. Он искренне верил тогда, что вскрыл надувательство, но теперь произошло событие, которое его кое в чем убедило и заставило переменить свое мнение. Один местный мальчишка рассказал Гонсало, что старая островитянка послала его слазить в тайную пещеру в Ханга Хему: она хотела достать несколько скульптур для сеньора Кон-Тики. В первой части пещеры мальчик нашел каменную курицу и два черепа, некий «ключ» к пещере. Но тоннель, ведущий во второе помещение, обвалился, и мальчик не сумел добраться до фигурок, которые старуха велела ему взять.

Услышав эту историю, Гонсало так загорелся, что обнял парня и тискал его до тех пор, пока тот не пообещал показать, где находится пещера. Гонсало отправился на поиски и нашел пещеру точно такой, как описывал ее мальчишка: с двумя черепами и искусственной дверью в боковой стене, где ведущий дальше тоннель действительно обвалился. Но Гонсало заметил тут и нечто большее. Кто-то был здесь после мальчика и отчаянно копал в полу и на потолке над местом обвала. Гонсало удалось протиснуться сквозь трехметровую трещину над местом обвала, и на дне этой трещины он увидел, что кто-то прокопал отверстие прямо в проходящий ниже тоннель. Просунув в отверстие руку, он вытащил горсть рыхлой земли и нашел в ней остатки сгнившего тотора. Кто-то уже побывал здесь и вынул камни из камыша

Я спросил Гонсало, известно ли ему, кто была

эта старая женщина. Да, известно. Это мать Аналолы.

Для меня это было весьма ценным открытием: это мать и сестра Аналолы с пеной у рта защищали четыре каменные головы, когда двое молодых парней нашли их около ограды деревни и хотели продать мне. Старая женщина отчаянно ругала воришками тех, кто нашел изображения, и страшно обрадовалась, когда я, так и не прикоснувшись к камням, велел перевернуть их причудливыми лицами вниз.

Теперь же она хотела меня отблагодарить и принести фигурки из своей пещеры.

Поблагодарив Гонсало за важное сообщение, я вместе с капитаном выехал из деревни. Сидя в машине, я невольно улыбался. Итак, мать Аналолы имеет пещеру. У меня были особые основания хорошенько это запомнить.

Вечернее солнце уже опустилось в океан, и кругом было темно. По дороге домой нам предстояло заехать на овцеферму Ваитеа и захватить воды для лагеря. Управляющей на ферме была Аналола, и она всегда выходила поболтать, когда мы приезжали ва водой. На острове она считалась самой влиятельной женщиной — стройная красавица с пышными черными волосами и улыбчивыми карими глазами. Нос ее, быть может, чересчур широк, а губы слишком толсты, чтобы получить приз за красоту в нашей части света, но здесь, в Тихом океане, она была некоронованной королевой острова. Все уважали эту умную и честную женщину.

Когда мы остановились в Ваитеа у крана единственного на острове водопровода, Аналола и две ее подруги вышли с карманным фонариком помочь нам набрать воды. Обычно за водой приезжал один капитан, и в последние дни Аналола все время бубнила, что староста надул сеньора Кон-Тики.

— Никаких тайных пещер не существует. Ни у кого на острове нет каменных фигур, — уверяла Аналола. — Я здесь родилась и прожила всю жизнь, капитан. Скажи сеньору Кон-Тики, чтобы он не верил в подобную болтовню.

Аналоча была честная женщина, неспособная на обман, и в конце концов капитан действительно начал сомневаться.

— Понимаешь, раз это говорит Аналола...— сказал он мне озабоченно.— Ведь староста ужасный плут.

Аналоча, по выражению местных жителей, была «дитя века». В ней мало оставалось от наследия предков, ее причастность к цивилизации проявлялась не только в одежде и манерах: всего лишь раз довелось мне заметить в ее карих глазах искорку суеверия.

— Правда, что ты разговаривал с каменной статуей? — спросила она меня однажды, после того как староста, Ласарус и я обнаружили изображения китов близ аху в Анакене.— Мать говорит, что по ночам к тебе в палатку приходит каменная статуя и рассказывает, где надо искать.

— Чушь,— ответил я.— Разве каменная статуя может прийти ко мне в палатку?

— Почему же, может, вот такая маленькая? — сказала Аналола.

Проживаясь от ночной прохлады, она светила фонариком до тех пор, пока шланг не был втиснут в отверстие бака.

— Как поживает твоя мать, Аналола? — осторожно начал я.

— Интересно, почему ты спрашиваешь об этом именно сейчас? Она только что пришла сюда в Ваитеа и лежит в моей кровати.

Внезапно меня осенила мысль. Я знал полинезийцев, их фантазию и пристрастие к скрытым, таинственным формам выражения, когда речь идет о священных предметах, о которых не принято говорить открыто. Я знал, что мать Аналолы принесла из своей пещеры каменную курицу, и догадывался, что в пещере должна находиться также и скульптура собаки. Эти фигуры были в пещере Ласаруса и в пещере Атана. Взяв Аналолу под руку, я шепотом попросил ее отойти со мной за машину, пока остальные наливают воду.

Мы остановились под темным эвкалиптом.

— Аналола,— прошептал я. Она посмотрела на меня недоумевающе.— Пойди к своей матери, передай

от меня привет и скажи: «Курица хороша, но собака лучше».

У Аналолы был такой вид, будто она свалилась с луны. Она долго смотрела на меня, широко раскрыв рот, затем медленно поднялась на крыльцо и тихо вошла в дом. Бак уже наполнился водой, мы помахали остальным женщинам и тронулись домой в Анакену.

Вечером следующего дня капитан, как обычно, поехал за водой и возвратился в лагерь с подробным донесением. Аналола сообщила ему все, что произошло с ней накануне вечером, и капитан в точности воспроизвел мне ее рассказ. По словам Аналолы, когда я тихо заговорил с ней ночью, сердце ей подсказало: «Сеньор Кон-Тики хочет любви». Но потом, когда я шепнул, что курица хороша, но собака лучше, она подумала: «Наверное, сеньор Кон-Тики выпил много вина». Но все же пошла к матери и передала ей эти слова. Никогда мать не выглядела еще такой странной! Она быстро приподнялась в кровати и ответила:

— Потому-то я и здесь, чтобы пойти в пещеру с тобой и Даниэлем Ика.

Аналола была поражена, ничего подобного она не ожидала. Мать ее приходилась Даниэлю Ика маматиа, теткой по линии отца. Аналола в связи с предстоящим посещением пещеры была настолько возбуждена, что всю ночь не сомкнула глаз. На другой день мать попросила принести ей двух кур, кусок телятины и четыре стеариновые свечи. На вопрос Аналолы, ждет ли она гостей, мать ничего не ответила.

В следующий вечер капитан привез новое донесение. Минувшей ночью на ферму пришел Даниэль Ика и там заночевал. Аналола заглянула в замочную щель его комнаты и увидела, что там сидит ее мать. Они говорили о походе в пещеру, и Даниэль сумел убедить мать не брать с собой Аналолу, которая, по словам Даниэля, может принести «плохое счастье»: Аналола — дитя века и откроется любому, кто близок ее сердцу.

Оба условились пойти в пещеру две ночи спустя и договорились, где выкопать уму, чтобы зажарить кур. Аналола догадалась, что пещера эта находится в Ваи-Тара Каи Уа, чуть западнее долины Анакены:

— Забавно,— сказал первый машинист, когда капитан повторил за завтраком эту историю.— Мы со вторым машинистом часто совершали вечерние прогулки в это место с таким странным названием Там очень красиво, есть небольшой островок зеленых деревьев, нередко там можно увидеть диких кур. Каждый раз мы встречали там старого Тимотео, того самого, что сделал лодку из камыша. Говорит, что очень любит курятину и поэтому там ночует.

Ночной вахтенный на судне рассказал, что видел в последние дни в этом направлении слабый дымок по утрам.

Наконец наступила ночь, когда мать Аналолы и Даниэль Ика собрались пойти в пещеру. На другое утро они вернулись обескураженные, и Аналола рассказывала, что кур они, видимо, где-то зажарили, но в пещеру так и не проникли, обнаружив, что всю ночь в Ваи Тара Каи Уа лежал какой-то человек. То же самое повторилось на следующую ночь. Они разглядели, что «таинственной личностью» был старый Тимотео, и решили, что у него там тоже пещера и он охраняет ее от людей Кон-Тики. Мать решила на третью попытку: если и на этот раз их тоже постигнет неудача, значит, ходить в пещеру больше не следует. В таком случае она и Даниэль Ика откажутся от своего замысла и возвратятся в деревню.

Аналола сообщила нам, когда они в третий раз отправятся в Ваи Тара Каи Уа, и я решил выманить в эту ночь Тимотео с его места.

Море с вечера было тихим и спокойным. Накануне несколько наших парней вместе со своими местными приятельницами ловили при лунном свете лангустов. Эти животные похожи на крупных омаров без клешней и считаются на острове большим лакомством. Пользуясь легким водолазным снаряжением, мы часто накалывали их в норах под водой. Но проще всего ловить лангуста ночью, двигаясь в воде вдоль берега с факелом в руках. Островитянки большие мастерицы этого дела. Заметив добычу, они наступают на нее ногой, хватают и кладут в мешок.

В этот вечер в котелке нашего кока варилось два-

дцать одно большое красное чудовище, мы собирались лакомиться лангустами в палатке-столовой. Ласарус принес мешок только что сорванных ананасов, таких свежих и сочных, каких нам никогда не приходилось есть.

Весь день старый Тимотео находился на судне и чинил свою камышовую лодку, которая долго лежала на палубе и была сильно повреждена. Когда наступил вечер и Тимотео собрался на берег занять свой пост в Ваи Тара Каи Уа, я привез ему за борт обильный ужин и попросил подежурить ночь на судне.

— В лагере у нас ф и е с т а, — объяснил я. — Весь экипаж поедет вечером на берег кушать л а н г у с т о в. Море совсем спокойно, ничего не может случиться.

Тимотео недовольно огляделся вокруг. Я подумал, что старик сможет взять п о р а и добраться на ней до берега, а потому подвел его к барометру и поставил перед ним стул.

— Если стрелка упадет до этой черты, — сказал я, показывая на всякий случай на деление «тридцать», — ты должен немедленно подать сигнал сиреной.

К этому поручению Тимотео отнесся с глубочайшей серьезностью. Усевшись на стул и уткнувшись носом в самое стекло барометра, он неподвижно устоялся на стрелку, отправляя вилкой в рот еду. Теперь я был уверен, что он не шелохнется. Когда ночной вахтенный и машинисты возвратятся на судно, они уложат Тимотео спать.

Пока Тимотео, исполненный чувства долга, сидел, уставившись на барометр, участники экспедиции собрались в палатке-столовой вокруг блюда с лангустами. А где-то в горах, над Ваи Тара Каи Уа, пробирались, крадучись в пещеру, Даниэль и старая мать Аналолы. Теперь уж они, конечно, откопали из земляной печи куриное жаркое и, наверное, прихватили с собой стеариновые свечи, чтобы светить в темной кровящнице.

Миновала ночь.

Рано утром следующего дня на моторной лодке приехал с машинистом Тимотео. Едва ступив на берег, он сказал, что ему надо съездить поговорить с женой.

— А где она? — спросил я.

— В деревне,— ответил он, не спеша обернулся и посмотрел на меня, как-то странно улыбаясь. Затем добавил:

— Но кто знает, может быть, сегодня ночью она спала в Ваи Тара Каи Уа.

Я был поражен услышанным.

— Как зовут твою жену? — спросил я.

— Виктория Атан. Но она любит называть себя Таху-таху *. И она в самом деле немного колдунья.

Тимотео взобрался на коня, дернул поводья и ускакал.

Капитан раньше обычного поехал за водой в Ваитеа. Возвратившись назад, он сообщил, что Даниэль и мать Аналолы вернулись в деревню, отказавшись от попыток незамеченными проникнуть в пещеру в Ваи Тара Каи Уа. Когда они минувшей ночью вновь пробрались в долину, Тимотео там не оказалось, но на его месте сидела его старая жена.

Каким образом Тимотео удалось предупредить Таху-таху, мы так никогда и не узнали. Она сменила его всего на одну ночь, но до тех пор, пока мы находились на острове, старик ревностно продолжал нести вахту в этой маленькой долине.

Завеса таинственности продолжала незыблемо лежать на обеих родовых пещерах в Ваи Тара Каи Уа. Передадут ли Тимотео, Таху-таху и старая мать Аналолы тайну родовых пещер своим собственным «детям века», зависит теперь от них. А решать им надо будет вскоре, ибо случись что-нибудь с этими стариками, еще две пещеры со всем их бесценным содержимым исчезнут в бездне острова Пасхи.

У Даниэля был родной брат-близнец и молочный брат. Первый из них, Альберто, показал нам однажды две дощечки ронго-ронго, но после того как к нему явился целый рой аку-аку, отнес их назад в пещеру. Молочного брата звали Энлике Ика, он происходил из королевского рода и имел право на дворянский титул А р и к и-п а к а. Отец Себастьян и губер-

* Таху-таху — колдовство.

натор говорили, что это настоящий уникам — он совсем не умеет лгать, а на острове Пасхи это редкая добродетель. В лагере мы называли его «сын вождя» за гордый нрав, статную внешность и знатное происхождение. Читать он не умел, но благодаря своей непоколебимой честности был самым уважаемым пастухом на ферме военно-морских сил. Жил он в маленьком каменном домике у дороги, ведущей на Рано Параку.

Однажды он приехал верхом в лагерь и предложил нам сделку. У нас имелись огромные сосновые бревна, которыми мы подпирали статуи во время раскопок. Энлике хотел построить себе новый дом, но леса на острове нет, а ему нужны бревна. Если я согласен поменяться, то могу получить рослого быка за каждые три бревна.

— Ты получишь все бревна, если согласишься обменяться на камни из пещеры, — ответил я.

Сказал я это наобум, мне просто внезапно пришла в голову такая мысль. Я не знал, есть ли у «сына вождя» какая-нибудь пещера, но слова мои застигли его врасплох. Некоторое время он всячески изворачивался, пытаясь перевести разговор на другую тему, но я твердо стоял на своем предложении. Энлике понял, что ему не уйти от прямого ответа, и, наконец, решительно произнес:

— Но я, сеньор Кон-Тики, не знаю, где находится вход. Я бы сам очень хотел это знать.

— Пробовал ли ты жарить курицу в уму та ка-п у? — спросил я лаконично. — Пробовал ли ты делать перед пещерой та ху?

Он был ошеломлен и даже изменился в лице.

— Я поговорю с братьями, — произнес он вдруг негромко. — Сам я не распоряжаюсь, я только совладелец.

Он рассказал, что в одну из его родовых пещер вход затерян, но вместе с братом Даниэлем он является «бесправным совладельцем» другой пещеры, вход в которую знает лишь Альберто. Энлике слышал, что камни в этой пещере лежат в мешках из камыша тотора и что там хранятся также дощечки ронг-оронго и несколько старинных весел. Но самыми

замечательными из всех предметов в этой пещере являются парусное судно из камня, которое он назвал в а к а о х о, и статуя из отполированного до блеска черного камня, величиной в половину человеческого роста.

Опасаясь гнева а к у-а к у, Альберто отказывается показать, где находится вход в эту пещеру, и ограничивается лишь устными объяснениями. Энлике сам много раз искал этот тайник, но безуспешно.

Прошло несколько дней, а «сын вождя» не появлялся. Но в один прекрасный день он привез несколько больших арбузов. Сгружая их с лошади, он шепнул мне, что теперь сумеет достать старинные фигурки. Жена его проплакала много дней подряд, сетуя на то, что муж не способен найти вход в свою родовую пещеру. Но слезы не помогли, и он по-прежнему приходил домой с пустыми руками. От бабушки жена Энлике слышала, что после смерти отца та получила в наследство часть пещеры и дядя знает в нее вход. Она принялась обрабатывать своего старика дядю, умоляя помочь им получить бревна для нового дома. Последний живет сейчас с ними в каменном домике, и все это нытье ему страшно надоело. Дело кончилось тем, что старик пообещал показать дорогу в пещеру.

Этим дядей был старый Сантьяго Пакарати, тот самый, что помогал своему брату Тимотео строить камышовый плот. Теперь все четверо братьев ловили для нас рыбу. Рабочие, занятые на раскопках в Рано Ра-раку, находились у меня на полном обеспечении, и я добывал им пропитание, как это было принято у древних каменотесов. Я нанял группу рыбаков, которые, чередуясь, день и ночь ловили рыбу для снабжения работавших в карьере островитян. Это позволяло нам сократить выдаваемые местным рабочим пайки мяса, риса и сахара, которые все время доставлялись с судна на берег и поглощались в угрожающих количествах. Муку нам пришлось теперь прибегать для собственного потребления, и только четверо старых братьев по-прежнему приходили в лагерь и получали там сухари; они макали их в кофе и ели, как пирожное. За хлебом и табаком для своих братьев в лагерь ежедневно прихо-

дил старый Сантьяго, и мы с ним особенно подружились.

Чтобы упростить дело, мы попытались выдавать нашим землекопам паек не на один день, а на целую неделю. Но такой порядок неприемлем на острове Пасхи, и после первой же выдачи рабочие всю ночь просидели за едой и курением, а на другой день вышли на работу сонные и зеленые. Они чудесно провели ночь, съели весь свой недельный паек, но теперь, объяснил нам Сантьяго, им надо еще сигарет, иначе целую неделю они останутся без курева. Мы снова перешли к выдаче суточной нормы, и все были этим довольны.

Понятие бережливости островитянам чуждо. Ведь завтра другой день. *Х а к а-л е* — такова характерная поговорка жителей острова. Это примерно то же самое, что «не имеет значения». Эту фразу местный житель употребляет при каждом удобном и неудобном случае: если потеряет нож, разобьет чашку и даже если сгорит весь его дом. Как-то раз Арне лежал на кровати в доме старого Сантьяго и курил. Нечаянно он обронил сигарету и стал в поисках окурка лихорадочно ворошить соломенный матрац, от которого уже поднимался вверх угрожающий дымок.

— *Х а к а-л е*, — сказал Сантьяго, с наслаждением продолжая дымить своей сигаретой. — Закури другую!

В этой своеобразной атмосфере *х а к а-л е* и беззаботных улыбок *а ку-а ку* были совершенно неуместны. Поэтому островитяне сторонились их, но не предпринимали ничего, чтобы с ними разделаться. *А ку-а ку* подстерегали их в скалах, омрачали людям радость.

Старый Сантьяго, этот беззаботный и веселый оригинал, всегда был доволен жизнью, вечно смеялся и улыбался. Но когда Арне выразил желание разбить палатку близ кратерного озера в Рано Рараку и пожить там в одиночестве, лицо Сантьяго тотчас же стало суровым. Сам он ни за что на свете не спустится ночью в этот кратер: *а ку-а ку* прячутся здесь за каменными статуями, свистят в зарослях камыша.

Вот почему я так удивился, когда старый Сантьяго

предложил провести нас в пещеру. Из археологов я решил взять с собой Арне, он лучше других знал старого Сантьяго. Кроме того, с нами отправились капитан, штурман и чилиец Санчес в надежде, что и им представится возможность посетить пещеру.

Поздно ночью наш «виллис» остановился у маленького каменного домика. Из двери вышел настороженный «сын вождя», его жена и молодой человек, которого он представил нам как сына Сантьяго

— Но где же Сантьяго?

— Он заболел и не может с нами поехать. Но он объяснил сыну, где пещера.

Знакомая история! Неожиданное изменение программы, никогда не приводившее к хорошему результату. Я решил проверить, действительно ли болен Сантьяго, и вошел в домик. Хозяин с унылым видом сидел в углу на корточках. Увидев меня, он начал сухо и напряженно кашлять. Никакой температуры у Сантьяго не было, равно как и других признаков заболевания. Но на лице его было написано, что старик горько раскаивается в своем обещании.

— Сантьяго, ты здоров как бык, старый ты плут! Неужели ты боишься а ку-а ку, если я с тобой?

Он с жадностью схватил сигарету и затянулся с таким наслаждением, что все лицо, вплоть до ушей, изрезалось морщинками, как настоящая гармонь.

— У меня болит спина, сеньор.

— Тогда ты должен бросить курить.

— Но она не очень болит.

Я долго шутил и балагурил со стариком, пока он, нехотя, с гримасой, не забрался в машину. Теперь нас в «виллисе» было девять человек. Молчаливый и суровый Сантьяго сидел рядом со мной и показывал дорогу. После Рано Рараку мы направились южным берегом по едва заметной колее вдоль обрыва. Дороги мы почти не видели, зато гораздо лучше ее чувствовали — приходилось крепко держаться, чтобы не вылететь из машины.

— Сеньор, это не такая пещера, в каких прячут вещи,— неожиданно промолвил старик, надеясь, что у меня пропадет к ней интерес.

— В ней, значит, ничего нет?

— Нет, кое-что есть. Я не был там с семнадцатилетнего возраста. Это место показала мне перед своей смертью одна старуха.

Не доезжая Ваиху, старик попросил остановить машину, и остаток пути мы проделали пешком.

Была ясная лунная ночь, когда мы спустились к краю обрывающихся к берегу скал. И снова увидел я внизу под нами серебристо-серые волны прибоя, с шумом набегавшие на глыбы лавы. Сантьяго нес самодельную веревочную лестницу — две тонкие веревки с редко укрепленными между ними перекладинами. На самом краю обрыва жена «сына вождя» передала ему пакет, из которого Сантьяго извлек жареного цыпленка, завернутого в банановые листья, и попросил меня съесть гузку, «потому что пещеру он показывает мне». В пакете лежал также печеный батат, но съеден был лишь куриный копчик. Кроме меня, никто к еде не притронулся, и остаток дивной курятины положили на камни.

Затем, повернувшись лицом к морю, старик неожиданно запел приглушенным голосом какую-то монотонную песню. Внезапно прервав ее, Сантьяго повернулся лицом ко мне и тихо сказал, что я должен пообещать ему оставить одну из вещей в пещере — все равно какую, но одна вещь обязательно должна там остаться. «Таков закон», — пояснил он. Пещера принадлежит ему, а там внутри покоятся его далекие предки. Поэтому он нараспев сообщил а к у-а к у имя нового законного владельца пещеры.

Закончив объяснение, Сантьяго зацепил верхнюю перекладину веревочной лестницы за кусок лавы на краю обрыва, остальную ее часть сбросил вниз.

Я лег на живот и, свесив голову с обрыва, осветил фонариком. Прямо под нами болталась в воздухе веревочная лестница — значит, мы находились на нависавшем над океаном карнизе. Сантьяго приказал своему сыну раздеться и остаться в одних трусах. Ему предстояло спуститься вниз первым. Братся за перекладины лестницы в тех местах, где она плотно прикасалась к скале, было больно, а расстояние между редкими

ступеньками было довольно большим. Высота обрыва от бурлящих внизу волн до карниза составляла лишь десять метров, но и двух было бы достаточно, чтобы разбиться об острые камни.

Спустившись вниз примерно на два человеческих роста, сын Сантьяго вдруг исчез, виднелась лишь пустая лестница. Мы высунулись с фонарем, но его не было видно — вероятно, парень оставил лестницу и проник в незаметное сверху отверстие. Вскоре вниз направился «сын вождя» и исчез в том же самом месте. Когда же очередь дошла до третьего, мы, к своему ужасу, увидели, что «сын вождя» поднимается по лестнице обратно с быстротой, какую только позволяют ему редкие ступеньки.

— Увидел что-нибудь? — спросил я его.

— Да, в пещеру ведет длинный тоннель.

— А что в пещере?

— О, этого я не видел. Внутри я не вошел, потому что не привык к пещерам.

— Если не привык к пещерам, значит боится дьяволов, — заметил старый Сантьяго, и Энлике подтвердил эти слова. Жена с волнением смотрела на него, явно радуясь тому, что он благополучно вернулся.

Спускаясь по веревочной лестнице, я испытывал не меньший страх, чем мой предшественник, но совсем по другой причине. Я думал о том куске лавы, на котором висела лестница, и о моих собственных уставших пальцах, с трудом находивших опору там, где веревка была плотно прижата к скале. Чтобы достать носком ноги до следующей ступеньки, мне приходилось сгибать другую ногу в колене до самого подбородка. Вскоре я достиг того места, где лестница свободно болталась в воздухе, и тотчас же заметил посреди обрыва узкое отверстие, в котором исчезали сын Сантьяго и Энлике. Держась изо всех сил за обе веревки, я протиснулся между ними лицом вверх, пока не попал ногами в маленькое отверстие. Мне удалось просунуть их до колен, а тело в ужасно неловком положении продолжало висеть в воздухе. Цепляясь руками и локтями за лестницу, я попытался протиснуть-

ся глубже. Но не было ни одной твердой точки, от которой можно было оттолкнуться, а лестница от моих движений лишь дальше отходила от скалы. Мне приходилось подтягиваться, цепляясь пятками и носками за щель, пока живот, наконец, не оказался в тоннеле. Спина совсем онемела, когда я, наконец, протиснулся настолько, что смог освободить одну руку и стал на ощупь искать какую-нибудь опору в скале. Только я собирался отпустить вторую руку, как лестница откачнулась и чуть было не вытащила меня обратно из отверстия. Я повис лицом вверх, лишь наполовину втиснувшись внутрь. А ведь «сыну вождя» ничего не стоило преодолеть этот же путь!

Очутившись, наконец, целиком внутри прохода, я почувствовал себя в безопасности, на душе стало легче. Продвигаясь ногами вперед, я прополз еще на несколько метров в глубину и облегченно вздохнул, очутившись в низкой пещере. Как раз в этом месте Энлике почудилось что-то дурное, лишь здесь он испугался и полез назад.

Сын Сантьяго зажег стеариновую свечу. Выпрямившись, я увидел вокруг себя скелеты. Они принадлежали умершей родне Сантьяго и были завернуты в циновки из прогнившего и побуревшего камыша; от малейшего прикосновения камыш рассыпался на кусочки. Часть костей приобрела от времени необычную сине-зеленую окраску. Возле двух скелетов, лежавших у самых моих колен, я заметил несколько небольших свертков, завернутых в такой же прогнивший камыш. Я осторожно дотронулся пальцами до одного из них; гнилой камыш рассыпался, но внутри я нащупал что-то твердое.

В этот миг на нас едва не обрушилась большая беда. Стараясь попасть с веревочной лестницы в узкое отверстие щели, Арне, балансируя как акробат, поломал себе ребро. Он почувствовал резкую боль, и ему стоило огромных усилий не выпустить из рук опору. Перелом был далеко не шуточным. Арне потом вполне серьезно утверждал, что сам слышал хруст

Мы помогли Арне пролезть в пещеру, и то, что он там увидел, заставило его на время забыть о своей

боли. Он терпеливо ходил по низкому и неприятному гроту. Просто уму непостижимо, как в прежние времена островитянам удавалось спускаться с обрыва в это узкое отверстие покойников. Правда, отец Себастьян рассказывал мне, что после введения здесь в прошлом столетии христианства с принудительным захоронением умерших на кладбище в Хангароа некоторые старики пробирались заблаговременно в свои тайные пещеры, чтобы там умереть и оставаться лежать после смерти. Последним, кому удалось спрятаться, похоронив себя таким способом заживо, был старый Теаве, дед здравствующих ныне внуков.

Но здесь все окружавшие нас скелеты были завернуты в камышовые циновки. Родичи, очевидно, спускали их сверху на веревке до уровня входа, а затем ранее забравшиеся в щель люди втягивали тела внутрь.

Капитан, штурман и Санчес тоже спустились в пещеру, и наверху остались лишь Сантьяго и «сын вождя» со своей женой. Мы делали снимки и наброски, насколько позволял низкий потолок, а затем принялись исследовать содержимое пещеры. Тут и там на каменном полу беспорядочно лежали скелеты, а рядом — небольшие свертки из камыша, составлявшие все имущество, оставленное здесь вместе с телами умерших. Стоило прикоснуться к ним рукой, как оболочка превращалась в труху. Два свертка развалились еще до того, как мы к ним притронулись, и можно было рассмотреть содержимое.

Самый крупный из свертков содержал вырубленную из камня фигуру женщины. Из другого торчало двойное лицо с четырьмя глазами и двумя длинными носами, причем носы изгибались вокруг камня и встречались вновь с другой его стороны в виде наконечников копья. В глубине пещеры лежал скелет, а рядом с ним сверток, причем упаковка тут настолько сохранилась, что когда мы ее разворачивали, камыш не рассыпался.

Внутри этого свёртка лежала скульптура омара, точная копия фигурки из пещеры старосты, наделавшей столько шума. Может быть, скелет, рядом с кото-

рым мы нашли изображение омара, принадлежал когда-то рыбаку, заинтересованному, конечно, в том, чтобы омар был особенно плодовитым.

Во всей пещере имелось всего десять фигур, и все были обернуты в камыш. Две из них, небольшого размера, очень похожие друг на друга, изображали стоящего человечка с клювом. Выполняя данное старому Сантьяго обещание, мы оставили в пещере одну из этих фигурок.

Чтобы выбраться наружу, мы опять должны были лечь плашмя на спину и, отталкиваясь ногами головой вперед, высунуться из отверстия настолько, чтобы, повиснув неподвижно, как жердь, и вытянув вперед руки, достать веревочную лестницу. Затем предстояло выбраться из отверстия и подняться вверх по веревочной лестнице. Это был малоприятный акробатический номер над освещенным лунным светом ревушим прибоем, особенно для Арне с его сломанным ребром. Но все прошло хорошо, и те трое, что с беспокойством ожидали нас наверху, подумали лишь, что тело у Арне ноет от непривычки лазить по скалам.

Хорошенько запаковав все фигурки, мы переправили их на веревках наверх. Наконец был поднят последний груз, и Сантьяго убедился, что одну из вещей мы оставили в пещере. Тут я заметил лежавшего на камнях жареного цыпленка. Трудно было устоять перед запахом этого прекрасного жаркого; не оставив цыпленка для аку-аку, я взял его долю и побратски поделился с остальными.

Но островитяне к еде не притронулись и испуганно держались в сторонке до тех пор, пока обглоданные кости не полетели в море.

Аку-аку не мстил, женщина набралась теперь мужества, стала смеяться и потешаться над своим мужем за то, что тот побоялся залезть в пещеру. Чем дальше мы уходили от скал, тем она становилась храбрее. Когда мы втиснулись в «виллис» и покатали при свете луны обратно, мне даже стало жаль сидевшего позади нас статного парня. Жена шумела, смеялась и поддразнивала его до тех пор, пока и сам он не начал над собой смеяться. Покачивая головой, он уверял нас,

что стал теперь умнее и никогда больше не даст запугать себя духами и дьяволами. А теперь скорей домой, строить новый дом!

На острове был человек, который в отличие от «сына вождя» привык общаться с дьяволами. И случилось так, что младший брат старосты Атан, сам того не подозревая, привел меня прямо в осиное гнездо. Разделавшись сам со своей пещерой и получив взамен более полезные вещи, Атан уже не сомневался, что такая сделка приносит «хорошее счастье». В деревне у Атана было много друзей и совсем не было врагов. Все любили его. Соблюдая величайшую осторожность, Атан попытался теперь разузнать, у кого еще из островитян имелись тайные пещеры.

Под предлогом необходимости сделать фотосъемки при закате солнца наш фотограф, капитан, три машиниста, кок и его подручный однажды вечером покинули лагерь. Староста, маленький Атан, Ласарус, а также члены экспедиции стояли возле палаток и приветливо махали им вслед. Будучи приглашены в тот же вечер к губернатору, мы, оставшиеся в лагере члены экспедиции, тоже вскоре выехали из лагеря на своем «виллисе». Староста и Атан просили подвезти их до деревни.

Не успели мы скрыться из виду, как Ласарус вскочил на коня и поскакал вдоль северного побережья к месту условленной тайной встречи с фотографом и его спутниками. Другие островитяне ничего не должны знать. Всадники имели при себе рюкзаки, полные картонных коробок и мешковины,— они намеревались забрать в пещере Ласаруса оставшиеся скульптуры и под покровом ночи незаметно доставить их в лагерь.

Сам же я в сопровождении Атана собирался в эту же ночь на новое приключение. Атан давно уже подозревал, что зять его Андрес Хаоа имеет свою пещеру, а теперь, наконец, подозрения его подтвердились.

— Помнишь ты Андреса Хаоа, сеньор Кон-Тики? Он принес тебе осколки и пу маенго. И осколки и целые кувшины, которые он показывал отцу Себастьяну, спрятаны в его пещере.

Знакомство с Андресом Хаоа было для меня самой большой неудачей. Он был смертельно на меня обижен за то, что я обвинил его в мошенничестве и лишил вознаграждения за находку в раскопной яме около Аху Тепеу осколков керамики. Маленький Атан все это понимал. Он посоветовал мне послать дружеский подарок Андресу Хаоа, тогда все уладится. Я передал ему несколько долларов и две коробки сигарет, и мы договорились, что после окончания вечера у губернатора я приду ночью к Атану, а тем временем последний готовится подготовить встречу.

Около полуночи я попрощался с губернатором, рассказав ему, что принимаю участие в тайных походах в подземелье острова, но до окончания работ на острове я не могу сообщить ему никаких подробностей. Губернатор поблагодарил меня за эти сведения. До него доходили удивительные слухи, но в Хангароа всегда рассказывают так много небылиц, что никто не верит этим разговорам.

Ровно в полночь я вошел в маленький домик Атана. Он сам открыл мне дверь, и первым, кого я увидел при неверном свете стеариновой свечи, был мой старый «недруг» Андрес Хаоа, владелец загадочных черепков. Он сидел небритый и взлохмаченный, уставившись на меня своими налитыми кровью глазами. Вскочив со скамейки, он вдруг заключил меня в свои объятия, называя братом и уверяя, что готов оказать мне любую помощь. Маленький добродушный Атан гордо выпятил грудь, хвастаясь своей собственной м а н а; она помогла ему сбересть нашу дружбу с Андресом, благодаря ему, Атану, мы вновь встретились в этом доме.

Свою сильную м а н а Атан унаследовал от матери. Хотя он был самым младшим в семье, она любила его больше остальных детей и решила передать ему всю свою магическую силу. Атан рассказал мне, что, увидев мой дружеский подарок, Андрес Хаоа очень расстрогался. Сам Андрес Хаоа признался мне, что заплакал от радости, получив подарок и послание о дружбе и примирении. Он объяснил мне, что когда в тот раз принес осколок настоящего м'ае н'го, то попал в очень затруднительное положение: я сразу же потре-

бывал показать мне место находки, а ведь он взял осколок в своей родовой пещере и показать ее мне не мог. Чтобы мы не догадались об этой пещере, он был вынужден повести нас в другое место.

Рассказанная Андросом история звучала вполне правдиво. Теперь же, продолжал Андрос, он столько наслышался обо мне от Атана, что охотно готов вручить «ключ» от пещеры, чтобы я своими собственными глазами смог увидеть керамику. Но младший брат Андроса тверд как камень, и сначала надо его склонить в мою пользу. Хотя брат и не был старшим, все же он получил «ключ» от своего отца и распоряжался пещерой. У него в доме живет а к у-а к у, и он страшно разозлился, когда Андрос предложил ему сегодня вечером передать «ключ» сеньору Кон-Тики.

— Пойдемте сейчас вместе к его брату,— предложил маленький Атан.— С помощью нашей совместной м а н а нам, быть может, удастся его уломать.

По случаю вечера у губернатора на мне был белый костюм. Я сменил его на предусмотрительно захваченные с собой рубашку и темные брюки хаки, после чего мы все трое выбрались из дому и пошли из деревни в северном направлении. Долго путешествовали мы в эту лунную ночь, и чем дальше шли, тем больше шептались, тем пламеннее звучали слова, уверения в дружбе и братстве. Атан питал к нашей совместной м а н а безграничное доверие и утверждал, что является еще более чистокровным норвежским длинноухим, чем я сам. Оба спутника объяснили, что если младший брат Андроса, Хуан Хаоа, попытается подстроить мне ловушку и сразу же отдаст «ключ» от пещеры, я должен сказать «нет!» и скрестить руки на груди. А если он затем передаст «ключ» своему старшему брату Андросу, то я должен с благодарностью принять его из рук последнего.

Выйдя за черту деревни, мы попали в пустынную местность и остановились, наконец, перед высокой каменной оградой. Позади нее на фоне звездного неба неподвижно раскинул свои блестящие листья банан, наполовину скрывая собой небольшой побеленный каменный домик. В нем не было окон, и он казался не-

жилим. Ничто не обнаруживало здесь признаков жизни. Полусгнившая лестница, отдельные ступени которой были сломаны, вела вверх на каменную ограду, а с обратной стороны другая лестница спускалась вниз. Маленький Атан набрался духу — он первым войдет внутрь и предупредит о нашем приходе. Перебравшись по зловеще скрипевшим ступеням через каменную стену, Атан вскоре подошел к двери и осторожно постучал. Кто-то приоткрыл дверь, впуская его внутрь, и мы заметили полоску света.

Пять минут спустя Атан вышел один и вернулся к нам. Вид у него был жалкий и растерянный. Младший брат Андреаса был непоколебим. Надо идти туда всем троим и, объединив наших а к у-а к у, попробовать его убедить.

Мы перелезли через ограду и вместе подошли к домику. Я вошел первым, двое других шли за мной по пятам. В помещении, всю обстановку которого составляли выкрашенный в белый цвет стол и три короткие скамейки, стояли два здоровенных мрачных типа. Они упрямо и враждебно глядели нам в лицо. Казалось, эти люди способны на все, кроме шуток. Одному из них было на вид лет тридцать с лишним, другому чуть за сорок.

Я поздоровался, они ответили неприязненно, даже не шелохнулись. У младшего брата Андреаса была осанка, как у индейца из американского кинофильма, упрямое выражение лица и колючие глаза. Рот и подбородок окаймляла черная щетинистая борода, точь-в-точь как у брата, стоявшего позади меня. Борода на этом острове была редкостью, хотя староста, Атан, а также ряд других жителей сумели отрастить усы. Бородач стоял, широко расставив ноги, засунув руки за пазуху, частично обнажая грудь. Пронзив меня взглядом своих полуоткрытых глаз, он медленно, словно находился в трансе, произнес:

— Посмотри моего а к у-а к у. Это его дом.

Теперь надо держаться крепко: судя по лицам этих людей, борьба предстояла нелегкая.

— Знаю,— ответил я.— Я вижу.

Казалось, моя реплика его только рассердила.

Взглянув мне злобно в лицо, он вызывающе сделал два шага в мою сторону. Сдерживая кипевшую внутри ярость, он прошипел:

— Покажи мне силу твоего а к у-а к у.

Было ясно, что Атан много наговорил обо мне и моем а к у-а к у, и все четверо ожидали увидеть чудо. Лица их выдавали взволнованное ожидание, а бородатый человек, стоявший в непосредственной от меня близости, не мог скрыть вызова, смешанного с презрением. Он казался пьяным, но это было не так; то было самовнушение, почти транс. В этот момент он был своим собственным а к у-а к у.

Я подошел дюйма на два поближе, так что мы едва не касались друг друга грудью

— Если твой а к у-а к у так же силен, как и мой,— сказал я, придавая своему голосу оттенок сдержанного презрения,— то пошли его из дома на вершину Оронго, в кратер Рано Као; через стену в Винапу; к статуям Рано Рараку; в Анакену; Хангароа, по всему острову. Спроси его, изменился ли остров, не стало ли все вокруг лучше. Спроси, не появились ли древние стены и сооружения, не поднялись ли из земли неизвестные статуи. Когда ты получишь от своего а к у-а к у ответ, я спрошу тебя: нужны ли тебе еще доказательства силы моего а к у-а к у?

Это доказательство оказалось для него достаточным, он отбросил свои сомнения и предложил мне сесть рядом с ним на скамейку.

Маленький Атан снова почувствовал себя уверенно. Вместе с Андресом они принялись настойчиво упрашивать Хуана передать мне «ключ». Вскоре второй угрюмый парень присоединился к нашим просьбам и учтиво предложил Хуану предоставить «ключ» в мое распоряжение.

Но главный герой, восседавший на воображаемом золотом троне, не удаивал нас своим вниманием. Он сидел выпрямившись, со сложенными накрест руками, стиснутыми зубами, выпятив вперед губы, точно так же как на каменных изваяниях. Самовнушением он возвеличивал себя, возвышаясь в собственных глазах и в глазах своих друзей, напоминая упоенного со-

бой шамана или верховного жреца, которого вдруг перенесли из прошлого в наши дни и облачили в современную одежду.

Три человека стояли перед ним в унижительной позе, убеждая отдать «ключ». Они просили, умоляли, один даже стал на колени, но он сидел, наслаждаясь чужим унижением, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, словно купаясь в лучах яркого солнца. Изредка он важно поворачивался в мою сторону, стараясь подчеркнуть свою огромную духовную мощь, свою мана. В его жилах текла кровь имени-тейших племен, и в этом он видел источник своей сверхъестественной силы. К тому же он находился в доме, где а ку-а ку окружали и надежно защищали его со всех сторон. Позади дома обитал самый могущественный из всех а ку-а ку острова: дом Хуана стоял перед хижиной старой Таху-таху, тетки его жены. Никаких других живых соседей у брата Андреса и его жены не было. Правее и ниже по склону виднелся одинокий, заброшенный домик; хозяйка его умерла, и жил в нем теперь лишь один а ку-а ку. Один а ку-а ку жил позади дома, по одному с каждой стороны, и один обитал в самом доме. В глазах бородатого человека появился зловещий огонек; чем больше он себя возвеличивал, тем становился все более несговорчивым, и я поспешил прервать эту церемонию.

Воспользовавшись его же методом, я начал пыжиться и хвастаться, и бородатый фанатик, чем больше меня слушал, становился все более смиренным, исчезал его важный и напыщенный вид.

Я рассказал, что унаследовал сильнейшую мана от своего могущественного названного отца Теринероо, последнего большого вождя на Таити. Умирая, он дал мне королевское имя Тераи Матеата, что значит «синее небо». Кроме того, всю свою мана передал мне также последний из вождей на Фату-Хиве, Теи Тетуа. А когда я пристал на плоту к Рароиа, то получил еще более сильную мана: все жители устроили празднество в память первого короля острова, Тикароа, и приняли меня в свою общину под именем Вароа Тикароа, или «Дух Тикароа».

Мой рассказ возымел свое действие. Противник мой все более и более смягчался и в конце концов сдался. Он медленно поднялся с места, встали и мы. Затем, обратившись к своему суровому другу, произнес:

— Туму, будь свидетелем!

Слово т у м у мне встречалось в книгах. Это было не имя, а титул. Предыдущие исследователи упоминали о нем, как о загадочном слове, оставшемся от первоначального общественного строя острова Пасхи, слове, которое, мол, сами островитяне больше не понимают и не могут объяснить. Теперь же передо мной предстал живой т у м у; оказывается, он отнюдь не забыт и даже развивает активную деятельность. Позднее Атан рассказал, что Хуан Нахое является т у м у для семьи Хаоа, то есть посредником и судьей между братьями в семейных делах.

Бородатый фанатик стал прямо передо мной, а Туму расположился рядом.

— При сем вручаю тебе ключ от одной из моих двух пещер,— произнес он таким замогильным голосом, словно выносил смертный приговор.

Остальные стояли тише воды, ниже травы: не раздавалось ни звука, даже пламя стеариновой свечи застыло неподвижно.

Передо мной возникла новая проблема: что делать? Сложить руки накрест и сказать «нет» или подождать? Ведь он предложил мне «ключ», но не показал его. Поколебавшись какое-то мгновение, я сухо ответил «спасибо», продолжая степенно стоять и не двигаясь с места. Он тоже долго не шевелился, вперив в меня свои черные как смоль, колючие глаза. Затем круто повернулся и вышел в дверь с горделивой торжественностью.

Остальные трое почувствовали невыразимое облегчение. Маленький Атан вытер пот, который струился у него со лба, хотя единственным источником тепла в ночной прохладе была маленькая стеариновая свеча, мигавшая сейчас вслед вышедшему в дверь человеку. Отделавшись от напряжения и усердно жестикулируя, эти трое являли собой резкий контраст чопорному субъекту, только что покинувшему помещение.

Прошло несколько минут, и угрюмый хозяин вернулся, неся под мышкой плоский легкий сверток, а в руке тяжелую корзину. И то и другое было сплетено из камыша т о т о р а. Плоский сверток он передал брату, чтобы тот положил его на стол, а сам вновь неподвижно стал передо мной, вперив в меня свой взор.

Корзинку он держал в руке, но передать ее мне не спешил. Я тоже стоял неподвижно, не выражая на лице ничего, кроме гордого презрения и полного безразличия. Внезапно он круто повернулся к своему брату Андресу и передал корзинку ему, а тот тут же протянул ее мне. Я взял корзинку, поблагодарив Хуана за то, что он сначала передал «ключ» не мне, а своему старшему брату. Слова мои, однако, не смягчили сурового выражения его лица. Постояв немного в нерешительности, он неожиданно показал на лежавший на столе сверток и подверг меня новому испытанию.

— Что в этом свертке? — не спеша спросил он.— Покажи силу твоего а к у-а к у!

И снова все четверо устремили на меня нетерпеливые взоры. От напряжения у меня буквально трещали мозги. Я чувствовал, что если не выдержу этот похожий на кошмарный сон экзамен, то может случиться все, что угодно. Сверток величиной с портфель, слишком плоский для того, чтобы содержать какое-нибудь изделие из камня или дерева, был изящно сплетен из камыша, и когда Андрес клал его на стол, сверток казался мне легким и мягким, как большой конверт. Я понял, что камень — «ключ» от пещеры — лежит в корзине, и решил, что сверток на столе также наверняка взят из той же пещеры. Плетение в обоих случаях было совершенно одинаковым.

И тут я вспомнил красивые изделия из перьев, какие нам часто приносили местные жители. То были копии старинных головных уборов из перьев и длинных лент — украшения для пляски. Прежним путешественникам приходилось видеть, что именитые жители острова Пасхи носят накидку и корону из перьев, в точности как у предводителей индейцев обширных районов Мексики и Южной Америки. Может быть, что-нибудь подобное от более поздних времен имелось в пещере

Адреса? Изделия из перьев — далеко не глупая затея. Но что же находится тогда в свертке: лента на голову или что-нибудь другое? Остальные сгорали от нетерпения услышать мой ответ. Надо решаться.

— Мой а ку-а ку говорит: «К о н п л у м а» — «с пером», — сказал я осторожно, не углубляясь в детали.

— Нет! — прошипел фанатик и подпрыгнул, как тигр — Нет! — повторил он яростно — Спроси своего а ку-а ку еще раз!

Он нагнулся, как готовая к прыжку кошка, и построил язвительную гримасу, выдавая свое торжество. Маленький Атан снова вытирал пот и совсем приуныл. Он умоляюще смотрел на меня, как бы желая сказать, что теперь я во что бы то ни стало должен вразумить своего а ку-а ку. Туму и Адрес с угрожающим видом медленно приближались ко мне. Мне стало не по себе. Эти люди были фанатиками, а я невзначай забрался в самый глухой уголок их тайника. Если что-нибудь со мной случится, ни одна душа не узнает, где я нахожусь. Ни один звук из этого уединенного домика не долетит до деревни. Мои друзья будут думать, что я свалился с обрыва или застрял в тайной пещере. Нигде в мире нет такого множества тайников, где человек может совершенно бесследно исчезнуть.

Я не представлял себе содержимое этого свертка. Оставалось лишь отгадывать. Может быть, там лежит т а п а или луб?

— Что-нибудь из одежды, — попытался я

— Нет! Спроси своего а ку-а ку еще раз, и спроси хорошенько!

Теперь все они угрожающе еще ближе придвинулись ко мне, одна половина моего мозга стала обдумывать возможности борьбы или бегства, тогда как другая продолжала размышлять над тем, что же могло быть, наконец, в этом свертке

— Материал, — сделал я последнюю попытку, действуя по методу норвежских радиовикторин.

В ответ раздалось странное ворчание, и меня попросили развернуть свертки. Съедаемый взглядами островитян, обступивших меня, как грозовые тучи, я развязал

шнур из камышового волокна и достал переплетенную книжку, полную изящных значков ронго-ронго. Она напоминала ту драгоценную тетрадь, которую я уже однажды видел у «деревенского капитана». Похожие на иероглифы фигурки были нарисованы выцветшими от времени чернилами. И вдруг, словно молния, меня осенила мысль, что одно и то же слово означает по-испански перо птицы и то перо, которым мы пишем.

Я швырнул книгу на стол, едва не загасив свет, и в негодовании выпрямился.

— Мой а ку-а ку был прав! — воскликнул я. — Он сказал кон плума, а это ведь и написано кон плума, «пером»!

Лица у всех мгновенно изменились. Они выпрямились и, как идиоты, посмотрели друг на друга. Ошибка допущена ими. Сурового парня с черной бородой и свирепыми глазами словно подменили. О возможности такого толкования он и не подумал.

Первым молчание нарушил маленький Атан. Он чуть не лишился дара речи и смог лишь буркнуть, заикаясь:

— Ох, ну и сильный же у тебя а ку-а ку!

Эти слова зажгли в моем бородатом противнике большую искорку ревности.

— Посмотри на а ку-а ку в книге, — сказал он. — Гляди!

Он начал перелистывать большие страницы книги, похожей на фантастическое иллюстрированное издание, пока не остановился на одной из них. Левая сторона была вся исписана значками загадочных пиктограмм без каких-либо пояснений. С правой стороны повторялось двадцать знаков-картинок, переведенных на язык местных жителей при помощи неуклюжих латинских букв. Внизу страницы выцветшими бурыми чернилами была написана одна-единственная строчка.

— Вот а ку-а ку, — буркнул он, показывая на эту строчку.

Я прочитал:

— Кокава аро, кокава туа, те игоа
оте а ку а ку, е ру а

— «Когда истреплется спереди и истреплется сзади,

сделай новую», вот как зовут в книге а к у-а к у,— с гордостью сказал владелец, давая приблизительный перевод древней фразы. Меня поразила гениальность этой простой мысли. Тот, кто некогда создал книгу, дал здесь мудрый практический совет грядущим поколениям: снять своевременно копию, предупредить этим гибель книги. Совет свой он превратил в а к у-а к у, чтобы никто не посмел ослушаться.

— Это и есть а к у-а к у,— гордо повторил человек, ткнув пальцем в мудрое изречение: восхищайтесь, мол, все.

— Какая сильная книга! — сказал я, понимая, что эпитет этот определяет ее гораздо ярче, чем слова «интересная», «красивая» или «прекрасно сделанная». Было ясно, что читать свою книгу владелец не умеет, она лишь является для него магическим предметом.

С этого момента все мы стали друзьями, меня называли «братом» и не сводили с меня восторженных взглядов. И все же полной уверенности здесь я не чувствовал.

— Теперь мы братья,— сказал Хуан, положив руки мне на плечи.— Теперь мы выпьем кровь друг друга.

Маленький Атан бросил на него взгляд, в котором смешались страх и восхищение. Я же старался казаться невозмутимо спокойным и ничем не выдать своего состояния. Если мне удавалось до сих пор преодолевать все психологические пытки, то никто в эту ночь не сможет испугать меня царапиной. Но мысль о необходимости пить кровь этого неприятного субъекта была невыносима. Я вспомнил, как староста и Атан однажды рассказали нам с Эдом, что они иногда подмешивают к воде костяную муку своих предков и пьют ее для большей «силы». Видимо, сейчас мне предстояло нечто подобное.

С важной осанкой зловещий человек прошел в другую комнату. Я полагал, что назад он вернется с ножом, но вместо ножа он с угрюмым видом принес бутылку с красной жидкостью и пять стаканов. Откупорив ее, он налил мне целый стакан, а остальным — на донышке. Каждый из нас должен был несколько раз повторить

слово т а к а п у. Атан уже рассказывал мне, что слово это придает человеку м а н у, оно делает а к у-а к у зрячим. Прежние исследователи переводили его как «ритуальная земляная печь», но это неверно: оно не имеет ничего общего с земляной печью, если впереди не стоит у м у, но тогда именно у м у означает «земляная печь».

После того как мы достаточное число раз произнесли это магическое слово, я украдкой понюхал свой грязный стакан. Настоящее красное вино, полученное на «Пинто»! Прежде чем выпить, главный герой зловещим голосом произнес:

— Теперь мы выпьем нашу смешанную вместе кровь.

Мысль о том, что вино отождествляет кровь, он, видимо, позаимствовал из церкви. Когда мы осушили стаканы, он налил снова: глоток себе и остальным, полный стакан мне.

— Ты наш главный брат, пей больше,— добродушно произнес бородач, и я был рад, что он наливает себе так мало. Правда, теперь между нами царила тесная дружба, раздавались высокопарные слова о наших а к у-а к у и братстве. Я был их начальником, и у меня находился «ключ» к одной из их пещер, к «хорошему счастью» для всех пятерых. Насколько я понимал, ответственность за вторую пещеру лежала теперь на Туму. Если я возвращусь сюда и поселюсь среди них навсегда, пещера эта станет моей.

Вскоре бутылка была пуста, и большую ее часть выпил я.

— Взгляни на мою бороду,— похвастался чернобородый разбойник, мой новоиспеченный младший брат.— В ней моя сила,— добавил он торжественно.

Я пожалел, что вид у меня сейчас был не такой, как после проведенных мною сто одного дня на плоту. Но ведь теперь они все равно признали мою силу, хотя я и был гладко выбрит.

Я снова почувствовал себя превосходно. Никогда выпитое вино не доставляло мне такого наслаждения! Я взглянул на часы — три часа ночи. До лагеря далеко, и надо подумать о возвращении. Я дружески поблагодарил всех, с жадностью схватив драгоценную книгу

ронго-ронго и корзину с «ключом» от пещеры. Братья заявили, что мне следует устроить для них угощение и они придут на другой день в лагерь. Я ответил, что рад буду видеть их всех у себя, и вышел вместе с Туму, Андресом и Атаном на свежий, прохладный ночной воздух.

На следующий день мои новые братья зашли за мной и проводили на вершину какой-то горы. Отсюда открывалась прекрасная перспектива на большую часть острова. Фанатик взобрался на земляной пригорок, повернувшись лицом в сторону океана, и, обращаясь то вправо, то влево к невидимым слушателям, приглушенным голосом начал произносить речь. Под мышкой левой руки он держал в папке из камыша книжку ронго-ронго, а правой посылал в небо какие-то сигналы. Говорил он по-полинезийски низким, почти беззвучным голосом, но походил на оратора, взобравшегося в Гайд-парке на ящик из-под мыла. Вздвигая жесты, он словно старался удержать внимание большой, никому не видимой аудитории, которая мерещилась ему в море и на лежащей под нами равнине. В расстегнутой рубашке и развевавшейся на ветру распахнутой куртке, он стоял одной ногой в прошлом, другой среди нас, словно живой символ народа, переживающего переходный этап своего развития.

Закончив речь, разгоряченный Хуан спустился к нам в канаву и подарил мне изумительную рыбу-парус, вырезанную им из дерева. Затем достал тетрадь ронго-ронго и начал энергично ее листать, пока не дошел до той страницы, где находился а к у-а к у. Держа палец на нужной строке, он опять тихим голосом обратился с речью в пространство, после чего попросил меня взять книгу и громко прочесть изречение а к у-а к у. Трое островитян благоговейно меня окружили, под нами раскинулся удивительный остров, а я читал:

— Кокава аро, кокава туа, те игоа о те а куа ку, е ру а.

Все трое сосредоточенно и с удовольствием меня слушали, и на этом церемония закончилась. Предки были призваны в свидетели законной передачи книги в мое владение. Мы спустились с горы вниз, к зеленому

палаткам, где нас ожидал накрытый стюардом стол с холодными закусками.

Наша трапеза напоминала завтрак, состоявшийся уже однажды перед тем, как идти в пещеру маленького Атана. Но эта церемония была более своеобразной, а сиплые голоса, шептавшие о присущей блюдам «мощи» и «силе», звучали еще грубее. Сегодня каждый из нас сидел со своей вахиной. Ивонна страшно перепугалась, когда я тоже начал говорить неприятным сиплым голосом и вести себя столь же странно, как и остальные. Ивонна решила, рассказывала она мне потом, что у меня помутился разум.

В самый разгар еды мой угрюмый брат поднялся с места и, поглаживая свою черную бороду, уставился на небольшой норвежский настольный флажок.

— Вот где твоя сила, брат мой,—обратился он вдруг ко мне, хватая флажок.—Вот где твоя сила, отдай его мне!

Я подарил ему флажок и в придачу небольшую коробочку из целлофана с моделью плота «Кон-Тики», которую ему очень хотелось иметь. С этими подарками под мышкой он первым торжествующе вышел из палатки. Гости сели на коней и исчезли в направлении деревни.

Энлике Теао, принимавший участие в походе в пещеру Атана, решил, наконец, показать нам и свою пещеру. Нам предстояло идти в ту же ночь. До наступления полуночи мне удалось несколько часов поспать. Помимо Атана, с нами собирались идти Ивонна, Карл, фотограф и Тур младший. Пещера оказалась великолепно замаскированной, но пройти к ней оказалось нетрудно через заросшую сверху каменную осыпь у подножия скалы на западном берегу острова. Опять пришлось съесть куриную гузку и по тесному проходу спуститься в подземелье. В «прихожей» на чисто выметенном полу нас встретили два черепа. Дальше шла подковообразная ниша, напоминающая рождественские ясли: пол был застлан сухой травой, а вдоль стен на камышовых циновках лежало множество фантастических фигурок. Здесь было просто уютно! Энлике держался мило, скромно и наивно; пребывание в его пеще-

ре было для меня настоящим отдыхом после тяжелого визита предыдущей ночью к братьям-фанатикам.

Выбравшись на поверхность, мы почувствовали легкое дуновение ветерка. В небе светила полная луна, отражаясь в зеркальной поверхности черного как деготь моря.

На другой день на равнине в Анакене состоялось народное празднество с плясками. Оба доктора сидели в палатке-столовой, выжимая скудные капли крови из ушных мочек тех островитян, которых отец Себастьян называл чистокровными. Когда очередь дать кровь дошла до старосты, его братьев и сестер, они имели такой вид, словно врач тащит у них из ушей бриллиантовые серьги. Они ни секунды не сомневались, что капля крови настоящего длинноухого может продаваться за баснословные цены людям, которые владеют музеями. Наблюдая, как тщательно крохотные красные капельки смешивались с химикалиями и отправлялись затем в специальных сосудах в холодильник на судно, они всем своим видом говорили, что мы их бессовестно обманули, но ради старой дружбы они готовы для нас на все.

По равнине, среди всеобщего шума и веселья в своей соломенной шляпе расхаживал староста, выбирая по очереди намеченных им для исследования крови островитян. Повсюду раздавались песни и смех, звон гитар и ржание лошадей. В тот момент, когда я подошел к котлу, чтобы выбрать себе сочный кусок мяса, прямо передо мной остановил коня тощий старик в старой форменной куртке, оборванный и беззубый. Его ввалившиеся щеки были покрыты серой щетиной. Он приветливо со мной поздоровался. Я пригласил его сойти с коня и отведать угощения из открытой земляной печи. Но он лишь наклонился ко мне и едва слышно произнес:

— Я пришел сюда затем, чтобы сказать: тебя ожидает двойная удача. Э л ь б р у х о, колдун, сказал мне, что в полночь в воскресенье у тебя будет «хорошее счастье», если ты придешь к нему в дом; а затем тебе всегда будет сопутствовать удача.

Старик не пожелал отвечать на мои вопросы, дернул поводья и ускакал в толпу; после этого я его боль-

ше не видел. Прежде я никогда не слышал об Эль брухо; мне было известно, что колдовством занимается только старая Таху-таху. Но вскоре я подумал, что если кто-нибудь на острове и заслуживает такого имени, то только мой новый брат. Он держался так, словно считал себя шаманом: жил в домике а ку а ку перед уединенной хижиной старой Таху-таху, полагая, что со всех сторон его окружают дьяволы. Поэтому я не сомневался, что этим «колдуном» должен быть мой новообретенный младший брат, Хуан Хаоа.

Когда наступило воскресенье, мы, как обычно, направились в небольшую церковь, где под потолком все так же порхали щебечущие птички. Как всегда, появился отец Себастьян в своем ярком облачении, и в церкви воцарилась атмосфера оперного театра. Но нас окружали уже не чужие нам лица островитян. Теперь большинство из них было нам хорошо знакомо. В каждом ряду у нас были друзья. Вот сидят «полицейские» Николас и Касимирус. А там — старик Пакомио вместе с Ласарусом и молодым Эстеваном. За ними — «деревенский капитан», «сын вождя» и четверо старых братьев Пакарати. Здесь же Атан и Энлике, Альберто и Данияэль.

Показалась троица: Туму, Андрес и Хуан Колдун. Войдя в церковь, они уселись рядом на скамье. Сегодня в полночь мне снова предстояло с ними встретиться, и я не спускал с этой тройки глаз. С искренней почтительностью слушали они проповедь отца Себастьяна. С таким же жаром, как и все остальные, пели полинезийские псалмы. Огонек фанатизма погас в их глазах. Сейчас они производили даже приятное впечатление, а черные бороды не делали их похожими на разбойников. И если бы я подошел и спросил, что они делают в церкви отца Себастьяна, коли якшаются с а ку а ку и подземными дьяволами, они бы, несомненно, крайне удивились и ответили словами маленького Атана:

— Мы хорошие христиане. То, второе, о т р а к о с а а п а р т е, совсем другое дело.

Сегодня в церкви происходил обряд крещения ребенка. На первой скамейке на женской половине сидел я, его крестный отец. Позади меня Аналола, за ней ее

старая мать и вся красочная группа в а х и н. Рядом со мной восседал староста, сияя в своем лучшем наряде, и с ним его жена, рыжеволосый сын и старая, одетая в черное тетка Таху-таху. Сегодня для старосты был большой день. Он стал дедом. Его невестка подарила ему крепыша-внука взамен маленькой девочки, которую унес ко к о н г о. Безмерно счастливый дедушка хотел дать внуку мое имя. Когда отец Себастьян еще ранее спросил его, как назовут ребенка, дед заявил:

— Тур Хейердал Кон-Тики Эль Сальвадор де Нинос Атан.

Отец Себастьян в отчаянии схватился за бороду, умоляя его дать имя покороче. Когда ребенка подняли над купелью, счастливый дед подтолкнул меня в бок.

— Посмотри на волосы,— сказал он.

Вся голова маленького карапуза была покрыта огненно-рыжими волосами.

И мальчика окрестили именем Сальвадор Атан. Он был последним отпрыском на генеалогическом дереве длинноухих, тринадцатым звеном после Оророины, уцелевшего в сражении на рву Ико.

После рабочего дня наш «виллис» и все лошади с людьми экспедиции возвратились в Анакену, и лагерь погрузился в сон. Но вскоре «виллис» снова направился в деревню и с выключенными фарами остановился у калитки старосты. Когда спустилась ночь и все в деревне затихло, в домике старосты затушили свечу, и две фигуры выскользнули незамеченными из дома. То были мы с Эдом, тайно ночевавшие у старосты.

Рыжеволосый отец принятого сегодня в лоно христианства ребенка и маленький его дядя Атан уже сидели в «виллисе». Они подвинулись, чтобы дать нам место. Стараясь не поднимать шума, с выключенными фарами, «виллис» покотился по деревенской улице, миновал церковь, спустился к морю и направился вдоль берега в сторону колонии прокаженных. Мы условились, что Эд подождет вместе с рыжим парнем в машине, а мы с Атаном под покровом темноты пройдем пешком к жилищу а к у а к у.

Мы подошли к стене, к которой была приставлена наполовину сгнившая лестница, а позади, среди больших

банановых листьев, виднелся домик. Атан остановился:

— Тебе надо войти первому, — шепнул он мне. — Ты наш главный брат. Постучись в дверь и скажи: «Хуан Колдун, вставай для «хорошего счастья!»»

Перебравшись по трещавшей у меня под ногами лестнице, я подошел вплотную к дому. Кругом стояла могильная тишина. Я поднял руку и несколько раз острожно постучал в ветхую дверь:

— Хуан Колдун, вставай для «хорошего счастья!» — произнес я отчетливо.

Никакого ответа. Ни малейшего движения внутри. В огромных блестящих листьях, окружавших этот белый домик, шелестит ветер. Листья, словно растопыренные пальцы, тянутся ввысь к луне. Издали доносится слабый шум океана.

— Попытайся еще раз, — шепчет мне Атан из-за ограды.

Я постучал еще раз и механически повторил ту же фразу. И снова мне ответил один лишь ветер.

Мне стало не по себе. Возможно, это новая ловушка. Что если они сейчас подвергают меня новому испытанию?

Видя мою неуверенность, Атан прошептал, чтобы я попробовал еще раз. Может быть, они заснули там для «хорошего счастья». Сам же я хорошо понимал, что, ожидая встречи с нами, люди вряд ли будут так крепко спать, и уже начал бояться проиграть сражение. А вдруг они стоят за дверью и ждут, чтобы мой а к у-а к у их увидел? Но вот что-то явно зашелестело слева в саду — там, где огромные колыхавшиеся листья поглощали серебристый лунный свет, скрывая землю завесой густого мрака. Уж не спрятались ли они там за кустами, чтобы проверить, поможет ли мне мой а к у-а к у? Раза два мне почудился слабый шорох внутри дома, но по-прежнему никто не появлялся. Сделав шесть бесплодных попыток, я повернулся, намереваясь уйти, как вдруг отчетливо услышал за дверью шорох. Повернувшись к двери, я постучал в последний раз:

— Хуан Колдун, вставай для «хорошего счастья!»
Дверь медленно отворилась. Вышла молодая жен-

щина с самодельным светильником в руке. Заглянув через ее плечо, я увидел знакомую комнату, где мне вручили недавно книжку ронго-ронго и «ключ» к пещере. Внутри ни души — лишь маленький столик и пустые скамейки.

— Все ушли, — сказала она. — Вероятно, пошли в пещеру.

Так вот в чем дело! Они, видно, ожидают, что мой а ку-а ку поведет меня по их следу и мы встретимся возле пещеры.

К счастью, Атан тотчас же решил отправиться в деревню на поиски Андреса. На дворе ярко светила луна, и женщина затушила светильник. Усевшись на деревянную скамейку перед домом, она пригласила меня сесть рядом. Теперь-то я ее вспомнил — это жена Хуана Хаоа и младшая сестра старосты. Я не мог не заметить ее красивый профиль, освещенный светом луны, — классический профиль с тонким, чуть с горбинкой носом и тонкими губами. Трудно было поверить, что сидевшая рядом со мной жительница острова Пасхи была в действительности чистокровной представительницей длинноухих. В ней не было ничего полинезийского, и она удивительно напоминала арабско-семитскую красавицу. У нас на судне хранилась проба ее крови.

Это была умная женщина, и завязать с ней беседу не представляло никакого труда. Времени у нас было много — наступил час ночи, затем два, а Атан все еще не возвращался. Пока мы болтали, сидя при свете луны, мне удалось у нее кое о чем разузнать. Прошлой ночью мы говорили здесь о перьях, и поэтому трое парней решили, что мне необходимо иметь какой-нибудь а ку-а ку из перьев. Чтобы он был сильным, они пошли к Таху-таху и попросили ее зарезать курицу и сделать мне на голову венец из перьев. Еще несколько часов назад, когда жена Хуана ложилась спать, этот венец лежал на столе, но теперь его там нет. Она полагает, что мужчины захватили венец с собой и поджидают меня в пещере. Но она не имеет никакого представления, где находится пещера, и знает лишь, что когда муж отправляется туда ночью, он уходит в северном направлении. Ей кое-что известно о пещерах и связанных с ними обы-

чаях, но сама она подземного тайника никогда не видела.

Сведения о венце из перьев очень пригодятся, если эти трое захотят подвергнуть меня новому допросу. Теперь я сумею ошарашить их своей осведомленностью.

Прошел еще час, и, когда часы показывали уже три, мы, наконец, увидели, как маленький Атан семенит по полю из деревни.

Атан рассказал, что ему, наконец, удалось найти Андреса и Хуана в доме их сестры. Туму тоже был с ними. Последний потребовал, чтобы они поговорили и со своей сестрой насчет передачи мне пещеры, поскольку она является совладелицей тайника. Но сестра пришла в ярость, узнав, что братья не спросили ее согласия до передачи мне «ключа». Они пытались смягчить ее, соблазняя большими подарками от меня, но сестра была неумолима, угрожала поднять большой шум, если они отдадут пещеру.

Она не желала слушать даже Атана. Все трое пришли в отчаяние, особенно Туму, который явился затем, чтобы помочь найти приемлемое для всех решение. Атан сказал, что они просят меня извинить их и терпеливо ждать.

Около четырех часов ночи я пошел успокоить двух оставшихся в машине островитян, и мы решили возвращаться. «Виллис» направился уже было к деревне, как вдруг позади раздался цокот копыт. При лунном свете мы увидели, как за нами во весь опор скачет Хуан Колдун, причем с севера, а не со стороны деревни. Поравнявшись с нами, он попросил следовать за ним. Хуан Колдун казался возбужденным и усталым.

Мы повернули машину. Хуан ехал впереди, а мы с выключенными фарами за ним. Двигаясь по неровной каменистой местности вдоль освещенного луной берега, мы приближались к колонии прокаженных, и я боялся, что нас могут там услышать. Но вот мы поравнялись с грудой огромных лавовых глыб, и ехавший впереди всадник подал знак остановиться и выйти из машины. Когда я, продрогший и окоченевший, спрыгнул на землю, из-за камней появились две фигуры и в один момент очутились возле меня. Не успел я опомниться, как

они подняли руки и нацепили мне на голову венец из колыхавшихся перьев. Хуан Колдун спрыгнул с коня, привязал его к камню и мигом надел себе через плечо длинную гирлянду из таких же перьев. Эти уборы, объяснил он, показывают, что я главный брат, а он — следующий за мной по рангу. Затем он попросил меня идти за ним, и мы самым быстрым шагом, на какой только были способны, двинулись через каменистую равнину. За нами по пятам следовали Эд, Туму, Андрес и Атан. Рыжеволосый сын старосты остался присматривать за машиной.

Сделанный Таху-таху из перьев венец был точной копией х а 'у т е к е т е к е, которой украшали голову первоначальные жители острова Пасхи. Такие короны хорошо известны, они сохранились в ряде музеев мира.

С колыхавшимся на голове нарядом я чувствовал себя довольно глупо, словно впал в детство и носился по каменистым равнинам острова Пасхи, играя при луне в индейцев. Ощущение нереальности еще усилилось, когда я вскоре после этого присел на корточки, чтобы съесть две куриные гузки.

Немного погодя мы приподняли несколько камней среди остатков выветренного и покрытого трещинами потока лавы, и я в венце из перьев первым полез по тесному ходу. Под землей мы попали в широкую пещеру с низким неровным сводом. Пол застлан высушенной травой. Справа от входа — небольшой, покрытый камышовой циновкой «алтарь», на котором возвышается большая, величественная каменная голова. По обе стороны от нее стоит по черепу, один из них человеческий, другой сделан из камня. Каменный череп имел странный, вытянутый в виде воронки рот, заканчивающийся небольшим круглым блюдцем-светильником, на который из глубоких глазниц смотрели сверху большие глаза. У другой стенки, напротив этого зловещего трио, лежал еще один череп и изящный каменный пестик с изображением лица в верхней его части. Посреди пола я увидел низкую каменную плиту, покрытую сверху сухой травой и камышовой циновкой. Хуан Колдун попросил меня присесть и неподвижно глядеть в одну точку, как это делал когда-то его дед. Вдоль стен шла такая же

плита, заставленная множеством самых причудливых фигур. Помимо всех этих диковинных скульптур, с обеих сторон той плиты, на которой восседал я, лежало еще по одному желтому свертку в обертке из камыша.

Первым делом Хуан Колдун вытащил маленькую модель плота «Кон-Тики» и норвежский настольный флажок.

— Это твоя кровь,— сиплым голосом шепнул он мне, ухватившись за флажок обеими руками.— А здесь вот и п у м а е н г о, ты можешь обрести новую силу,— добавил он, показывая на свертки.

Когда я поднял свертки и заглянул в них, у меня на мгновение захватило дыхание. В каждом из них лежало по кувшину из коричневой необливной керамики. То были, видимо, два из тех трех загадочных кувшинов, которые Хуан, будучи на меня сердит и желая причинить мне зло, показал однажды отцу Себастьяну.

— Во второй пещере у него много разных кувшинов м а е н г о,— заметил Туму.— Она будет твоей, когда ты снова вернешься к нам.

На одном из двух коричневых кувшинов был нанесен простой орнамент в виде пояска. По утверждению Хуана, это работа его деда: черточки рисунка изображают людей, уходящих на войну. Кувшины стоят здесь для того, чтобы покойники могли из них напиться, если захотят.

Вернувшись в лагерь, мы внимательно рассмотрели оба кувшина, опознал их лишь Гонсало: такие кувшины в течение многих поколений делали индейцы в Чили, да и в наши дни их, верно, лепят в отдаленных районах страны.

Перед нами встала новая проблема. Эти кувшины ручной работы не были выполнены на гончарном круге: мы имели дело с техникой, типичной для американских индейцев. Как же эти примитивные индейские кувшины попали в руки жителя острова Пасхи, независимо от того, произошло ли это в древние или новые времена? И почему их сочли достойными занять место среди других фигур в родовой пещере? Почему владелец пещеры не наливает духам воду в стакан, консервную банку или кофейник? Изделия из керамики в быту острови-

тян не употреблялись, и все же у Хуана, видимо, имелись еще и другие кувшины, ибо, судя по описанию, ни один из полученных нами кувшинов не соответствовал тем трем, которые он однажды показывал отцу Себастьяну.

Всего один только раз мне пришлось еще услышать на острове Пасхи о пещере, полной древних кувшинов. Пещера эта принадлежит двоюродному брату Энлике, но тот уехал в Чили на «Пинто».

Когда я, стараясь не шуметь, пробрался в калитку домика старосты, уже светало. Где-то пропел петух. В домике ни души, кровать моя не тронута. Гостеприимный хозяин приготовил мне вкусный ужин — фрукты, сок, жареную курицу. Но самым приятным все же было растянуться на белых простынях, подаренных мною хозяину, когда он собирался ехать в Чили.

— Дон Педро, староста, — сказал я, когда мой друг, улыбаясь, вошел утром в комнату с тазом воды в руках. — Спасибо за превосходный ночлег. Но когда же ты покажешь мне свою пещеру?

— Не волнуйся, сеньор, разве сегодня ночью тебе не сопутствовало «хорошее счастье»?

— Да, сопутствовало. Но скоро я покидаю остров. Когда же я увижу пещеру Оророины?

— Не волнуйся, сеньор, ты ведь получил от меня ключ. Лежит он у тебя под кроватью?

«Ключ» у меня действительно был, и, вспоминая о нем, я не мог про себя не улыбнуться — под кроватью у меня лежала голова длинноухого странного типа.

За последнее время со старостой происходили какие-то необычайные вещи. Вернувшись из больницы, он вел себя необычно, и я не совсем его узнавал. Вполне понятно, что он похудел и заметно побледнел, но вместе с тем в его хитрых глазах над впалыми щеками появился какой-то новый блеск. Своей бабушки он больше не боялся, казался возбужденным, сверхоптимистичным и был полон самых фантастических планов. Мы заберем из его пещеры все фигурки и станем оба миллионерами. Он купит маленький пароходик и откроет регулярный

маршрут для туристов с континента. Брат его, «деревенский капитан», может управлять по звездам, а рыжеволосый сын, научившийся водить «виллис», станет машинистом. Все жители острова заработают кучу денег: ведь туристы, которых он привезет, захотят купить гораздо больше фигурок птице-человеков и м о а и к а в а - к а в а, чем смогут вырезать из дерева все жители острова.

Я пытался сбить непомерный оптимизм старосты, но он и слушать меня не хотел: ради «хорошего счастья» мне, мол, так говорить не следует. Однако, несмотря на всю свою болтовню и громкие обещания, староста после выхода из больницы не принес мне ни одной фигурки из камня. На работу для экспедиции он тоже больше не вышел. У него вдруг не осталось времени ни для чего на свете. Ведь он же староста, очень занятый человек.

Но однажды, встретив меня у своей калитки, староста чуть не заключил меня в свои объятия.

— «Хорошее счастье»! Сегодня у нас большая, очень большая удача,— прошептал он взволнованно и без всяких опасений в присутствии капитана рассказал, что Таху-таху разрешила передать мне «ключ» от пещеры Оророины.

Она лишь поставила условием, чтобы при отъезде с острова я взял с собой не только старосту с сыном, но и ее старшего сына. Когда я пообещал поговорить об этом с губернатором, староста едва не подпрыгнул от радости и попросил нас с капитаном сейчас же зайти к нему в дом.

За круглым столом, где мне так часто приходилось сидеть, мы увидели немного грубоватого на вид парня с плоским широким носом и курчавыми волосами. Выглядел он не особенно приветливо, хотя и пытался улыбаться. На столе стояли два пустых стакана и начатая бутылка чилийской перечной мяты. У сидевшего за столом глаза покраснели, и похоже было, что он уже успел поглотить большую часть содержимого бутылки. Но пьяным он не был и, когда мы вошли, поднялся с места, добродушно протягивая нам свою большую руку.

Староста с пафосом заявил, что это хороший человек — его собственный двоюродный брат, сын Таху-та-

ху Отец его принадлежит к племени с островов Туамоту.

— Это он помог нам уговорить Таху-таху,—заверил староста.

Достав какой-то сверток, дон Педро с таинственным видом прошептал, что «ключом» от пещеры является каменная голова с тремя небольшими ямками. Раньше в них находилась смертоносная мука из костей его предков, но теперь ее тщательно удалили и голова больше не опасна. Двоюродный брат мрачно кивнул, подтверждая, что это так.

Деталь эта была нам знакома — камень-«ключ» из пещеры Атана тоже имел ямки для костяной муки. Но когда староста вытащил из мешка свою скульптуру, то мы не увидели оскаленного черепа; наоборот, то была веселая каменная голова свиньи, приветливое рыло с круглыми щеками и длинными висящими ушами — ну точь-в-точь самый веселый из «трех поросят» в известной сказке, тот самый, что построил себе соломенный домик и беззаботно плясал перед носом волка. Но в отличие от милого поросенка из сказки у «свиньи» из пещеры были длинные, кривые клыки и три ямки для костяной муки, расположенные в ряд на темени.

Оторвав взгляд от скульптуры, староста и его двоюродный брат исподлобья взглянули на нас. Я старался быть столь же серьезным, как и они, но, заметив, видно, скрытый блеск в моих глазах, староста неожиданно улыбнулся и дружески поцеловал поросенка в рыло. Мы с капитаном еле удерживались от смеха. Я поспешил с серьезным видом поблагодарить за каменную голову, капитан взял картонку, полную других скульптур, и мы быстро направились к двери. Прощаясь, староста попросил меня положить голову свиньи под кровать и терпеливо ждать; ему необходимо теперь несколько ночей подряд жарить в земле цыпленка, чтобы, когда мы пойдем в пещеру, все было хорошо.

Но дни превратились в недели. Казалось, староста никогда не кончит жарить в земле цыплят. Что же касается головы поросенка, то ее трудно было уберечь под койкой от Анетты. Она все время лазила вниз поиграть с папиным «няф-няф». Скульптуры из других пе-

щер уже давно находились на борту нашего судна. Мы избегали хранить их в палатках: из углублений в камнях часто выползали скорпионы.

— Сегодня ночью у меня было «хорошее счастье». И камень-«ключ» лежит под кроватью,— повторил я, вставая с постели и принимая таз из рук старосты.— Но теперь придется забрать его на судно: пора трогаться в путь.

Услышав эти слова, староста, видимо, решил, что изжарил достаточно цыплят, и назначил, наконец, срок посещения пещеры. Билль и фотограф пойдут с нами ночью, но больше он никого не разрешил взять с собой.

Полудни в назначенный день наш лагерь посетило много островитян. Первая группа прибыла верхом продавать свои традиционные деревянные фигурки. Развернулась оживленная торговля. К моей палатке подошел молчаливый придурковатый юноша, неся шесть завернутых в тряпку каменных фигур. Они были заметно разрушены выветриванием, а одна из них поросла мхом.

— Кто сделал эти скульптуры? — спросил я его.

— Я,— равнодушно ответил парень.

— Этого не может быть. Откуда тогда мох?

Он ничего не ответил, и казалось, вот-вот разрыдается, но затем признался, что боится отца. Если тот узнает, что он принес мне фигурки, то избьет сына, ибо последнему доверена тайна входа в пещеру деда. Я щедро одарил парня подарками для него и отца, и, сияя от счастья, тот ушел домой. Ему, несомненно, была известна пещера, за которой никто не присматривал. Но больше он ни разу не появлялся.

Резчики по дереву оставались в лагере до наступления темноты, после чего группами направились домой. Не успели они скрыться из виду, как с гор спустился одинокий всадник. Привязав лошадь, он вошел ко мне в палатку. Это был Хуан Колдун. Вид у него был серьезный и озабоченный. Он обнял меня и, называя братом, стал настоятельно меня предостерегать. Если кто-нибудь еще принесет мне камни из пещеры, я не должен их брать, это принесет «плохое счастье». Те кам-

ни, что у меня есть сейчас, хорошие камни, но на этом надо остановиться и не брать больше ни единой фигурки. Его а к у-а к у знает все, что творится в деревне, и тотчас сообщит ему, если я приму еще хотя бы один камень. Ради нашего братства я должен обещать выполнить эту просьбу. Если же я этого не сделаю, то никогда не увижу его вторую пещеру с и п у м а е н г о. Затем он подарил мне чудесную скульптуру камышовый лодки с двумя парусами и укрепленной на носу головой. Он взял эту скульптуру из второй пещеры, чтобы я всегда о ней помнил. Хуан предостерегал меня так искренне, почти слезно, что я понял: он, видимо, разнюхал нечто такое, чего не может мне рассказать.

Изложив свою необычную просьбу, Хуан Колдун вышел из палатки, вскочил на коня и исчез в темноте.

Немного погодя из деревни по проложенной нашим «виллисом» колее прискакала молодая чета. То были два самых скромных и тихих жителя острова: Моисес Секундо Туки, один из моих лучших рабочих, и его жена Роза Паоа, такая же простая и непосредственная. Я никогда не говорил с ними о пещерах, а потому очень удивился, когда они осторожно сняли с коня мешок и попросили разрешения показать мне с глазу на глаз его содержимое.

Мы вошли в палатку, и они выложили мне на койку семнадцать фантастических каменных скульптур, часть из них — наиболее своеобразные из всех фигурок, увиденных мною на острове. Одна фигурка изображала женщину с большой рыбой, висящей у нее на веревке за спиной, и удивительно напоминала типичный сюжет изделий из керамики, обнаруженных в древних могилах в пустынях Перу.

На все вопросы Роза отвечала смело и прямо. Отец, короткоухий из племени Нгарути по имени Симон, дал ей эти скульптурки, чтобы она могла выменять их у меня на что-нибудь. Он получил их от своего прадеда, имя которого она не знает. Камни эти взяты из закрытой пещеры в обрыве около Оронго, которая называется М а т а - т е П а и н а, или «Глаз соломенного идола». Другой род тоже хранит скульптуры в этой же пещере, но после смерти Марты Хаоа никто их больше не моет.

Мне страстно хотелось приобрести эти исключительные скульптуры, но уважение к Хуану Колдуну и его настоятельные предостережения, которые не выходили у меня из головы, побуждали меня быть осторожным. Кто знает, может быть, Хуан лежит в темноте и следит за мной? Ведь какая-то таинственная причина побудила его нанести мне этот спешный визит! Упускать же эти камни мне тоже не хотелось, и я сказал молодым супругам, что мой а к у-а к у посоветовал мне не заниматься сейчас обменом. Позднее он, быть может, передумает, поэтому я прошу их хорошенько спрятать мешок и прийти ко мне снова в день нашего отплытия с острова.

Оба очень расстроились и смотрели на меня недоумевающе, словно два вопросительных знака. Но когда я в знак дружбы сделал им несколько подарков, они с благодарностью сунули их вместе со скульптурками в мешок и молча направились к лошадям.

Я почесывал затылок, стараясь понять, что же происходит. Но в полночь предстояло свидание со старостой, и я погасил лампу, стараясь заснуть.

Только я задремал, как появился фотограф и сообщил, что машина готова. Билль должен присоединиться к нам в условленном месте в деревне, а пока с нами отправится штурман, которому предстоит другая секретная миссия. Как-то старик островитянин рассказал мне, что в одной из пещер лежит рыжеволосая человеческая голова. Сам он не осмеливается к ней прикоснуться, но согласен показать это место человеку, который не побоится ночью совершить вплавь прогулку по морю. Староста тоже однажды упоминал о такой голове. Может быть, в некоторых пещерах лежат засушенные головы? И штурман Санне вызвался это проверить.

Сонные, отправились мы в путь, поднимая по дороге, словно облака пыли, стада овец. Скоро мы получим ответы на наши вопросы.

Когда наша маленькая группа в составе шести человек беззвучно подошла к домику Таху-таху, было уже далеко за полночь. Кроме старосты, его двоюродного брата и рыжего сына, в группе находились Билль, фо-

тограф и я. Около груды камней чуть пониже маленького домика я почувствовал хорошо знакомый запах жаренного в земле цыпленка, и вскоре мы сидели вокруг на корточках и уписывали угощение. Я начал первым с гузки. Церемония такой уму такапу была мне теперь хорошо знакома, но никогда она не проходила столь приятно, как этой ночью: сопровождавшие нас островитяне не нервничали, а староста был почти по-театральному самоуверен; он ел с наслаждением, небрежно швыряя куриные кости нашим а к у-а к у, буд-то вокруг стояли жалкие голодные псы. Насытившись, он отошел немного в сторону и закурил. Вернувшись, он любезно предложил пройти в пещеру.

На этот раз место церемонии находилось удивительно далеко от самой пещеры, и идти пришлось гораздо дольше обычного. Мы перелезали через стены, спотыкались на неровных каменистых участках, шли по извилистым тропкам. Минут через десять, оставив место трапезы далеко позади, староста, наконец, остановился около камней осыпи. Приглядевшись, нетрудно было заметить, что в центре осыпи камни были перевернуты. Староста попросил меня вынуть из сумки камень «ключ». С помощью этого «ключа» я должен попытаться обнаружить вход, и если найду, то три раза крикнуть, обратившись лицом к камням: «Я длинноухий из Норвегии, отворяйте ворота!»

Я направился прямо к осыпи, неся перед собой голову свиньи, наклоняя ее, как миноискатель, рылом в сторону подозрительных камней и повторяя магические слова старосты. Мгновение спустя я уже отодвигал камень за камнем и по темной шахте спускался в подземный мир острова Пасхи.

Достигнув дна шахты, я, словно слепец, ногами вперед проник в темную пещеру и только собрался осторожно выпрямиться, как меня что-то резко ударило в затылок. Но наскочил я, видно, не на потолок, а стукнулся обо что-то твердое и подвижное. Кто-то здесь находился. Не успев опомниться, я бросился в сторону вниз, перевернулся и зажег карманный фонарик. Так оно и есть, я заметил, как что-то движется, но что же это? Фонариком я осветил огромную, сделанную из кам-

ня хищную птицу с кривым клювом и распластанными крыльями. На спине у нее лежала мертвая человеческая голова. Скульптура висела под потолком на веревке и продолжала медленно раскачиваться от толчка. Птица казалась удивительно светлой и новой, трудно было поверить, что она провисела здесь одиннадцать поколений со времени Оророины. Новой была и веревка из волокна, на которой висела птица.

Я посветил вокруг. Пещера была невелика. Три камышовые циновки с параллельными рядами круглых плоских камней лежали прямо на земляном полу. На каждом камне было вырублено по одному увеличенному значку ронго-ронго. В качестве сторожа на каждой циновке лежала небольшая голова с козлиной бородкой, и я тотчас же понял, что эта пещера не могла быть тем местом, откуда староста приносил мне раньше самые разнообразные скульптуры. Из всех фигурок здесь выделялись парусный кораблик и большая каменная чаша в углу. Обе скульптуры были сделаны умело, но и они выглядели такими же новыми, как и птица на потолке. Я заглянул в чашу и увидел в ней одиннадцать маленьких локонов человеческих волос всех оттенков от красного до черного, преимущественно красных. Все пучки были перевязаны каждый в отдельности и все вместе тонкой веревкой из лыка, на которой сделаны изящные узелки. Но волосы эти не были сухими и матовыми, как на древних мумиях, и сохранили еще свой естественный блеск: их, видимо, недавно срезали с живых людей. Слабая догадка, пришедшая мне в голову еще в ту минуту, когда я увидел на потолке птицу, теперь окончательно во мне укрепилась. Скульптуры в этой пещере не были древними, они сделаны теперь. Вся пещера представляет собой чистую бутафорию. Мы попали прямо в ловушку.

Так вот против чего предостерегал меня Хуан Колдун! Моей первой мыслью было выбраться наружу. Но в отверстии пещеры появились уже ноги спускавшегося на ощупь Билля, и останавливать его было уже слишком поздно. За ним спускался фотограф. Поднимать теперь шум было бы неосторожно, ведь если трое оставшихся наверху островитян поймут, что плутни их рас-

крыты, они могут не на шутку испугаться неприятностей. А что, если им придет в голову мысль засыпать шахту камнями? Мы окажемся тогда надежно погребенными.

— Нас обманули,— шепнул я Биллю, как только в шахте появилась его голова.— Надо быстрее отсюда выбираться. Это не родовая пещера, и камни здесь не старые.

Билль был поражен, взгляд его выражал полное недоумение; он подполз к камням со значками ронгороного, чтобы лучше их рассмотреть.

— Да, что-то не очень похоже на старинные,— прошептал он в ответ.

— Посмотри на птицу, на лодку, на чашу с волосами,— сказал я.

Посветив вокруг, Билль со мной окончательно согласился.

Позади себя я увидел красные глаза двоюродного брата старосты, он пристально смотрел на меня, желая понять, о чем мы шепчемся по-английски. Фонарь осветил также лицо старосты. Последний так нервничал, что по лицу у него струился пот. Здесь же находился и сын старосты, озиравшийся вокруг широко раскрытыми глазами.

Теперь ведущая вверх шахта была свободна.

— Здесь внизу тяжелый воздух,— сказал я старосте, потирая себе лоб.

Он согласился и вытер с лица пот.

— Поднимемся наверх и поболтаем,— сказал я, двигаясь к шахте.

— Идет,— ответил староста и направился к тому же отверстию.

Оказавшись под открытым небом и увидев, как остальные один за другим выбираются из шахты, я облегченно вздохнул.

— Ну что ж, пойдём,— сказал я резко и поднял проклятую пороссячью голову, которая валялась на камнях и с кривой усмешкой таращила на меня глаза.

— Пойдем,— сказал староста и вскочил, как бы давая понять, что нет причин здесь оставаться.

Весь караван в полном безмолвии направился по той

же дороге обратно. Я брел впереди, сонный, усталый и страшно злой; по пятам за мной двигался староста, за ним Билль и все остальные. Двоюродный брат старосты не замедлил скрыться в темноте, а вскоре исчез и его сын.

Достигнув первых домиков деревни, мы с фотографом пожелали Биллю спокойной ночи. Было уже два часа, и ему надо было поспешить в домик островитян, где он проживал. Прощаясь, он шепнул, что если мне удастся уговорить старосту отвести нас этой же ночью в настоящую пещеру, то у дона Педро не будет времени подготовить новый подлог. В деревне я попросил фотографа подождать в машине и направился прямо к домику старосты; сам он, словно побитая собака, шел за мной по пятам.

Войдя внутрь, я молча опустился на стул около круглого стола. Староста тотчас же присел рядом со мной, невинно окидывая стены тупым взглядом. Я барабанил пальцами по столу. Староста уселся поудобнее. Я старался встретиться с ним глазами. Некоторое время он отвечал мне взглядом широко открытых невинных глаз, затем вновь принялся смотреть на стены. Так мы могли бы просидеть до самого утра; староста не хотел делать первый ход, надеясь, что игра еще не проиграна,— ведь я не произнес ни единого слова.

— Это было «плохое счастье», Педро Атан,— начал я, замечая, что у меня самого от волнения дрожит голос.— «Плохое счастье» для тебя, для меня и для твоей поездки.

Грудь старосты заходила ходуном. Он затаил дыхание, а потом зарыдал, закрыв лицо руками. Некоторое время он сидел, всхлипывая, потом вскочил и выбежал в дверь. Я слышал, как он вбежал в соседнюю маленькую комнатку, бросился на постель и остался там лежать, причитая. Но вот он замолк и стремительно влетел обратно ко мне.

— Во всем виноват мой двоюродный брат, негодный он человек! Я, как и ты, думал, что мы идем в пещеру с древними фигурками.

— Но ведь дорогу показывал ты. Это твоя пещера,— ответил я.

Он немного постоял, обдумывая положение, потом снова зарыдал.

— Это он все придумал. Мне ни за что не следовало бы его слушать,— зарыдал он снова и, выскочив за дверь, бросился на кровать, где оставался лежать довольно долго. Потом он опять влетел в комнату.

— Сеньор, можешь просить меня обо всем. О чем угодно, но только не о самой пещере. Только не об этом. Лучше я принесу тебе все камни из нее!

— Можешь не показывать нам пещеру, но тогда тебе никто не поверит — ты ведь слишком ловко изобразишь фигурки!

Я сердито кивнул в сторону проклятой пороссячей головы, лежавшей в сумке на столе. Она была сделана мастерски и, несмотря на свою усталость и подавленное настроение, я не мог про себя не улыбнуться, когда подумал, как хитрый староста заставил меня, словно идиота, кружить вокруг груды камней с пороссячей мордой в руках.

— Если ты не поведешь нас в пещеру этой же ночью, то, наверно, и в следующий раз постарайся сделать кучу новых скульптур,— сказал я.

— Что угодно, только не в пещеру,— ответил староста спокойно и решительно.

Я поднялся, чтобы уйти.

— Я могу провести тебя сейчас же ночью в другую тайную пещеру,— сказал староста, и в голосе его я почувствовал искреннее отчаяние.

— Это пещера Оророины? — спросил я.

— Нет, но она тоже полна старинных предметов.

Я схватил сумку со свиной головой, единственное воспоминание о ночном приключении, и с равнодушным видом направился к двери.

— Если ты передумал сегодня же ночью, то можешь пойти за Биллем в домик Рапу. А я еду в Анакену.

Глубоко подавленный, в дверях своего дома стоял староста. Он проклинал двоюродного брата, а я, уставший и расстроенный, побрел к фотографу, терпеливо ожидавшему в машине.

Не успел наш «виллис» скрыться из виду, как несча-

стный староста помчался в домик Рапу. Он разбудил Билля и предложил тотчас же провести его в настоящую пещеру. Билль страшно хотел спать и злился на старосту, а когда услышал к тому же, что мы с фотографом возвратились в Анакену, то наотрез отказался идти в пещеру.

Уже начинало светать, и старосте пришлось в одиночестве брести домой, так ничего и не добившись.

Примерно в это же время штурман Санне добрался вплавь до берега недалеко от колонии прокаженных. Старик не разрешил ему воспользоваться лодкой, и Санне пришлось плыть при звездах на голый лавовый островок, где он, согласно описанию островитянина, нашел два склепа. В одном из них он действительно увидел мертвую голову с рыжими волосами. Много необыкновенно красивых коричневато-красных волос валялось рядом на полу. Он собрал их в мешочек и поплыл с ним обратно к береговым скалам. Волосы эти не имели блеска, были сухими и хрупкими. Точно такими должны были быть пряди в каменной чаше в пещере старосты, если бы он, вернувшись из больницы, не обошел всю деревню, срезая пряди со своих рыжеволосых и черноволосых родичей.

Этот проклятый к о к о н г о! Он, несомненно, нанес старосте глубокую травму и возвратил веру в бабушку и а к у-а к у, а сам я деградировал в глазах старосты до уровня обыкновенного смертного, пытавшегося его надуть. В результате староста решил сам меня надуть, чтобы я больше не докучал ему с пещерами. Но, не желая раздражать без надобности возможных новых а к у-а к у, он соорудил свою фальшивую у м у, но далеко от всех пещер, около самой стены дома Таху-таху, где надеялся найти сочувствие и защиту.

На следующий день пополудни в лагерь прискакал рыжеволосый сын старосты Хуан. Это был необыкновенно красивый и хорошо сложенный парень. Подобно остальным представителям рода длинноухих, он не был похож на полинезийца и вполне мог сойти, например, за ирландца — никто не подумал бы, что он происходит из Полинезии.

С мрачным видом он сообщил мне, что отец его, видно, умирает. Он отказывается видеть жену, не ест, не пьет, лежит в постели, причитает и плачет, говорит о «плохом счастье». По выражению моего лица Хуан вчера решил, что с пещерой что-то неладно. Сам он в такой пещере был впервые и поэтому принял ее за настоящую.

Когда я рассказал ему, что произошло, он сохранил полное спокойствие. Хуан рассказал, что после моего ухода отец тут же направился к Биллю и предложил ему показать другую пещеру, но сеньор Билль не пожелал туда пойти без указаний от сеньора Кон-Тики. Теперь же у отца лишь одно желание — умереть. Но если я напишу сеньору Биллю записку, то Хуан постарается узнать у отца, где находится вторая пещера; они смогут пойти туда вместе с сеньором Биллем и вернуть острову «хорошее счастье».

Я написал Биллю записку, и юноша галопом помчался назад в деревню.

После того как Билль получил записку и вышел из домика Рапу, за ним весь остаток дня неотступно следили два человека. Островитяне начали следить также и за Ласарусом, опасаясь, что он покажет мне свою вторую пещеру, находящуюся в Винапу. В полночь Биллю все же удалось незаметно выбраться из дому, и в назначенном месте он встретился с Хуаном. У юноши была при себе примитивная карта, которую на листочке бумаги начертил его отец.

Судя по карте, они должны были вначале направиться к Аху Тепеу, расположенному довольно далеко от деревни на каменистой местности, по дороге к северному побережью. Хуан раздобыл двух коней и большой моток веревок, и под покровом ночи они тронулись в путь. Уже далеко за полночь они подъехали к большому старому аху и снова достали карту. Дальше надо было перелезть через высокую ограду загона для овец, и они привязали здесь своих лошадей. Следующий ориентир — большие глыбы лавы по правую руку. Прямо под ними, на краю ведущего к берегу обрыва, должен лежать круглый, крепко сидящий в скале камень, за который следует укрепить длинную веревку,

а затем спуститься вниз почти до самого ее конца. Там они найдут пещеру.

Они нашли ограду, глыбы лавы и камень на краю обрыва. Когда укрепили веревку, Хуан спустился по ней вниз и исчез в ночной темноте. Никакой курицы они не ели, у м у т а к а п у не делали, то есть обошлись без всяких обрядов. Хуан отсутствовал долго и поднялся назад измученный; никакой пещеры там не было. Нашли другой камень и попробовали спустить веревку и поискать под ним, но результат был тот же. Они переносили веревку вдоль берега от одного камня к другому, пока юноша в конце концов не поднялся наверх, совершенно измотанный, и с помощью Билля еле перелез через край обрыва. Но теперь он, наконец, нашел пещеру.

Билль спустился по веревке вниз. Вначале, до карниза, где имелась хорошая опора, спуск вдоль отвесного обрыва шел без труда. Дальше веревка болталась в воздухе, но Билль продолжал спуск. Откуда-то глубоко снизу до него доносился шум прибоя, но густой мрак скрывал волны. Неожиданно прямо перед носом в скале появилась горизонтальная трещина. Биллю показалось, что он что-то различает внутри, но дотянуться туда из-за большого расстояния было невозможно, а трещина оказалась столь узкой, что он не рискнул даже просунуть туда голову. С помощью фонарика ему и Хуану удалось в конце концов разглядеть, что тесная пещера битком набита фигурками, погребенными под толстым слоем пыли. Хуан поднял ноги к животу, затем просунул одну из них в трещину и вытащил горбоносую бородатую голову, которая напоминала церковные скульптуры средневековья. Оба были настолько измучены, что с трудом сумели преодолеть со своей первой добычей двадцать метров до места крепления веревки. Совершить еще один спуск они не рискнули.

На другое утро Билль прислал мне письмо: по его мнению, пещера эта представляет собой как раз то, что нам надо. Насколько он мог увидеть, есть все основания полагать, что на этот раз в пещере лежат древние изделия.

Мы изучили принесенную ими удивительную камен-

ную голову. Она была совершенно непохожа на скульптуры, которые мы видели предыдущей ночью. На этот раз перед нами действительно была старинная работа.

Я выбрал двух лучших скалолазов из состава экипажа — кока и второго машиниста. Во главе с Хуаном и Биллем среди бела дня мы поехали к пещере около Аху Тепеу. Лил проливной дождь, и это было «хорошее счастье» в период засухи; Хуан весь дрожал от холода, но с его лица не сходила широкая улыбка. Наконец мы достигли каменной ограды, спешились с мокрых коней и дальше направились пешком. Когда мы добрались до места, дождь прекратился. Раздевшись догола, мы выжали одежду, а я, чтобы согреться, начал бегать взад и вперед по краю обрыва. Внезапно бриз донес хорошо знакомый запах. Я узнал бы его среди запаха тысяч цветов и духов. То был запах у м у т а к а п у с цыпленком и сладким картофелем. Я обратил на это внимание Билля, но, как всякий заядлый курильщик, он ничего не почувствовал. Ни дыма, ни людей не было видно, но кто-то здесь все же побывал и совершил таинственный обряд: ведь островитяне не имели обыкновения приносить сюда цыплят и жарить на скалах обычный обед.

Привязав накрепко веревку, Хуан сбросил другой ее конец с обрыва. Мне стало страшно, когда я увидел, куда лазил ночью Билль, да и сам он, увидев это место при дневном свете, заметно побледнел и стал менее разговорчив. Под нами прямо в море спускался почти стометровый обрыв. Сама же пещера находилась в двадцати метрах от края плато.

Билль не имел никакого желания вновь совершить туда спуск, да и я был страшно рад, что с нами пришли два опытных скалолаза. С меня пока что вполне достаточно таких спусков, и я охотно предоставил другим возможность испытать их прелесть — теперь ведь мне не надо было защищать способности моего а к у - а к у . Қок и машинист имели при себе мешок и похожий на сачок шест, чтобы доставать фигуры из скалы. Вскоре мешок стал курсировать вверх и вниз, поднимаясь нагруженным и возвращаясь пустым.

Мы поднимали вверх самые фантастические скульптуры людей, зверей и демонов. Вдруг я услышал радостный возглас Билля — он держал в руке большой каменный кувшин для воды, высокий, с изящными изгибами и ручкой сбоку. Когда мы сдули с него налет тонкой пыли, то увидели едва заметное барельефное изображение почти стертого лица и двух летящих птиц, сделанных в стиле работ острова Пасхи.

— Это как раз то, что я ожидал найти! — закричал Билль. — Не настоящая керамика, а изделие из камня, образцом которому послужили работы из керамики.

Билль был человеком спокойным и никогда не рассточал восторгов, но теперь он по-настоящему загорелся. Если эти скульптуры действительно спасены с Аху Тепеу, когда война и разрушение коснулись величественного сооружения и огромные статуи на Аху были низвергнуты, то трудно было найти более надежное укрытие для этих бесценных вещей, чем эта пещера.

Но вот мешок снова поднят вверх, и мы извлекли из него еще один каменный кувшин с ручкой, но на этот раз значительно меньших размеров. Затем появилась скульптура голого мужчины с тремя головами и фигурка сидящего верхом на черепахе воина в длинном плаще из перьев. Но самой удивительной скульптурой было изображение настоящего кита с раскрытой, полной зубов пастью. Около хвоста укреплен небольшой череп, а на спине — тщательно выполненная модель камышовой хижины в форме лодки, с дверью сбоку и пятигранной печью позади. Под брюхом кита торчало шесть шаров, больших, как апельсины, а вдоль боков шли параллельные линии, которые делали изображение похожим на какое-то сказочное камышое судно. Не то короткая лесенка, не то тропка вела от домика вниз вдоль боков кита до полосы, похожей на ватерлинию судна.

Хуан не мог дать никаких объяснений всем тем удивительным предметам, которые появлялись из пещеры. Он знал лишь, что когда-то эту пещеру показала его отцу старая тетка.

Наконец наши скалолазы появились с последним мешком и рассказали, что достали все скульптуры из не-

большого помещения внутри трещины. Более крупные фигуры стояли там в глубине пещеры, а меньшие — ближе к входу. Все было покрыто толстым слоем мелкой пыли, кое-где виднелась паутина. В этой пещере, содержащей двадцать шесть скульптур, не было ни циновок, ни скелетов.

По дороге домой рыжеволосый юноша, поравнявшись со мной, бросил на меня вопрошающий взор.

— Все очень хорошо и будет щедро оплачено,— сказал я.— Но передай своему отцу, что это не пещера Оrorоины.

Все скульптуры мы отвезли в домик Рапу, где проживал Билль. Поравнявшись с церковью, я решил забежать к отцу Себастьяну. Услышав, что староста показал нам настоящую пещеру, он хлопнул в ладоши, принялся в возбуждении ходить взад и вперед по комнате. Инцидент с подложной пещерой старосты, имевший место предыдущей ночью, отец Себастьян воспринял очень близко к сердцу. После серьезного приступа коконго, свалившего его еще до ухода «Пинто», он долго лежал в постели, но, даже будучи больным, внимательно следил за всеми поразительными событиями, происходившими на острове. Когда бы я ни навещал больного отца Себастьяна, в любые часы ночи, он садился в ночной рубашке на постели, внимательно выслушивал мои рассказы, да и сам всегда сообщал что-нибудь интересное. Сегодня он сказал, что, по рассказам стариков, именно в крутых прибрежных скалах к северу от Аху Тепеу находится много пещер, в которых «что-то» есть.

События последних дней мигом стали достоянием всей деревни. Начали происходить самые удивительные вещи. Стоило старосте выйти за дверь своего дома, как все кидалось на беднягу с криком: «Реорео!» — «Обманщик!» Каждый старался использовать эту обстановку для своей собственной выгоды.

Некоторые островитяне, которые больше всего ругали старосту, бегали домой в свои тайники, чтобы там украдкой вырубать фигурки из камня. Теперь, когда секрет сюжетов древних каменных скульптур стал известен посторонним, они тоже, конечно, не будут си-

деть и долбить вечно повторявшиеся деревянные фигурки.

Взявшись всерьез за обработку камня, они уже не выделяли больше модели больших статуй или же примитивных валунов с изображением носа и глаз. Теперь у большинства мастеров как-то сразу и одновременно со всей силой расцвел своеобразный и вполне зрелый стиль. Было очевидно, что развилось новое ремесло, основывающееся на древних формах искусства, бывших до сих пор запретными для непосвященных.

Прежде никто не пытался продавать камни из пещер, все строилось на взаимных подарках. Но новые камни, как и деревянные фигурки, стали предметом купли и продажи. Одни островитяне натирали их землей, чтобы сделать похожими на древние, другие хлестали по камням гнилыми банановыми листьями. Многие жители приходили к нам под покровом ночи, пытаясь сбыть свою продукцию. Может быть, а к у - а к у сеньора Кон-Тики все же не так всеведущ? Ведь позволил сеньор Кон-Тики заманить себя в фальшивую пещеру старосты?

На острове Пасхи можно ожидать чего угодно. В то время как отдельные жители приносили новые скульптуры, выдавая их за старые, другие, наоборот, в последние дни перед отходом судна предлагали старые фигурки, уверяя, что сделали их сами. И если мы обнаруживали мох или же находили выветрившиеся куски, которых они сами не заметили, то эти люди придумывали в свое оправдание самые поразительные извинения. Они явно лгали, заявляя, что стиль и сюжет взяты ими из «картинок в книгах», хотя ни один исследователь, ни один писатель не видели до сих пор таких изделий из камня, какие хранились в пещерах. Если я спрашивал, в какой их видели книге, может быть, у Лавашери, они попадали прямо в ловушку и отвечали, что видели их именно в этой книге.

Я никак не мог понять, что происходит, но вскоре все стало ясно. Уважение к т а б у начало серьезно ослабевать, а после всех событий страх перед а к у - а к у жителей деревни заметно ослабел. Пусть у сеньора Кон-Тики нет всеведущего а к у - а к у, но ведь и в пеще-

рах их тоже нет. Против суеверия зажгли суеверие, встречный огонь, который уничтожил во многих семьях прежние поверья. Но если островитяне стали меньше бояться духов, то они по-прежнему опасались, как бы кто-нибудь не увидел, что они нарушают табу и выносят камни из своей пещеры.

Один лишь староста по-прежнему переживал внутреннюю борьбу. Когда мы сворачивали наш лагерь, ко мне снова пришел его сын. Отцу надоело, что все называют его лгуном. Он ни разу не обманул меня с момента нашего появления на острове до тех пор, пока мы не отправились в эту злополучную пещеру. И теперь он хочет показать мне и археологам, что все рассказанное им о пещере Оророины является правдой. С нами могут пойти также отец Себастьян и губернатор, они убедятся, что он не лгал. Он всех проведет в пещеру — ведь дон Педро не какой-нибудь низкий человек, который занимается реорео и пустой болтовней.

В назначенную ночь мы должны были, наконец, отправиться в пещеру Оророины. Билль, Эд, Карл, Арне и я приехали поздним вечером на машине в деревню, чтобы захватить губернатора и отца Себастьяна. Однако в последний момент староста вдруг передумал и поспешно принес из пещеры сорок скульптур, которые выставил на полу своей комнаты. Он предупредил отца Себастьяна, что все же не может взять нас в пещеру Оророины, потому что в ней содержится огромное множество фигурок, а передать все их мне он не сумеет. Если же он покажет нам вход в пещеру, то тайна ее будет раскрыта и ему негде будет хранить эту огромную коллекцию.

Отец Себастьян и губернатор направились вместе с нами в домик старосты. Громкоголосый и улыбающийся староста встретил нас в дверях с распростертыми объятиями, пригласив войти в комнату. Круглый стол был отодвинут, и весь пол заставлен скульптурами. Некоторые из них действительно выглядели старыми, тогда как большинство было, несомненно, сделано теперь. Я тотчас же узнал несколько новых фигурок, какие уже предлагал мне другой островитянин. Нетрудно было за-

метить и две явные попытки скопировать скульптуры из его маленькой пещеры в обрыве.

Какая муха укусила дона Педро? Это была заведомо обреченная на провал попытка обмануть нас во второй раз.

— Почему ты все это затеял? — спросил я. — Почему ты не сдержал своего обещания проводить нас в пещеру Оророины, если она действительно принадлежит тебе?

— Это правда, сеньор. Но когда сегодня ночью я был в пещере Оророины, то увидел там такое колоссальное количество скульптур, какое я не смогу тебе передать.

— А раньше ты этого не знал? Разве ты не рассказывал мне, что регулярно моешь камни?

— Да, это так, но найденные мной сегодня камни лежали дальше в глубине пещеры. Прежде я их не видел, они были совсем погребены под слоем пыли.

— Но ведь ты говорил мне, что имеешь специальную тетрадь, где записана каждая из твоих скульптур?

— Не каждая с к у л ь п т у р а, сеньор. Каждая пещера.

— Значит, ты записал в книге лишь количество имеющихся у тебя пещер?

— Разумеется, сеньор, это совсем маленькая-маленькая тетрадь, — приветливо ответил староста и показал двумя пальцами размер небольшой маржи.

Я сдался.

Когда я спускался по лестнице его маленького домика, мне стало так грустно, что к горлу подступил комок. В дверях с видом полного отчаяния в одиночестве стоял староста, а позади на полу лежали его камни. Я в последний раз видел дона Педро Атана, самую удивительную личность острова Пасхи, последнего знаменосца длинноухих, человека, голова которого настолько забита разными тайнами, что он едва ли даже сам может сказать, где кончается истина и начинается вымысел. Если когда-то в прежние времена остров населяло несколько тысяч таких же, как он, людей, то вряд ли следует удивляться тому, что из скал выходили и вставали по воле людей гигантские статуи, в

реальность которых трудно даже поверить. Стоит ли удивляться тому, что для хранения создаваемых творчеством народа богатств появились потайные сокровищницы и охранявшие их а ку-а ку? Ведь иначе грешные людишки могли их просто украсть.

Когда раздались звуки команды и загрохотала, поднимаясь, якорная цепь, а машинный телеграф привел в движение поршни и колеса в брюхе нашего судна, то лица всех людей и на борту, и на берегу были очень грустными. Мы успели сродниться с небольшой общиной островитян. Зеленые палатки экспедиции стали неотъемлемой частью королевской резиденции в Анакене. Недавно воздвигнутый гигант был снова покинут и одиноко глядел на пустынную и безлюдную солнечную долину. Когда мы сворачивали последнюю палатку, у исполина был такой одинокий вид, словно он просил повалить его опять носом в песок, как он лежал последние столетия.

Но гигант в Анакене был всего лишь каменной статуей. В деревне Хангароа мы оставили другого великана из плоти и крови. Среди толпы наших друзей-островитян у причала в своей белой сутане с непокрытой головой возвышался отец Себастьян. Нам казалось, что он не меньше любого из нас принадлежит к составу экспедиции. Но он твердо стоял обеими ногами на земле острова Пасхи и как бы сросся с ним. В отличие от гиганта в Анакене отец Себастьян не был одинок. Таким вот когда-то стоял здесь среди их предков король Хоту Матуа, когда привел свой народ на берег этого далекого острова.

Перед отплытием мы попрощались с каждым местным жителем. По очереди члены экспедиции подходили проститься к отцу Себастьяну, занявшему столь большое место в жизни каждого из нас. Вот простились с ним Ивонна и маленькая Анетта, наступил и мой черед. Я долго тряс его руку. На прощание мы мало сказали друг другу. Гораздо легче подобрать слова на вокзале, чем на берегу самого уединенного в мире острова, прощаясь с человеком, который стал тебе другом на всю жизнь. Отец Себастьян резко повернулся, толпа расступилась, и он одиноко побрел в гору в своих боль-

ших черных ботинках. Там наверху его ждал новый красный «виллис». Пока не износятся покрышки, старый священник может поберечь свои ноги, оказывая без устали помощь больным и страждущим по всему острову, вплоть до колонии прокаженных в северной его части.

Губернатор и его семья приехали проводить нас в моторной лодке. Я уже собирался прыгнуть вслед за ними, но тут меня дернул за рукав старый Пакомио и попросил отойти с ним в сторону. Это он первым поехал со мной на птичий островок, чтобы показать тайную пещеру, которую мы так никогда и не нашли, а потом был правой рукой Арне и руководил бригадой землекопов в Рано Рараку. Когда Арне откопал у ног одного из гигантов крошечную статуэтку, старый Пакомио шепотом предложил Арне показать пещеру, полную таких же маленьких фигурок. Но когда начался весь этот шум вокруг подземных тайников, Пакомио испугался и отказался от всех своих обещаний. Именно он бежал однажды за мной, лихорадочно уверяя, что теперь на острове ничего подобного уже нет. Во времена дедов, мол, такие камни в пещерах были, но теперь все тайные входы забыты, и если кто-нибудь и принес мне скульптуры из пещер, то это лишь копии того, что уже потеряно.

Пакомио стоял передо мной и смущенно вертел в руках свою самодельную соломенную шляпу. За ним в отдалении молча стояли остальные островитяне.

— Ты вернешься к нам на остров, сеньор? — осторожно спросил он, глядя на меня своими большими карими глазами.

— Это будет зависеть от тех камней, которые я везу с собой. Если все это, как ты говорил, сплошной обман и ложь, камни принесут мне «плохое счастье». Тогда мне не за чем сюда возвращаться.

Потупив взор, Пакомио стоял, поправляя обрамлявший шляпу веночек из белых перьев. Потом, спокойно взглянув мне в глаза, он сдержанно произнес:

— Не все камни, что ты получил, обман и ложь. Они принесут тебе «хорошее счастье», сеньор.

Старик смотрел на меня своими большими приветливыми и тревожными глазами. В последний раз пожали мы друг другу руки, и я прыгнул в моторку.

Островитяне, пешие и верхом, бросились вдоль берега, чтобы до последней минуты махать нам вслед. Мне казалось, будто под землей что-то глухо гудело под копытами всадников: ведь остров являет собой мир в два этажа. Но до слуха долетал лишь шум волн, бьющих о крутые скалы.

Глава X

МОРОНГО УТА — РАЗВАЛИНЫ В ОБЛАКАХ

На вершине, восточнее солнца и западнее месяца, за семью горами, лежит золотой сказочный замок. Но разве в наши дни верят в сказки? Однако, взобравшись на седьмую гору и увидев впереди Моронго Ута, мы сами поверили в сказку.

Вокруг во всех направлениях раскинулся океан. Бескрайный океан, который мы пересекли на нашем суденышке с другой половины планеты. Под нами лежали зеленые долины и одинокий зеркальный фиорд, на котором виднелось маленькое судно, доставившее нас сюда с острова Пасхи. А впереди, на следующей вершине, прямо рукой подать — сказочный дворец. Заколдованный, без признаков жизни, заросший лесом, с зеленью на башнях и стенах, лежал он таким, каким король и свита покинули его в те времена, когда мир еще верил в сказки.

Когда мы перебрались через последний гребень и приблизились к подножию этого сказочного дворца, я был полон нетерпеливого ожидания. Могучий и величественный, возвышался он перед нами на нереальном фоне несущихся облаков, спилей и синих вершин. Хотя замок вольно раскинулся под небесами, казалось, он возник из подземелья и не в состоянии стряхнуть с себя дерн, и зелень, и дремучий лес, которые, словно зеленая шуба, покрывали все его стены.

Издавая пронзительный крик, вниз со скалы ринулась красивая синяя птица. Когда мы приблизились, на одной из утопавших в зелени стен показались три белые дикие козочки. Прыгнув в ров, они исчезли из виду.

Если остров Пасхи — самое уединенное в мире место, то не удивительно, что Моронго Ута является одним из его ближайших соседей, хотя их разделяет пространство, равное расстоянию от Испании до восточного побережья Канады. Здесь, в зеленых горах, мы, как никогда прежде, чувствовали себя далекими от суетного мира. Место это самое затерянное из всех уголков Тихого океана.

Кто слышал что-нибудь о Рапаити? Маленький островок почти разрезан надвое океаном. Склоны такие крутые, что на них трудно найти опору для ног. По обе стороны гребня, на котором мы стояли, местность спускается к двум фиордам, в которых поочередно, в зависимости от направления ветра как в зеркале отражается сказочный замок. Стоило обернуться, как на других окружавших нас, одетых зеленью вершинах мы видели не менее двенадцати столь же удивительных сооружений и вместе с тем ни единого признака жизни. И лишь внизу, на берегу одного из фиордов, над домиками небольшой деревеньки вьется дымок. Всю деревеньку составляют покрытые камышом бамбуковые хижины и несколько побеленных домиков. Здесь живут двести семьдесят восемь местных полинезийцев — все население Рапаити.

Но кто же явился творцом замка, что стоит перед нами, и всех других сказочных замков? И кому в действительности служили эти сооружения? Никто этого не знал. Когда в 1791 году капитан Ванкувер случайно обнаружил этот одинокий островок, ему показалось, что на одной из вершин есть люди. На склоне, по его мнению, виднелись блокауз и палисады. Он принял все это за искусно сооруженный форт, но вверх не поднялся и не проверил того, что увидел. Знаменитый миссионер Эллис, посетивший остров несколько лет спустя, утверждал, что Ванкувер ошибся: то, что он принял в горах за форт, представляет собой лишь естественное

образование. После Эллиса остров посетил известный путешественник Моренхаут и восславил своеобразную природу Рапаити, где горные вершины напоминают башни, замки и укрепленные индейские деревни. Но и он не осмотрел эти удивительные творения природы.

Двадцать пять лет спустя небольшую книжку об этом уединенном гористом острове написал Кайо *. И он и другие исследователи взбирались на горы и обнаружили за зеленою искусственные стены. Большинство приняло их за стены древних неизвестных фортов. Некоторые считали, что стены эти представляют собой развалины древних земледельческих террас.

Лишь один этнолог, Стоукс, высадился на остров и изучал местных жителей, но рукопись его работы пока что лежит ненапечатанной в музее Бишоп. Из археологов на острове еще никто не побывал. Никто не поднимался в горы с топором и лопатой, дабы посмотреть, что они в себе таят. Любуясь на эти горы и долины, мы знали, что находимся в девственном краю: никто до нас здесь не производил раскопок, и начинать мы можем где угодно. Никто не знал, что нас тут ожидает.

Древнее предание, записанное со слов местных жителей лет сто тому назад, рассказывает о первых поселенцах острова. Согласно преданию, первыми Рапаити открыли женщины, приплывшие на суденышке с острова Пасхи. Многие из них были беременны, они-то и явились родоначальницами населения Рапаити.

От стен сказочного замка высоко в горах на многие мили вокруг виден простор океана. Далеко на юге небо над океаном мрачно и угрюмо. Оттуда вдоль дрейфующих льдов Антарктиды идут на восток холодные океанские течения. Опасная область, с частыми штормами и густыми туманами, пустынная и необитаемая... Зато на севере небо чистое, голубое, украшено мелкими, легкими как перышко пассатными облачками, которые скользят на запад, и туда же устремляется могучее теплое течение Гумбольдта, омывающее на своем

* *Eugene Caillot*, «Histoire de l'île Oparo ou Rapa». Paris, 1932 (Прим. автора.)

пути множество островов, в том числе одинокий остров Рапаити. Сама природа подсказала судам с Пасхи путь сюда. Поэтому мы и направились по тому же самому маршруту.

День за днем мы бороздили бескрайный океан, двигаясь на запад наперегонки с морскими течениями и вечно гонимыми облаками. День за днем стояли мы на мостике, на баке и у перил, вглядываясь в бездонную синеву. Большинство же находилось на корме, где судно оставляло за собой волнистую борозду; словно уходящая в синеву зеленая дорога, вела она прямо к исчезнувшему острову Пасхи. Чувствовалось, что многих тянуло назад, на этот остров. Может быть, людей влекли в а х и н ы, может быть, нераскрытые тайны и неисхоженные тропы. И лишь единицы думали о встрече с лежащими впереди знаменитыми пальмовыми островами. Позади всех на корме стоял Рапу, закадычный друг Билля, руководитель бригады землекопов в Винапу. Билль обучил смышленного парня и попросил меня взять его с собой в качестве помощника для топографических съемок. Поднимаясь на борт перед отъездом в дальний мир, Рапу улыбался, как киногерой. Но сердце его оставалось на «Пупе земли», и когда остров, погрузившись в океан, скрылся из виду, с ним вместе погрузилось в океан скорбей и сердце Рапу. Когда привычный мир перестал существовать и кругом остались лишь небо и океан, этого веселого парня словно подменили.

У Рапу были способности к технике, и вначале мы попробовали использовать его в качестве помощника в машинном отделении. Но там, в грохочущем чреве корабля, Рапу все было не по душе. Он уверял машинистов, что здесь, под палубой, судно наполнено «дьяволами», и добрый первый машинист позволил Рапу во время вахты сидеть на стуле у верхней части трапа. Но здесь, на морском бризе, Рапу засыпал, едва опустившись на стул, и машинисты решили, что он больше подходит для несения вахты на мостике. Сообразительный паренек очень быстро научился держать курс по компасу, и штурман ушел в свою рубку. Оставляемый судном в кильватере след приобрел странные очертания, и у

людей на палубе зародилась надежда, что мы с капитаном одумались и решили вернуться на остров Пасхи. Но Рапу тут был ни при чем. Он свернулся на скамейке калачиком и мирно спал, пока судно шло своим ходом. Какой смысл стоять у руля, когда во все стороны раскинулся лишь бескрайний океан?

Особым суеверием Рапу не отличался. Он был, выражаясь языком жителей острова Пасхи, «дитя века», но на всякий случай, засыпая, натягивал себе на голову одеяло, как это делали все жители острова Пасхи. Когда однажды Арне спросил островитян, чем вызвана такая привычка, они ответили ему, что хотят спрятаться от той нечисти, которая выходит по ночам. Вряд ли многие из друзей Рапу чувствовали себя лучше, чем он, если бы им пришлось отправиться в столь дальнее путешествие на судне, груженном тысячами фигурок из пещер, камней-«ключей», черепов и костей. Сам «Летучий голландец» ничто по сравнению с нами! Наше судно пересекало океан, будучи доверху нагруженным всевозможными а к у-а к у.

Впереди по курсу остров Питкэрн — остров мятежников с «Баунти». Позади из океана встает огненно-красное солнце, будто горит еще зажженный мятежными матросами корабль.

Теперь Рапу словно пробудился. Он стоял на носу и считал кокосовые пальмы: одна, две... нет, такое множество пальм он никогда не видел на острове Пасхи! И дикие козы в горах. Бананы. Апельсины. И всевозможные южные фрукты, каких он никогда доселе не пробоval. Должно быть, это райский сад! Как только Рапу вернется домой на остров Пасхи и построит себе лодку, он обязательно приедет сюда вместе с женой.

Наверху, на диких скалах, среди бурной тропической растительности, мы увидели красные крыши домов. Из узкой расщелины за мысом вынырнула шлюпка. В лучах утреннего солнца сверкали ударявшие в такт шесть пар весел. К нам приближались потомки мятежников с «Баунти».

На борт взбирались здоровенные босые островитяне. Среди них были типы, каких сейчас можно увидеть лишь в исторических фильмах Голливуда. Первым на

палубу ступил седовласый великан Паркинс Крисчен, праправнук Флетчера Крисчена, который некогда возглавлял знаменитый мятеж и заставил капитана Блайя добираться на шлюпке почти до Азии, а сам пошел против ветра и посадил «Баунти» на мель около этого пустынного острова.

Когда мятежники вместе со своими красавицами женщинами с Таити высадились на этот остров, они не нашли здесь ни единой души, но обнаружили древние покинутые подножия храмов, а на них черепа и несколько небольших статуй, отдаленно напоминающих гигантов с острова Пасхи. Кто жил здесь до них? Никто этого не знал. И ни один археолог не пробыл еще на острове Питкэрн более нескольких часов.

Паркинс Крисчен предложил мне поселиться с семьей в его домике. Остальные члены экспедиции были распределены по другим хижинам. Блестящий прием оказала нам исключительно гостеприимная небольшая британская колония, члены которой говорят по-английски примерно так, как говорили их предки, когда сошли на берег в 1790 году, с той лишь разницей, что речь их пестрит заимствованными из диалекта Таити словами и отличается местным акцентом.

Несколько дней мы вели на острове мятежников праздный образ жизни. Пока археологи колесили по всему острову, копали и разузнавали, моряки осмотрели пещеру Крисчена и могилу Адама, а водолаз спустился на дно и обследовал жалкие останки «Баунти». Руководствуясь указаниями местных жителей, мы нашли в расщелине на дне Баунти Бэй балласт с этого парусника — груды ржавых железных балок.

Островитяне все время находят в земле каменные топоры. У подножия головокружительного обрыва на северном побережье острова имелись наскальные изображения. В остальном же Питкэрн в археологическом отношении беден. Потомки мятежников, как добрые христиане, сравнивали стены храмов с землей, а маленькие статуи разбили и выбросили в море, дабы очистить свой остров от чужих богов. В стене высокого обрыва Арне и Гонсало с помощью островитян нашли пещеру, где, судя по всему, вырубались когда-то

красные каменные статуи. Среди отходов на дне пещеры по-прежнему валялись сточенные каменные топоры.

Чужестранцы редко посещают этот остров. На узком и труднодоступном месте высадки с грохотом бьются о скалы морские волны. Но недалеко от острова проходит морская линия Новая Зеландия — Панама, и островитяне выходят на лодках в море продавать пассажирам вырезанных из дерева летающих рыбок и черепах или же небольшие модели гордого парусника своих предков. Торговля эта идет настолько успешно, что на Питкэрне совсем не осталось дерева м и р у, из которого островитяне вырезают столь важные для своей экономики изделия. Чтобы отблагодарить жителей Питкэрна, мы, забрав все мужское население острова и значительное число женщин, отправились на необитаемый остров Гендерсон. Высадившись на берег, наши шестьдесят пассажиров сумели за один день вырубить двадцать пять тонн дерева м и р у. Берег напоминал собой сцену сражения пиратов: живописно одетые островитяне всех возрастов бросались в волны, доставляя к танцующим на волнах шлюпкам кривые бревна. До отказа нагруженные шлюпки везли груз дальше, на судно. Тому, кто не привык наблюдать непрерывное движение волн, то покрывавших, то обнажавших коралловый риф близ этого тропического острова, могло показаться, что лодка вот-вот потерпит аварию. Но мужчины и женщины крепко цеплялись за риф и лодку каждый раз, когда волны обрушивали на них потоки воды и пены. Великан, сидевший за рулевым веслом, своим могучим голосом умело руководил действиями двенадцати дружных гребцов, и лодка успешно выдерживала натиск самых крупных волн океана.

На следующий день, когда мы разгрузили свое судно у скал Питкэрна, смуглый Крисчен, улыбаясь, заверил, что теперь его люди на целых четыре года обеспечены материалом для изготовления моделей «Баунти» и летающих рыбок.

После Питкэрна мы направились на остров Мангарева и бросили якорь среди кораллов, в окруженной со всех сторон горами красивой лагуне, в обществе ты-

сяч рыб и перламутровых ракушек. Единственную стату в этом одетом пальмами рае Южных морей мы увидели на картине в церкви — она лежала расколотая пополам у ног торжествующего миссионера. Любезная супруга находившегося в отъезде французского администратора созвала местное население на большой праздник, и нам показали танец в честь легендарного короля Тупы. Король танцевал перед своими воинами в затейливой маске на голове, выдолбленной из ствола кокосовой пальмы. По преданию, он приплыл на остров с востока с целой флотилией больших бревенчатых плотов. Пробыв на острове несколько месяцев, Тупа возвратился в свое великое царство на востоке и на Мангареве больше не появлялся. По месту и времени это предание поразительно совпадает с легендой инков об их великом владыке Тупаке. Последний приказал построить огромную флотилию парусных бальзовых плотов и почти целый год плыл по Тихому океану на два далеких обитаемых острова, о которых он слышал от своих купцов-мореходов.

Затем мы посетили остров Рапаити. Словно из сказки, он выплывал из океана среди туч на юго-западе. Еще издали на самых высоких вершинах можно было увидеть в бинокль какие-то удивительные сооружения. Они напоминали заросшие пирамиды Мексики или покинутые крепости инков в диких горах Перу. Пожалуй, здесь мы найдем что исследовать!

Стоя на мостике, мы затаив дыхание следили, как капитан с величайшим умением вел судно то вправо, то влево через проходы в заросшем коралловом рифе, запиравшем вход в изумительный бассейн внутренней части острова. Пройдя риф, судно вошло в зеркальную лагуну — окруженный зубчатыми вершинами гор водоем кратера. Анетта сосредоточенно следила за капитаном, который вертел рукоятку машинного телеграфа то в положение «стоп», то в положение «малый вперед» или «назад», пока судно едва заметно скользило меж кораллов. И вдруг Анетта, встав на цыпочки, решительно хватает ручку и тянет ее на «полный вперед». Из машинного отделения отвечают «полный вперед», и если бы капитан немедленно не отвел ручку в противополож-

ную сторону, наше судно, как ледокол, врезалось бы в коралловый риф.

Все облегченно вздохнули, когда мы очутились в тихих и безопасных водах, перед небольшой красочно раскинувшейся деревушкой, жители которой уже приближались к нам на своих крохотных каноэ.

После восхождений по крутым ущельям и выступам мы, наконец, очутились в верхней части хребта.

— Моронго Ута,— пробормотал сопровождавший нас островитянин.

— Кто это построил?

Он пожал плечами:

— Кто знает, может быть, какой-нибудь король.

Мы подошли ближе и стали смотреть сквозь густую зелень. Тут и там виднелись тщательно построенные стены. Вдали, на краю обрыва, мне что-то кричал Эд. В том месте обвалился один угол, и обнажилась земля со множеством ракушек и рыбьих костей. Среди этого мусора выделялись контуры колоколообразной ступы с тонкими и изящными линиями. Она была мастерски вытесана из твердого как кремь базальта и столь же мастерски отполирована. Более красивой работы по камню мне никогда не доводилось встречать во всей Полинезии.

Билль тоже поднялся на гребень.

— Какое творение! — произнес он, как зачарованный вглядываясь в лежащее перед нами мощное сооружение.— Здесь надо копать!

На судне был созван военный совет. Большое количество работавших на нас островитян и ночные прогулки по острову Пасхи истощили наш запас обменных товаров и большую часть провианта — почти все, в чем мы нуждались в предстоящие месяцы. Единственным выходом было снова поднять якорь и отправиться для пополнения запасов продовольствия на Таити, а затем возвратиться и заняться раскопками замка в горах.

Преодолев сильный шторм, мы подошли к Таити. Перед нами всплыли хорошо знакомые контуры острова. Моего названного отца, старого вождя Териероо, не было больше в живых. Его опустевший дом виднел-

ся среди пальм. Но на Таити было множество старых друзей, и никому из нас не пришлось скучать ни днем, ни ночью.

Вскоре наше судно взяло курс на остров, уже знакомый, но лежащий где-то там, за синими далями — восточнее солнца и западнее месяца.

Когда мы вновь осторожно миновали опасный риф, на борту уже не было Арне и Гонсало. По дороге мы высадили их на острове Раиваевае, где они остались исследовать развалины нескольких храмов с небольшими неизвестными нам каменными статуями, обнаруженными там в лесу. Но зато мы привезли с собой пассажиров с Таити. Одним из них был мой друг Анри Жакье, президент Общества океанических исследований и директор музея в Папеэте. Я пригласил его принять участие в нашей экспедиции. Кроме того, с нами приехала одна местная семья. Власти на Таити попросили меня доставить ее назад на Рапаити, где она прежде жила. Жакье поднялся на борт с чемоданчиком, а для наших местных пассажиров нам пришлось пустить в ход грузовую стрелу. Они привезли с собой множество ящиков, сундуков, свертков, мешков, стульев, столов, комодов, шкафов, две двуспальные кровати, множество досок и бревен, кровельное железо, домашних животных и огромные гроздья бананов. Палубу так загрузили, что мы с трудом по ней передвигались. Прибыв в тихие воды Рапаити, нам пришлось провести целую операцию по разгрузке всех этих вещей, а поскольку перевозка была бесплатной, то хозяин их решил, что столь дешевые услуги не стоят и благодарности. Посадив свою семью в каноэ, он отправился на берег, предоставив нам выгружать его вещи. Но эта встреча с нашим пассажиром не была последней.

На берегу мы познакомились с примечательной парой. Ее звали Леа, это была темпераментная и веселая женщина, наполовину таитянка, наполовину корсиканка. Она была учительницей и приехала сюда обучать грамоте и взрослых и детей. Мужа ее звали Мани, он таитянин по рождению, а по внешнему облику немного походил на китайца. Лицо Мани все время расплывалось в широкой улыбке. На Таити он работал

шофером автобуса, теперь же был спутником своей жены и слонялся без дела. Леа умела писать и говорить по-французски и была правой рукой старого вождя острова. Если возникали какие-нибудь проблемы, Леа энергично их решала. Подтянутая, с торчащими косичками, она, подбоченясь, предложила свои услуги, как только я сошел на берег. Позади, широко улыбаясь, скромно стоял толстый Мани.

Я спросил, не может ли Леа найти мне человек двадцать крепких парней для раскопок в горах.

— Когда они тебе понадобятся? — спросила Леа.

— Завтра, в семь часов утра, — ответил я, полагая, что в течение недели, быть может, их наберется с дюжину.

Выйдя на следующее утро на палубу поразмяться в лучах утреннего солнца, я увидел на берегу два десятка парней во главе с Леа. Я выпил наспех стакан сока, съел кусок хлеба и поехал на моторке на берег. Мы договорились об оплате и рабочем дне на основе принятых на Таити норм. И когда солнце было в зените, мы находились уже высоко в горах вместе с Мани и двадцатью здоровенными парнями. Они рубили углубления и ступеньки в обрыве, чтобы мы могли добираться до Моронго Ута, не подвергая каждый день свою жизнь опасности. Мани, широко улыбаясь, шел впереди. Своим весельем он заражал всех рабочих. Они пели, шумели и работали от души. Такой труд был для них чем-то новым — на этом острове люди вообще не привыкли работать.

И для кого им работать? Для семьи этого не требовалось. Жена возделывает на полях т а р о, жена переносит т а р о домой и сбивает из него кислое тесто, которое они едят всю неделю. А если им надоедает каша п о п о и, они совершают субботнюю прогулку в лагуну за рыбой. Имея в своем меню сырую рыбу и п о п о и, они могут снова укрыться в тени и еще неделю предаваться сну и любви.

Один раз в году сюда приходит с Таити торговая шхуна. Тогда часть мужчин на несколько дней уходит в лес и собирает упавшие на землю дикие кофейные ягоды, чтобы на шхуне выменять на них немного товаров.

Во всей группе веселых рабочих лишь один человек волочился позади и все время просил остальных идти помедленнее. Когда Мани возмутился этим, парень удивленно спросил, о чем Мани беспокоится, ведь не он платит за работу. Этим человеком был наш вернувшийся домой бесплатный пассажир, которого вместе со всей семьей и багажом мы доставили с Таити.

Наверху, на остром гребне, образующем водораздел, имелось седловидное углубление; по противоположному склону поднялся сюда лесок. В этом месте мы расчистили площадку, достаточную для двухместной палатки, обитатели которой могли, сидя у входа, сплевывать апельсиновые косточки каждый на свою сторону острова. Здесь будет база Билля, ему поручено руководить раскопками в Моронго Ута.

Когда на следующий день мы вновь собрались в горы, то не увидели ни одного из наших веселых полинезийцев. На берегу в одиночестве стоял мрачный Мани. Привыкший к улыбке рот теперь выражал негодование. Из бамбуковой хижины выскочила Леа, хмурая, как грозовая туча.

— Если бы у меня только был пулемет! — закричала она гневно, приставив к глазу согнутый указательный палец и вытянув другую руку, как бы целясь в бамбуковую хижину.

— Что случилось? — в испуге спросил я, поблагодарив судьбу, что у разгневанной дамы нет в руках ничего опасного для жизни.

— Они устроили там военный совет, — объяснила Леа. — Парень, которого вы привезли с Таити, говорит, что несправедливо отбирать для работы лишь двадцать человек. Они хотят теперь сами решить, сколько человек будут работать, пусть здесь не будет диктатуры. Все, кто хочет, должны получить работу. А если ты не позволишь им самим решить, кто будет работать, они не пустят тебя больше в горы и прогонят вас с острова. Работать хотят пятьдесят человек.

Возмущенная Леа сообщила, что островитяне торжественно приглашают нас прийти, когда сядет солнце, на совет в большую хижину. Пока же мы должны вернуться на судно.

В шесть часов зашло солнце. Сразу за деревней начинались очень высокие горы, окружавшие все кратерное озеро, где стоял сейчас на якоре наш корабль, и поэтому сразу стало темно. Капитан высадил на берег только Жакье и меня. Освещая дорогу карманным фонариком, мы направились в окутанную мраком деревню. Из темноты вынырнули три босых островитянина; не здороваясь, они беззвучно пошли вслед за нами.

В деревне не слышно было ни звука. То тут, то там в овальных покрытых соломой бамбуковых хижинах можно было заметить кучки тлеющих углей. Отблеск стеариновой свечи привел нас к домику, где собрались островитяне. Согнувшись, мы вошли внутрь и ступили на мягкие циновки, сплетенные из листьев пандануса. На полу вдоль трех стен расположились на корточках тридцать местных жителей, хмурых, точно воины перед битвой. Посередине комнаты восседала на полу одинокая величественная фигура грузной женщины, державшей на своих широко расставленных голых ногах карту.

Мы поздоровались бодрим и а-о-р а н а, а сидевшие внутри что-то пробурчали нам в ответ. Леа и местный священник стояли у четвертой стены. Леа сохраняла мрачный вид, но когда мы вошли, приветливо улыбнулась. Мани здесь не было. Леа указала на четыре свободных стула, которые поставили для нее, священника и нас двоих.

Вначале она попросила выступить Жакье, как представителя французских властей. Поднявшись, он медленно и спокойно произнес свою речь на французском языке. Некоторые делали вид, что понимают его, и с довольным видом кивали головой. Остальные слушали, внимательно и не спускали с нас пристального взгляда, но было ясно, что они не понимали ни слова.

Жакье рассказал, что является руководителем Общества океанических исследований, а матрона, сидевшая в середине комнаты, показала на карту и кивнула, явно польщенная. Он рассказал далее, что сам губернатор направил его сюда специально для оказания нам помощи, именно поэтому он все оставил на Таити — и семью, и музей, и свою аптеку. А я, показал он

на меня, не являюсь туристом. Это я вместе со своими друзьями приплыл на Раоиа на па е-па е. Теперь я прибыл к ним с учеными людьми, чтобы исследовать сооружения, возведенные их предками. Люди из разных стран приехали сюда мирно работать вместе с населением Рапаити — из Норвегии, Америки, Чили, Франции и с острова Пасхи. Мы приехали изучать жизнь предков нынешнего населения острова. Сейчас мы приплыли с Рапануи — острова Пасхи. И пусть здесь на Рапаити — Маленьком Рапа — к нам отнесутся так же хорошо, как отнеслись на Рапануи — Большом Рапа.

Леа перевела речь на таитянский диалект, кое-что прибавив от себя. Говорила она мягко, почти очаровывая, но вместе с тем взволнованно и убедительно. Слушатели неподвижно сидели на корточках, стараясь не пропустить ни одного слова. И каждый, казалось, искренне стремился взвесить ее аргументы. Я сидел и изучал этих настороженных людей, расположившихся на циновках из листьев пандануса вдоль стен низкой бамбуковой хижины с соломенной крышей. Мне казалось, будто я перенесся в эпоху великих географических открытий. Здесь, на Рапаити, сменилось столько поколений, а казалось, что минули всего лишь месяцы или годы. Во взглядах сидящих в хижине людей светилась чистота и непосредственность «детей природы», и мы невольно забывали, что на них надеты рваные брюки и рубашки. С таким же успехом они могли сидеть в набедренных повязках. Мы видели ряды внимательных, умных глаз, без каких-либо признаков дегенерации, характерной для людей на низкой стадии культурного развития, но в их взглядах пробегала порой дикая искорка, какую я наблюдал доселе лишь у представителей племен, затерянных в дебрях дремучих лесов.

Когда Леа кончила говорить, поднялся старый вождь. Он говорил со своими людьми вполголоса, но по выражению его лица мы видели, что настроен он к нам благожелательно. После него вскочил другой старый островитянин. Он долго говорил с пафосом на диалекте Рапаити и производил впечатление опытного оратора.

Наконец взял слово я и с помощью Леа объяснил,

что, быть может, их предкам приходится подниматься на защиту фортов в горах, когда к острову приближались иностранные корабли. Но времена переменялись Мы приехали, чтобы вместе с жителями острова отправиться в форты, очистить их от леса и дерна и сделать такими же красивыми, какими они были во времена предков. Я согласен взять на работу всех желающих, но при условии, что за мной остается право отослать назад любого, кто своей плохой работой не заслужит положенного вознаграждения.

Все повскакали с мест и бросились пожимать нам руки. На следующий день Леа привела с собой пятьдесят шесть человек, не считая Мани, который тоже был тут и весело улыбался. Здесь находилось все мужское население острова, за исключением двух стариков, которые не в состоянии лазить по горам. Вместе с Мани я повел это войско в горы. Билль даже немного испугался, увидев сверху огромную вереницу людей, которые, словно жемчужины на длинной нитке, огибали горный выступ, шумно и весело размахивая топорами и длинными, как сабли, ножами.

Наверху, у стен Моронго Ута, развернулось великое сражение. Гибискус, панданус и гигантские папоротники были бессильны перед этим наступлением. Тяжелые стволы деревьев валялись со стен и с грохотом исчезали в бездне, поднимая тучи листьев.

Когда вечер спустился на остров, все войско прекратило наступление и, не имея ни одного раненого, направилось вниз. Островитяне прыгали, радуясь как дети, хотя за весь день, за исключением обеденного перерыва, они даже не присели. Во время перерыва каждый развернул принесенный с собой сверток из больших зеленых листьев, достал серовато-белое кислое тесто попои и принялся есть его, отправляя двумя пальцами в рот. Мани спустился по склону, набил рубашку и брюки большими дикими апельсинами и роздал их всем желающим.

Вечером участники экспедиции отправились в деревню и на судно. В палатке у Билля остался второй штурман. Мы договорились каждый вечер поддерживать связь с помощью коротковолновой станции, но еще

задолго до назначенного часа заметили, что с форта нам подаются световые сигналы. Второй штурман послал сигналы SOS: на лагерь напал миллион крыс.

— Ларсен всегда преувеличивает,— сказал капитан.— Если он говорит миллион, то их, несомненно, лишь несколько тысяч.

На другой день наше войско выстроилось вновь. Взяв с собой кирки, лопаты, сетки для просеивания и всевозможные орудия для раскопок, мы отправились в горы. Оказалось, что две крысы, посетившие ночью лагерь, объелись там попои и отступили к апельсиновым деревьям в долину.

В течение нескольких дней работа шла превосходно. Но вот однажды утром ни один из пятидесяти шести островитян не вышел на работу. В бинокль мы увидели в горах одинокие силуэты Билля и Ларсена, а на берегу стояла, махая нам, Леа. Новое осложнение. Я сел в моторку и поехал на берег.

— Они бастуют,— сказала Леа, когда я сошел с моторки.

— Почему? — в изумлении спросил я.

— Человек, которого вы привезли с Таити, рассказал, что каждый, кто работает, должен бастовать.

Пораженный, я направился в деревню. Несколько не очень приятных парней стояли с угрожающим видом, засунув руки в карманы. Остальные сидели дома, и я увидел лишь несколько пар глаз, выглядывающих в приоткрытые двери хижин.

— Почему вы бастуете? — обратился я к одному из мужчин.

— Откуда я знаю? — ответил он и огляделся, ища поддержки. Но поддержки он не получил. И кого бы из них я ни спрашивал, никто не мог мне ответить. Все стояли недовольные и злые.

— Это все один человек придумал! — крикнула толстая старуха, приоткрыв дверь своей хижины.— Только здесь его нет.

Я попросил их привести его, и несколько парней бросились выполнять мою просьбу. Они привели грубого парня, одетого в старую зеленую армейскую шинель без пуговиц, босого, как и все остальные, с сигаретой

в зубах. То был наш старый приятель — бесплатный пассажир.

— Почему вы бастуете? — повторил я свой вопрос, когда он с заносчивым видом остановился передо мной. Из всех хижин высыпали мужчины и женщины с хмурыми лицами и обступили нас со всех сторон.

— Мы хотим заработать себе больше на пропитание, — ответил он, не вынимая рук из карманов шинели и продолжая дымить сигаретой.

— Но ведь вы получаете столько, сколько сами просили, столько же, сколько получают на Таити?

— А мы хотим больше. Потому что едим свои харчи и спим дома!

Позади я увидел зеленые мешочки из листьев с попои, развешанные вокруг на деревьях среди бамбуковых домиков. Я немного знаком с системой оплаты во Французской Океании и понимал, что его требования необоснованны. И если бы я уступил, то послезавтра они снова объявили бы забастовку, предъявив новые требования.

Поэтому я твердо заявил, что намерен придерживаться договора, заключенного нами в тот вечер, когда я согласился на все их условия. В ответ они заявили, что прекращают работу.

Рядом со мной стояла возбужденная тучная женщина с весьма внушительной мускулатурой. Кроме нее, здесь было много других женщин такого же типа, и мне внезапно пришла в голову мысль. Я обратился к женщинам:

— Неужели вы, женщины, смиритесь с тем, что мужчины валяются дома и спят в такой момент, когда на Рапайти можно получить работу и вознаграждение за нее? Теперь, когда в лагуне стоит судно, полное продовольствия, одежды и других товаров?

Я попал прямо в цель. Стоявшая рядом громадная матрона подняла на смех своего мужа, и стоило ей только выделить его в толпе мужчин, как он отступил назад и исчез. Среди женщин поднялся шум. Неожиданно вперед, как настоящая Жанна д'Арк, вышла Леа, прошла подбоченясь мимо разинувших рты мужчин и решительно крикнула мне:

— Зачем тебе мужчины, чем мы хуже их?

Послышался гул одобрения. Я взглянул на всех этих бойких девушек и решился. Ведь они-то и привыкли работать на этом острове.

Не успел я опомниться, как Леа уже обходила хижину за хижинной. Показывая на Моронго Ута, она выкрикивала свои приказания, и женщины выходили из домов. Те, у кого на руках были дети, оставляли их дочерям и бабушкам. Те, кто стирал в ручье белье, бросали вальки и мокрое белье. Что же касается полей с посевами таро, то им придется обойтись без просмотра, пока мужчины не проголодаются.

Леа, вытянувшись как солдат, отправилась во главе всех женщин в горы. Наполеон проникся бы гордостью за свою корсиканскую кровь, если бы увидел, как четко марширует она впереди колонны, распевая «Марсельезу». В конце длинной вереницы женщин песня сливалась с местными напевами, и замыкающие распевали настоящие мелодии хулы, раскачиваясь и кокетливо вращая бедрами. Единственными кавалерами в этом шествии были Мани и я, и если прежде Мани только улыбался, то теперь его буквально душил смех.

Находившиеся наверху Билль и Ларсен, услышав шум, выползли из своей палатки и, когда увидели, кто к ним приближается, от удивления едва не скатились в долину.

— Вот землекопы,— крикнул я,— доставайте лопаты!

Придя в себя, Билль схватил кирку и вручил ее одной из самых красивых девушек. От восторга она бросилась ему на шею и наградила звонким поцелуем,— Билль едва спас очки и шляпу. Бросая на меня отчаянные взгляды, он медленно опустился на ящик, вытирая себе щеку.

— За всю свою карьеру археолога я такого не видел,— произнес он.— Никогда не думал, что археология таит в себе столько неожиданностей! Интересно, кого ты приведешь сюда в следующий раз?

Леа и ее женский корпус не ударили в грязь лицом. Подобного темпа работы нам не доводилось видеть ни в Соединенных Штатах, ни в Норвегии. Земля и дерн с

такой быстротой летели вниз, что Билль, наблюдая за ходом работ, буквально сбился с ног. Женщины были умны и понятливы, во главе с Леа они представляли собой первоклассную группу землекопов. Когда что-нибудь приходилось откапывать лопаточкой, они действовали киркой и лопатой настолько же аккуратно, насколько энергично удаляли корни и лишнюю землю. Постепенно стены и башни Моронго Ута начали отливать на солнце ржаво-красным и серовато-стальным цветом. Когда женщины закончили работу и Билль смог вернуться в палатку, он был совершенно измотан. В последующие дни взятый женщинами темп ничуть не спадал.

Внизу в деревне в одиночестве сидели мужчины и ели попои. Когда наступил день получки и женщины вернулись домой с деньгами и подарками себе и детям, мужчины побросали свои мешочки с попои и хмурые направились к мудрецу с Таити. Такого оборота дела никто не ожидал.

Священник и вождь, а также улыбающийся Мани все время твердо стояли на нашей стороне, но ничего не смогли сделать. Теперь они привели ко мне мужчин и попросили их простить: мужчины тоже согласны работать за принятую на Таити оплату.

Женщин мы поставили на одно крыло гигантского сооружения, а мужчин на другое. Началось соревнование в темпе и качестве работы. Ни те, ни другие не желали отставать. Вряд ли на раскопках развалин когда-нибудь работала столь энергичная бригада. Снизу с судна казалось, будто на гору набросилась саранча. Покрывавшая Моронго Ута зелень отступала вниз, исчезая, и с каждым днем взору открывалась все большая поверхность коричнево-красной породы. Появлялись стены и террасы, и вскоре вся вершина сияла, словно храм шоколадного цвета на фоне синего неба.

На других, окружающих нас вершинах, пирамиды по-прежнему были покрыты зеленью, словно замки горных троллей. Но неверно называть Моронго Ута замком. Стоило теперь подняться на горы, чтобы убедиться в том, что это не жилище одной семьи, а покинутые развалины целого селения. Те, кто называл их фор-

том, ошибались, равно как и те, кто говорил, что это земледельческие террасы. Здесь, на самых высоких вершинах, когда-то проживало все древнее население острова.

Те, кто первыми достигли этого острова, нашли в горных долинах достаточно ровных полей. Но вместо того чтобы обосноваться там, они забрались на самые неприступные обрывы и поселились на горных вершинах, построив себе здесь орлиные гнезда. С помощью каменных топоров они превратили вершину горы в неприступную башню. Вокруг этой башни в горе были вырублены спускавшиеся вниз большие террасы, где, тесно прижавшись друг к другу, стояли домики селения. Там и сейчас по-прежнему стоят их очаги, полные пепла и древесного угля. Тип этих своеобразно сложенных каменных печей до сих пор находили в Полинезии лишь на острове Пасхи. Билль тщательно собрал драгоценные кусочки угля: путем анализа их радиоактивности можно будет определить возраст этого удивительного горного селения.

Повсюду вокруг валялось множество каменных топоров, как целых, так и сломанных. А еще чаще встречалось необходимое для женщин орудие — каменные песты для растирки т а р о в п о п о и. Некоторые из этих пестов для п о п о и были превосходно выточены — изящные линии, красивая полировка. Машинисты наши отказывались верить, что такая работа могла быть выполнена без современного токарного станка. Биллю даже удалось осторожно вырыть из земли остатки старой рыболовной сети.

Когда-то это было, несомненно, хорошо укрепленное селение. Огромный ров с оборонительной стеной защищал его со стороны южного склона. Сотни тысяч камней из твердого базальта были подняты из долины для опоры террас, на которых стояли хижины. Без этих опор бурные ливни могли бы подмыть и разрушить террасы, и они обрушились бы в пропасть. Необработанные каменные глыбы были мастерски уложены друг на дружку без скрепляющего раствора; тут и там сквозь стену проходил дренажный канал, а в отдельных местах длинные камни выступали вперед, образуя лестницу от

одной террасы к другой. Всего в селении Моронго Ута имелось свыше восьмидесяти расположенных друг над другом террас. Высота сооружения достигала пятидесяти метров, а поперечник его — четырехсот. Таким образом, оно является самым крупным сплошным строением из всех когда-либо обнаруженных на островах Полинезии. Билль подсчитал, что одно лишь селение Моронго Ута имело в прошлом больше жителей, чем все сегодняшнее население острова.

Печи, колодцы и ямы для хранения таро — вот все, что осталось от домиков, не считая отбросов и орудий. Древнее поселение состояло из овальных хижин — это были воткнутые в землю ветви, связанные вверху и покрытые камышом. Они тоже удивительно напоминали хижины острова Пасхи. Для больших храмов, столь обычных в строительном искусстве других островов, здесь уже не оставалось места. Жители Моронго Ута нашли, однако, своеобразный выход, с которым мы на других островах Тихого океана еще ни разу не сталкивались. Они вырубили в горе позади террас небольшие куполообразные ниши и построили здесь миниатюрные храмы. На плоском полу они устанавливали торчком небольшие красивые камни, ряды которых, пересекаясь, образовывали как бы клетки на шахматной доске. А те церемонии, которые нельзя было выполнить перед таким миниатюрным храмом, происходили на верхней платформе пирамиды, под самым небосводом.

Пока Билль и его помощники руководили раскопками на Моронго Ута, Эд и Карл вместе с экипажем судна обследовали остальную часть острова. Все другие искусственные вершины представляли собой развалины укрепленных селений такого же типа, что и Моронго Ута. Островитяне называли их паре. Вдоль водораздела, который, словно острый гребень, извивался от вершины к вершине, тесно, как это только позволяло место, жались друг к другу остатки древних домиков. Глубоко внизу, в долине, стояли стены древних земледельческих террас. Нередко они, словно лестницы, поднимались высоко вверх по склонам, и повсюду виднелись остатки искусственных ирригационных сооруже-

ний. Каналы, берущие свое начало высоко в руслах ручьев, орошали лишенные влаги террасы.

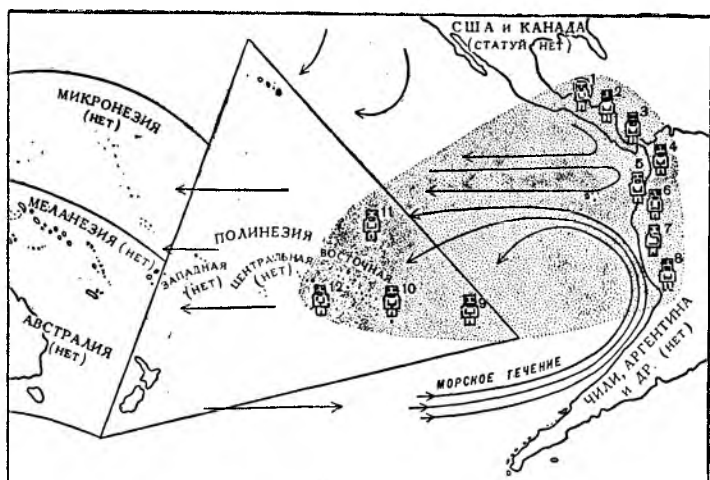
Удивительные поселенцы Рапаити проживали на самых высоких вершинах. Они ежедневно спускались по вырубленным в обрывах тропам в долины возделывать таро и ловить в море рыбу и панцирных животных. Дети этого горного народа жили словно в орлиных гнездах.

Что же испугало этих людей и заставило их уйти в горы? Может быть, жители одной вершины спасались в горах от жителей других вершин? Вряд ли. Селения были связаны друг с другом расположенными вдоль гребней домиками, образуя единое оборонительное сооружение, обращенное фасадом к бескрайнему океану. Может быть, они ушли в горы из боязни, что опустится морское дно? И это маловероятно. Отсюда сверху мы могли удостовериться, что береговая линия не изменилась с тех времен, ибо там, где далеко в море уходила мель, берег был очищен от камней, и по сей день он служил местом высадки и имел садки и заводы для ловли рыбы.

Ответ на эту загадку прост. Жители Рапаити боялись могущественного, уже знакомого им внешнего врага, военные корабли которого в любой момент могли появиться на горизонте.

Может быть, в этот затерянный уголок их загнал тот же враг с другого, уже захваченного им острова? Может быть, с острова Пасхи? Не содержат ли зерно истины бытующие на Рапаити легенды, точно так же, как предание о сражении на рве Ико? Битвы между каннибалами в третью эпоху острова Пасхи могли кого угодно заставить добровольно уйти в море, даже беременных женщин с малыми детьми. Еще в прошлом столетии бревенчатый плот доставил в сохранности семь островитян на землю Рапаити. Их принесло сюда течение с острова Мангаревы, лежавшего и на нашем пути с Пасхи.

Никаких статуй на Рапаити не было, но ведь для них и места в горах не было. И если основу местной культуры заложили женщины и дети с острова Пасхи, то в первую очередь они думали, конечно, о жилищах,

Район, где имеются гигантские каменные статуи людей. Все статуи неизвестного происхождения: 1. Мексика. 2. Гватемала. 3. Панама. 4. Колумбия. 5. Эквадор. 6. Северная часть Перу. 7. Центральная часть Перу — Боливия. 9. Остров Пасхи. 10. Питкэрн. 11. Маркизские острова. 12. Раиваева.

еде и безопасности, а не о красивых изваяниях и военных походах. Они строили себе гнутые камышовые хижины и прямые печи, как на острове Пасхи, а не прямые домики и круглые земляные печи, как на остальных островах по соседству. Воинственным походам на другие острова они предпочли надежные оборонительные сооружения для своих домов. И если они действительно прибыли с острова Пасхи, то можно предположить, что эти люди обладали достаточной настойчивостью для преобразования своими маленькими топорами всего горного массива. Бросалось в глаза, что и сегодня ведущей силой на Рапаити являются женщины, которые ухаживают за мужчинами, словно за малыми детьми.

До сих пор исследователи Тихого океана считали, что на этом острове нет ни искусственно обработанных камней, ни выполненных из камня человеческих фигур.

Мы же нашли в горах и то и другое. Островитяне проводили нас на затерянный горный выступ высоко над долиной к востоку от Моронго Ута. Здесь они показали нам место, где, по преданию, оставляли лежать тела древних королей острова, прежде чем их земные останки отправятся в свой последний путь. Мы увидели изумительно красивый образец работы по камню. В каменной стене была вырублена гробница в форме большого саркофага, а вход в нее был замурован четырьмя квадратными камнями, настолько тщательно подогнанными, что стена казалась сплошным природным образованием. На стене рядом с гробницей был вырублен барельеф человека ростом с ребенка. Фигура угрожающе подняла руки и напоминала собой «короля» из тайника Ласаруса на острове Пасхи.

Согласно преданию, тело короля Рапаяти с шумом и помпой приносили в гробницу среди бела дня. Здесь покойник лежал головой на восток, пока темной ночью за ним не приходили двое из его ближайших подданных. Они тихо несли тело в долину Анаруа по другую сторону гребня в потайную пещеру.

Мы нашли на Рапаяти погребальные пещеры. Самая крупная из них находится в долине Анапори, за водопадом, который падает со скал с десятиметровой высоты. В пещеру втекает небольшой ручеек. И нам пришлось идти по колено в жидкой глине, пока мы не попали на сухое место у подземного озера с небольшими каменными могильными холмиками на берегу. Чтобы попасть на другой берег, пришлось проплыть в ледяной воде семьдесят метров. И там, в кромешной тьме, лежали остатки человеческих скелетов.

В скале ниже Моронго Ута мы нашли погребальную пещеру более позднего происхождения. Она была искусственно вырублена в рыхлой породе. Вход прикрывался плитой. В этой пещере лежали три тела, но когда к нам приблизился островитянин и приветливо сообщил, что в пещере лежат его ближайшие родственники, мы поспешили поскорее прикрыть в нее вход. Поблизости был ряд искусственных пещер такого же типа, но мы их не трогали, и в знак признательности островитянин рассказал нам, что недалеко отсюда в стене есть другая большая тайная пещера, прикры-

тая такой же плитой. Там лежит его дед и много других покойников, которых прятали там из поколения в поколение.

Даже в наши дни жители Рапаити придерживаются своего древнего обычая. Они хоронят умерших в освященной земле близ деревни, помещая их тела в углубления, вырытые на дне шахты.

Иссеченные человеком вершины Рапаити одиноко торчат из океана, как памятник безымянным мореплавателям прежних эпох, преодолевшим сотни миль, прежде чем достигнуть этого острова. Но эти сотни миль не могли служить гарантией тому, что по их следам не пойдут другие мореходы. Океан велик, но даже малейшее суденышко, которое держится на волнах, может со временем его переплыть. Самый маленький каменный топор может рассечь скалу, если прилежные руки будут без усталости по ней долбить. А времени здесь было у людей достаточно. Если согласиться, что «время — деньги», то они могли сыпать на свои солнечные карнизы большие состояния, чем любой современный богач. Если время — деньги, то богатства их столь же несчетны, как несчетны камни в стенах Моронго Ута. И если именно так смотреть на развалины селения, сверкающие в лучах солнца между небом и океаном, то вполне можно представить себе, что когда-то это был сказочный золотой замок восточнее солнца и западнее месяца.

Но королевский склеп в долине Анаруа никто на острове нам показать не сумел. Те, кто носил туда королей, сами давно уже спят под землей мирным сном. А нынешние жители Рапаити не обладают умением находить тайные пещеры.

Никто не имеет здесь а к у-а к у, никому неведом обычай приготовления кур в земляной печи.

Глава XI

МОЯ АКУ-АКУ ГОВОРИТ

Наверху, в долине Тайпи, чувствовался запах дикой свиньи, хотя кругом не было видно ни людей, ни животных. Над головой шумел водопад. Поглощая все посторонние звуки, поток, извиваясь и бурля, низвергал свои воды с двадцатиметровой высоты в водоем, в котором я сейчас купался. С трех сторон вертикально поднимались отвесные стены, обросшие мягким зеленым мхом, холодным и сырым от вечного тумана, окутывавшего бурлящий поток. На этом зеленом ковре под напором водяных брызг раскачивались листья вечнозеленого папоротника. Жемчужные капли, отливая всеми цветами радуги, скатывались по его листьям все ниже и ниже в глубокий водоем. Едва блеснув над кристально чистой водой, переполняя водоем через край, они неслись вниз в долину, исчезая в глубине девственного леса.

Сегодня в долине было жарко, как в пекле. Какое блаженство лежать в прохладной воде высоко в горах! Я то нырял и пил воду, то, обхватив руками камень и целиком расслабившись, лежал, наполовину погрузившись в воду. Внизу, сквозь зеленую крышу джунглей, взору открывался чудесный вид. Вон там, двигаясь по руслу ручья, я карабкался с камня на камень, шел вброд, пробираясь сквозь беспорядочное переплетение

живых и мертвых деревьев, покрытых мхом, папоротником и фитопаразитами.

Никто не работал здесь топором даже после того, как на Маркизские острова было завезено железо. Лишь на берегу в самых больших долинах под кокосовыми пальмами живут сегодня люди. Такая картина типична не только для острова Нукухиве, но и для всех остальных Маркизских островов.

Предполагают, что к тому времени, когда сюда прибыли представители нашей расы, на островах проживало не менее ста тысяч полинезийцев. Теперь же эта цифра сократилась до двух-трех тысяч. В прежние времена люди здесь жили повсюду. Пробираясь вверх вдоль русла ручья, я сам видел заросшие зеленью стены. Теперь же я был один во всей знаменитой долине Тайпи, воспетой Мельвилем *. Маленькая деревушка у бухты, где на якоре стояло наше судно, скрывалась за последним поворотом долины.

Я знал, что высоко на склоне долины, на большой площадке, расчищенной нами в лесу, неподвижно стоят одиннадцать толстых красных фигур. Когда мы пришли, восемь из них возвышались над густым кустарником. На прошлой неделе мы подняли еще три, и они в первый раз взглянули в лицо христианина. В течение ряда поколений, еще с тех времен, когда существовал обычай приходить сюда в храм молиться, принося с собой жертвенные дары, гиганты лежали тут лицом вниз, покрытые землей и кустарником. Когда же с помощью блоков и канатов один из великанов был поставлен во весь свой рост, мы увидели, к своему удивлению, чудовище с одним туловищем и двумя головами. Таких статуй никто еще не обнаруживал на островах Тихого океана.

Эд занялся нанесением развалин на карту, а Билль приступил к раскопкам, надеясь, что удастся определить возраст этих древних каменных фигур. Как это ни странно, но на всей группе Маркизских островов с их богатой культурой археологические раскопки проводи-

* Тур Хейердал имеет в виду роман «Тайпи» известного американского писателя прошлого столетия Германа Мельвила (*Прим ред*)

лись впервые. Из археологов здесь побывал до нас лишь Линтон, но и он раскопок не производил.

Биллю сопутствовала удача. В слое земли под основанием статуи он нашел много поддающегося датировке древесного угля. Так у нас появилась возможность определить время изготовления местных изваяний и сравнить его с возрастом истуканов острова Пасхи. Кроме того, мы получили привет от древнего длинноухого. Может быть, его похоронили тут с почестями, может быть, принесли в жертву и съели: среди истлевших человеческих костей, в глубокой шахте в стене, мы нашли его большие «серьги».

Измерение радиоактивности найденного угля показало впоследствии, что самые ранние статуи Маркизского архипелага были воздвигнуты около 1300 года нашей эры, или приблизительно девятьсот лет спустя после того, как на острове Пасхи впервые поселился человек. Тем самым отпадает предположение некоторых исследователей, будто низкорослые каменные фигуры Маркизского архипелага — предки гигантов с острова Пасхи.

Пока мы работали в лесу на острове Нукухива, Арне и Гонсало совместно с раскопчной группой производили работы среди пальм острова Хива-Оа, расположенного южнее в том же архипелаге. Таким образом, мы посетили и исследовали все острова Тихого океана, где имелись каменные статуи. На острове Раиваевае Арне и Гонсало нашли много небольших статуй, каких никто прежде не видел. Кроме того, они провели интересные раскопки культовых сооружений и древних поселений. Сейчас они высадились на Хива-Оа, чтобы путем раскопок установить возраст имевшихся там изваяний, а также снять слепок с самой большой на Маркизских островах статуи. Величина ее от макушки до пят составляла всего лишь два с половиной метра, и по сравнению с гигантами острова Пасхи она казалась просто карликом. Мы отдали Арне и Гонсало наши последние мешки зубоврачебного гипса. Большую часть из имевшихся у нас трех тонн гипса мы употребили на изготовление слепка с десятиметрового гиганта на острове Пасхи. Копия эта будет установлена в Осло в музее

Пляски хулы на Таити.

Как до, так и после работ на Рапаити экспедиция заходила на остров Таити за пополнением запасов продовольствия и снаряжения. Но никто из нас об этом не жалел.

На заднем плане Ивонна поет в кругу девушек — исполнительниц хулы.

В в е р х у: в зеленых горах Рапаити виднеется множество заросших террас и загадочных пирамид, которые не могли быть созданием природы.

В н и з у: ликующие женщины промаршировали в горы работать вместо мужчин. Впереди, словно Жанна д'Арк Южных морей, шествовала Леа. Эта полутаитянка, полукорсиканка приехала на остров обучать грамоте местных ребятишек.

В в е р х у: творение рук человеческих. Когда исчезли лес и трава, взору предстали развалины стен, террас и башен. Каждый камень был поднят сюда из расположенной далеко внизу долины
В н и з у: пой-пой -- хлеб насущный жителей Рапаити. На орошаемых террасах произрастает в долинах таро. Его варят, месят и взбивают, подвешивают затем в листьях и, когда кислое тесто подошло, едят его сырым.

Женщины работали, а мужчины спали на Рапаити. Две женщины связывают корни таро в снопы, чтобы снести их в деревню. Каждую субботу, когда мужчинам надоело есть пой-пой, они отправлялись порыбачить.

Кон-Тики над пещерой с камнями-«ключами» и другими удивительными скульптурами.

Лежа в прохладном водоеме, я вспоминал все наше путешествие. Остров Пасхи неожиданно предстал передо мной как нечто центральное и доминирующее. Одинадцать небольших причудливых фигурок в долине Тайпи и горстка других в долине Пуамау на острове Хива-Оа — все, чем мог похвастаться Маркизский архипелаг, — казались случайными и жалкими на фоне многочисленных гордых великанов двух различных эпох острова Пасхи. Такими же казались одинокие фигуры на островах Питкэрн и Раиваевае. Остров Пасхи с его развитой культурой предстает перед нами краеугольным камнем в древней истории восточной части Тихого океана. Ни один другой остров не мог позволить себе присвоить громкое имя «Пуп земли».

Современный исследователь готов приписать все, что произошло на острове Пасхи, свойствам климата. Он считает, что не в пример другим островам сравнительно прохладный климат острова Пасхи содействовал развитию трудолюбия и не располагал к любовным увлечениям островитян. Отсутствие дерева побуждало жителей заниматься обработкой камня. Однако в отношении «любовных увлечений» на острове Пасхи некоторые из наших моряков составили себе совсем иное мнение. Далее, если низкие температуры и отсутствие дерева побуждают людей воздвигать каменные статуи, то следовало бы ожидать, что заселившие Исландию викинги оставят после себя титанические изваяния. Однако ни один древний культурный народ Европы или Северной Америки не оставил после себя монолитов с изображением людей. Их нет даже в холодных краях эскимосов. Зато мы встречаем такие изваяния от Мексики до Перу и в самых жарких тропических лесах Центральной Америки. Вряд ли кто-нибудь просто так возьмет в руки камень и начнет обрабатывать им горную породу. Никто еще не наблюдал, чтобы обычному полинезийцу, даже в самых холодных горных районах Новой Зеландии, пришла в голову такая мысль. Чтобы взяться за выполнение такого проекта, необходим опыт поколений. И нужен к тому же еще и народ, обладающий невиданным

упорством и жадной деятельностью, люди такого типа, каким является староста острова Пасхи, хотя этот пресловутый староста, по сути дела, не был даже типичным полинезийцем. Он все еще стоял у меня перед глазами в дверях своего домика, за ним — все удивительные фигурки, а рядом, конечно, его маленький невидимый а к у-а к у.

Я продрог и выбрался из холодного водоема, чтобы растянуться и подремать на согретых солнцем камнях. Влажная дымка водопада одела меня как роса, чудесно освежая и умеряя жару тропического солнца. Своими мыслями я был на острове Пасхи. Мысли были моим а к у-а к у, я мог послать их куда хотел. Они летели быстро, как и а к у-а к у старосты, умевший мигом слетать в Чили и другие далекие страны.

Я попытался создать себе ясное представление об а к у-а к у старосты. Сомнительно, чтобы сам староста четко представлял себе его внешность. Но, в сущности, а к у-а к у являл собой его мысли, совесть, интуицию — все то, что, будучи собрано воедино, могло создать представление о невидимом духе. Что-то невесомое, без плоти и крови, способное вдохновлять человека на удивительные деяния, а потом, когда хозяин и его разрушенные кости исчезнут навсегда, остаться охранять пещеры.

Советуясь со своим а к у-а к у, староста стоял такой же притихший и молчаливый, как в те минуты, когда он беседовал со своей покойной бабушкой. Стоило мне в тот раз раскрыть рот, ход его мыслей был нарушен и бабушка исчезла. Староста стоял, глубоко задумавшись, и спрашивал свою совесть, прислушивался к своей интуиции. Он беседовал со своим а к у-а к у. Можно как угодно назвать все неосознанное в человеке, что не может быть ни измерено на метры, ни взвешено на килограммы. Староста называл это своим а к у-а к у. Когда для а к у-а к у не было работы, он ставил его рядом, слева от себя. Почему бы нет? Ведь а к у-а к у то и дело отправляется в самые удивительные места.

Я пожалел своего собственного а к у-а к у. Целый год он ходил за мной на привязи, не имея возможности

отправиться во вселенную. Мне даже начинало казаться, что я слышу его жалобы.

— Ты становишься скучным,— сказал он.— Тебя ничто не интересует, кроме сухих фактов. Подумай немного о тех удивительных вещах, которые происходили на этих островах в прежние времена. Подумай о всех человеческих судьбах, о всем том, что ты не можешь выкопать из земли твоей лопаткой.

— Но это научная экспедиция,— ответил я.— Большую часть своей жизни я прожил среди ученых и познал их первую заповедь: задачей науки является чистое исследование. Не гадать. Не пытаться доказать ту или иную версию.

— Ломай эту заповедь,— сказал мой а к у-а к у.— Меньше считайся с этими учеными.

— Нет,— решительно ответил я.— Я это уже сделал, отправившись в Полинезию на плоту. На этот раз у нас археологическая экспедиция.

— Фу! — фыркнул а к у-а к у.— Археологи тоже люди. Уж я-то их видел.

Я попросил его помолчать и брызнул водой в комара, осмелившегося залететь прямо в дымку водопада. Но мой а к у-а к у опять тут как тут и никак не унимается.

— Как ты думаешь, откуда пришли на остров Пасха люди с рыжими волосами? — спросил он.

— Помолчи,— ответил я.— Я знаю только, что они были на острове, когда туда приехали первые европейцы. От этого рода происходит староста. Кроме того, все гигантские статуи увенчаны красными цилиндрами. Если мы попытаемся сказать больше, то потеряем твердую почву под ногами.

— У рыжеволосых людей, отправлявшихся на остров Пасхи, ее тоже не было, а если бы была, то они никогда бы туда не попали,— пошутил мой а к у-а к у.

— Я не хочу гадать,— ответил я, переворачиваясь на живот.— Я не желаю говорить больше, чем я знаю.

— Ну что ж, если ты расскажешь то, что знаешь, то я добавлю то, чего ты не знаешь,— произнес а к у-а к у.

Мы нашли, наконец, общий язык.

— Ты думаешь, их рыжие волосы объясняются климатом острова? — продолжал он. — Или тебе известно что-то другое?

— Ерунда, — сказал я. — Я, конечно, понимаю, что на остров должны были явиться люди, уже имевшие рыжие волосы, по крайней мере некоторые из них были рыжими.

— Жили такие по соседству?

— На многих островах. Например, на Маркизских.

— А на материке?

— В Перу. Когда испанцы открыли царство инков, Педро Писарро записал, что среди смуглых и невысоких индейцев Анд жил господствующий род инков. Это были люди высокого роста, с более светлой кожей, чем у самих испанцев. Писарро особенно отмечает отдельных жителей Перу с белой кожей и рыжими волосами. Такими же были люди, чьи мумии мы находим теперь .. на тихоокеанском побережье близ Паракаса. В песчаной пустыне есть просторные пещеры, где в искусственных гробницах превосходно сохранились мумии. Если развернуть их красочное покрывало, можно увидеть, что у некоторых волосы черные и жесткие, как у большинства индейцев, тогда как у других, хранившихся в тех же условиях, волосы рыжие, часто каштановые, тонкие, как шелк, и вьющиеся, как у европейцев. Эти мумии имеют вытянутый череп, тело больших размеров и резко отличаются от современного индейского населения Перу. Специалисты, изучив их волосы под микроскопом, заявили, что они обладают всеми теми свойствами, которые обычно отличают нордический тип волос от волос монголов или индейцев.

— А что говорят легенды? Не все ведь можно увидеть в микроскоп.

— Легенды ничего не доказывают.

— Но о чем они все-таки повествуют?

— Когда Писарро спросил, кто были люди с белой кожей и рыжими волосами, индейцы сказали ему, что это последние отпрыски бородатых белых людей в и р а к о ч а — народа богов. Они настолько походили на европейцев, что когда последние прибыли в царство инков, их сразу же назвали в и р а к о ч а. Ведь факт,

что именно поэтому Франсиско Писарро с горсткой испанцев сумел пройти прямо в сердце царства инков, захватить в плен короля-солнце и всю его огромную империю, а огромные воинственные полчища короля даже волоска на пришельцах не тронули. Инки решили, что это виракочи вернулись назад из-за Тихого океана. Согласно самому распространенному среди них преданию, предшественник инков, король-солнце Кон-Тики Виракоча, покинул Перу и вместе со всеми своими подданными отправился в Тихий океан. Поднявшись в горы к озеру Титикако, испанцы увидели там самые крупные в Южной Америке развалины Тиауанако — построенные на горе искусственные террасы, сооружения из огромных глыб камня с классическими формами, многочисленные большие изображения людей. Когда известный летописец Сьеса де Леон спросил, кто оставил после себя эти гигантские развалины, ему ответили, что сооружения воздвигнуты задолго до прихода инков к власти. Они созданы бородатыми белыми людьми, такими же, как сами испанцы. Но однажды эти люди покинули статуи и стены и под водительством своего вождя Кон-Тики Виракоча отправились сначала в Куско, а затем к Тихому океану. Прозвище виракоча, или «морская пена», они получили за то, что обладали белой кожей и исчезли подобно морской пене.

— Ага,— сказал мой а к у-а к у.— Это интересно.

— Но это ничего не доказывает,— возразил я.

— Ничего,— согласился а к у-а к у.

Я бросился в водоем, чтобы еще раз освежиться, а когда вышел на берег, мой а к у-а к у снова был тут как тут.

— Староста происходит из такого рода рыжеволосых людей,— начал он.— Он и его предки, создавшие гигантские статуи, называли себя длинноухими. Разве не удивительно, что им пришлось в голову растянуть себе мочки ушей до самых плеч?

— В этом нет ничего удивительного,— ответил я.— Такой же обычай существовал на Маркизских островах и на Борнео. И среди отдельных племен в Африке.

— И в Перу?

— И в Перу тоже. Испанцы записали, что господствующие роды инков называли себя *орехонес*, или длинноухими, так как им разрешалось в отличие от своих подданных иметь искусственно удлиненные мочки ушей. Прокалывание ушей для последующего удлинения сопровождалось торжественной церемонией. Педро Писарро записал, что белую кожу имели преимущественно длинноухие.

— А что говорится в предании?

— На острове Пасхи предание гласит, что обычай этот завезен извне. Их первый король, проплыв шестьдесят дней с востока в направлении заходящего солнца, привез с собой длинноухих.

— На востоке находилось царство инков. О чем там говорит предание?

— В предании говорится, что когда Кон-Тики Виракоча отправился в океан на запад, с ним были длинноухие. Прежде чем покинуть Перу, по дороге к Тихому океану с озера Титикако, он остановился в Куске. Здесь Кон-Тики назначил вождя по имени Алькавис и приказал, чтобы все потомки после отъезда самого Кон-Тики удлиняли себе уши. Когда испанцы впервые пришли на озеро Титикако, местные индейцы тоже рассказали им, что Кон-Тики Виракоча был вождем народа длинноухих, которые плавали по озеру Титикако в лодках, изготовленных из камыша. В ушах они делали отверстия, продевая в них большие кольца из камыша *тотора*, и называли себя *рингрим*, что значит «ухо». По рассказам индейцев, именно эти длинноухие помогали Кон-Тики Виракоча перевозить и ставить колоссальные каменные глыбы весом свыше ста тонн, оставленные в районе Тиауанако*.

— Как же перевозили они эти гигантские камни?

— Никто этого не знает. После длинноухих в Тиауанако не осталось какого-нибудь старосты вроде Педро Атана, и никто не может теперь познакомить людей с их приемами. Но там остались такие же мощные дороги, как и на острове Пасхи. Некоторые из самых круп-

* Предания инков о своих белых бородатых предшественниках в Перу собраны на стр. 224—268 в книге Г. Хейердала *American Indians in the Pacific*. (Прим. автора).

ных глыб перевозились, очевидно, в огромных камышовых лодках на расстоянии пятидесяти километров через все озеро Титикако — такие камни имеются только в потухшем вулкане Капиа на другом берегу озера. Я сам видел гигантские глыбы, оставленные у подножия вулкана, готовые к перевозке по обширному внутреннему морю. Развалины мола, служившего для погрузки, по-прежнему можно увидеть поблизости. Местные индейцы называют его Таки Тиауанако Кама, или «Дорогой в Тиауанако». Кстати, гору по соседству они называют «Путь земли».

— Теперь ты мне начинаешь нравиться,—сказал мой а ку-а ку.— Теперь и я начинаю быть довольным.

— Но ведь все это не имеет никакого отношения к острову Пасхи,— ответил я.

— Разве они не использовали для постройки своих лодок камыш скирпус тотора, разве это не тот самый знаменитый пресноводный камыш, который жители острова Пасхи привезли с собой и посадили в кратерных озерах?

— Да, он самый.

— А разве важнейшим растением на острове Пасхи, когда туда прибыли Роггевен и капитан Кук, не был сладкий картофель, который островитяне называли кумара?

— Верно.

— И ботаники доказали, что растение это происходит из Южной Америки, что на остров Пасхи его могли доставить только люди, что это же название кумара использовали индейцы во многих районах Перу для обозначения того же самого растения?

— Совершенно верно.

— Тогда у меня еще только один вопрос, и я дам тебе на все ответ. Нам ведь известно, что инки плавали по морю. Можем ли мы на этом основании считать, что и предшественники их в Перу тоже были мореходами?

— Да. Нам известно, что они много раз появлялись на Галапагосских островах. И мы знаем, что множество украшенных выдвижных килей с резной рукояткой лежат в могилах доинковской эпохи в Паракасе, как раз

там, где найдены мумии высоких рыжеволосых людей. Выдвижной киль нельзя использовать без паруса, а чтобы пользоваться парусом, нужно судно. Один такой выдвижной киль рассказывает нам больше о высокоразвитой технике мореплавания в древнем Перу, чем любая научная работа или легенда.

— Тогда я кое-что тебе расскажу.

— Я не хочу тебя слушать. Ты делаешь выводы и не желаешь придерживаться голых фактов. У нас научная экспедиция, а не сыскное бюро.

— Допустим,— сказал мой а к у-а ку.—Но чего добился бы Скотленд-ярд, если бы там только собирали отпечатки пальцев, не пытаясь поймать преступника?

Я не нашел, что ответить, и мой мучитель продолжал:

— Ну, хватит, давай поговорим о другом. Длинноухие люди с рыжими волосами воздвигали на острове Пасхи длинноухие статуи с рыжими волосами. Либо они делали это потому, что мерзли, либо потому, что прибыли из страны, где они привыкли перетаскивать большие камни и воздвигать статуи. Но затем появились короткоухие. Они были полинезийцами, не мерзли и нашли достаточно дерева, чтобы вырезать модели птичье-человеков, длинноухих призраков с бородой и тонким горбатым инкским носом. Откуда они пришли?

— С других островов Полинезии.

— А откуда пришли полинезийцы?

— Языковые данные говорят об их дальнем родстве с жителями Малайского архипелага, расположенного между Азией и Австралией — людьми невысокого роста с плоскими носами.

— Как они оттуда попали в Полинезию?

— Этого никто не знает. Ни там, ни на других расположенных по дороге островах не найдено никаких следов. Лично я полагаю, что они двигались по течению вдоль побережья Азии к Северо-Западной Америке. Там, на прибрежных островах, находят очень примечательные вещи, например большие сдвоенные каноэ с палубой, на которых они могли, двигаясь дальше с помощью того же течения и ветра, достичь Гавайских ост-

ровов и всех других островов, расположенных южнее. На остров Пасхи они, несомненно, попали в последнюю очередь, может быть всего за одно столетие до прихода туда европейцев.

— Если длинноухие пришли с востока, а короткоухие с запада, то, значит, по этому океану можно плыть в обоих направлениях?

— Разумеется. Только один путь неизмеримо легче другого. Вспомни о великих географических открытиях. Европейцы уже высадились в Индонезии и на побережье Азии, но долго еще ни одно судно даже не пыталось пройти против ветра и течения в Тихий океан. И лишь когда Колумб, двигаясь по ветру и течению, достиг Америки, португальцы и испанцы, пользуясь течением и попутным ветром, направились оттуда дальше и открыли постепенно весь огромный Тихий океан. Следуя указаниям инкских мореходов, испанцы плыли по течению из Перу и открыли Полинезию и Меланезию. Даже Микронезия, включая Палау и другие острова у самого побережья Азии, были открыты из Южной Америки. Экспедиция за экспедицией выходили в Тихий океан, и все из Америки; из Азии — ни одной. Суда того времени не могли даже вернуться обратно тем же путем. В течение столетий их каравеллы пересекали тропическую часть Тихого океана от Мексики и Перу до берегов Азии, но чтобы вернуться назад, они плыли на север, вдоль японского течения, пока не достигали Америки, проходя севернее Гавайских островов, где нет никакой земли. Можно ли от каноэ малайцев или бальзовых и камышовых плотов инков требовать большего, чем от каравелл европейцев? Помнишь француза де Бишоппа, который готовился отправиться в океан на бамбуковом плоту, когда мы проходили Таити? Как-то он попытался добраться на примитивном суденышке из Азии до Полинезии, но безуспешно. В другой раз его же попытка проплыть из Полинезии в Азию блестяще удалась. Теперь он хочет попытаться достичь Америки на плоту из Полинезии, для чего необходимо спуститься далеко на юг к холодному Антарктическому течению. Может быть, как европеец, он и преодолеет свирепствующие там ледяные штормы. Но если он даже бла-

гополучно приблизится к берегам Южной Америки на расстояние нескольких сот миль, то ему еще предстоит самое трудное, так как течение, идущее на восток, внезапно поворачивает на север. Если он не сумеет пересечь это течение, то его отнесет прямо назад в Полинезию тем же путем, каким прошел плот «Кон-Тики» *. Одно дело плыть на пароходе или же путешествовать с карандашом по карте. Совсем другое дело плыть на примитивном суденышке по настоящему океану.

Я прислушался: мой а к у-а к у уснул.

— На чем это мы остановились? — сказал он, когда я его растормошил.— Ах да, мы говорили о короткоухих. Они были дальними родственниками малайцев.

— Верно. Но только очень-очень дальними, сами они малайцами не были. Они, должно быть, останавливались по дороге в какой-то обитаемой области, частично изменили там язык и полностью изменили расу. Исследователи расы находят, что полинезийцы и малайцы резко отличаются друг от друга во всех отношениях, начиная с роста и кончая формой головы и типом крови. Лишь языковеды находят между ними несомненное родство. Это-то и странно.

— Кому же должен верить бедняга?

— И тем и другим, пока они выкладывают на стол факты, но не верить никому, если только они игнорируют друг друга и начинают порознь решать головоломку. Понимаешь, в этом сила чистого исследования,— ответил я.

— И в этом-то и его слабость,— произнес мой а к у-а к у.— Специалисты ограничивают себя, чтобы зарываться глубже и глубже, пока не перестают видеть друг друга из своих ям. А результаты свои они выкладывают прямо на поверхность. Вот и надо посадить наверху другого специалиста, единственного, которого еще недостает. Пусть он не спускается к ним в яму, а находится наверху и сопоставляет различные факты.

— Работенка для а к у-а к у,— заметил я.

* Мы узнали впоследствии, что команда де Бишопа передала сигнал бедствия и была подобрана военным судном, после того как бамбуковый плот развалился в районе течения Гумбольдта, не доходя до острова Хуан Фернандес. (Прим автора)

— Нет, для ученого,— ответил мой а к у-а к у.— Но порой мы могли бы дать ему ценный совет.

— Мы говорили о возможной связи между малайцами и короткоухими,— напомнил я.— Как рассудишь ты, а к у-а к у, если языковеды говорят «да», а исследователи расы — «нет»?

— Если бы языковеды заявили, что негры Гарлема и индейцы штата Юта происходят из Англии, я поверил бы тем, кто изучает расу.

— Будем держаться Тихого океана. Ты будешь идиотом, если будешь игнорировать результаты исследования языка. Язык не может передаваться по ветру.

— Язык может найти много путей,— ответил а к у-а к у.— По крайней мере он сам не может лететь и против ветра. И если физические особенности людей не совпадают, значит по пути что-то случилось, независимо от того, шло ли переселение с запада на восток или с востока на запад более коротким, южным путем, или же северным, более дальним.

Далеко внизу в долине скакал одинокий всадник. Это из долины Таюохае возвращался наш врач. В рюкзаке у него множество пробирок с образцами крови, он брал ее на всех островах, которые мы посетили. Вожжи, старики и местные власти помогали нам находить тех, кого еще можно считать чистокровными потомками первых поселенцев. На Таити мы упаковали пробирки в специальный резервуар со льдом и направили его самолетом в Лабораторию сыворотки в Мельбурн.

Первую порцию мы отправили на «Пинто», из Панамы направим следующую. Впервые кровь жителей этих островов попадала в лаборатории в таком состоянии, что оказывалось возможным ее изучить и определить все гены наследственности. До сих пор была изучена лишь группа А-Б-О. Анализ показал, что у местных племен Полинезии, точно так же как у местных племен Америки, отсутствует наследственный фактор Б, тогда как он типичен для всех народов, населяющих районы от Индии и Китая, включая Малайю, вплоть до Меланезии и Микронезии.

— Хотел бы я знать, что расскажет нам кровь,— сказал я моему а к у-а к у. Я ведь еще не знал тогда,

что доктор Симмонс и его коллеги, произведя самый тщательный анализ, какому только подвергалась когда-нибудь кровь каких-либо народностей, обнаружат, что все наследственные факторы крови указывают на прямое происхождение полинезийцев от древних жителей Америки и резко отличают их от всех малайцев, меланезов, микронезов и других азиатских народностей. Этого не мог предположить даже мой а к у-а к у в моих, а скорее в своих, самых дерзновенных мечтаниях.

Стало холодно, и я оделся. В последний раз я окинул взглядом большую гору, шумный водопад и лежащие в мох брызги. Два желтых цветка гибискуса скользили в потоке, их кружило и несло к дремучему лесу. Я тоже собрался в обратный путь вдоль потока. По течению двигаться несравненно легче; недаром бегущая вода служила проводником первым путешественникам — к океану и дальше, через океан.

И вот мы все собрались на мостике и на корме траулера. Даже машинисты и те поднялись наверх и затаив дыхание в последний раз смотрели на красивые очертания диких гор Маркизского архипелага, словно величественная раздвижная дверь, закрывавшие вид на прекрасную долину. Не скрылся еще из виду дремучий лес, тяжелый и вечнозеленый, спускавшийся по склонам к морю. Он как бы отгеснил на самый берег стройные кокосовые пальмы, чтобы они стояли там на тонких ногах, приветствуя прибывающих и прощаясь с отъезжающими. Они придавали острову обжитой вид, без них чудесный ландшафт казался бы совсем диким. Вдыхая в себя аромат, мы старались запечатлеть эту сказочную картину. Ведь скоро все сольется воедино и, словно тень, растает на западе в океане.

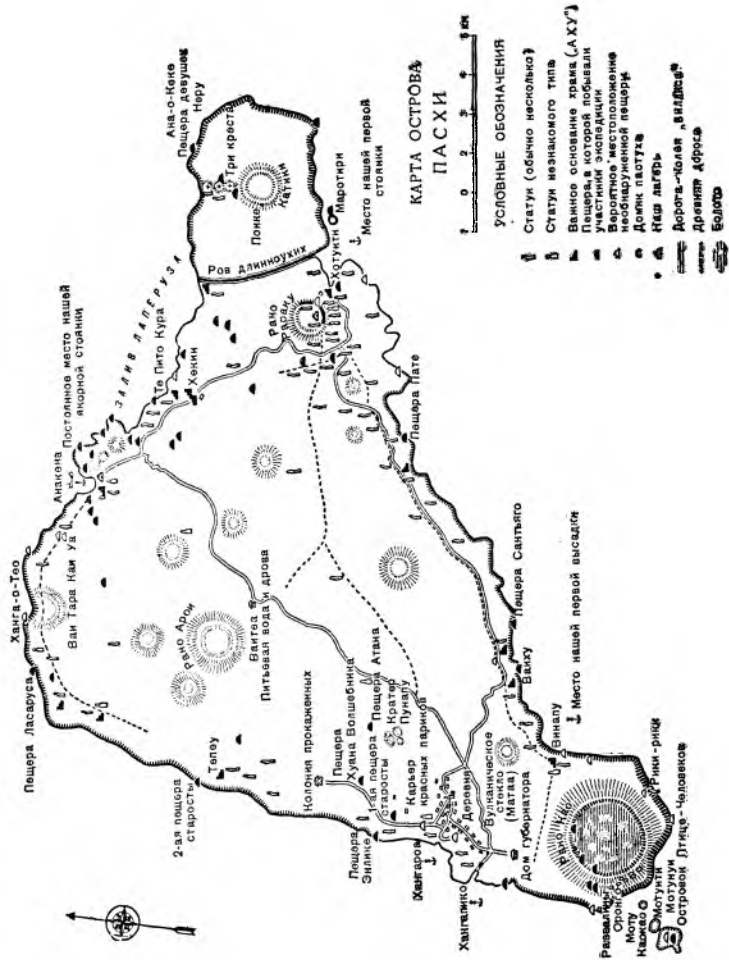
Мы стояли, озаренные лучами тропического солнца, у каждого на шее — холодный благоухающий веночек из цветов. По традиции полагается бросить их в океан и пожелать себе вернуться на эту обетованную землю. Но все мы, как один, не решались бросить их в воду. Очутившись за бортом, венки поплывут за судном, как точка пережитого приключения. Я уже два раза бросал здесь венки и в третий раз вернулся в этот сказочный мир.

Но вот первые венки все же очутились в воде. Капитан и Санне бросают их с мостика, Тур младший и помощник кока — с верхушки самой высокой мачты. Бросают археологи и матросы, фотограф и врач, Ивонна и я. На палубе маленькая Анетта нерешительно вертит венок в руках, взобравшись у высоких перил на раскладной стульчик. Потом, встав на цыпочки, она изо всех сил бросает его в воду.

Я поднял Анетту на руки и взглянул за борт. За кормой покачивалось двадцать три белых и красных венка. Но венка Анетты среди них не было видно. Ее маленький венок зацепился за перила нижней палубы. Некоторое время я смотрел на него, затем решительно спустился вниз, освободил венок и бросил его за борт. Почему, не знаю.

Довольный, поднялся я к остальным. Никто не заметил моего поступка, но мне показалось, что я отчетливо слышу чей-то смех.

«Если не поможет съешь куриную гузку», — сказал мой а к у-а к у.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Когда детективы собираются на край света	3
<i>Глава II.</i> Что ожидало нас на «Пупе земли»	16
<i>Глава III.</i> В вулканических газовых тоннелях	48
<i>Глава IV.</i> Тайна великанов острова Пасхи	80
<i>Глава V.</i> Секрет длинноухих	109
<i>Глава VI.</i> Суеверие против суеверия	153
<i>Глава VII.</i> Встреча с безмолвными стражами пещер	199
<i>Глава VIII.</i> В тайные пещеры острова Пасхи	232
<i>Глава IX.</i> Среди богов и дьяволов в преисподней острова Пасхи	273
<i>Глава X.</i> Моронго Ута — развалины в облаках	341
<i>Глава XI.</i> Мой аку-аку говорит	366

Хейердал Тур

АКУ-АКУ

Редакторы *В. Бояркина*
и *Б. Клюева*

Художник *Н. Гришин*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Л. Лянгузова*

А09582 Подп. к печ. 29/XI 1958 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$ = 6 бум. л. =
=19,7 печ. л.+6 вкл. 18,9 уч.-изд. л.
Тираж 100 000 экз. Цена 8 р. 40 к.

Заказ 2034

Тип. „Красное знамя“
изд-ва „Молодая гвардия“.
Москва, Сушевская, 21.

Отпечатано с матриц ордена Ле-
нина типографии газеты „Правда“
имени И. В. Сталина. Москва,
ул. „Правды“, д. 24. Зак. 2449.